

Шарлотта Брандиш

Драма в Гриффин-холле,
или
Отравленный уикенд

Классический
английский
детектив

16+

Шарлотта Брандиш

Драма в Гриффин-холле,
или
Отравленный уикенд

Классический
английский
детектив

16+

Annotation

Восточная Англия, Саффолк, 1934 год. В маленькой деревушке происходит экстраординарное событие – убийство. И где?! В добропорядочном Гриффин-холле. Сюда по приглашению хозяина, пожилого и весьма достойного джентльмена, съезжаются родственники на уикенд, но долгожданную встречу омрачает преступление. Отыскать убийцу и распутать хитросплетения семейной драмы предстоит энергичному инспектору местной полиции Джастину Оливеру и его помощнику, сержанту Киркби. Однако с каждой новой уликой дело запутывается ещё больше. Параллельно своё расследование ведут и близнецы Адамсон, брат и сестра, которые хотят выяснить правду и защитить тех, кто им дорог, что вызывает недовольство детектива и кажется ему крайне подозрительным. Кто раскроет дело первым? И кто из гостей хладнокровный убийца?

- [Шарлотта Брандиш](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая, в которой Грейс Хоггарт получает письмо](#)
 - [Глава вторая, в которой Розмари Сатклифф с большим воодушевлением относится к получению письма в жёлтом конверте и с куда меньшей радостью встречает старинную знакомую](#)
 - [Глава третья, в которой Себастьян Крэббс получает письмо от отца и преисполняется надежды](#)
 - [Глава четвёртая, в которой «бедняжки» тоже получают письмо от Матиаса Крэббса](#)
 - [Глава пятая, в которой Вивиан Крэббс прибывает в Англию и питает горячую надежду на скорое разрешение своих затруднений](#)
 - [Глава шестая, в которой Айрис Белфорт огорчает весьма симпатичного молодого человека](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая, в которой Матиас Крэббс безмерно рад встрече с внучкой Вивиан и огорчается из-за того, что не](#)

может решить её затруднения

- Глава вторая, в которой гости Матиаса Крэббса прибывают в Гриффин-холл
- Глава третья, в которой Матиас Крэббс приветствует своих гостей и вызывает у них самые разнообразные чувства
- Глава четвёртая, в которой и Грейс Хоггарт, и Вивиан Крэббс постигает жестокое разочарование
- Глава пятая, в которой послеполуденное чаепитие не обещает быть приятным
- Глава шестая, в которой Вивиан Крэббс получает пугающую информацию, близнецы вспоминают детство, а Айрис Белфорт демонстрирует твёрдость своих намерений
- Глава седьмая, в которой сюрприз, подготовленный Матиасом Крэббсом, не нравится никому из его гостей
- Глава восьмая, в которой Матиас Крэббс преподносит родственникам ещё один сюрприз и вновь не находит понимания
- Глава девятая, в которой никто в Гриффин-холле не может уснуть до самого утра
- Часть третья
 - Глава первая, в которой появляется инспектор Оливер
 - Глава вторая, в которой инспектор допрашивает экономку миссис Уотс и узнаёт много интересного о гостях Матиаса Крэббса
 - Глава третья, в которой инспектор получает противоречивые сведения от горничных и дворецкого
 - Глава четвёртая, в которой инспектору Оливеру сообщают результаты экспертизы, после чего дело становится ещё более запутанным
 - Глава пятая, в которой Майкла Хоггарта уличают во лжи, а тётушка Розмари даёт полицейским отпор
 - Глава шестая, в которой Филипп Адамсон производит на инспектора Оливера неблагоприятное впечатление, а за ужином в Гриффин-холле случается неприятный инцидент

- Глава седьмая, в которой в Грейт-Бьюли происходит ещё одна смерть, тётушка Розмари с помощью инспектора находит тайник, а в чемодане одного из гостей сержант Киркби обнаруживает важную улику
 - Глава восьмая, в которой над близнецами Адамсон сгущаются тучи, Вивиан обретает надежду избавиться от преследователей, а тётушка Розмари находит вожделённую награду
 - Глава девятая, в которой обнаруживается пропажа револьвера
 - Часть четвёртая
 - Глава первая, в которой все сначала нервничают из-за пропажи Грейс и Себастьяна, а потом становятся свидетелями ареста убийцы
 - Глава вторая, в которой инспектор изымает у тётушки Розмари её капли, а Вивиан терзают муки совести
 - Глава третья, в которой Филипп показывает сестре фокус, а потом окончательно теряет расположение инспектора
 - Глава четвёртая, в которой на имя Майкла Хоггарта приходит письмо
 - Глава пятая, в которой сержант Киркби ради Оливии Адамсон нарушает правила, а инспектор Оливер опасается совершения ещё одного преступления
 - Глава шестая, в которой Оливия сводит весьма неприятное знакомство, а потом устраивает ловушку для убийцы
 - Глава седьмая, в которой в Гриффин-холле случается ещё одна смерть
 - Эпилог
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Шарлотта Брандиш
Драма в Гриффин-холле, или
Отравленный уикенд

Часть первая

Глава первая, в которой Грейс Хоггарт получает письмо

Без четверти семь утра Грейс Хоггарт, молодая женщина с усталым лицом и тусклыми каштановыми волосами, собранными в небрежный узел, внимательно посмотрела на своего мужа. Она ожидала ответа на заданный ею вопрос, но тот отвечать не торопился. Может быть, и правда не расслышал, погрузившись в свои мысли о предстоящем ланче с одним из инвесторов, а может, не знал, какой вариант ответа выбрать, чтобы избежать очередной ссоры.

– Ну и что же? – потеряла она терпение. – Ты сегодня опять допоздна?

– Передай мне, будь добра, серый галстук, – вместо ответа попросил Майкл, не глядя на жену.

Грейс несколько резким движением протянула шёлковый галстук с жемчужным отливом, вопросительно заглядывая мужу в лицо и ненавидя себя за это.

– Я всего лишь хочу знать, когда ты соизволишь вернуться домой, Майкл, – перешла она в наступление, не в силах сдержаться. – Разве я так уж многого требую? Мне нелегко в одиночку управляться с Полли, особенно сейчас, когда у неё режутся первые зубки. Я всё время чувствую себя усталой. Няня приходит только на пару часов в день, я элементарно не успеваю восстановить силы. Разве ты не понимаешь, что нужен мне?!

Голос жены дрожал от плаксивого раздражения, и Майкл недовольно вздохнул. Лоб его покрылся тонкой сетью морщинок, какая бывает у всех любителей проводить много времени на солнце.

– Грейси, душка, ну мы ведь уже тысячу раз об этом говорили. У меня есть работа и обязательства перед фирмой. Я не могу засесть дома, как ты, и предаваться уютным домашним занятиям. У каждого из нас свои задачи. Ты занимаешься хозяйством и Полли, я зарабатываю деньги. А они, знаешь ли, не из воздуха берутся. Если я не оправдаю ожиданий руководства, нам придётся туго, и вряд ли дедуля Крэббс даст нам хоть пенни. В конце концов, у всех женщин рождаются дети, и они как-то с ними справляются. Это нормальный ход вещей, а не

какое-то особенное событие. Не глупи, Грейси, и не будь такой букой, – закончил он почти весело, обрадованный, что сумел, как ему показалось, отыскать верный тон в разговоре с женой.

От его слов у неё перехватило дыхание. Майкл говорил с ней, как с неразумным ребёнком, и Грейс снова ощутила подступающий к горлу ком обиды.

Ей захотелось схватить его за руку, заставить посмотреть на себя, прокричать прямо в лицо: «Нормальный ход вещей?! Не какое-то особенное событие? Да что ты знаешь об этом, чтобы такое говорить?! Это я пожертвовала своим телом, чтобы Полли пришла в этот мир! Это я вместе с ней боролась за её первый вдох! Отдала часть себя для того, чтобы у нас была дочь!»

Грейс сглотнула, чтобы слюна прокатилась по мгновенно пересохшему горлу, но, уже разомкнув губы, нашла в себе силы промолчать.

– И всё же, когда ты вернёшься? – спросила она как можно спокойнее, маскируя своё взбудораженное состояние отстранённым видом.

Майкл издал длинный вздох мученика и, уже не пытаясь казаться дружелюбным, пробурчал:

– Вернусь, как только покончу с делами. Ужином можешь не заниматься, я поем в клубе. У меня там встреча с Саймоном Бейли. Так что рано не жди.

Чувствуя в душе неуголимую бурю, Грейс сочла за лучшее покинуть комнату. Она направилась вниз, в крохотную кухню, у которой было только одно достоинство – широкое окно, выходящее в небольшой и не слишком ухоженный сад, – чтобы заварить себе чашку чая, и услышала, как Полли проснулась. Её требовательный крик, с каким она всегда возвещала миру о пробуждении, и который вызывал у Грейс гордость за жизнестойкость дочери – уже в первые часы своей жизни вынужденной бороться за то, что другие получали даром, вынужденной сражаться за право обрести свою историю, – сейчас показался одним из способов давления на неё.

Ей снова пришли на ум слова Майкла и его снисходительный тон, и изнутри обожгло жаркой злобой. Чувство было таким сильным, что Грейс испугалась: а не помутилась ли она рассудком? Вдруг во время рождения Полли с нею что-то произошло? Та ночь была поистине

ужасной, и вполне вероятно, что она не прошла бесследно ни для её измученного тела, ни для её разума. Объясняет ли это то, почему она стала такой подозрительной и при этом вечно уставшей, озлобленной, плаксивой и ненавидящей саму себя?

Неудивительно, что Майкл разговаривает с ней немногим более серьёзно, чем с надоедливым ребёнком. В его глазах она теперь совсем не та девушка, на которой он женился всего два года назад. Подумав так, Грейс вдруг с ясностью осознала, что и он теперь вовсе не похож на того заботливого и внимательного мужчину, за которого она выходила замуж и с которым собиралась прожить всю свою жизнь.

Хлопнула входная дверь. Медленно поднимаясь в детскую, где проснувшаяся малышка проверяла свои лёгкие на прочность, Грейс поймала себя на мысли, что испытывает к Майклу смутную неприязнь. Такое чувство обычно посещает ослабевшего от изнурительной болезни человека, которому наносит визит преступно жизнерадостный приятель, вовсе не скрывающий намерения наслаждаться жизнью и всеми её дарами сразу же после того, как покинет больничную палату.

Взвинченное состояние Грейс повлияло и на малышку Полли. Она долго не могла успокоиться и буквально измучила мать, отказываясь от бутылочки с разведённой смесью и надрываясь от крика. Бессловесная ярость дочери как будто питала свежее испечённую враждебность Грейс к мужу, так легкомысленно отнёсшемуся к её жалобам и нуждам, и вскоре молодая женщина пришла в совершенно исступлённое состояние.

Шагая по комнате, она вела воображаемый диалог с Майклом, высказывая ему все свои соображения по поводу вечерних отлучек и бесконечных партий в гольф по выходным якобы с партнёрами фирмы. Грейс в овладевшей ею лихорадке отчаяния уже не замечала, что не укачивает ребёнка, а резко встряхивает, отчего малышка надрывно заходится в неистовом плаче.

Так своевременно раздавшийся звонок заставил молодую мать вздрогнуть и остановиться. Словно очнувшись от тягостного сна, она посмотрела на Полли и ужаснулась её виду.

Вся красная, с бледным треугольником возле крошечного алого рта, девочка сжимала и разжимала кулачки, изгибая напряжённое тельце так сильно, как будто желала во что бы то ни стало покинуть объятия матери. Малышка уже не кричала, она лишь издавала

протяжные хнычущие звуки, похожие на жалобный плач небольшого зверька.

Сердце Грейс сжалось от раскаяния. Вернув Полли в кровать, она опрометью кинулась к входной двери и распахнула её.

– Доброе утро, миссис Хоггарт, – профессиональная няня из агентства Хартфилда ничем не выдала своего удивления из-за неряшливого внешнего вида нанимательницы.

– Боже мой, как же я вам рада, мисс Бэбкок, – чуть не плача выкрикнула Грейс, суетливо поправляя воротничок блузки. – Полли сегодня неважно себя чувствует, и я с ног сбилась, пытаюсь её накормить. Просто ума не приложу, что я делаю не так. Как думаете, может, ей требуется осмотр доктора?

Пока невозмутимая мисс Бэбкок снимала пальто и несколько щеголеватую для женщины её возраста шляпку, она успела не только успокоить взвинченную утренними событиями Грейс, но и получить всю необходимую информацию о состоянии своей подопечной. Профессионализм няни успокаивал и внушал надежду на то, что всё как-нибудь наладится, а трудности не иначе как временные и вполне преодолимые. Именно поэтому мисс Бэбкок в агентстве Хартфилда считалась самой квалифицированной няней и не стеснялась брать плату по двойному тарифу.

Гораздо более спокойная, чем полчаса назад, Грейс, умывшись холодной водой и оставив Полли на попечение няни, отправилась в кухню, чтобы приготовить себе чашку крепкого и сладкого чая. Незадавшееся с самого начала утро заиграло новыми красками, как только струя кипятка закрутила чайники в бурном водовороте. Ощущая, как туго скрученная пружина, таившаяся где-то глубоко внутри, медленно распрямляется, Грейс с блаженным вздохом опустилась в низкое кресло и подложила под спину вышитую гладью подушку. Такие подушки в избытке получали все члены семьи от тётушки Розмари, для которой не составляло никакого труда изобразить на бархате или шёлке хоть пастораль в духе Ватто, хоть лондонский Биг-Бен, поразительно напоминающий оригинал. Майкл всегда пренебрежительно закатывал глаза, когда распаковывал очередной шедевр, присланный к празднику, а Грейс эти вещицы казались милым пережитком, осколком довоенной эпохи, ушедшей вместе с Титаником на дно времён.

Только сейчас она заметила, что на серебряном подносе для корреспонденции, задвинутом в самый угол стопки начищенных противней, лежит жёлтый конверт. Миссис Кэррингтон, приходящая прислуга, помогающая Грейс трижды в неделю, по какой-то неизвестной причине никогда не отдавала письма и телеграммы непосредственно в руки, а всегда складировала их на поднос, который помещала в самые неожиданные места. Привычка эта была настолько же неискоренима, насколько и загадочна.

Острое предчувствие скорых перемен заставило Грейс прерывисто вздохнуть. Сама не понимая почему, она долго не решалась вскрыть конверт, хоть и узнала небрежный рваный почерк с сильным наклоном влево. «Mrs. Грейс Хоггарт, коттедж «Семь выюнков», Лексен-энд-Уинстри, Эссекс» было написано на нём голубоватыми чернилами. Майкл в качестве адресата не упоминался вовсе.

Глава вторая, в которой Розмари Сатклифф с большим воодушевлением относится к получению письма в жёлтом конверте и с куда меньшей радостью встречает старинную знакомую

– Боже мой, как это не вовремя! – с досадой воскликнула Розмари Сатклифф, пожилая аккуратная леди с печальными складками у рта, растерянно вглядываясь внутрь непрозрачной стеклянной банки.

На донце виднелась невразумительная толика коричневого порошка. Было совершенно ясно, что его не хватит даже на одну порцию горячего шоколада. «Надо же было этому случиться именно сейчас, когда в гостиной сидит эта противная Мэдди Эндрюс», – протестуяще подумала Розмари, поджав тонкие выцветшие губы.

Мэделин Эндрюс, проведя вместе с мужем, военным атташе, множество лет в Бенгалии, недавно овдовела и вернулась в Англию. С достойным лучшего применения пылом она принялась восстанавливать светские связи, не пренебрегая даже товарками по пансиону, которых не видела без малого тридцать пять лет. Общительность визитёрши не знала границ, и сразу же после обмена приветствиями и натужными банальностями она умудрилась ввести Розмари Сатклифф в курс всех главных событий своей насыщенной жизни.

Чувствуя, что ей требуется передышка, та отправилась на кухню приготовить им обоим горячий шоколад, – и вот надо же, какая неприятность! Мэдди и так уже успела обшарить своими не в меру любопытными тускло-серыми глазками всю обстановку скромного коттеджа, подметив и искусно починенные занавеси на окнах, и потрепанный ковёр, и вытершуюся на подлокотниках обивку кресел. Взгляд, которым она окинула затем подругу, говорил о том, что Мэдди Эндрюс уже мысленно прикидывает, в каких выражениях будет описывать бедственное положение приятельницы общим знакомым.

«Черти тебя принесли на мою голову, – злобно подумала Розмари, сама поразившись такому несвойственному для себя выражению. – И

зачем я только ответила на твоё письмо. Надо было использовать его для растопки камина!»

Чайник закипел, а проблема так и не решилась. Можно было, конечно, распечатать последнюю упаковку приличного дарджилинга, который хранился в самой глубине кладовой, чтобы не ударить в грязь лицом перед этой Эндрюс, но Розмари отчаянно жалела остатки драгоценного запаса.

В конце концов, после длительных колебаний ей пришлось пойти на это. Право, невозможно ведь подать на стол простой кипяток! Хватает и того, что чай ей приходится готовить и подавать самой.

Выложив на шерботое фарфоровое блюдце строго два кусочка подсохшего кекса с цукатами, Розмари понесла в гостиную безупречно начищенный поднос.

– Дорогая Мэделин, надо же, какая я стала рассеянная! Совершенно позабыла пополнить запасы шоколада. Поэтому я заварила нам отличный крепкий дарджилинг. То, что нужно в такой прохладный осенний день! – безудержно оптимистичным тоном сообщила она.

Принимая от хозяйки чашку с истончившимися краешками, гостья благодарно улыбнулась и постаралась незаметно пригнуться к её содержимому. От тёмной непрозрачной жидкости исходил явственный запах копчёной рыбы.

После секундного замешательства Мэделин Эндрюс вновь обрушила на Розмари поток своего красноречия. Воспоминания о пансионе, юмористические зарисовки путешествий по Индии, пикантные подробности биографий немногочисленных общих знакомых – все эти сведения гостья преподносила с обезоруживающей категоричностью.

Уже через полчаса её надтреснутый голос стал Розмари ненавистен. Не в силах вникать в слова собеседницы, она смотрела на её без усталости шевелящиеся бледные губы, путешествовала взглядом по пышному кружевному воротнику блузы, разглядывала редкие, подозрительно тёмные по контрасту со светлыми ресницами брови, а сама мысленно умоляла: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она ушла! Я ни о чём тебя не попрошу до самого Рождества, честное слово, только пусть она уйдёт!»

Внезапно Мэделин Эндрюс поставила чашку с нетронутым чаем на столик и с сожалением покачала головой:

– Да, Розмари, как подумаешь, сколько воды утекло... Целая жизнь прошла, а мы и не заметили, – глаза гости заблестели.

Розмари Сатклифф затаила дыхание и даже приготовилась изобразить бодрую улыбку, чтобы попрощаться со старинной приятельницей, как того требовали приличия. Однако Мэделин Эндрюс вовсе не исчерпала запас любопытных, на её взгляд, историй.

Завершив поистине неистощимую тему перипетий, выпавших на долю собственной семьи, Мэделин Эндрюс перешла к рассказу о своём путешествии. Описывая весьма разношёрстное общество, в котором она оказалась, гостя долго терроризировала Розмари ненужными деталями и сумбурными отступлениями. Под конец она присовокупила к этой теме воспоминания о Великой войне, которая отняла у неё двоих старших сыновей.

– Да, дорогая, потери, которые мы все понесли, невозполнимы. Нам остаётся лишь благодарно хранить в сердцах память о тех, кто отдал жизнь за спасение своей страны. И Ричард, и Келвин показали себя храбрыми воинами, несмотря на юность. И твой племянник Генри, о котором ты писала мне в 1918, удостоился посмертной награды. Совсем ещё мальчишки... – покачав головой, она тяжело вздохнула и умолкла, не в силах продолжать.

Перед мысленным взором Мэделин Эндрюс стояли её сыновья, такие, какими она запомнила их в последний день, перед отправкой на позиции. Это воспоминание стёрло с её лица властность и надменность, вернуло чертам былую мягкость. Розмари тоже на мгновение дала себя увлечь фантомам прошлого, вот только среди них не было места племяннику. Ей вспомнился совсем другой человек, которого, казалось, её память похоронила под грузом прошедших лет. «О, Аллан!» – это имя привычно отозвалось болью, и Розмари тут же вновь рассердилась на старую подругу, походя разбередившую сердечные раны.

Мэделин Эндрюс, справившись с минутной слабостью, бесстрашно сделала глоток давно остывшего чая, подёрнутого мутной плёнкой.

– Не забывать их подвиг – вот то единственное, что мы можем сделать для них теперь, – провозгласила она и воинственно поджала

губы. – И помнить подвиг тех, кто исполнял свой долг в тылу. А таких верных сынов своей страны было немало. И уж совершенно недопустимо порочить честные имена тех, кто по здоровью или в силу возраста не мог воевать на передовой и занимался снабжением армии.

Гостья, забывшись, отщипнула кусочек кекса, который ранее сочла подозрительным и непригодным в пищу, и положила в рот. После этого ей пришлось сделать ещё один глоток остывшего чая.

– Именно так я и сказала этому невоспитанному молодчику, который принялся нести чушь про махинации с поставками во время войны и тому подобный бред. «Вы лжёте самым постыдным образом, молодой человек! Ни один истинный британец не способен обкрадывать свою страну, свою армию. Да ещё в такое тяжкое для всех время!» – сказала я ему прямо в лицо, и меня поддержали все присутствующие (а я сидела за одним столом с помощником капитана). Подумай только, Розмари, кем надо быть, чтобы утверждать такой вздор! Мне стыдно за нынешнее поколение. Я специально запомнила имя этого грубияна, чтобы рассказывать всем знакомым о его недостойном поведении. Саймон Бейли – вот как его звали. Такой лощёный, в щегольском костюме, но выглядит как коммивояжёр. В прежние времена его бы не приняли ни в одном приличном доме. Хорошо, что этот вздор не слышал бедный Уильям. Он так ревностно относился к подобным вещам, – и Мэделин Эндрюс, к отчаянной радости хозяйки, принялась свирепо натягивать горчичные, под цвет шляпки, лайковые перчатки.

От облегчения, что надоедливая гостья, наконец, уходит, Розмари с жаром поддержала её:

– Как ты права, милая Мэдди! Эти юнцы такие невоспитанные. После войны люди стали совсем, совсем другими. Порой мне кажется, что Британия никогда не станет прежней.

Мэделин Эндрюс, удивлённая неуместным энтузиазмом в голосе Розмари, пристально посмотрела на неё. Встреча, которую она планировала как радостное воссоединение старинных подруг, вызвала лишь печальную ностальгию. Обе они постарели, поблёкли, да и общих тем у них было немного. «Но я всё же не так раскисла, как несчастная Розмари, – самодовольно подумала Мэделин в свойственной ей категоричной манере. – В общем-то, она всегда была

недотёпой. Просто с годами её очарование ушло, а беспомощность и слабохарактерность остались».

Не преминув ехидно поблагодарить за угощение, гостья после долгих прощаний и уговоров нанести ей ответный визит откланялась. Розмари, закрыв за Мэделин Эндрюс дверь своего необычайно скромного коттеджа с одной спальней, пару минут обессиленно стояла, вцепившись в дверную ручку, будто опасалась, что та вернётся и приготовилась во что бы то ни стало не позволить ей войти.

Шумно выдохнув, пожилая леди, шаркая растоптанными домашними туфлями, вернулась в крошечную гостиную и убрала остатки скромного чаепития. Поправляя диванные подушки, возвращая каждую на её законное место, Розмари скрупулёзно восстанавливала неприкосновенность своего жилища и собственный душевный покой, нарушенный шумной и назойливой гостьей. Казалось удивительным, что, несмотря на прошедшие годы, задавака Мэдди почти не изменилась. Разве что погрузнела и обзавелась морщинами и желтоватым цветом лица, что так часто встречается у тех, кто отличается жёлчным нравом и употребляет в пищу острые блюда колониальной кухни.

Устранив все следы пребывания постороннего человека в её уютном потрёпанном гнездышке, наполненном вышитыми подушками и картинами, засушенными букетами под пыльными стеклянными колпаками, альбомами и мягкими куклами в викторианских нарядах и с фарфоровыми наивными личиками, Розмари с удовлетворённым вздохом уютно устроилась в кресле и приготовилась разобрать почту.

Это занятие не сулило ей ничего приятного, так как почти весь объём корреспонденции составляли счета. Сортируя их в две стопки по принципу «оплатить в ближайшее время» и «оплатить немедленно», Розмари с удивлением обнаружила шершавый жёлтый конверт, надписанный знакомым небрежным почерком.

Матиас! Значит, брат вспомнил про свою несчастную сестру и решил ответить на её просьбу. Да, он изрядно потрепал ей нервы, но если он готов помочь, то она простит его.

Суетливыми движениями Розмари разрезала конверт и, судорожно развернув короткое послание, принялась жадно читать его. От облегчения на её глазах выступили слёзы. Обведя взглядом свою

гостиную, загромождённую дорогими сердцу мелочами, она бережно сложила письмо и со счастливым вздохом убрала его в конверт.

Глава третья, в которой Себастьян Крэббс получает письмо от отца и преисполняется надежды

В Лондоне день с самого утра выдался пасмурным. Впрочем, вся неделя не баловала теплом, что было неудивительно в преддверии осени.

Себастьян Крэббс, плотный невысокий мужчина средних лет с несколько отёкшим лицом и намечающейся лысиной, набросил на плечи ещё один свитер и подул на озябшие кончики пальцев. В комнате, что он арендовал у пожилого чудаковатого полковника в отставке, и которая находилась прямо над чиппи¹, пахло сыростью, рыбой и прогорклым маслом. Тёплая одежда не спасала от сквозняков, проникающих через расщелины в оконных рамах, и время от времени приходилось вставать и ходить по небольшому помещению, чтобы окончательно не замёрзнуть.

Летом здесь было душно и пыльно, а зимой, наверное, можно было околеть от холода, как уличный пёс. Проблема поиска жилья была для Себастьяна Крэббса первостепенной. Те деньги, что у него оставались от публикации двух последних рассказов, каким-то магическим образом растаяли ещё неделю назад. Новелла, которую Морган обещал пристроить в пухлый солидный журнал, славящийся своими гонорарами, не впечатлила главного редактора, что стало крушением самых смелых надежд. Теперь нечего было и мечтать об уютной зиме в уважаемом семейном отеле на побережье. Лучшим, на что он теперь мог рассчитывать, был грязный маленький пансион на окраине Лондона, в котором ему довелось провести прошлую зиму. Опыт этот Себастьяну повторять ни в коем случае не хотелось.

Поэтому письмо отца, полученное час назад, стало ответом на жаркие молитвы. Небольшая передышка перед новым штормом укрепит его. Он уже представлял себе выходные, проведённые в тёплом доме, сон на удобной постели с шуршащими накрахмаленными простынями и горячую домашнюю пищу. Большого от отца он не ждал

несмотря на его туманные намёки о некоем вознаграждении и особом даре.

Матиас Крэббс обладал властным переменчивым нравом и, сколько Себастьян его помнил, всегда старался преподать окружающим какой-нибудь полезный, по его мнению, урок. Это желание, несомненно, было продиктовано заботой, но порой напутствия принимали странную форму. Находчивый ум старика позволял ему избирать не самые тривиальные ходы в достижении своих целей, отчего объект попечения порой попадал в невыносимые условия. Стремление к навязыванию своей воли и эмоциональная глухота старшего Крэббса и сейчас вызывали у Себастьяна страх и отторжение, как в далёком детстве.

Воспоминания о том, как отец устраивал им с братом «уроки мужества», были до сих пор живы в его памяти. Генри, первенец, всеобщий любимец, переносил их с доблестным равнодушием, а вот Себастьяну приходилось тяжело. Выискивая в характере сыновей слабые места, старший Крэббс целился в них всей мощью своего изворотливого ума.

Чего только стоила идея отца отучить младшего сына спать при свете ночника. Для убедительности назидания его, спящего, переносили в подвал, где в углу была установлена кушетка. Когда Себастьян просыпался в кромешной темноте, его поначалу охватывало оцепенение, но уже через минуту шорохи и загадочные звуки заставляли работать и без того вольную фантазию мальчика, населяя обширный подвал невообразимо жуткими созданиями. Проведя в таком состоянии всю ночь до самого утра, он опрометью кидался к открывшейся двери и потом долгие часы не мог выдавить из себя ни слова, мелко кивая на всякую обращённую к нему фразу и стараясь держаться поближе к массивным предметам вроде викторианского бюро или обеденного стола.

Плавать Себастьян выучился за несколько уроков, хотя чёрная, маслянисто поблескивающая на солнце вода озера пугала его ничуть не меньше, чем темнота. Тем не менее у него хватило ума помалкивать об этом, чтобы не дать толчок отцовской изобретательности. Проплывая положенное расстояние под бдительным надзором старшего Крэббса, он старался не думать о толще воды под своим бледным животом и скользких стремительных тварях, наблюдающих

со дна за его медлительной тенью. В эти моменты он явственно ощущал, как что-то в его голове тихонько лопается с еле слышным звоном.

Однако детство давно закончилось. Много лет назад отдавшись литературному творчеству, к своим тридцати восьми годам Себастьян Крэббс не слишком-то преуспел на этом поприще.

Трудно было назвать его совсем уж бесталанным автором, однако издатели не спешили предлагать ему тысячефунтовые гонорары в обмен на право публикации его трудов. Пробуя себя в разных жанрах, он походил на золотодобытчика, упорно пытающегося отыскать драгоценную зернистую жилу, сулящую успех и богатство. Пристраивая время от времени рассказы или короткие развлекательные повести в небольшие журналы, он не оставлял надежд в один прекрасный день обрести блестящую идею романа, открывающего новые литературные горизонты.

Эта мечта влекла Себастьяна Крэббса с непреодолимой силой. Все лишения, выпадающие на его долю – безденежье, одиночество, скудное питание, неподходящие условия для жилья и работы, – все эти бытовые неурядицы оставались за скобками его творчества. По иронии судьбы его отец, Матиас Крэббс, более всего уважающий во всяком человеке упорство и несгибаемость в достижении назначенной цели, поставил на сыне крест ещё лет пятнадцать назад и менять своё отношение не собирался.

Достав из ящика стола последний апельсин, Себастьян выкинул гнетущие мысли из головы. Тонкая кожа зазмеилась под ножом, обдавая лицо пряным ароматом и заставляя рот наполняться слюной. Из прохладных долек с просвечивающими через пергаментную оболочку зёрнышками он соорудил кособокую башенку и долгое время рассматривал её, наклонив голову к правому плечу. При таком ракурсе солнечный луч, пробившийся через слоистые серые облака, превращал апельсиновые дольки в любопытное зрелище – концентрированный свет пронизывал их насквозь, и мерцающие прожилки образовывали причудливый узор, будто на крыле бабочки.

Что же всё-таки имел в виду отец, говоря о вознаграждении? Эта мысль не выходила у Себастьяна из головы. В последнее время старший Крэббс был одержим идеей написания мемуаров, для чего даже пригласил в Гриффин-холл в качестве секретаря молодую

женщину, Айрис Белфорт, умеющую работать с историческими документами. То, что отец выбрал стороннего человека и не воспользовался помощью сына, выглядело как его обыденное пренебрежение, хотя и вызывало некоторую досаду.

В отцовском письме было сказано про особый дар, ожидающий каждого члена семьи. Предчувствие перемен кольнуло где-то под ложечкой и Себастьян, отдавшись на волю фантазии, принялся воображать упоительные картины будущего благополучия. Среди них были и небольшой уютный коттедж с просторным кабинетом – в камине пылал огонь, а сам он сидел за солидным письменным столом красного дерева со множеством выдвижных ящичков; и вечеринки у литературных критиков, где он мог бы завести полезные знакомства; и, возможно, короткие поездки в Торки или Плимут с целью сменить обстановку и немного освежиться, что совершенно необходимо человеку, глубоко погружённому в творчество.

Добравшись в своих мечтаниях до палубы корабля, отплывающего в кругосветное путешествие, Себастьян вздрогнул от порыва ветра, распахнувшего неплотно прилегающую створку окна. Комнату заполнил пронизывающий утренний холод, и листы бумаги со стола разлетелись в стороны. Один из них угодил в мусорную корзину, и Себастьян долго смотрел на него, не в силах встать и навести порядок.

Содрогаясь от озноба, он, наконец, поднялся и, стуча протезом, заменившим правую ногу, закрыл окно на крючок и небрежно собрал части рукописи, не заботясь о том, чтобы сложить листы по порядку. На его лбу снова проступили морщины, губы плотно сжались.

Кляня себя за болезненную слабость, он с решимостью встал, уселся за стол и принялся писать письмо племянникам – Филиппу и Оливии Адамсон, которых в семье уже много лет называли не иначе как «бедняжками». Рано осиротевшие дети, на чью долю выпало достаточно потрясений, теперь уже ничем не напоминали Себастьяну испуганных большеглазых мышек. Филипп превратился в широкоплечего молодого мужчину приятной наружности, а Оливия преобразилась из худенькой сутулой девчушки с обгрызенными до мяса ногтями в серьёзную статную красавицу. Правда, манера племянницы носить какие-то странные, больше похожие на мужские, мешковатые наряды, казалась старомодному Себастьяну

сомнительной. Он готов был заключить пари, что в качестве блузок Оливия использует рубашки брата, а её новая привычка появляться всюду в брюках мужского покроя и вовсе его шокировала.

Последний раз он виделся с близнецами год назад, в день поминаения их матери и его сестры, Изабеллы. Тогда они все вместе выпили чаю в закусочной Лайонза на Стрэнде, потом немного прошлись и расстались у Сент-Климент-Дэйнс. Попрощавшись, он долго смотрел им вслед, досадуя на себя за излишнюю сдержанность и неумение вовремя отыскать нужные слова, если они предназначались не для бумаги. Близнецы уходили от него – молодые, высокие,двигающиеся почти синхронно, – и он в тот момент отчётливо понял, что его жизнь перевалила за вторую половину и больше, в общем-то, ждать особенно нечего.

Глава четвёртая, в которой «бедняжки» тоже получают письмо от Матиаса Крэббса

– Ну и что ты думаешь об этом? – спросила Оливия, внимательно глядя на брата и задумчиво постукивая конвертом по деревянному разошедшемуся подоконнику.

Филипп, её брат-близнец, флегматично пожал плечами и затащил короткой египетской сигаретой. Его губы скептически искривились, между рыжеватыми бровями пролегли две тонкие морщинки. Письмо от дяди Себастьяна пришло ещё вчера и донельзя взбудоражило близнецов.

– Себастьян тоже не совсем понимает, о чём идёт речь. Но всё же хорошо, что он предостерег нас. От дедушки Крэббса можно ожидать чего угодно. Такой уж он неугомонный старикан, – и Филипп невольно усмехнулся.

– А я, ты знаешь, ничего особенно хорошего не жду, – медленно произнесла Оливия. – Как-то так получается обычно, что идеи, которые приходят в голову дедушке, выходят нам боком. Не думай, что я не испытываю благодарности. Как-никак он заменил нам родителей. Но его забота – утомительное бремя.

Ловко затушив окурок в блюдце, Филипп кивнул и постарался отогнать болезненные воспоминания. На лицах близнецов проступило одинаково горькое выражение, стёршее следы различий, налагаемых полом, и сделавшее брата и сестру почти идентичными. Они и так были крайне схожи, но в моменты раздумий или при определённом освещении изумляли своим обликом столь сильно, что это казалось каким-то хитроумным трюком.

Оба высокие, угловатые, с длинными музыкальными пальцами и миндалевидными серо-голубыми глазами, брат и сестра отражались друг в друге, как в затуманенном зеркале. Даже тембр голоса у них был почти одинаковым: чуть ниже и басовитее у Филиппа, немного более певучий и звонкий у Оливии.

Позже, когда глаза привыкали к изобретательной проделке природы, можно было выхватить из общей картины немногочисленные различия.

Так, Филипп, безусловно, был сложен более атлетично, чем сестра. Его волосы, брови и ресницы обладали истинно британским красновато-рыжим оттенком, тогда как у Оливии по спине струились блестящие каштановые пряди, а ресницы на фоне бледной кожи и вовсе казались угольно-чёрными. Однако, как это ни странно, эти различия только подчёркивали общее сходство близнецов, заставляя предполагать особый замысел божественной игры.

Раздался требовательный стук в дверь, и молодые люди одинаково вздрогнули, не отстав друг от друга и на долю секунды. Оливия спрыгнула с подоконника и отошла чуть правее окна, почти к самой нише, где стояла низкая кушетка, а Филипп, пригладив волосы, отправился открывать.

Хозяйка пансиона, миссис Флойд, тучная меланхоличная женщина с выступающими зубами, сделала движение крупной головой, будто собиралась поклониться, и подняла повыше поднос, где лежало несколько писем и один пухлый небрежно запечатанный пакет.

Рассеянно улыбнувшись ей, Филипп быстро отыскал конверт, адресованный Филиппу и Оливии Адамсон, ещё раз улыбнулся, и, не дожидаясь, когда хозяйка удалится, проворно скользнул обратно в комнату.

Как только дверь захлопнулась, Оливия подлетела к брату и выхватила полученное им письмо. Отбежав к окну, она с лёгкостью устроилась на широком подоконнике, подобрав под себя длинные ноги в мешковатых брюках, и принялась торопливо распечатывать конверт. Когда Филипп передал ей в помощь нож для разрезания бумаги, она уже справилась со своей задачей и теперь читала послание от Матиаса Крэббса.

Чтение заняло меньше минуты. Дочитав, Оливия протянула письмо брату, одновременно громко хмыкнув.

Филипп встряхнул два небольших листа и начал читать вслух, медленно, словно боялся упустить какую-то значимую деталь:

– Дорогие Филипп и Оливия!

Не трать даром времени (а его у старика осталось немного), я перейду сразу к сути своего послания. Много лет я пренебрегал родственными связями и ратовал за полную самостоятельность каждого члена семьи Крэббс. Кто-то из вас с этим справлялся лучше, кто-то хуже...

– Про хуже – это он тётушку Розмари имеет в виду, не иначе, – усмехнулась Оливия, перебив брата.

Филипп коротко кивнул и продолжил:

– ...Тем не менее я горжусь каждым, кто смог устроить свою жизнь без оглядки на мою помощь.

Однако произошло событие, изменившее моё мировоззрение. Не отказываясь от своих убеждений, я всё же хочу каждого из вас вознаградить по достоинству.

Пользуясь тем немногим временем, что мне ещё осталось провести в этой юдоли земных печалей, я хочу пригласить вас в Гриффин-холл и преподнести каждому особый дар.

С превеликим нетерпением я ожидаю вас, Филипп и Оливия, в последнюю пятницу сентября. Надеюсь, неотложные дела не помешают вам посетить своего старика и доставить ему радость увидеть, как возмужали дети его горячо любимой дочери Изабеллы.

– Вознаградить. С превеликим нетерпением. Горячо любимой. Возмужали, – Оливия произносила слова из дедушкиного письма отстранённо, будто цитировала телефонный справочник.

Филипп, дочитав письмо, какое-то время смотрел на него недоумевающе, а затем аккуратно сложил листы, следуя сгибам тонкой, будто папиросной бумаги.

Брат и сестра пристально посмотрели друг на друга.

– Да, дедуля Крэббс умеет удивить, – наконец произнесла Оливия. – Что думаешь? В честь чего, интересно, в дедушке разыграли родственные чувства? Может это быть связано с мемуарами, про которые писал дядя Себастьян?

Филипп неопределённо пожал плечами.

– Глупо гадать. Нужно поехать и узнать, что ему пришло в голову на этот раз. Я не прочь, если честно. Любопытно было бы снова оказаться в Гриффин-холле. Если к выходным погода наладится, то поездка обещает быть приятной.

Оливия мечтательно улыбнулась. Черты её лица смягчились, настороженность сменилась выражением детского ожидания праздника.

– Старый Гриффин-холл... Любопытно, верёвочная лестница всё ещё хранится в дупле нашего дерева?

– Скорее всего, она истлела, – сухо ответил Филипп и тут же прибавил: – Не жди от этого визита многого, Олив. Старому Матиасу нравится вытягивать из людей чувства, ты же знаешь. Не думаю, что он сильно изменился за прошедшие годы. Да и слова о вознаграждении не стоит принимать слишком уж всерьёз. Это может быть всё что угодно, но не то, чего ожидает тётушка Розмари, если она получила такое же приглашение.

– Годы меняют людей. Смягчают их сердца, – не согласилась с братом Оливия. – К тому же дедушка Матиас и правда стар. Сколько ему? Восемьдесят? Восемьдесят пять?

– Семьдесят два. Всего лишь, – уточнил Филипп.

– Да какая разница? – отмахнулась Оливия со свойственной юности бессознательной жестокостью. – А родственников у него осталось не так уж много. Это нормальное желание – увидеть родню, особенно если он неважно себя чувствует.

– С чего ты это взяла? – удивился Филипп. – Из письма? Так уверяю тебя, это он специально. Дедушка Матиас легко переживёт нас всех, а на похоронах произнесёт очередную поучительную речь и с удовольствием выпьет свежего сидра.

– Ты столько лет носишь в сердце обиду на него, Филипп. Неужели ты не понимаешь, что делаешь себе только хуже? – мягко произнесла Оливия. – В конце концов, он ведь хотел уберечь нас. Не его вина, что всё это... вышло из-под контроля.

– Хорошая память – не всегда благо, – ответил ей брат. – Но забыть то, что было, я не в силах. А вот на твою память, как я посмотрю, повлияло обещанное вознаграждение.

– Не обвиняй меня в алчности, прошу, – жалобно сказала Оливия, – ты ведь знаешь, что это не так. Но разве плохо будет перестать мотаться по этим унылым пансионатам и осесть где-нибудь в тихом живописном месте? Не считать каждый пенни, может быть, даже купить небольшой домик с садом... – лицо её вновь приобрело мечтательное выражение, щёки разругались. – Ты смог бы жениться и завести детей. Я бы непременно сдружилась с твоей женой, и мы бы жили все вместе, как настоящая семья! Из меня получится отличная тётя для двух или трёх сорванцов. Как думаешь, велики ли шансы на то, что у тебя появятся близнецы? Скажем, парочка глазастых девчонок и двое рыжих разбойников? А в саду будет расти и жимолость, и розы,

и мы будем весной пить там чай и поедать горы домашней выпечки с девонширскими сливками.

– Господи, Олив, я и не думал, что тебе настолько не нравится то, как мы живём, – изумился Филипп.

– Так мы поедим? – спросила Оливия брата, взяв его за руку.

– Поедим, – после небольшой паузы ответил тот с нежностью и пожал её тёплую ладонь, но на душе у него было беспокойно.

Глава пятая, в которой Вивиан Крэббс прибывает в Англию и питает горячую надежду на скорое разрешение своих затруднений

Пасмурные дни приводили Вивиан Крэббс в уныние. Её практичный ум и взрывной темперамент требовали постоянной смены деятельности. Жажда ярких эмоций и свежих впечатлений нередко толкала её на безрассудные поступки, но сожалеть о них до сей поры ей не приходилось.

Поезд, который мчал её вглубь острова, двигался сквозь серый безрадостный дождь. Капли жирными кляксами расползались по мутному оконному стеклу, и у девушки вырвался унылый вздох.

В Калифорнии, где у них с матерью было множество знакомых и друзей, она всегда находила себе занятие по душе. Пользуясь большим успехом у противоположного пола, юная Вивиан беззаботно порхала с приёма на приём, в перерывах принимая многочисленные приглашения сыграть в теннис или совершить морскую прогулку. К слову, она была просто ослепительна что в белоснежном платье с матросским воротником, что в костюме для игры в теннис и отлично это сознавала.

Завитые по моде белокурые волосы, прозрачная кожа того оттенка, который называют фарфоровым, губы с нежным изгибом и совсем по-кошачьи маняще-раскосые глаза открывали Вивиан дорогу на экран, но именно этот путь был для неё заказан. Старый хрыч, её английский дед, был, по правде говоря, не совсем уж пропащим стариканом, но одна только мысль, что его любимая внучка, в чьих жилах течёт кровь Крэббсов, будет одной из старлеток в порочном Голливуде, приводила его в исступление. Упрямый и свободолюбивый нрав Вивиан протестовал против навязывания чужой воли, но после угрозы лишиться её ежемесячного содержания она утихомирилась. «Ничего, – сказала она себе, когда Крэббс объявил ей свой запрет. – Дед уже старый, а я ещё долго буду молодой и прекрасной. После его смерти я получу солидный куш и смогу делать всё, что мне

заблагорассудится». Вивиан была убеждена, что основную часть дедовского наследства получит именно она, ведь остальных родственников Матиас Крэббс терпеть не мог.

Здесь, в Англии, куда она приехала, чтобы уладить с дедом одно небольшое дельце, у неё сразу испортилось настроение. Да, путешествие на «Беренгарии» было вполне сносным и даже не лишённым приятности, но дождь, застигший её в порту, и кислые лица встречающих судно повергли бы в уныние даже куда более жизнерадостного человека, чем Вивиан Крэббс.

«Погощу у деда два дня, не больше. Улажу дело, заберу деньги и смогаюсь на пару деньков в Лондон», – пообещала она себе. В Лондоне у них с матерью были друзья, там кипела жизнь, и не было места этим бесконечным твидовым костюмам, пропахнувшим псиной, и сводившим с ума разговорам о погоде. Что хорошего находил сам дед в английской глубинке, Вивиан искренне не понимала.

Прибыв в Англию без предупреждения, она не сомневалась в том, что старый Крэббс будет рад сюрпризу. Его необъяснимая любовь к ней всегда приводила её в недоумение, ведь такие бурные проявления чувств были ему совершенно несвойственны. Мать объясняла это тем, что старик безмерно обожал Генри, её отца, убитого в самом начале Великой войны², и потому всю привязанность, на которую был способен, перенёс на бойкую и хорошенькую внучку. Сама Вивиан отца не помнила, но любила рассматривать те немногие фотографии, которые мать забрала с собой, вернувшись в Америку. На них был запечатлён высокий, ладно скроенный молодой человек с обаятельной улыбкой и золотистыми волосами, всегда в окружении родных или друзей, всегда оживлённый. Чувствовалось, что Генри Крэббс любил жизнь и умел ею наслаждаться. Иногда Вивиан (правда, не слишком часто) задумывалась, как это, должно быть, обидно, умереть в расцвете лет на какой-то глупой войне.

Сочтя, что молодая леди отчаянно скучает и предаётся невесёлым мыслям, попутчик, давно уже поглядывавший на Вивиан, решил действовать.

– Осенняя погода бывает совершенно невыносимой, не правда ли? – мягко произнёс молодой мужчина, указывая раскрытой ладонью на пейзаж, проплывающий за окном. – В такой день, как сегодня, меня

начинают посещать мысли о путешествии в тёплые страны. Вообще, сменить обстановку бывает довольно приятно, вы так не считаете?

Промедлив несколько мгновений, Вивиан бросила на него цепкий взгляд и нейтральным тоном ответила:

– Да, полагаю, вы правы. Мир слишком велик, чтобы заикливаться на чём-то одном.

– О, простите мне мою невоспитанность, – спохватился собеседник. – Я Джереми Эштон, сквайр. Возвращаюсь из Лондона, куда ездил договариваться о поставках нового оборудования для одной из моих ферм.

– Вивиан Крэббс, – сдержанно представилась девушка, мысленно закатив глаза. «Ещё одна деревенщина. Сейчас пустится в рассказы о молотилках и строительстве загонов для призовых свиней. Никогда не понимала, зачем люди с деньгами хоронят себя в глуши».

Беседа грозила иссякнуть, едва начавшись, и мистер Эштон был вынужден вновь проявить инициативу.

– Путешествуете по сельской Англии, мисс Крэббс? По делу или для удовольствия?

– Это деловая поездка, – тут же ответила Вивиан, давая понять всю несостоятельность предположения, что ей могло бы доставить удовольствие путешествие по английской глубинке. – А как вы догадались, что я приезжая?

Джереми Эштон немного снисходительно улыбнулся.

– Вас выдаёт темперамент, мисс Крэббс. Да и английские девушки не так откровенно досадуют на дождливую погоду.

– Вообще-то, я по отцу англичанка, и даже родилась в Англии, – слегка обиженно запротестовала Вивиан.

– Вот как? – удивился её собеседник. – Так может быть, вы приходите родственницей Матиасу Крэббсу?

– Матиас Крэббс – мой дедушка, – с достоинством произнесла Вивиан. – А вы-то откуда его знаете?

– Да что вы! – неуместно восхитился Джереми Эштон. – Представляете, а мы с вами соседи. Земли Эштонов и Крэббсов граничат между собой. Так вы говорите, что приехали по делу? Надеюсь, ничего огорчительного? С мистером Крэббсом всё в порядке?

– О, всё в полном порядке, – мило улыбнувшись, ответила Вивиан. – Так, небольшие семейные дела. Нужно повидать дедушку, кое-что уладить...

«Бог мой, знал бы ты, в какую историю я влипла! – вскричала она мысленно. – Повидать дедушку! Да неужели бы я поехала чёрт знает в какую глушь, если бы не этот чёртов, чёртов, чёртов Джимми!»

Из-за мыслей о Джимми у неё снова разболелась голова. Вот ведь паршивец! И она тоже хороша – размечталась, размякла от его сладких речей. Ему даже не пришлось особенно её убеждать, она сама пообещала достать денег столько, сколько понадобится для дела. Разумеется, едва запахло жареным, Джимми сразу же смылся. На её письма он не отвечает, общие знакомые в недоумении разводят плечами на вопрос о его местонахождении.

А ведь это из-за него она влипла в крупные неприятности. Такие поначалу вежливые, такие безупречно элегантные молодые люди, у которых она с лёгкостью получила нужную сумму, в их последнюю встречу наговорили ей такого, что до сих пор поджилки тряслись. Вернуть им деньги нужно было как можно скорее, и промедление могло дорого ей обойтись.

Вивиан тяжело вздохнула и с раздражением посмотрела на попутчика, всю дорогу донимающего её расспросами. Тот, уловив перемену в настроении девушки, понимающе улыбнулся и развернул газету, давая понять, что больше не будет ей докучать. Весь оставшийся путь они проделали молча, и на станции Грейт-Бьюли мистер Джереми Эштон был с ней безупречно предупредителен, но вместе с тем довольно холоден. Однако Вивиан, не думая, что ей доведётся встретиться с ним ещё раз, нисколько не расстроилась и в самом оптимистичном расположении духа устремилась к поместью деда, в Гриффин-холл.

Глава шестая, в которой Айрис Белфорт огорчает весьма симпатичного молодого человека

Собираясь на встречу, которая должна была состояться в Британском музее, Айрис Белфорт, молодая и привлекательная женщина, хотя и несколько безвкусно одетая, была чрезвычайно довольна собой. Её тёмные глаза сияли торжеством, губы еле заметно подрагивали от затаённой улыбки.

Дело, требующее от неё и использования привычных навыков, и приобретения новых, было, в сущности, завершено. Причём увенчалось оно таким головокружительным успехом, что теперь Айрис просто готова была танцевать от восторга. Подобного развития событий она даже и предполагать не могла.

Будучи с раннего детства собранной и целеустремлённой особой, впрочем, не лишённой авантюрной жилки, Айрис превыше всего ценила сложные задачи, где имелась возможность не только продемонстрировать возможности своего ума, но и при удачном стечении обстоятельств помериться силами с достойным противником. Такое интеллектуальное противостояние придавало её деятельности дополнительную остроту.

Рано оставшись сиротой, она тем не менее получила неплохое образование, за что благодарить стоило её дальновидного отца, так как опекуны были в высшей степени равнодушны к ней и сколько-нибудь значительного участия в судьбе девочки, лишившейся родителей, не принимали.

В школе-пансионе царили суровые, практически монашеские порядки, но преподаватели сумели разбудить в способной девочке тягу к знаниям и направить её энергию в нужное русло. Айрис Белфорт по праву считалась лучшей ученицей, о чём опекунам в день её выпуска с гордостью сообщила директриса, пророчащая ей блестящее будущее.

Однако будущее до сих пор не спешило приоткрывать завесу, скрывающую его дары. Пока у Айрис не было ничего, кроме законченной с отличием школы для сирот и серьёзного объёма знаний. Знания эти, безусловно, имели фундаментальный характер и во

многим определяли будущее девушки, но сияющих перспектив до сей поры не предвещали. Выйдя из стен пансиона, она была вынуждена сразу же приступить к поиску работы, способной её прокормить, так как отцовские деньги иссякли ещё пять лет назад, после чего поддержкой ей служила лишь крошечная стипендия, выхлопотанная жалостливой директрисой.

Поэтому стечение обстоятельств, приведшее её в Гриффин-холл, теперь казалось Айрис почти что промыслом божьим. Полученное два дня назад предложение позволяло ей строить самые смелые планы, выкинув из головы сомнительные способы обогащения.

Вполголоса напевая, она сняла очки и положила их дужками вниз на прикроватный столик, ровно по центру. Расчесала частым гребнем коротко остриженные волосы, а потом задумчиво тронула помадой узкие губы. Улыбнувшись своему отражению, девушка аккуратно надела шляпку, чуть сдвинув её на лоб, а после натянула перчатки и, взяв плоскую сумочку-конверт с обтрепавшимися и тщательно подкрашенными уголками, направилась в Блумсбери.

Промозглый сентябрьский ветер заставил Айрис Белфорт продрогнуть до костей в тоненьком твидовом жакете. Когда она вошла под своды музея и, пройдя в мексиканскую галерею, увидела возле мозаичного панно и скульптур ацтеков высокую фигуру светловолосого мужчины, её эйфория испарилась. Тут только она поняла, что совершенно не продумала, как сообщит об изменении своих планов Майклу.

Как только в безлюдном зале раздались шаги Айрис, мужчина сразу же отвернулся от ритуальной мозаичной маски Кецалькоатля и торопливо направился к девушке.

– У меня совсем немного времени, – отрывисто произнёс он. – Буквально десять минут. Сегодня я должен вернуться домой вовремя.

Его поспешность оскорбила девушку. Она даже с некоторым злорадством представила, как вытянется его лицо, как только он услышит от неё новость.

– Я, знаешь ли, тоже весьма занята. Мой поезд отходит с вокзала Сент-Панкрас через сорок минут.

– Ну, прости меня, малыш, – Майкл еле слышно вздохнул и тут же улыбнулся открытой мальчишеской улыбкой, которая ей всегда так нравилась. – Я совсем замотался. Со всех сторон меня обстреливают, я

просто валюсь с ног. Но скоро всё изменится, правда, лапочка? Скоро мы сможем себе позволить немного отдохнуть и расслабиться. Что ты предпочитаешь: Плимут или Борнмут? А может быть, махнём куда-нибудь на континент?

– Я выхожу замуж, Майкл, – спокойно ответила Айрис, и в её тоне не было и намёка на извинение. – Ты должен забыть о наших планах. Я выхожу из игры.

Часть вторая

Глава первая, в которой Матиас Крэббс безмерно рад встрече с внучкой Вивиан и огорчается из-за того, что не может решить её затруднения

Гриффин-холл представлял собой добротный трёхэтажный особняк, выстроенный в раннем георгианском стиле и окружённый пышными кронами разросшихся вязов. Несмотря на повсеместные сложности с прислугой, у Матиаса Крэббса служил целый штат отлично вышколенных работников. Щедрая оплата и приверженность хозяина традиционным ценностям не заставляли их искать лучшей жизни.

Кроме того, старший Крэббс сознательно не вникал в те мелочи, которые могли бы осложнить положение слуг. Хозяйство в доме велось хоть и с разумной бережливостью, но без скупердяйства.

Ему бы и в голову не пришло пересчитывать банки с клубничным мармеладом или овощным многоцветным чатни, которые готовила по своим фирменным рецептам кухарка миссис Гилмор. Если же из восьми дюжин банок с домашними консервами одна или две дюжины постепенно пропадали из кладовой, хозяин оставался в приятном неведении.

Точно так же Матиас Крэббс не вникал в подробности поставок в Гриффин-холл молока, масла, мяса и сыра. Он, разумеется, проглядывал раз в неделю присланные счета, но сверять затраты с количеством припасов, хранящихся в кладовой, необходимым вовсе не считал.

Вольготно в поместье жилось и садовнику Чепмену. Кряжистый, как старое дерево, крепкий ещё старик разбил в западной части поместья приличный огород и исправно выращивал к хозяйскому столу свежие овощи и зелень, а для украшения дома махровые гвоздики, георгины и роскошные японские камелии. Соорудив небольшой парник, Чепмен присылал на кухню и ярко-зелёные пупырчатые огурцы, так славно пахнувшие свежестью и отлично

подходившие для сэндвичей, и крупную сладкую клубнику, которую миссис Гилмор подавала старшему Крэббсу на десерт.

Хозяйский аппетит был не настолько хорош, чтобы уничтожить всё выращенное умелыми руками, поэтому излишки исчезали в направлении, известном только садовнику. Зато на столе у дочери Чепмена и двоих его внуков, живущих в шумном и грязном Лондоне, где и клочка подходящей для садоводства земли не сыщешь, всегда были свежие овощи.

Требований у Крэббса было не так уж много, и все они неукоснительно соблюдались. Привольная жизнь, как это ни странно, не распустила прислугу, а, наоборот, утвердила в решимости сохранить существующий уклад на как можно более длительный срок. Стараниями экономки миссис Уоттс и горничных Эммы и Дорис дом содержался в безупречном порядке, а дворецкий Симмонс стоял на страже традиций и не допускал сбоев в работе всего штата прислуги.

Благодаря этим слаженным усилиям каждый, кто входил через парадные двери особняка, ощущал, будто совершает путешествие в прошлое. Довоенный уют, сулящий безмятежность и комфорт, заставлял гостя испытывать ностальгию и тайком вздыхать по утраченному. В Гриффин-холле до сих пор к чаю выпекались настоящие сконы и ячменные лепёшки, и имбирный хлеб, и рассыпчатые кексы и прочие традиционные лакомства. Газеты подавались в тщательно проглаженном виде, а после чаепития у дверей ждал Симмонс, приготовив для хозяина крепкую трость и, в зависимости от погоды, либо макинтош, либо пальто по сезону. Ровно в пять в гостиной разжигали камин, а перед ужином старшему Крэббсу подавали рюмку корнуэльского пастиса³.

Уставшая и продрогшая Вивиан, приехавшая со станции на такси, чуть не ахнула, когда парадную дверь ей открыл дворецкий, у которого был такой невозмутимый и величественный вид, что он больше походил на актёра, виртуозно играющего роль. Она, конечно, бывала в богатых домах своих американских друзей, но такой неподдельной атмосферы роскоши там не встречала.

Резная полированная лестница с широкими ступенями, люстра, в которой светились сотни маленьких огоньков, лёгкий запах лимонной мастики и свежесрезанных цветов. По сторонам от лестницы стояли два керамических вазона, и она вспомнила их – в детстве, которое

теперь казалось таким далёким, она всерьёз верила, что в них живут джинны, исполняющие желания. Сейчас в них стояли охапки лохматых георгинов цвета испанского вина.

– Доложите мистеру Крэббсу, что к нему приехала внучка Вивиан, – чуть громче, чем следовало, произнесла девушка, возвращаясь к реальности.

– Непременно, мисс Крэббс, – чопорно ответил дворецкий, подхватив из рук шофёра чемодан госты и жестом приглашая её следовать за собой.

В гостиной царил тот же основательный уют, что и в холле. Огонь в камине весело трещал, пожирая уложенные пирамидкой дрова, распространяющие смолистый аромат по всей комнате. Портьеры цвета мха были уже задёрнуты, а на маленьком инкрустированном столике, придвинутом к вольтеровскому креслу с пухлыми подлокотниками, стоял хрустальный штоф с мутной жидкостью и серебряная рюмка.

Вивиан с огромным удовольствием села поближе к камину и издала долгий вздох облегчения. Поездка изрядно утомила её, и теперь было так приятно вытянуть гудевшие в модных туфельках ноги и расстегнуть узкий жакет уличного костюма.

«Интересно, как старикан умудрился сохранить дом в прежнем виде? И это сейчас, когда по обе стороны океана почти все еле-эле концы с концами сводят, – лениво подумала девушка. – И кому он завещает его? Неужели тётушке Розмари, этой старой клуше? Представляю, как она обрадуется. Раскидает повсюду свои вышитые подушечки и будет терроризировать прислугу, гоня её за нюхательной солью и желудочными каплями».

От мыслей о завещании деда её отвлёк звук открывшейся двери. Затем раздался приглушённый стук трости, и девушка посчитала нужным порывисто вскочить с дивана и обернуться.

– Дедушка Матиас, это я, Вивиан! – воскликнула она, поспешно приближаясь к старшему Крэббсу с непосредственной детской улыбкой, от которой, как она знала, у неё становился прелестный, поистине ангельский вид.

Попутно она окинула его цепким взглядом и поразилась тому, как дед изменился. Не внешне, нет, его наружность по-прежнему внушала почтение. Матиас Крэббс даже в преклонном возрасте оставался

видным широкоплечим мужчиной с крупными чертами лица и густыми бакенбардами. В детстве Вивиан почему-то воображала деда морским адмиралом, наводящим ужас на пиратов и контрабандистов. Нет, изменилась его манера себя держать, нечто неуловимое, что трудно назвать, но отчего после долгой разлуки становится так жаль проведённых порознь лет. Эти, в сущности, закономерные изменения вынудили её остановиться и растерянно повторить чуть громче:

– Это я, дедушка, Вивиан. Я наконец-то приехала в Гриффинхолл!

– Вот уж сюрприз так сюрприз, – ласково ответил старший Крэббс, прислоняя трость к спинке дивана и раскрывая ей свои объятия. – Только вот незачем так кричать, милая, тугоухостью твой старик пока не страдает.

– Ну что ты, дедушка, какой же ты старик, – запротестовала Вивиан и тут же замолчала, отметив про себя, как фальшиво и беспомощно прозвучали её слова.

– Дай-ка мне посмотреть на тебя, юная леди, – дед отошёл на два шага и прищурился, склонив голову к плечу.

Девушка приняла скромную позу и снова улыбнулась. Уверенность в том, что все её неприятности позади и маленькое дельце, ради которого она пересекла океан, уже решено, согрела её и вызвала на щеках прелестный румянец.

– До чего же ты, милая, похожа на Генри, – протянул дед и покачал головой. – Даже удивительно. Та же бездна обаяния, решимости и отваги. Из всех моих детей только он один чего-то стоил. Просто невероятно, что мы потеряли его.

Вивиан горестно сжала губы и опустила ресницы, как того требовал момент. На самом деле она не испытывала горя по поводу гибели отца. Да, ей было бы любопытно повстречаться с ним, наверняка они бы нашли общий язык, но если уж судьба распорядилась иначе, то какой смысл печалиться? Жизнь для этого слишком коротка.

– Ты приехала одна, – утвердительно сказал дед. – А твоя мать? Из-за чего на этот раз ей не удалось отложить дела, чтобы повидаться со свёкром?

В голосе Матиаса Крэббса сквозила лёгкая ехидца.

Взяв деда под руку и помогая ему добраться до кресла, Вивиан ответила ему в тон:

– О, дедушка, ты же знаешь маму. Она снова вышла замуж. Предсвадебные хлопоты поглотили её целиком. Но она передаёт тебе огромный привет.

– Узнаю Кэролайн, – захихикал старший Крэббс. – Неугомонная женщина. Всегда такой была. Если бы Генри вернулся с войны, он бы с ней намаялся.

– Папу мама по-настоящему любила, – сочла нужным вступить за мать Вивиан.

– Знаю, милая, знаю, – дед примирительно сжал её ладонь. – Они были из одного теста. Жизнь в них так и кипела. Видела бы ты, как твой отец радовался, когда ты родилась. Он просто обезумел от счастья. Будь это в его власти, то он бы пошёл на что угодно, лишь бы не покидать тебя и Кэролайн.

Так за приятной беседой они выпили по рюмке пахучей сладковатой настойки, а после отправились ужинать в столовую. Воспоминания невероятно увлекли Матиаса Крэббса, он предавался им с большой охотой, воскрешая в памяти всё новые и новые случаи из детства и юности горячо любимого сына.

Вивиан буквально слова вставить не могла, не помышляя уже о том, чтобы завести разговор о деньгах. Поначалу она ещё пыталась как-то намекнуть на цель своего приезда, но словоохотливость деда не оставила ей никаких шансов.

Когда они покончили с отменными бараньими отбивными и сладким пудингом, Вивиан встрепенулась было в надежде, что уютное чаепитие в библиотеке позволит ей наконец-то приступить к делу. Однако и здесь её ждала неудача.

Матиас Крэббс объявил, что вместо чая по вечерам он пьёт горячий шоколад со специями, приказал подать напиток к нему в комнату, а сам, сдержанно кряхтя, сослался на усталость и отправился наверх. Вивиан не оставалось ничего другого, как скрыть досаду и нетерпение и с нежностью пожелать деду покойного сна.

Уже в своей комнате, приняв горячую ванну и набросив на плечи шелковый пеньюар, девушку впервые посетило сомнение, что её дело решится с той лёгкостью, на которую она рассчитывала.

Глава вторая, в которой гости Матиаса Крэббса прибывают в Гриффин-холл

Пятничное утро для прислуги Гриффин-холла выдалось хлопотным. Необходимо было не только подготовить гостевые комнаты, но и по особому приказу хозяина привести в порядок его мастерскую, на месте которой несколько лет назад была оранжерея. Разведение экзотических растений увлекло Матиаса Крэббса ненадолго, и, избавившись от всех зелёных редкостей, он превратил светлое помещение со стеклянными стенами и потолком в художественную студию, с воодушевлением отдавшись новой страсти – любительской живописи.

Надо сказать, что старший Крэббс, удалившись от дел, проявил несколько экстравагантную приверженность различным несерьёзным занятиям, к которым ранее никакого вкуса не имел. Некоторые разочаровывали его довольно быстро, и тогда весь инвентарь перекочёвывал в старый лодочный сарай или на чердак. Такая участь постигла и альбомы в коленкоровых переплётках, которые в течение довольно непродолжительного времени небрежно и без всякой системы заполнялись марками, и принадлежности для таксидермии вместе с неряшливыми чучелами славки-черноголовки, бурундука и престарелого кухонного мышелова, потерявшего один глаз в жестокой схватке с молодым преемником. После того, как интерес Крэббса иссяк и альбомы, и пропахшие формалином выцветшие тушки были тщательно упакованы в непромокаемые ящики, и теперь обретались там же, где и разохшаяся старая лодка.

Гораздо дольше коллекционирования крошечных кусочков бумаги и мумифицирования несчастных зверушек и птиц продержалось увлечение живописью и энтомологией. Занятия эти заполнили собой весь досуг пожилого джентльмена.

Результатом стали внушительное собрание живописных полотен и впечатляющая коллекция умерщвлённых по всем правилам чешуекрылых. Комната на первом этаже, при жизни миссис Крэббс используемая как салон, теперь была заполнена стеклянными витринами, в которых красовались прелестные хрупкие создания,

безжалостно пронзённые булавками. Рядом, в бывшей кладовой, была оборудована лаборатория, где хранились сачки, морилки, инсектициды и инструменты для препарирования.

Несмотря на возраст, Матиас Крэббс всё ещё пополнял свою коллекцию, в ясную тёплую погоду проходя с сачком не менее пяти миль в поисках очередного порхающего приобретения. Однако в это утро он не стал спускаться к завтраку, видимо, решив поберечь свои силы перед нашествием толпы родственников.

Вивиан, немало огорчённой этим фактом, пришлось завтракать одной. Она знала, что деду нравится, когда женщина тщательно причёсана и одета, и поэтому долго занималась волосами и придирчиво выбирала наряд. Сейчас, сидя в столовой в небесно-голубой блузке с пышным бантом и твидовой юбке, она чувствовала себя донельзя глупо.

Невозмутимый вид Симмонса, изображавшего безмолвный истукан с безупречной осанкой, лишь усиливал нервозность девушки. «Да что же это такое! – в отчаянии думала она, с ненавистью глядя на домашний клубничный мармелад, уложенный на фарфоровое блюдо в виде полумесяца. – Ведь не ради английских чопорных завтраков я пять дней болталась по Атлантике на этом чёртовом лайнере!»

В попытке успокоиться Вивиан спросила дворецкого:

– Я заметила, Симмонс, что горничные с самого утра суетятся на втором этаже. И у экономки чересчур озабоченный вид. Надеюсь, эти хлопоты не из-за моего визита?

– Разве мистер Крэббс не сказал вам, мисс Вивиан? – позволил себе слегка удивиться дворецкий. – К ланчу ожидаются гости. Они прибывают в Гриффин-холл на несколько дней. Миссис Уоттс, экономке, было приказано подготовить пять гостевых спален. Комнаты, разумеется, содержатся в полном порядке, но нуждаются в проветривании. Сожалею, что горничные нарушили ваш покой.

– Гости? Я ничего об этом не знаю. – Новость ошарашила Вивиан. – А кто должен приехать, Симмонс?

– Мисс Розмари Сатклифф, мистер Себастьян Крэббс, миссис Хоггарт с мужем и Оливия и Филипп Адамсон.

Перечисляя имена гостей, дворецкий кивал, будто отдавал каждому из них честь.

– Благодарю, Симмонс, я закончила, – рассеянно произнесла Вивиан, вставая из-за стола и не замечая, что полотняная салфетка соскользнула с колен прямо ей под ноги. Неловко запнувшись, девушка поспешно вышла из столовой и быстро направилась к двери, ведущей в сад.

Ночью пролился дождь, и дорожки, покрытые гравием, всё ещё были сырыми. Однако небо впервые за долгие дни расчистилось и предвещало погожий день. Прогуливаясь без всякой цели, Вивиан попыталась успокоиться и избавиться от охватившего её злобного отчаяния, но все усилия были тщетны. Она не замечала прощального буйства садовых клумб в преддверии осени и рукотворной красоты окружающего её ландшафта. Южный ветер, насыщенный солоноватым запахом Северного моря, не доставил ей наслаждения. Только одна мысль подчинила её себе: во что бы то ни стало она должна достать деньги.

Первыми в Гриффин-холл прибыли близнецы. Насторожённые, молчаливые, они вышли из двухместного автомобиля, оставив его на подъездной дорожке, и медленно подошли к двустворчатым воротам. Тринадцать лет – достаточный срок, чтобы позабыть место, в котором ты был когда-то счастлив, но слишком короткий для того, чтобы стереть из памяти горестные воспоминания.

– Живая изгородь чересчур разрослась, – нарушил молчание Филипп. – Наш дуб теперь отсюда и не увидеть.

Оливия вместо ответа по давней привычке сжала его ладонь и нарочито бодрым тоном произнесла:

– А я теперь даже не уверена, что хочу его видеть, – и непонятно было, к кому относятся её слова, к старому дубу – неизменному участнику их детских игр, или к Матиасу Крэббсу.

Ожидая, пока откроют ворота, близнецы готовились к встрече с дедом, неосознанно придвинувшись ближе друг к другу, будто опасались, что их снова разлучат. Однако подготовка оказалась излишней – у парадного входа их встречали лишь дворецкий и экономка, миссис Уоттс.

Бесстрастное лицо Симмонса при виде «бедняжек» расплылось в улыбке, и сразу стало ясно, что годы прибавили ему благородных морщин. Миссис Уоттс же почти не изменилась, разве что её фигура приобрела ещё большую солидность, а в причёске появились серебряные нити.

– Добро пожаловать в Гриффин-холл, – с теплотой поприветствовала она близнецов, и от звука её голоса прошедшие годы будто съёжились, горечь, которую они принесли, улетучилась, и близнецам показалось, что им снова по десять лет и их сейчас отправят в детскую пить чай с тминным кексом.

Легко взбежав по ступенькам, они буквально ворвались в холл и сразу же наткнулись на угрюмую Вивиан. Девушка вспыхнула, словно её застали врасплох, и отшатнулась. Всё утро она безуспешно караулила старшего Крэббса, запершегося в библиотеке, и к приезду близнецов совершенно извелась. Намеченный ею план получить у деда необходимую сумму и как можно быстрее покинуть Гриффин-холл разваливался на глазах, и это приводило её в исступление.

– Доброе утро, – отрывисто сказала она. – Мы незнакомы, но полагаю, вы – Оливия и Филипп. Я Вивиан Крэббс, ваша кузина из Америки.

Близнецы по очереди пожали её узкую холодную ладонь. Впечатление она производила странное. Её слишком яркий для утренней поры наряд и причёска, наводившая на мысли о голливудских кинофильмах, выглядели неуместно в холле старинного дома. Девушка, несомненно, была чрезвычайно хороша собой, но выражение лица, напряжённое и обиженное, как у капризного ребёнка, придавало ей отталкивающий вид. Однако Оливия сразу поняла, что брат впечатлён новой родственницей.

Неловкое молчание прервалось с прибытием следующих гостей. Майкл Хоггарт буквально замер на пороге, уставившись на Вивиан Крэббс широко распахнутыми глазами. Девушка же, уловив его восхищение, поменяла позу на более изящную, при этом несколько не смягчив недовольства.

Вслед за мужем в холл вошла Грейс Хоггарт, её лицо было серым от усталости, под глазами залегли тени. На руках у неё спал младенец, закутанный в яркую шерстяную шаль.

Пока все приветствовали друг друга и познакомились, Оливия не сводила глаз с измученного лица кузины Грейс. Да, конечно, пролетело тринадцать лет, но как совместить в своём разуме ту благовоспитанную девочку с серьёзными синими глазами, которая могла храбро вскарабкаться на дерево, чтобы спасти забравшегося туда котёнка, или отвлечь какой-нибудь безделицей внимание взрослых, пока близнецы воруют с кухни свежее испечённые булочки, – с этой полноватой особой, в чьём облике ясно читались беззащитность и страдание.

Лакей Энглби давно уже разнёс вещи новоприбывших гостей по комнатам, а миссис Уоттс покорно стояла в некотором отдалении, ожидая, когда она сможет проводить гостей на второй этаж. Тем не менее беседа между Вивиан и мужчинами с каждой минутой становилась только оживлённее. Никто из них не желал её прерывать, пока малышка на руках Грейс не проснулась и не заявила об этом событии ликующим криком.

– Я иду вверх, Майкл. Полли давно уже пора переодеть и покормить, – обвинительным тоном сообщила Грейс, но не двинулась с места.

Мужчины неловко замолчали. Явно не желая устраивать сцену, Майкл одарил всех обаятельной улыбкой и, придерживая жену под локоть, отправился на второй этаж. Сразу после этого, к видимому огорчению Филиппа, откланялась и Вивиан, сославшись на необходимость написать письмо.

Близнецы остались в холле одни, но не успела Оливия съехидничать по поводу американской кузины, как в дверь позвонили, и словно бы из ниоткуда материализовавшийся Симмонс впустил тётушку Розмари.

Её впалые щёки разрумянились от волнения, руки суетливо теребили замочек старомодной гобеленовой сумки. Фетровая шляпка пожилой дамы сбилась на левую сторону и увлекла за собой шиньон из белокурых локонов (несколько не гармонизировавших с природным цветом волос), что придавало Розмари Сатклифф такой вид, будто бы она долго шла против сильного ветра.

– О, Симмонс! – произнесла тётушка Розмари со стародаевическим пылом. – Я вернулась!

Дворецкий со всем возможным достоинством поклонился и, выразив свою радость по этому поводу при помощи бровей и сдержанной мимики, сделал приглашающий жест в сторону гостиной.

– А где Матиас?! – с нешуточным беспокойством спросила тётушка Розмари и тут только заметила близнецов, стоявших чуть в стороне, за раскидистой пальмой с глянцевыми листьями. – Надеюсь, он не захворал? Почему он не вышел встретить меня? Он... он что, передумал?!

Её надтреснутый голос дрожал от тревоги, слова звучали сбивчиво. На миг ей пришла в голову мысль, что письмо брата было результатом какого-то хитроумного розыгрыша, и теперь все надежды на перемену положения были для неё потеряны.

– Мы и сами ещё не видели дедушку, тётушка Розмари, – успокоительно сказала Оливия. – Симмонс сообщил, что он пока занят и присоединится к нам за ланчем.

Позволив взять себя под руку и выслушивая бессвязную историю путешествия из Йоркшира в Саффолк, Оливия проводила тётушку Розмари на второй этаж и помогла ей устроиться в крошечной, но очень светлой и приятной комнатке с окнами, выходившими в сад. Всё здесь было либо нежно-розовым, либо голубым, и эта обстановка очень подходила Розмари Сатклифф. Усевшись в высокое кресло с обивкой в мелкий цветочек и пышными рюшами по низу, пожилая дама стала похожа на одну из тряпичных викторианских куколок с фарфоровыми личиками. Сходству препятствовали только её впалые щёки и горестные складки у рта. Осмотрев комнату, она заметно повеселела и теперь уже не выглядела такой потерянной.

Оставив тётушку приходить в себя и дав обещание попросить миссис Уоттс прислать ей чашку чая, Оливия отправилась на поиски брата. Встреча с людьми, которых она не видела тринадцать лет, вызвала волну воспоминаний, а рядом с Филиппом она всегда чувствовала себя намного спокойнее.

Однако Филиппа не было ни в его комнате, ни в холле, ни в гостиной. Совсем рядом послышался переливчатый русалочий смех, и сердце Оливии сжалось от необъяснимой обиды. Не трогаясь с места, она попыталась определить, откуда доносится смех, но все звуки уже стихли, только где-то чуть слышно скрипнула дверь, а потом отбили торопливую чечётку каблучки.

«Как в спектакле, – рассеянно подумала Оливия. – Ну совершенно как в той пьесе, что мы видели в Друри-Лейн на прошлой неделе. Роковая красотка, мужчина с печальным прошлым и молодой аристократ, которому наскучила жена. Хотя в Майкле вовсе нет ничего аристократического».

Она уже собиралась спуститься в кухню, когда в Гриффин-холл прибыл Себастьян Крэббс. Из вещей при нём был только обшарпанный фибровый чемодан, не внушивший Симмонсу никакого почтения, и связка книг, каждая из которых была самым тщательным образом обёрнута плотной бумагой.

– Источники, с которыми я работаю, – с извиняющейся улыбкой пояснил он Оливии после сердечного приветствия. – Хочу воспользоваться тишиной и уединением Гриффин-холла. Такая роскошь мне не всегда доступна, к сожалению, – и он сдержанно усмехнулся, стараясь не смотреть на Симмонса.

Когда дворецкий удалился, и они остались в холле вдвоём, Оливия, поддавшись порыву, ставшему неожиданностью для неё самой, вдруг крепко обняла Себастьяна Крэббса и тут же отступила, устыдившись такого эксцентричного проявления чувств.

Глава третья, в которой Матиас Крэббс приветствует своих гостей и вызывает у них самые разнообразные чувства

Ровно к половине первого в столовой подготовили ланч, о чём гостям сообщил протяжный звук гонга. Дворецкий Симмонс, с трудом скрывая удовольствие, прислушался к угасающим вибрациям и ударил колотушкой по бронзовому диску ещё один, последний раз.

– Боже мой, – всполошилась тётушка Розмари в своей кукольной комнатке и поставила на прикроватный столик опустевшую чашку. – Ну теперь-то, надеюсь, Матиас присоединится к нам? – задала она вопрос уотерфордскому канделябру на каминной полке.

Вивиан, находясь в библиотеке вместе с Майклом Хоггартом, тоже заметно воодушевилась.

– Старик всё никак не может избавиться от колониальных традиций, – саркастически усмехнулся Майкл. – Я удивлён, что весь этот огромный дом не заставлен инкрустированной мебелью и медной чеканной утварью. Вам, как американке, это должно казаться забавным.

– Ничуть, – с прохладцей ответила Вивиан. – Вы забываете, что наполовину я англичанка. Приверженность традициям и мне не чужда, хоть я и провела множество лет на континенте.

Она резко встала и, очень прямо держа спину, вышла из библиотеки. Молодой человек решил выждать несколько минут, прежде чем последовать за ней. Встретив на лестнице Симмонса, он спросил, стараясь казаться безразличным:

– Ожидает ли мистер Крэббс сегодня ещё гостей? Может быть, кто-нибудь присоединится к нам позже?

– Насколько я знаю, сэр, к чаю должна вернуться из Лондона мисс Белфорт. Она помогает мистеру Крэббсу в работе над мемуарами, – с непроницаемым лицом ответил дворецкий. – Больше у меня ни о ком нет сведений.

Повеселев, Майкл кивком отпустил слугу и лёгкими шагами отправился в столовую.

Гости Матиаса Крэббса рассаживались за столом, с любопытством поглядывая друг на друга. Небольшой отдых после путешествия пошёл всем на пользу, даже Грейс Хоггарт теперь не выглядела такой измученной. Малышка Полли преспокойно спала наверху, под присмотром старшей горничной Эммы, и молодая женщина наслаждалась покоем и возможностью находиться рядом с мужем. Оливия приветливо улыбнулась Грейс и в ответ получила робкую дружелюбную улыбку, которая напомнила ей о том счастливом и одновременно горестном лете, когда жизнь близнецов навсегда изменила своё течение.

Все эти люди, сидевшие за столом, были связаны родственными узами, но из-за длительной разлуки воспринимали друг друга скорее как давних знакомых. За долгие годы они не так уж часто переписывались между собой (за исключением Себастьяна и «бедняжек»), весьма приблизительно знали основные события в жизни родни и теперь пытались отыскать тему для беседы, приличествующую случаю. Кроме того, никто не знал, следует ли рассказать другим о письме, которое получил от старшего Крэббса, или лучше промолчать об этом.

Тётушка Розмари нервничала больше всех. Она находилась в Гриффин-холле уже несколько часов, а брат так и не нашёл времени, чтобы поприветствовать её. Может, Матиас Крэббс и был эксцентричным джентльменом, но хорошие манеры ему никогда не изменяли. Безусловно, такое пренебрежение нормами гостеприимства было весьма скверным признаком, и от этой мысли пожилая дама горько вздохнула. Даже расходы на дорогу до Грейт-Бьюли поколебали её сверх всякой меры скромный бюджет, и если за намёками Матиаса о вознаграждении ничего не стоит, то она попадёт в крайне неприятное положение. На миг в её душе шевельнулась злоба. Она, Розмари Сатклифф, единоутробная сестра, которую он не видел тринадцать лет, ждёт от него подачи и позволяет изводить себя неизвестностью. Да, мир определён уже не тот, что прежде.

Подали яйца по-шотландски. Себастьян Крэббс, которого с самого утра терзал мучительный голод (деньги на еду кончились ещё вчера, поэтому ужин и завтрак ему пришлось пропустить), с грустью посмотрел на пустой стул во главе стола. Этот взгляд так же, как и

болезненный вид постоянно недоедающего человека, не укрылся от внимания близнецов.

Напряжение за столом всё возрастало, и Вивиан, потеряв терпение, решительно поднялась со стула, скомкала льняную салфетку и бросила её возле пустой тарелки.

– Ну вот что, – твёрдо произнесла она, стараясь не смотреть на Симмонса. – Я пойду к дедушке Матиасу и прямо спрошу его, собирается ли он спуститься к ланчу и повидаться со своими гостями.

В голосе её звучала решимость, но не успела она договорить, как двустворчатые двери за пустующим стулом отворились, и в столовую вошёл Матиас Крэббс. Опираясь на трость, он сделал несколько шагов и замер с удивлённой улыбкой, покачивая головой, словно бы в восхищении.

Одарив каждого гостя внимательным тёплым взглядом, хозяин сел и одобрительно прищёлкнул языком.

– До чего же приятно видеть вас всех, – голос его слегка дрожал, как у старого человека, который много времени проводит в одиночестве. – Я так рад, что вы смогли меня навестить, – он ещё раз обвёл взглядом всех присутствующих, и тётушке Розмари на миг показалось, что его глаза увлажнились.

Все сбивчиво принялись благодарить старшего Крэббса за возможность вновь посетить Гриффин-холл и чудесное побережье Восточной Англии, но он жестом попросил гостей умолкнуть и, смущённо откашлявшись, продолжил:

– Долгие годы я преступно пренебрегал родственными связями. Да-да, преступно! Но в последнее время я так много думал об этом, – и он сокрушённо покачал головой. – Время – беспощадное явление. И у каждого, должно быть, наступает момент, когда становится совершенно необходимо признать свои ошибки. Признать и попытаться искупить их, пока не стало слишком поздно.

В наступившей тишине отчётливо послышалось всхлипывание растроганной тётушки Розмари. Она, смяв в руках, покрытых старческими пятнами, тонкий кружевной платочек, с благоволенным обожанием смотрела на брата.

Матиас Крэббс с неудовольствием покосился на неё и продолжил:

– И вот, когда я осознал, что главную ценность в этом мире представляют родные люди, родная кровь – «плоть от плоти моей,

кость от костей моих», – некстати процитировал он писание, – то решил собрать всех вас под крышей моей скромной обители, дабы воздать вам всем за долгие годы нашей разлуки. Каждый из вас, получив от меня письмо с приглашением явиться ...

«Вот ведь велеречивый старый осёл! – подумал в этот момент Майкл Хоггарт. – Сидит на мешке с деньгами и распинается о духовных ценностях. Интересно, речь идёт о паре сотен фунтов или о чём-либо более серьёзном?»

Оливия и Филипп, сидевшие напротив, не сговариваясь, окинули его такими пронизательными взглядами, как если бы он произнёс эти слова вслух.

– ...А сейчас предлагаю отдать должное мастерству миссис Гилмор, которой не так уж часто выпадает возможность проявить свои таланты в полной мере, – закончил речь старший Крэббс, и гости встретили его предложение с искренним воодушевлением.

Напряжение последних часов испарилось, все сбросили с плеч незримую тяжесть. По распоряжению Матиаса Крэббса к столу подали лёгкое вино, и в перестуке вилок и ножей слышалось что-то праздничное и настоящее, будто за столом и правда собрались родные и равнодушные друг к другу люди. Хозяин вовлёк в общую беседу даже молчаливого Себастьяна, с подкупающей теплотой расспрашивая сына о его литературных трудах. У Грейс, захмелевшей с непривычки, он с искренним интересом выпытывал подробности первых месяцев жизни Полли, и выслушивал путаные рассказы сестры, и успевал отпускать одобрительные замечания близнецам – словом, старший Крэббс с величайшим тактом старался, чтобы каждый из гостей почувствовал себя частью обширной семьи.

Сквозь трещину в облаках прорвалось солнце, осветив столовую с яростной стихийной силой, и на белоснежной скатерти задрожали леденцовые озёрца, которые отбрасывали старинные бокалы зелёного стекла.

Выбор блюд для ланча тоже был выше всяких похвал – за яйцами по-шотландски последовали баранина с мятным соусом и медовое мороженое. Гости Матиаса Крэббса, все без исключения, находились в самом приятном расположении духа. Даже Филипп, с момента прибытия в Гриффин-холл державшийся скованно и нервозно (что, впрочем, было известно только Оливии, так превосходно он умел

скрывать свои истинные чувства от окружающих), расслабился и сразу стал выглядеть моложе и беззаботнее.

Оливии вспомнилось, каким он был тринадцать лет назад, в то лето, которое они провели в поместье. Тощий, вихрастый, с веснушчатым лицом, на котором не было и следа этой сводившей её с ума настороженной сосредоточенности. Филипп тогда буквально бредил авиацией, повсюду таская с собой альбом и в любую свободную минуту зарисовывая в него «верблюдов» и «файтеров», грешивших непропорциональностью деталей и усовершенствованных самым причудливым образом – сверхмощными пропеллерами, моторами, огромными крыльями – всем, что могла подсказать неистощимая фантазия десятилетнего мальчишки⁴.

Сконструировав при помощи сыромятных ремней, найденных в лодочном сарае, хитроумную систему тяжей и приладив её к самым прочным ветвям старого дуба, он умудрялся фиксировать в ней своё костлявое тело и часами «летать» в нескольких ярдах от земли, отталкиваясь от ствола исцарапанными ногами и больше походя на гигантскую летучую мышь, чем на истребитель-низкоплан.

Оливия и Грейс в такие моменты чувствовали изрядное облегчение, в чём не решались признаваться даже друг другу. Будучи бесспорным лидером их тройственного союза, Филипп жестоко страдал от необходимости целое лето провести с двумя девчонками, пусть они и не грешили скверной девчоночьей напастью – пристрастием к ябедничеству, жеманностью и слезливостью. Тем не менее тихие радости вроде чтения книг или перелистывания толстых альбомов, найденных на чердаке, шитья кукольных платьев и тому подобных бесславных способов времяпрепровождения подлежали немедленному категорическому осуждению.

Они были по-настоящему счастливы в то лето. Больше никогда близнецы не испытывали такого всепоглощающего довольства жизнью и веры в мудрость взрослых и справедливость мироустройства. Наблюдая за Грейс Хоггарт, Оливия поняла, что кухня тоже разучилась испытывать тот детский восторг, благодаря которому черты её хоть и некрасивого, но по-своему милого лица озарялись светлой улыбкой.

Сейчас она хмуро надзирала за мужем, флиртующим с Вивиан.

– Не представляю, как это вы упустили шанс услышать самого Денни Денниса, – покачал головой Майкл с притворным сочувствием. – Это же неслыханно! Вам просто нечего будет рассказать друзьям у себя в Америке. Повезло вам, Вивиан, что мы с Грейси такие сердобольные. Возвращайтесь-ка в понедельник с нами в Лондон, и мы, так и быть, поведём вас развлекаться. Правда, Грейси? – обратился он к жене, не сводя жадного взгляда с Вивиан, покрасневшей от вина и ухаживаний.

– Ты, наверное, позабыл, что по вечерам мне совершенно не с кем оставить Полли, – с готовностью, будто ждала этого момента, язвительно ответила Грейс.

Майкл досадливо поморщился и бросил на жену тоскливый взгляд.

Внезапно Филипп светским тоном поинтересовался у Вивиан:

– Не составите ли нам с сестрой компанию? Мы собираемся прогуляться после ланча к морю. Погода, судя по всему, наладилась. Такие прогулки очень освежают, вы не находите?

Оливия во все глаза уставилась на брата, даже не скрывая, что пребывает в полном неведении относительно такого плана. Вивиан же, наслаждаясь ажиотажем вокруг своей персоны, звонко расхохоталась. В этом смехе переплелись и женское превосходство, и радость жизни, и ликующая хвала юности, беспечности и красоте. Она смеялась так заразительно, что даже Себастьян Крэббс растянул бледные губы в нерешительной улыбке, даже тётушка Розмари отвлеклась от десерта, который смаковала с детским восторгом.

Ланч подошёл к завершению, но никто не спешил расходиться. Благостная атмосфера сменилась томительным ожиданием. Присутствующие время от времени кидали на Матиаса Крэббса вопрошающие взгляды, но тот вовсе не торопился объявлять свою волю.

Наконец, гости встали, маскируя разочарование и с фальшивым оживлением обсуждая всякие пустяки.

Как только выдалась удобная минутка, Оливия тут же утащила брата подальше от столовой и набросилась на него с упрёками:

– Что это взбрело тебе в голову, Филипп? Ты даже не спросил меня, хочу ли я прогуливаться с этой особой. Вот не думала, что ты тоже попадёшься на удочку американской кухни. Да она же едва не

мурлычет от удовольствия, наблюдая, как вы с Майклом вьётесь вокруг неё!

– Ну ты и злюка, Олив. Может, попробуешь догадаться, зачем я так поступил?

Оливия, поджав губы, изучающе смотрела на брата.

– На самом деле я хотел увести её от Хоггартов, чтобы раньше времени не нарушать атмосферу семейного воссоединения, – продолжил он серьёзным тоном. – Кузина Грейс вот-вот взорвётся. Похоже, внимание, которое оказывает Майкл хорошеньким девушкам, заставляет её терять самообладание. Ещё немного, и грянет скандал, а, насколько я помню привычки дедушки Крэббса, свой покой он ценит превыше всего.

В подтверждение его слов совсем рядом с близнецами прозвучали чьи-то сбивчивые шаги, и тут же раздались приглушённые голоса. Филипп слегка толкнул Оливию в сторону коридора и сам тоже предпочёл остаться незамеченным.

– Ты даже не пыталась быть любезной, Грейс! – голос Майкла был так холоден, просто беспощаден. – Твоё поведение даже вежливым трудно назвать. Скажи, почему ты всегда умудряешься испортить всем настроение? Вечно эти твои нелепые подозрения, бесконечные придирки. Ты просто изматываешь...

– А мне надоело, что ты вечно делаешь из меня дурочку, Майкл! – в голосе Грейс слышались близкие слёзы. – Хотя бы здесь, в доме моего деда, ты можешь вести себя прилично? Как, по-твоему, я должна идти к нему и просить денег для тебя, если он видел, что ты готов флиртовать с каждой расфуфыренной куклой, которая оказывается рядом с тобой?

Разговор принимал серьёзный оборот, но тут беседу супругов прервал звонкий детский крик – малышка Полли возвещала миру о том, что она проснулась.

Глава четвёртая, в которой и Грейс Хоггарт, и Вивиан Крэббс постигает жестокое разочарование

Как ни желал Филипп сохранить мирную атмосферу в Гриффинхолле, скандал всё же разразился. Его отголоски близнецы застали, вернувшись с прогулки.

Погода, так многое сулившая утром, испортилась, порывистый ветер нагнал грозовые тучи со рваными краями. Запахло близким дождём. Филипп предложил вернуться в дом, пока не разразился ливень, и близнецы торопливо зашагали в обратном направлении, увязая в смеси мокрого песка и гальки.

Холодный ветер подгонял их в спину, тучи всё приближались, будто гнались за ними, и, чтобы не вымокнуть, чувствуя азарт, как в детстве, и жадно впитывая всё окружающее – гортанные вопли крачек, гнездившихся на берегу, желтоватую пену у кромки прибоя, вересковые пустоши, лежавшие тёмной волной там, дальше, над побережьем, – им пришлось бежать. На бегу Филипп взял сестру за руку, и на несколько мгновений прошедшие годы исчезли, растворились в птичьих криках и запахе водорослей, и близнецы вновь стали десятилетними.

У Оливии по дороге покривился каблучок, и она нешуточно расстроилась – это были единственные её приличные туфли. Запыхавшись, близнецы вошли в дом, и тут же им навстречу выбежала заплаканная Грейс. Её обычно бледное лицо покраснелось то ли от гнева, то ли от сильной обиды, губы кривились от сдерживаемых рыданий. Откуда-то из глубины дома доносились приглушённые крики, но кому они принадлежали, распознать было невозможно.

Чуть не налетев на Филиппа, Грейс вспыхнула и, громко всхлипнув, бросилась к раскрытой настежь двери, ведущей в сад. В нерешительности постояв минуту, Оливия направилась было туда же, но тут в холл быстрыми шагами, морщась от боли из-за плохо подогнанного протеза, вошёл Себастьян Крэббс.

– Что произошло? – отрывисто спросил Филипп, чувствуя, как внутри закипает гнев, обращённый на Майкла.

После прогулки по тем местам, что тринадцать лет назад служили для их троицы плацдармом для игр и сражений, Филипп будто снова ощутил ответственность за своё маленькое войско. К тому же женские слёзы всегда будили в нём сильные чувства. Когда отец близнецов сбежал, их мать, Изабелла Крэббс, женщина, на чью долю выпали суровые испытания, проливала столько слёз, что ими можно было заполнить целое озеро, и маленький Филипп отчаянно пытался стать для неё опорой, в которой она так нуждалась.

– Так что случилось, дядя Себастьян? – повторил он.

– Там... – Себастьян неопределённо махнул рукой куда-то за спину, – в лаборатории. Что-то произошло между ними. Я толком и не знаю. Подошёл, когда всё уже было кончено.

– В лаборатории? – непонимающе переспросила Оливия.

– Бабочки, – лаконично объяснил Себастьян Крэббс. – Там у отца энтомологическая коллекция. И инвентарь. Сачки, морилки и тому подобное. Они были там с Грейс, он показывал ей насекомых. Я работал в библиотеке. Решил побереечь ногу и не подниматься в свою комнату, – и он смущённо улыбнулся.

– Так это не из-за Майкла? – недоверчиво спросил Филипп в растерянности.

Себастьян Крэббс отрицательно помотал головой.

– Нет, Майкл здесь ни при чём. Его вообще нет в доме, отправился на прогулку.

– Дайте-ка, угадаю! – Филипп прищёлкнул пальцами: – С Вивиан? Себастьян, незаметно перенёс вес тела на здоровую ногу, сдержанно кивнул.

– Значит, скандал разразился между Грейс и дедушкой Матиасом? Близнецы в недоумении переглянулись.

– Всё же было так спокойно. И даже мило. Мне показалось, что дедушка и в самом деле рад нас всех видеть, – растерянно произнесла Оливия.

– Как я понял, – осторожно произнёс Себастьян, – ссора вышла из-за какой-то просьбы, с которой Грейс обратилась к отцу. Когда она выбежала из лаборатории, и дверь открылась, то до меня донеслось что-то вроде: «Стервятники! Вы все готовы по частям растащить Гриффин-холл, не дожидаясь моей смерти!»

– Стервятники?! – переспросил Филипп, в недоумении приподняв одну бровь. – А кого конкретно дедушка Матиас имел...

Заметив свирепую гримасу на лице сестры, он осекся и резко обернулся. Через двери, ведущие в сад, в холл неслышными шагами вошла Грейс Хоггарт. Её широкоскулое лицо было совершенно невозмутимым, только припухшие веки выдавали недавние слёзы. Намокшие волосы облепили крупную голову, тёмно-коричневое платье насквозь пропиталось водой и казалось почти чёрным, будто у вдовы. Беспомощно свесив руки по сторонам своего полноватого тела, Грейс смотрела на собравшихся в холле со спокойствием Мадонны, и от этой её бесстрастности Оливию почему-то пробрала дрожь.

Никто не смог подобрать нужных слов. В полной тишине, нарушаемой только шумом ливня за стенами дома, Грейс вступила на лестницу и медленно начала подниматься, внимательно глядя себе под ноги и оставляя мокрые следы на ступенях из благородного дуба.

Дождь так уютно барабанил по крыше над кукольной комнаткой тётушки Розмари, что пожилая леди не нашла в себе сил сопротивляться блаженной дремоте. С удобством расположившись в широком кресле, среди атласных подушек, она прикрыла глаза и теперь наслаждалась восхитительными ощущениями, охватившими её тело после такого роскошного ланча. Давненько она не пробовала столь изысканных блюд. А вино!.. Её брату чрезвычайно повезло, кухарка у него превосходная. Стараясь не думать о том, в какую сумму обошлась старшему Крэббсу трапеза, тётушка Розмари сбросила вышитые шёлковой гладью домашние туфли и удовлетворённо вздохнула.

Она уже успела погрузиться в лёгкое забытие, где ей что-то говорил улыбающийся всадник на гнедой лошади – и улыбка его была такой мягкой, такой понимающей, совсем как у Аллана, – но вдруг дверь её комнаты дрогнула, и почти сразу же в коридоре послышался приглушённый женский смех, а после настойчивый басовитый рокот.

Розмари Сатклифф с неудовольствием вздохнула, пытаясь задержать видение (теперь-то она уверилась, что всадником был

Аллан, просто его лицо выглядело намного старше, чем на той фотокарточке, которую он прислал ей незадолго до своей гибели), но в коридоре снова вспыхнул бархатистый воркующий хохоток.

Где-то рядом оглушительно хлопнула дверь. Смех и разговоры тут же смолкли, кто-то торопливо пробежал (шаги были такими лёгкими, словно принадлежали ребёнку), и в коридоре стало тихо. Губы пожилой леди тронула мечтательная улыбка, и тётушка Розмари вновь скользнула в упоительный сон, где Аллан был жив, а она ещё молода и ничего не знала о предстоящих потерях.

Не подозревая, что их с Майклом возвращение с прогулки помешало тётушке Розмари предаваться сладостным грёзам, Вивиан Крэббс медленно прикрыла за собой дверь. Надо же, как не вовремя дядя Себастьян решил выглянуть в коридор. Следует признать, что из этого могла получиться неловкая ситуация.

Вивиан строго напомнила себе, ради чего она приехала в Гриффин-холл. Прежде всего – дело, а потом уже развлечения. Да и не интересуется её особенно этот Майкл Хоггарт. Мужья бесцветных сварливых жён, конечно, добыча лёгкая, но несколько не соблазнительная. Намного больший интерес вызывал у неё кузен Филипп. Высокий, широкоплечий, с этой его загадочной усмешкой и таким видом, словно он постоянно начеку и готов к любой неожиданности. Было в нём нечто волнующее, что-то такое, отчего хотелось подойти ближе, заговорить, привлечь к себе его внимание.

Стащив промокший насквозь прогулочный костюм, Вивиан с отвращением свернула его и нетерпеливо дёрнула за сонетку. Взглянула в зеркало на туалетном столике и ужаснулась тому, как выглядит. От причёски остались только воспоминания, ливень не оставил аккуратным локонам, превращавшим её в белокурого ангела, ни единого шанса. Зато глаза озорно сияли, а щёки розовели без всяких на то ухищрений.

Вивиан больше не собиралась смиренно ждать, пока Матиас Крэббс прекратит держать всех в неведении относительно своей воли и вручит загадочное вознаграждение каждому из родственников. Она была сыта по горло и причудами своего английского деда, и унылой разношёрстной роднёй, и домом с его старомодным уютом, и даже Англией. Ей необходимо завтра же покинуть графство Саффолк, заскочить на несколько дней в Лондон и отправиться домой, в

Америку. Пусть остальные сидят за бесконечными завтраками, ланчами и обедами, разглагольствуют об истинных британских ценностях и заглядывают дедушке в рот, прикидываясь сплочённой семьёй. Ей всё это без надобности, ведь у неё особые отношения со старшим Крэббсом.

В дверь постучали. Вивиан отдала влажный свёрток веснушчатой горничной, поинтересовалась, где находится Матиас Крэббс, и торопливо начала приводить себя в порядок.

Лаборатория, о которой дед вчера обронил пару слов, представлялась Вивиан идеальным местом для её целей. Во-первых, в тоне старшего Крэббса сквозило плохо скрытое самодовольство, а это значит, что потрафить ему будет несложно. Во-вторых, именно там она сможет без помех рассказать старику о своих денежных затруднениях (разумеется, не вдаваясь в подробности) и получить необходимую сумму из своего содержания авансом.

Мурлыкая один из тех мотивчиков, что так любят бродвейские антрепренёры мюзиклов, она тщательно промокнула влажные волосы полотенцем и уложила их в массивный узел на затылке. Чуть припудрила лицо, самую чуточку подкрасила губы помадой модного в этом сезоне оттенка «Малиновый дьявол» и, придирчиво осмотрев своё отражение, осталась довольна увиденным. Спускаясь на первый этаж, Вивиан, в полосатом свитере и плиссированной юбке от Жана Пату, чувствовала себя обворожительной и была полна решимости завершить то, ради чего приехала в Гриффин-холл.

Ни в коридоре, ни на лестнице не было никого, только из холла доносились приглушённые голоса. Стараясь ступать на носочки, чтобы стук каблуков её не выдал, Вивиан прошла через библиотеку и прислушалась.

«...всех спасти, всех обогреть. Да как ты не понимаешь, что вмешиваться в дела других людей недопустимо?! Чужая жалость ранит, разве ты не помнишь?..»

Спорили близнецы, причём Вивиан поразились тому, какая неприкрытая страстность звучала в голосе Оливии Адамсон. Надо же, а выглядит, как истовая пресвитерианка.

Так же осторожно, крадучись, девушка пошла обратно и завернула в узкий коридорчик. Дверь лаборатории была полуоткрыта, но она всё равно дробно постучала латунным дверным молоточком.

– Кто там ещё? – тут же послышался сердитый голос Матиаса Крэббса.

– Это я, бабушка, – кротко ответила Вивиан, появляясь на пороге.

– А, это ты, Вивиан, милая, – лицо старшего Крэббса чуть разгладилось. – Входи, входи, не стой на пороге. Я тут, понимаешь, задумался кое о чём, и совсем позабыл, что вчера пообещал тебе показать своё собрание.

Оттого, что дед ей рад, и её приход, кажется, отвлек его от неприятных мыслей, Вивиан приободрилась.

– Да, бабушка, я так и поняла, поэтому решила сама напомнить. Обидно будет уехать обратно в Америку и так и не увидеть вашу знаменитую коллекцию.

– Какая же ты всё-таки куколка, милая! – искренне восхитился Матиас Крэббс, с удовольствием разглядывая довольно смелый для британских вкусов наряд Вивиан. – Не то что эта квёлая Грейс, которой хватило её куриного умишка только на то, чтобы выйти замуж за белобрысого прощельгу без роду и без племени. И с таким вкусом ты одета! Ну, это у тебя от матери. Что-что, а умение себя подать у Кэролайн не отнимешь. Хотя, знаешь, и Генри был настоящим щеголем. Видела бы ты их на приеме в честь бракосочетания! Оба – как с модной картинки. Молодые, полные жизни. Напомни мне потом, чтобы я показал тебе альбом с фотографиями за 1912 год.

Вивиан послушно кивнула, внутренне досадуя на неуместную словоохотливость деда и молясь про себя, чтобы поток воспоминаний о тех временах, когда её ещё и на свете не было, как можно скорее иссяк.

Однако Матиасу Крэббсу не так часто выпадала возможность похвастаться своей внушительной коллекцией, равно как и побеседовать о давно минувших днях. Со сводящей Вивиан с ума размеренностью он обстоятельно поведал ей пару забавных семейных баек из детства Генри, а после, галантно предложив согнутую в локте руку, принялся водить её по лаборатории, надолго останавливаясь у застеклённых витрин и подробно рассказывая о каждом экземпляре.

В коллекции старшего Крэббса были в основном самые обычные, ничем не примечательные представители местных разновидностей чешуекрылых, но встречались и удивительно красивые экспонаты, и несколько редких подвидов. Однако Вивиан ни о чём не говорили

названия *Vanessa atalanta rubria* или *Melitaea pallas*, для неё, с детства считавшей всех насекомых надоедливыми и несимпатичными тварями, сохлые трупки бабочек, нашедших свою смерть в морилке с цианистым калием, были донельзя отвратительны.

С каждой минутой ей становилось всё сложнее выказывать искренний интерес к энтомологии, с каждым шагом её голова всё сильнее наливалась свинцовой тяжестью от всех этих бесконечных рассказов о преследовании особо резвой *Hamearis lucina* или неудачи с обработкой *Fabriciana adippe*.

Наконец она сообразила: повторялась ровно та же история, что и во время вчерашнего ужина. Старший Крэббс вновь завладел беседой и не давал ей вставить ни слова, пресекая малейшие попытки перевести разговор на интересующую её тему.

«Да что с ним такое, в самом-то деле! – гневно вскричала про себя Вивиан. – Я второй день кряду слушаю истории старикана, а к цели не приблизилась и на дюйм! Старый хрыч просто водит меня за нос!»

Досада на старшего Крэббса заглушила хорошее воспитание, которое Вивиан получила в итальянском пансионе строгой сеньоры Пресенте. Темперамент девушки требовал немедленных решительных действий, и она, потеряв самообладание, повернулась к деду, прервав его увлекательный рассказ о метаморфозах *Limenitis camilla*.

– Прошу прощения, дедушка, но мне необходимо поговорить с вами о крайне серьёзном деле.

Вивиан порадовалась, что её голос прозвучал буднично, без умоляющих или гневных ноток.

– Что ж, тогда присядем, – ответил он довольно сухо.

Освободив для неё место за большим столом, на котором вперемешку с картонными обрезками, булавками и увеличительными стёклами лежали толстые полураскрытые книги с цветными рисунками, выполненными тонким пером, Матиас Крэббс уселся напротив и выжидающе уставился на внучку. У Вивиан участилось сердцебиение. Сотню раз она представляла, как легко и даже небрежно попросит деда об одолжении, и он, как истинный джентльмен, не требуя никаких унижительных объяснений, выпишет для неё чек. Ну, может, пожурит её слегка за транжирство в своей ироничной манере.

Однако всё пошло совсем не так, как она предполагала, и сумма, которую она ранее считала вовсе не обременительной для старого

Крэббса, теперь показалась ей весьма солидной, а все подготовленные заранее шуточные слова поблёкли и превратились в шелуху.

– Так о чём же ты, милая, хотела поговорить со мной? – в голосе деда напряжённая Вивиан уловила саркастические нотки. – Речь пойдёт о переезде в отчий дом твоего отца? Если так, то в Гриффин-холле тебе всегда рады, и ты это отлично знаешь. В этом всё дело?

– Нет, дедушка, всё не так, – покачала головой Вивиан и, запинаясь, продолжила: – Дело... дело в том, что я задолжала одним серьёзным людям крупную сумму. Так уж вышло, понимаете? У меня не было... не было другого выхода, вы понимаете?

Дед продолжал смотреть на неё в упор. Вивиан с тревогой наблюдала, как меняется его лицо. Ласковая улыбка исчезла, на щеках проступили красные пятна.

Торопясь объяснить всю важность своевременного возвращения долга, она сбилась, и в голосе её появились заискивающие нотки:

– И дело при этом очень срочное, дедушка! Они... Эти люди... Они ясно дали понять, что долг необходимо вернуть как можно скорее. Я даже думать боюсь, что будет, если я не смогу достать денег!.. Понимаете, всё очень, очень...

Из горла Матиаса Крэббса вырвалось клокотание, и Вивиан испугалась, что старика сейчас хватит удар. Он вскочил на ноги, наливаясь горячечным румянцем, и, вперив в неё указательный палец, силился что-то произнести.

– Дедушка, вам нездоровится? – с неподдельным ужасом спросила Вивиан. – Принести вам воды? Позвать Симмонса или миссис Уоттс?

– Ничего мне не надо! – гаркнул ей прямо в лицо разъярённый Матиас Крэббс. – Я хочу лишь одного: чтобы у меня прекратили кланчить деньги! Стервятники! Все вы только и ждёте моей смерти! Сидите там, у себя, и потираете руки в ожидании, когда старый Крэббс сыграет в ящик. Надеетесь на жирный куш! А я-то, старый дурак, решил, что смогу возродить семейные связи, снова объединить клан Крэббсов. Радовался, что все собрались под крышей Гриффин-холла. А на деле каждому из вас только подачка от меня и нужна! Стервятники! Все вы, до единого!

Услышав слово «подачка», Вивиан вспыхнула, её шею залила краска. Медленно поднявшись, она постаралась унять яростную обиду.

– Да, дедушка, вы правы, я жалкая попрошайка, протянувшая руку за подачкой, – голос её дрожал, но лицо было спокойным, хотя и мертвенно-бледным. – Я попала в скверную историю исключительно по собственной глупости. Я обратилась к вам, как к единственному человеку, который может мне помочь. Вы знаете маму. Её... её сложно назвать отзывчивой. И деньги у неё не задерживаются, так и утекают сквозь пальцы. И приехала я только потому, что вы позволили мне думать, будто я значу для вас больше, чем все остальные. Если бы у меня была надежда получить эти деньги у кого-нибудь другого, то вы бы даже не узнали о моём затруднении. Но ваших оскорблений я всё же не заслуживаю. Прошу меня извинить.

С этими словами Вивиан вышла из лаборатории, стараясь держать спину очень прямо, а голову высоко. Она ничего не видела перед собой от застилавшей глаза мутной пелены. «Всё кончено, всё кончено» – билась в её голове одна мысль. Механически переставляя ноги, девушка прошла через библиотеку и, уже войдя в холл, поняла свою ошибку.

Близнецы до сих пор были там. Увидев Вивиан, они совершенно одинаково воззрились на кузину, будто она превратилась в привидение или у неё вместо головы вырос куст. Хуже того, рядом с ними стоял тот надоедливый фермер, с которым она вчера ехала в одном поезде.

Что они здесь делают столько времени? И что они слышали? Старый Крэббс вопил как пароходная сирена, и, должно быть, теперь весь Гриффин-холл в курсе, что она клянчила у него деньги. Вскинув голову ещё выше, Вивиан холодно кивнула мистеру Как-его-там, ещё одним небрежным кивком удостоила близнецов и принялась подниматься по лестнице, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и силы покинут её.

Глава пятая, в которой послеполуденное чаепитие не обещает быть приятным

О том, что произошло в лаборатории старого Крэббса сначала при участии Грейс, а после Вивиан, в доме знали все, кроме тётушки Розмари. Пожилая леди самым приятным образом вздремнула после ланча и теперь была полна бодрости.

С экзальтацией, свойственной старым девам, она без умолку рассказывала всем, кто собрался в гостиной, про свой маленький садик и чудесные розы, которые в этом году превзошли все ожидания и удостоились похвалы придирчивой жены викария. Себастьян и близнецы рассеянно внимали ей в ожидании чая.

Хмурая Вивиан с очень прямой спиной сидела чуть в стороне от остальных. Бесперывная и пустая болтовня тётушки Розмари сводила её с ума. Она непроизвольно стиснула зубы и сразу же поймала проницательный взгляд Оливии.

Если Филиппа Вивиан считала чрезвычайно привлекательным, то к кухне Адамсон она, напротив, не испытывала никаких тёплых чувств. Девушка ещё при знакомстве показалась ей чопорной и высокомерной. Светлая кожа истинно английского оттенка, тонкие черты лица и серо-голубые, какие-то льдистые глаза в сочетании с блестящими каштановыми волосами, как ни странно, не превращали кухню в ослепительную красавицу. Виной этому, возможно, было её чересчур серьёзное выражение лица, такое, будто она прислушивалась к чему-то или пыталась вспомнить нечто очень важное для себя. Замкнутость и холодное самообладание всегда отталкивали Вивиан, привыкшую к свободному изъятию чувств, и не вызвали желаний близко сойтись со своей английской родственницей, хоть они и были ровесницами.

Старшая горничная, Эмма, внесла в гостиную тяжёлый серебряный поднос и принялась сервировать стол для чаепития. Тётушка Розмари заворожённо, как ребёнок, разглядывала этажерки с крохотными пирожными в глазури, горячими овсяными лепёшками и безупречными сэндвичами, выложенными аккуратной башенкой.

Закончив, горничная с достоинством произнесла: «Мистер Крэббс сейчас спустится к гостям», – и удалилась быстрыми шагами.

– Нет ничего лучше в такой промозглый день, чем выпить чашку крепкого чая с домашней выпечкой, – сияя, объявила тётушка Розмари и обвела взглядом присутствующих.

Она не понимала, почему все собравшиеся в гостиной так угрюмы. По устоявшемуся мнению пожилой леди, современная молодёжь несколько не умела радоваться жизни и её простым дарам. Возможно, причиной тому прогремевшая война, разрушившая тысячи семей и лишившая множество детей права на подобающее воспитание. Взять хоть малышку Полли, чьи яростные крики выдавали полнейшее неумение её матери справиться с капризами ребёнка. Грейс явно не до конца понимала свои материнские обязанности, но в этом её трудно было винить, ведь бедняжка так рано потеряла обоих родителей.

Сумбурные мысли тётушки Розмари прервало появление Матиаса Крэббса. Опираясь всем весом на трость, он тяжёлыми шагами преодолел пространство гостиной и грузно опустился в кресло. Брови его были мрачно сдвинуты, на лбу собрались морщины. Тем не менее голос его прозвучал крайне оживлённо, когда он обратился к сестре:

– Я так благодарен тебе, дорогая Розмари, что ты нашла время навестить меня. В конце концов, мы с тобой не понаслышке знаем, что это такое, когда за спиной оказывается больше лет, чем впереди. Радуетесь каждой малости, что ещё может обогреть душу и стать утешением на закате дней.

Матиас Крэббс глубокомысленно вздохнул и, наклонившись к сестре, легонько похлопал её по руке. Тётушка Розмари раскраснелась от такой неожиданной ласки и преисполнилась отчаянной надежды, которую не смогло омрачить даже неучливое напоминание о её возрасте.

– Молодым и невдомёк пока, как быстро пролетает жизнь, – с ласковой укоризной продолжил старый Крэббс, но тут же с извиняющимся смешком оборвал сам себя: – Но не будем навевать на всех тоску стариковскими историями. Вивиан, милая, не сочти за труд, побудь за хозяйку и налей всем по чашке чая.

Вивиан холодно улыбнулась и взялась за тяжёлый серебряный чайник. Филипп попытался прийти к ней на помощь, но Матиас Крэббс неожиданно для всех прикрикнул на него:

– Не стоит, молодой человек! Она прекрасно справится и сама. В конце концов, скоро наступит время, когда ей доведётся стать хозяйкой собственного дома.

Вивиан послушно принялась наполнять чашки и передавать их гостям. На какое-то время установилось молчание, нарушаемое треском поленьев в камине и звоном фарфора, однако продлилось оно недолго. По неизвестной причине Матиаса Крэббса вновь одолело мрачное расположение духа.

– А где же Грейс и Майкл? – спросил он рассеянно, принимая от Вивиан, старавшейся на него не смотреть, чашку с чаем и тарелочку с лепёшками и сэндвичами. – Гонг прозвучал ещё десять минут назад.

– Я видела Грейс, когда спускалась. Она направлялась в лабораторию, – услужливо подсказала тётушка Розмари, стараясь быть полезной.

– Не представляю, что ей там могло понадобиться, – нахмурился Матиас Крэббс. – Хочу заметить, что в этом доме принято соблюдать распорядок дня. Это правило распространяется и на...

– А вот и Грейс, – миролюбиво заметила тётушка Розмари, когда девушка робко вошла в гостиную. – О, ты стала так похожа на свою мать! Правда, Матиас, Грейс просто вылитая Патриция?!

– Не вижу особого сходства. Моей покойной дочери хватило ума удачно выйти замуж, – громко и отчётливо произнёс старый Крэббс, вытирая руки полотняной салфеткой. – Грейс этим похвастаться никак не может. Её отец, Джеффри Бедфорд, происходил из уважаемой семьи и был удостоен воинских почестей после геройской смерти на поле боя. А Грейс вынуждена самостоятельно устраивать дела своего легкомысленного мужа, чтобы сохранить неудавшийся брак.

Такое неожиданное заявление застало всех врасплох. Чашка в руке Грейс дрогнула, и чай выплеснулся на платье.

Пытаясь сгладить неловкость, тётушка Розмари проговорила дрожащим голосом:

– Война... Столько изломанных судеб. Как подумаешь, что пришлось пережить всем...

Матиас Крэббс бросил на сестру проницательный взгляд.

– Да-а-а, – протянул он задумчиво, откидываясь в кресле. – Кто-то погибает на войне с честью и удостоивается наград. Это служит утешением его семье. А кому-то, как, например, Аллану Уоллесу,

недостаёт ума добраться до линии фронта. Помнишь такого, Розмари? Он вроде бы ухаживал за тобой перед началом войны. Сын разорившегося виконта, который пытался спасти поместье тем, что собирался разводить породистых свиней. Именно я способствовал тому, чтобы этот недотёпа попал на фронт и принёс пользу своей стране, а не отсиживался в свинарнике. Переговорил кое с кем в нужное время. Только без толку – Уоллес свалился в окоп и сломал шею, даже не добравшись до передовой. Глупость несусветная, конечно, да что поделать. Думаю, оно и к лучшему, пользы на фронте от него не было бы никакой.

Тётушка Розмари всё это время, пока Матиас Крэббс рассказывал о судьбе несчастного, молча смотрела на брата, и по лицу её невозможно было ничего прочесть. Она не говорила ни слова, взгляд её был непроницаем. Чай стыл в её чашке, но она не сделала ни глотка с того момента, как в гостиной прозвучало имя Аллана Уоллеса.

Когда старый Крэббс закончил свою обличительную, наполненную издевательским сарказмом речь, у тётушки Розмари как-то странно искривились губы, и она охрипшим голосом произнесла:

– Но это же неправда! Он пошёл на фронт добровольцем. Я это точно знаю. Аллан сам мне об этом говорил.

– Как же! – усмехнулся Матиас Крэббс с непонятым злорадством. – Да его чуть ли не силком пришлось тащить. Позор, да и только. Старого Уоллеса именно это и подкосило. Слёг, и больше не вставал. И я его понимаю – каково это, когда собственные дети отвергают тебя в бесчестье?!

В гостиной повисла тишина, которую вскоре нарушил Филипп. С непроницаемым видом он решительно поставил чашку с чаем на столик, игнорируя предупредительный взгляд сестры.

– А как же быть с теми, кто вернулся с поля боя без наград и почестей, но вместе с тем потерял здоровье?

– Ты, Филипп, наверное, имеешь в виду твоего дядюшку Себастьяна? – поинтересовался Матиас Крэббс, не глядя на сына.

– Да, я говорю и о нём, и о множестве других, кого искалечила война и лишила возможности вести привычный образ жизни.

– Смеею заметить, война всех лишила возможности вести привычный образ жизни. Но она закончилась шестнадцать лет назад. Те, кто был способен хоть на что-то, кроме кропанья никчёмных

стишков, сумели добиться многого. Даже те, кто столкнулся с последствиями войны и оказался в самых невыгодных условиях. Да хотя бы взять моего соседа, владельца Эштон-хаус, чьи земли граничат с Гриффин-холлом. Получив в наследство практически один долги, налоги и старый дом с протекающей крышей, Джереми Эштон сумел возродить поместье к жизни. Исключительно своим трудом, хотя и удивительно было ожидать, что человек его воспитания способен стать грамотным землевладельцем. Кстати, Вивиан, милая, по-моему, ты знакома с мистером Эштоном? Он упоминал об этом, когда заходил сегодня днём.

Вивиан не слишком вежливо пожала плечами.

– Я пригласил его на ужин, – старый Крэббс выглядел довольным, сообщая этот факт. – Весьма дельный молодой человек. И с отличными манерами, что в наше время, к сожалению, можно сказать не обо всех молодых людях, – и он бросил многозначительный взгляд на Филиппа.

К этому моменту чаепитие давно уже превратилось в пытку для всех присутствующих. Тётушка Розмари, отпивая мелкими глоточками остывший чай, старалась не смотреть на брата. Близнецы с отсутствующим видом уставились на огонь, Вивиан нервно теребила подвески серебряного браслета. Себастьян неосознанно потирал больное колено и старался не привлекать к себе внимание. Только хмурая Грейс размеренно поглощала один за другим сэндвичи, не замечая, как крошки сыплются на подол её платья. Матиас Крэббс неодобрительно смерил взглядом её расплывшуюся фигуру и вздохнул.

– Я немного устал, – объявил он капризным тоном, будто родственники намеренно утомили его. – К ужину у нас будет ещё один гость – гостья, которую я хочу представить вам всем. А после ужина я, как и обещал, вознагражу каждого из вас. Надеюсь, что мои дары вас не разочаруют, и вы не пожалеете, что навелили старика в его скромной обители, – и он рассмеялся от высокопарности своих слов.

Присутствующие оживились, всеми силами стараясь скрыть это за деланным равнодушием, а тётушка Розмари с детской непосредственностью воскликнула:

– Гостья, Матиас? Кто же это? Ты что, написал кому-то ещё?

Но старый Крэббс уже покидал гостиную, пряча удовлетворённую улыбку и стараясь двигаться размеренно, без лишней спешки, как и подобает почтенному пожилому джентльмену.

Глава шестая, в которой Вивиан Крэббс получает пугающую информацию, близнецы вспоминают детство, а Айрис Белфорт демонстрирует твёрдость своих намерений

Время до ужина тянулось для Вивиан бесконечно. Она передумала уезжать из Гриффин-холла вечерним поездом, и теперь бесцельно бродила по дому, не в силах сидеть одна в комнате.

В сад было не выйти из-за непрекращающегося дождя, и девушка была бы рада любой компании, только б не находиться наедине со своими мыслями, но все гости сразу после чаепития разошлись.

Впрочем, в библиотеке, обложившись со всех сторон раскрытыми книгами, продолжал свои малопонятные занятия Себастьян Крэббс. У Вивиан мелькнула мысль поговорить с ним об отце – всё же они были родными братьями, – но она быстро отказалась от неё. У Себастьяна Крэббса был какой-то неприкаянный, страдальческий вид, а такие люди вызывали у неё жалостливые чувства, да и беседа с ним вряд ли могла бы её развлечь.

Тётушка Розмари на роль приятного собеседника тоже явно не годилась. Она вообще относилась к тем пожилым леди, которых Вивиан считала крайне утомительными особами. Такие вечно не в меру оживлённые, суетливые старушечки могут кого угодно довести до помешательства своей вздорной болтовнёй и ветхозаветными назиданиями.

Близнецы, так те вообще сразу после того, как старый Крэббс покинул гостиную, переглянулись и скрылись в неизвестном направлении. Вивиан, не имевшая ни сестёр, ни братьев, от этой молчаливой слаженности действий ощутила неведомую ей ранее сиротливость.

Лучше всего скоротать время ей помог бы Майкл. В нём она чувствовала нечто родственное себе. Он, так же, как и она, старался жить легко и беззаботно, без напрасных раздумий и сожалений, и ценил жизнь за её щедрость. Зная Майкла всего несколько часов, она с удовольствием принимала его двусмысленные, на грани приличий,

тяжеловесные комплименты, и искренне задавалась вопросом, что же он нашёл в её бесцветной кухне.

Поднявшись на второй этаж, она сняла туфли и босиком, на цыпочках, подошла к дверям комнаты, где расположились супруги Хоггарт. Медленно нагнувшись, Вивиан прислушалась. Из комнаты не доносилось ни звука. Ни Майкла, ни Грейс там, по всей видимости, не было.

За этим занятием и застал её Симмонс. Неслышно появившись в коридоре, он громко откашлялся и невозмутимо провозгласил: «Мисс Крэббс просят к телефону. С вами желает говорить миссис Фостер из Калифорнии».

Найдя в себе силы не покраснеть и чувствуя осуждающий взгляд дворецкого, Вивиан, чертыхаясь вполголоса, надела туфли и спустилась в холл.

Уже берясь за трубку, она увидела в просвет между половинками ширмы, отделяющей гостиную от холла, незнакомую женщину, которая стремительно удалялась в сторону библиотеки. Высокая, стройная, в коричневом твидовом костюме и маленькой шляпке, незнакомка двигалась по дому так, словно не раз уже бывала здесь.

– Алло! Алло, Вивиан?! Ты слышишь меня, дорогая? – из трубки умоляюще доносился голос миссис Фостер.

– Да, мама, я слышу тебя. Поздравляю с бракосочетанием, – будничным тоном произнесла Вивиан, всё ещё ломая голову над тем, кем же была увиденная ею молодая особа. – Как ты? Всё прошло хорошо? Вы с Реджи ещё не уехали в Гонолулу?

– О, свадьба была роскошная! Ты не представляешь, кого пригласил Реджинальд! Я просто глазам своим не поверила, когда... – нервные нотки пропали из голоса миссис Фостер, и она принялась перечислять именитых гостей, присутствовавших на свадьбе.

Вивиан, хорошо зная мать, дала ей выговориться, умеренно повосхищалась, задала несколько уточняющих вопросов по поводу наряда невесты и выслушала все подробности свежих светских сплетен. С кем-либо другим такой разговор мог бы стать достаточно долгим и утомительным, но миссис Фостер неизменно была куда-нибудь приглашена – выпить пару коктейлей, поужинать в ресторане или посмотреть нашумевшую пьесу, – так что все события излагала максимально коротко и ёмко. В этой же репортёрской манере она

сообщила дочери о том, что её усердно разыскивают двое настойчивых молодых людей.

– И ты знаешь, дорогая, они не сумели произвести на меня благоприятное впечатление, – в голосе миссис Фостер прозвучал кроткий упрёк. – Я считаю, тебе нужно больше заботиться о том, чтобы выбирать из своего окружения достойных молодых людей. Конечно, тебе виднее, в конце концов, моя юность позади, да и жизнь не стоит на месте, но хорошие манеры ещё...

У Вивиан похолодело внутри. Она перебила мать, стараясь, чтобы та не заметила ужаса в её голосе:

– Они представились?

– Кто, дорогая? – удивилась миссис Фостер, уже перескочившая на новую тему.

– Эти молодые люди.

– Вот только не говори мне, что ты всерьёз заинтересована кем-то из них, – упрёк превратился в осуждение. – Я уверена, что и Реджи этого не одобрит, а я теперь, знаешь ли, вынуждена считаться с его мнением.

– Мама, просто скажи, они назвали себя? И что они, вообще, хотели?

– Не помню, дорогая, вот совершенно вылетело из головы, – беседа успела наскучить миссис Фостер, и она торопилась её завершить. – Давай мы поговорим об этом, когда ты вернёшься домой. Я немного задержалась и уже прилично опаздываю к Вентвортам.

– Мама, стой! – Вивиан почти кричала, зная, как та любит неожиданно для собеседника заканчивать разговор. – Ты сказала им, где я сейчас? Постарайся вспомнить, это очень важно!

– Ну, конечно же, нет! – возмутилась миссис Фостер. – Я же говорю тебе, мне они совершенно не понравились. Я объяснила им, что ты решила навестить дедушку, но деталей уточнять не стала. Ну, всё, целую, дорогая, мне нужно бежать! Реджи уже начинает на меня злиться.

Связь со щелчком оборвалась. Вивиан, прижавшись лбом к гладкой прохладной стене, осталась стоять с телефонной трубкой в руке.

Единственными гостями, кто несколько не нервничал в ожидании ужина, были брат и сестра Адамсон. Сразу после чаепития они, как и условились между собой заранее, ускользнули на чердак.

Это место многое для них значило. Тут прошла внушительная часть лета 1921 года, которое было одновременно и самым счастливым, и самым трагическим в их жизни.

Благодаря чердаку дождливые летние дни, когда миссис Уоттс загоняла их неутомонную троицу в дом, несколько не омрачали настроение детей. Здесь у них было тайное царство, полное сокровищ и секретов.

У взрослых тем летом было полно своих мрачных забот, поэтому они несколько не досаждали Грейс и близнецам излишней опекой. Можно даже было сказать, что дети предоставлены сами себе, и это лучшее, по их мнению, что с ними могло случиться. Эти воспоминания близнецы продолжали бережно хранить в своих сердцах и долгие годы спустя.

Летнее счастье закончилось внезапно. Наступила осень, и вслед за этим Матиас Крэббс поручил миссис Уоттс подготовить детей для отъезда.

Все сокровища, дорогие сердцу каждого, кто хоть раз соорудил из старого комода кукольный дом или мастерил аэроплан из птичьих перьев, проволоки и шелковых нитей от разобранного на части тауматропа, остались на чердаке Гриффин-холла.

Они не успели ничего забрать, да и не получилось бы. Правилами пансиона Оливии и закрытой школы для мальчиков воспитанникам не позволялось привозить с собой игрушки и памятные вещи. «Чем быстрее ребёнок освоится в новой среде, тем лучше для него. Дисциплина и разумный распорядок дня вытеснят трагические воспоминания и не дадут развиться меланхолии или таким пагубным привычкам, как лень и слезливость», – в не терпящей возражений манере сообщила школьная директриса.

Это полностью совпадало с мыслями самого Матиаса Крэббса, который терпеть не мог сляктыства и собирался выполнить свой долг – дать осиротевшим внукам подобающее образование. Именно поэтому он, посоветовавшись всё с той же директрисой, завоевавшей его доверие, предпринял все необходимые меры, чтобы дети его преступной дочери, малодушно лишившей себя жизни, были

разлучены на несколько долгих лет и находились под строжайшим надзором.

В те годы ещё бытовало такое мнение, что близнецы нередко пагубно влияют друг на друга, и поэтому их в определённом возрасте разумнее всего разлучать без всяких сантиментов. Уж в чём в чём, а в сантиментах Матиаса Крэббса обвинить было сложно. Подчиняясь его воле, Филиппу и Оливии запретили переписываться и видеться до самого конца обучения. Предупредив педагогов о трагических обстоятельствах, произошедших в семье Адамсон, Матиас Крэббс высказал свои опасения, что его внуки могли унаследовать от матери лёгкую степень безумия, толкнувшую её на страшный поступок. С той поры Оливия и Филипп практически никогда не оставались одни. Каждое их действие, каждое слово подвергались пристальному изучению. Тоска друг по другу, охватившая обоих, и шок от известия о гибели матери толковались как непозволительная нравственная распущенность и меланхолическое расстройство.

В пансионе Оливии полагали, что подобные душевные хвори излечивает рукоделие и латынь, в школе для мальчиков же с тоской и сердечной болью боролись при помощи строгой муштры и принудительного вовлечения воспитуемого в коллективные игры на свежем воздухе. На каникулы близнецы оставались в опустевших дортуарах, продолжая обучение по облегчённой ввиду отсутствия полного штата учителей программе.

Только спустя несколько лет после отъезда из Гриффин-холла близнецы, благодаря Себастьяну, получили возможность обмениваться весточками. Послания друг для друга они аккуратно прятали под склеенные по краям листы писем к дяде, и он пересылал их ровно таким же образом.

Это давало им возможность преодолеть почти что тюремные школьные порядки. Незримая связь, ослабевшая за несколько лет разлуки, вновь окрепла – теперь близнецы считали каждый день до своего воссоединения.

Впервые после расставания брат и сестра увиделись в 1930 году. Близнецы запомнили друг друга детьми, и первые несколько минут после встречи молча, опешив от неожиданности, стояли, не проронив ни слова, заново изучая друг друга. Однако это по-прежнему были они – «бедняжки» Адамсон, воссоединившиеся наперекор судьбе.

Несколько скупых прикосновений и ничего незначащих, на первый взгляд, слов – и раздался не слышимый никому, кроме них, щелчок, знаменующий окончание тёмных времён и наступление новой эры. Мир близнецов вновь стал цельным, трещины заросли травой, хоть в них и продолжали ржаветь доспехи павших в этом невидимом сражении.

– Смотри-ка, а здесь, похоже, всё осталось по-прежнему, – обрадовалась Оливия, когда они проникли на чердак и предусмотрительно притворили за собой тяжёлую дверь.

Вместо ответа Филипп чертыхнулся, когда чуть не упал, запутавшись в полусгнившей лошадиной упряжи.

– Раньше чердак казался мне более просторным, – недовольно заметил он, отодвигая с пути носком ботинка комок подозрительной рухляди, откуда в разные стороны прыснул многочисленный паучий отряд.

– Дуралей, это просто мы были маленькие. Гляди, это же мистер Хатчинсон!

В углу, возле небольшого слухового окна, затянутого пыльной паутиной, стоял их давний знакомец – поролоновый манекен в старомодном фраке и цилиндре. Когда-то белоснежная манишка пожелтела и скукожилась, из рукава, набитого ветошью, торчала надломленная клюшка для крикета. Мистер Хатчинсон в своё время был неизменным участником многих чердачных забав, покорно соглашаясь на роли злодеев, которым всегда доставалось по заслугам.

– И мой дворец! И сани Снежного короля! И даже библиотека сохранилась!

Оливия нежно погладила старинную качалку, в которую был запряжён деревянный конь на колёсиках, и пробралась, согнувшись в три погибели, через сооружение из плетёных садовых стульев, преграждающее путь к самому укромному уголку чердака. Тут, в деревянных ящиках, установленных друг на друга, как на книжных полках хранились книги и альбомы.

Сняв с плеча высохший мушиный трупик, Оливия принялась перебирать содержимое библиотеки, но сразу же расчихалась и подняла этим ещё больше пыли.

– Как думаешь, дедушка не будет возражать, если я кое-что отсюда заберу? – рассеянно спросила она, отыскав нюрнбергского

ангела, но Филипп не ответил ей. – Или не стоит таскать за собой старый хлам? Где-то в крыше есть дыра, и половина книг пришла в негодность. Подушечные сиденья вообще выглядят так, будто их кто-то драл когтями. А за стойкой библиотекаря теперь мышьиное гнездо и...

– Ты можешь помолчать хотя бы минуточку? – светским тоном поинтересовался Филипп, резко выныривая из-за разошедшегося шкафа с висящей на одной петле дверцей.

– А что такое? – Оливия уловила в голосе брата напряжение.

Вместо ответа он поманил её к себе.

Девушка осторожно проползла под верёвочным ограждением, отделяющим «библиотеку» от хаотического нагромождения остальных чердачных сокровищ, и подошла к брату. Филипп сидел на корточках и, склонив голову, внимательно к чему-то прислушивался. Он сделал сестре предупреждающий знак, прижав палец к губам, и взглядом указал на расщелину в полу.

Доски в этом месте разошлись, образовав отверстие размером с фартинг⁵. Оливия, опустившись на колени, заглянула туда, но сначала не увидела ничего, кроме фрагмента скомканного ситцевого покрывала.

Она вопросительно вскинула брови, и Филипп прошептал ей на ухо: «Там кто-то есть. Девушка».

Оливия с удивлением и укоризной посмотрела на брата, ранее не замеченного в подглядывании за женщинами, но он раздражённо закатил глаза и легонько постучал пальцем по её правому уху, а потом указал вниз.

И правда, прислушавшись, она уловила то приближающиеся, то удаляющиеся мелодичные звуки. Кто-то немного фальшиво, но с душой, напевал «Свадебную карету для Дженни». Голос доносился то глуше, то звонче, будто его обладательница кружилась в танце.

У Оливии затекли ноги, и она, недоумённо пожав плечами и не находя большого интереса в том, чтобы подглядывать за прислугой (а комната под самой крышей, несомненно, принадлежала одной из горничных Гриффин-холла), пошевелилась в попытке встать. Её рука неловко задела пыльную медную вазу, та задумчиво покачалась и упала на жестяную коробку из-под кубиков мясного экстракта.

Филипп схватил сестру за локоть и заставил остаться неподвижной, но свадебная песенка оборвалась. Не в силах сопротивляться соблазну, Оливия медленно склонилась над отверстием в полу, и её взгляду предстал чей-то идеально ровный пробор на гладких чёрных волосах. Девушка стояла прямо под близнецами, чуть склонив голову и прислушиваясь, не раздастся ли снова странный шум с чердака. Для того чтобы задрать голову и обнаружить тайного соглядатая, достаточно было нескольких секунд.

Филипп сориентировался быстрее сестры – схватив щербатое блюдо с окаменевшим яблочным огрызком, он перевернул его и накрыл тайный глазок. Медленно и очень осмотрительно, стараясь не скрипеть половицами и не устроить ещё один тарарам, близнецы покинули чердак. Однако пока они ретировались, у Оливии не шли из головы мысли о том, что кухарка и экономка являлись почтенными седовласыми дамами, а молоденькие горничные Эмма и Дорис скрывали под белоснежными наколками золотисто-рыжие кудряшки.

После разговора с матерью Вивиан не находила места. Нервное напряжение, в котором она пребывала уже третью неделю, давало о себе знать.

Известие о том, что братья Люгер приступили к её поискам, заставляло думать, что всё намного серьёзнее, чем она предполагала. Происходившее больше не напоминало забавное недоразумение, теперь все слухи, ходившие о братьях Люгер и их должниках, вспомнились Вивиан в подробностях.

«Чёртов Джимми! В какую же дерьмовую переделку ты меня втравил!» – чуть не завопила она в голос, сжимая кулаки и чувствуя, как ногти до боли впиваются в мякоть ладоней.

Девушке стало тяжело дышать, узкий корсаж нательной грации стискивал её грудную клетку и мешал сделать глубокий вдох. Пытаясь справиться с невесть откуда взявшейся тошнотой, она глубоко вдохнула несколько раз, обхватив левой рукой шею, и ужаснулась тому, какие ледяные у неё пальцы.

Когда рядом раздалось вежливое покашливание, Вивиан чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Что с вами, кузина? Вам дурно? – в голосе Грейс звучало и любопытство, и затаённое злорадство. – Может быть, велеть принести стакан воды?

– Нет-нет, благодарю, у меня просто немного закружилась голова. Я... прилягу ненадолго, и всё пройдёт. Нет, правда, совершенно не о чем беспокоиться!

Грейс ещё какое-то время смотрела на кузину, и выражение её голубых водянистых глаз показалось Вивиан насмешливым.

– Ну, как угодно, – произнесла она и неспешно направилась в гостиную.

Вивиан проследила за тем, как Грейс пересекла комнату и скрылась за дверью библиотеки, а потом быстрыми шагами приблизилась к столику с напитками. Камин уже разожгли, на изломанных гранях хрустального графина пылали отсветы огня. Наполнив бокал золотистым виски, девушка торопливо сделала несколько глотков и присела на диван.

Шею, плечи и спину охватило приятное тепло. Кончики пальцев начало покалывать, тошнота и стеснённость дыхания отступили. Мысли Вивиан потекли спокойно, рассудительно. Никто не беспокоил её, дом затих, и она с удовольствием вслушивалась в уютный шелест дождя за окнами гостиной.

Посидев в полной тишине и абсолютно успокоившись, в голове у Вивиан сложился план. Теперь она корила себя за то, что так неумно повела беседу со старым Крэббсом. Вместо того чтобы выпрашивать крупную сумму сверх ежемесячного содержания, ей всего лишь нужно было попросить у него свою долю наследства и отказаться в письменной форме от дальнейших притязаний на капитал.

Такое решение показалось девушке и логичным, и справедливым. Она не сомневалась, что старик признает практичность её ума и с лёгкостью пойдёт на сделку.

Вивиан встала, разгладила платье, чуть подкрутила пальцем пару локонов у лица и решительно направилась к лаборатории, где она надеялась застать Матиаса Крэббса одного.

Минуя быстрыми шагами и гостиную, и библиотеку, где у дальней стены всё так же корпел среди раскрытых фолиантов такой нелепый в

своём бесполезном усердии Себастьян Крэббс, она свернула к лаборатории и была практически сбита с ног кузиной Грейс.

– Прошу прощения! – задыхающимся голосом произнесла та и, прижимая к себе правую руку, будто скрывала что-то в складках платья, неловко обогнула Вивиан.

Девушка проводила Грейс недоуменным взглядом. Раскрасневшаяся, будто от быстрого бега, с воспалёнными припухшими глазами – кузина теперь вовсе не выглядела насмешливой или злорадной. Сейчас она походила на женщину, мир которой перевернулся и обрушился ей на голову.

Однако у Вивиан были и свои проблемы, которые требовали срочного решения, чтобы вникать в перипетии семейных сложностей кузины Грейс. Она поправила узкий тугий поясок и приблизилась к дверям лаборатории.

Через приоткрытые створки до неё донеслись голоса. Один мужской, низкий, а второй явно принадлежал женщине, но звучал приглушённо.

«К старику пришла очередная попрошайка, – с раздражением подумала Вивиан. – Либо тётушка Розмари, либо гордячка Оливия Адамсон. Если тётушка, то она мгновенно доведёт его до белого каления, и мне придётся снова ждать, когда представится удобный случай».

Медленно сделав пару шагов вперёд, она приникла к щели между створками и заглянула в комнату. Вопреки её ожиданиям, в лаборатории не было ни Матиаса Крэббса, ни тётушки Розмари, ни Оливии. Она увидела, как Майкл, наклонившись, покрывает нежными поцелуями ладони девушки с короткой стрижкой. Незнакомка была одета в безвкусное полосатое платье, и Вивиан поняла, что именно её она заметила, когда беседовала по телефону с матерью.

– ...здорово, что ты всё-таки приехала, Айрис, дорогая. Я счастлив уже оттого, что вижу тебя, что могу говорить с тобой!

– Я приехала вовсе не ради тебя, Майкл, – голос девушки звучал холодно и отстранённо. – Я не изменила своего решения и не собираюсь делать это в дальнейшем. Тебе придётся смириться.

– Подожди, Айрис, подожди, не руби сплеча, прошу тебя, подумай пару дней. Столько усилий, столько времени потрачено! Неужели ты всёпустишь под откос, подумай, прошу тебя, подумай хорошенько!

Майкл в смятении сжимал руки девушки, качая головой. В его мольбах слышалась и затаённая ярость, и отчаянная надежда. На мгновение Вивиан даже стало его жаль, хотя на неё и произвела крайне неблагоприятное впечатление такая двуличность. На глазах жены ухаживать за её родственницей и тут же неведомым образом притащить в дом свёкра свою любовницу! Майкл или излишне самонадеян, или попросту привык, что ему всё сходит с рук.

Увлёкшись подглядыванием за неверным мужем несчастной кузины Грейс, Вивиан потеряла осторожность и сама чуть не попалась. В коридоре послышались голоса и торопливые шаги. Не раздумывая, девушка толкнула дверь чулана, находившегося рядом с лабораторией, и проскользнула внутрь крохотной тёмной комнатки. Из оконца под самым потолком сочился тусклый свет, к стенам жались узкие стеллажи. Затворив дверь, она притаилась в ожидании, когда освободится путь наружу.

Звук гонга, созывающий гостей Гриффин-холла к ужину, застал близнецов у входа в лабораторию, где они надеялись найти Матиаса Крэббса. Вместо него на пороге возник растерянный Майкл. Стремительно шагнув вперёд, он захлопнул за собой двери и пробормотал: «Надо же, а я был уверен, что мистер Крэббс здесь. Ну, увидимся в столовой». Дружелюбно кивнув, он, насвистывая, скрылся за поворотом.

К удивлению близнецов, дверь чулана вдруг распахнулась, и оттуда без тени смущения на лице вышла Вивиан. Не произнеся ни слова, только высокомерно улыбнувшись Филиппу и полностью игнорируя его сестру, девушка спокойно удалилась. Молодые люди проводили кузину удивлёнными взглядами и переглянулись.

Когда же и они покинули узкий коридор, из дверей лаборатории выскользнула Айрис Белфорт. С облегчением выдохнув, она стёрла капельки пота, выступившие на лбу, и отправилась по лестнице для прислуги наверх, в комнату, которая была её жилищем на то время, что она работала у Матиаса Крэббса, помогая ему писать мемуары.

Глава седьмая, в которой сюрприз, подготовленный Матиасом Крэббсом, не нравится никому из его гостей

Малышка Полли, как это частенько водилось по вечерам, пребывала в несговорчивом настроении и совершенно не желала укладываться спать. Потрясая пухлыми кулачками, она широко зевала и жмурилась, но отпускать мать не собиралась. Стоило Грейс дожидаться, пока дочь затихнет, и медленно отойти от колыбели, как та вновь принималась кричать, возмущённая таким вероломством.

Гонг прозвучал уже минут пятнадцать назад, и она была уверена, что все расселись за столом, решив не ждать её. Охваченная злостью на Майкла, который даже в Гриффин-холле умудрился связаться с какой-то сомнительной особой (по виду – вылитой горничной), и на старого Крэббса, отказавшего ей в помощи, Грейс обречённо качала колыбель, покоряясь воле маленькой тиранши.

Спасение пришло неожиданно. Экономка, сама вынянчившая пятерых братьев и сестёр, пришла поинтересоваться, не нужна ли её помощь наверху. Миссис Уоттс помнила Грейс ещё девочкой, серьёзной, рассудительной, с такой славной улыбкой, – впрямь, как солнце выглянет в хмурый день, – что сердце радовалось. А вот лопавшийся от самодовольства Майкл Хогарт не внушил ей добрых чувств, и все его дальнейшее поведение только утверждало пожилую женщину в мыслях, что ничего хорошего в этом браке её любимицу не ждёт.

Препоручив малышку Полли заботам опытной миссис Уоттс, Грейс с облегчением поспешила в столовую. По дороге она дала себе слово, что как следует проучит Майкла, и лицо её тотчас приобрело выражение презрительной холодности. «Только не размякай, как обычно, – приказала она себе строго. – И даже не вздумай слушать его оправдания!»

Целиком погрузившись в беседу с самой собой, она неуклюже ввалилась в ярко освещённую столовую и озадаченно застыла на пороге. Лакей Энглби и старшая горничная Эмма уже начали подавать

первую перемену блюд, но внимание Грейс привлекло совсем другое действие.

Во главе стола на стуле с высокой спинкой восседал хозяин Гриффин-холла, а рядом с ним с вызывающим видом стояла и держала его за руку именно та девица, которую Майкл совсем недавно хватал за плечи в лаборатории. У старого Крэббса было такое же выражение лица, как у человека, только что отпустившего преотличную шутку. С изумлением Грейс отметила, что в петлице его нарядного костюма пунцовеет пышная садовая роза.

Не в силах взять себя в руки, Грейс растерянно спросила:

– Что здесь произошло? Я что-то пропустила?

В ответ Майкл звонко рассмеялся и повернулся к ней.

– Да, Грейси, кое-что и вправду произошло. В семье ожидается пополнение. Мистер Крэббс только что объявил о своей женитьбе на мисс Айрис Белфорт. Представь себе, твой дедушка женится в следующую пятницу. Ну, не делай такое лицо, дорогая. Неужели ты не можешь просто порадоваться?

Потрясённая, Грейс бессильно опустилась на стул, который ей учтиво придвинул незнакомый молодой человек.

– Джереми Эштон, сосед и гость мистера Крэббса, – представился тот почтительно, и она машинально ему улыбнулась.

– Но это ещё не всё, дорогая Грейс, – продолжал Майкл. – Вы позволите? – взглянул он на Матиаса Крэббса с издевательской любезностью и, получив сухой кивок, бесстрастно произнёс: – А ещё мистер Крэббс объявил, что после свадьбы Айрис Белфорт станет его единственной наследницей. Для всех остальных своих родственников он приготовил ценные подарки, и будет иметь удовольствие вручить их нам после ужина.

– Да, твой муж верно передал суть моего объявления, – подтвердил Матиас Крэббс, медленно поднимая ладонь невесты и запечатлевая на ней собственнический поцелуй.

Тётушка Розмари от такого намеренно провокационного жеста полузадушено пискнула, словно мышь-полёвка в когтях филина. Грейс смотрела на Майкла непонимающим взглядом. Услышанное не укладывалось в голове.

– Я рад, что вы, дорогие гости, с таким вниманием отнеслись к моим матримониальным планам. Однако ужин остывает, а миссис

Гилмор вовсе не заслуживает того, чтобы её творения скармливали деревенским псам, – и Матиас Крэббс с удовольствием принялся за камбалу в сухарях.

Гости, вспомнив о приличиях, последовали примеру хозяина, исподтишка бросая взгляды на невесту.

Рыба на тарелке пахла самым аппетитным образом, но Грейс и кусочка проглотить не могла. Отложив приборы в сторону, она медленно опустошила бокал с вином и принялась в упор рассматривать Айрис Белфорт. Долговязая, костлявая, с такими тонкими губами, вымазанными ярко-красной помадой, что они больше походили на воспалённый шрам – да откуда взялась эта вульгарная девица с голодными кошачьими глазами? И что связывает Майкла с невестой её деда, определённо спятившего на старости лет?

–...сказал, что имел счастье увидеть свою первую правнучку. Сколько уже вашей малышке?

Грейс отвлеклась от назойливо теснившихся в голове мыслей и поняла, что сосед слева, учтивый молодой человек, задаёт ей какие-то вопросы. Она повернулась к нему и хрипло произнесла:

– Прошу прощения, я не расслышала.

В этот момент в поле её зрения попала Вивиан, и Грейс поразилась, с какой ненавистью та смотрит на Матиаса Крэббса. Широко распахнув глаза, будто она наблюдает одной ей видимые картины, девушка, застыв в напряжённой позе, вперила немигающий взгляд в окно. Лицо Вивиан было смертельно бледным, алый бант шелковой блузки, завязанный возле шеи, на фоне белоснежной кожи казался кровавой раной.

Молодой человек оставил попытки вовлечь соседку в разговор и повернулся к Себастьяну, а Грейс жадно принялась за еду, вдруг ощутив сильнейший голод. Разрозненные мысли продолжали роиться в её сознании, лоб сжимало невидимыми лентами, затягивающимися всё туже и туже. Вообразив, что все смотрят на неё, она вздрогнула, будто очнувшись, подняла глаза и убедилась: все присутствующие и правда смотрели на неё – кто с вежливым интересом, а кто с жалостью.

– Грейс, милая, ты разве не слышишь меня? – недовольный голос Матиаса Крэббса привёл её в чувство. – Хватит витать в облаках. Спустись на землю и удели внимание своей семье. Я говорил о том,

что для малышки Полли следовало бы найти хорошую няню с проживанием. В обязанности миссис Уоттс вовсе не входит возня с младенцами. Да и Майклу вряд ли нравится то, что ты так носишься с ребёнком и не уделяешь достаточно времени своему мужу.

– Няня? – переспросила Грейс, всё ещё не веря, что Матиас Крэббс прилюдно обсуждает её семейную жизнь. – Но к нам трижды в неделю приходит мисс Бэбкок из агентства Хартфилда, она весьма...

– Значит, пора найти профессиональную няню на полную неделю, – безапелляционно заявил Матиас Крэббс, делая знак лакею подавать следующую перемену блюд. – Не думаю, что эта Бэбкок компетентна. Полли производит впечатление плохо воспитанного и сверх меры крикливого ребёнка.

– Но ей же только десять месяцев! – задыхнувшись от возмущения, сказала Грейс. – Она ещё младенец! И у нас сейчас нет возможности оплачивать няню с проживанием.

– Это неважно, – отмахнулся от её слов старый Крэббс. – Хорошая мать занимается воспитанием своих детей с колыбели, а не перекладывает ответственность на других и не жалуется на обстоятельства. Дети – главное дело женщины, а забота её мужа – обеспечить семью должным образом.

Чувствуя, что на щеках расцветают пунцовые пятна, Грейс опустила глаза, желая оказаться за тысячу миль от столовой Гриффинхолла, а старый Крэббс всё не унимался.

– Мы уже наблюдали печальный пример того, как женщина, не желающая справляться со своими обязанностями жены и матери, разрушает собственную семью.

В наступившей тишине оглушительно звякнули приборы. Филипп Адамсон резко развернулся на стуле, уставившись на деда.

– Да, мой мальчик, ты абсолютно прав, – Матиас Крэббс со скорбным злорадством покачал головой. – Я всегда говорил Изабелле, что не одобряю её брак с вашим отцом. Нет, музыкант он был великолепный. Все, кому посчастливилось побывать на концертах великого Джона Адамсона, отмечали его мастерство и артистизм. Ваш отец был незаурядной личностью, это необходимо признать, но Изабелла, моя дочь, всегда отличалась склонностью к истерикам и неумением просчитывать ситуацию наперёд. Она не нашла ничего более умного, как сразу же после свадьбы обзавестись двумя

младенцами и наскучить мужу бесконечными придирками и требованиями. И вот итог, – старый Крэббс прищёлкнул пальцами, отчего тётушка Розмари, сидевшая рядом, нервно дёрнула шеей и заморгала, – Джон не выдержал постоянных упрёков и сбежал с легкомысленной певичкой, Изабелла, потеряв рассудок, покончила с собой, а несчастные сироты остались на попечении добросердечных родственников.

Матиас Крэббс поднёс бокал к губам, наблюдая за Филиппом. Тот с подчёркнутым спокойствием выдержал взгляд деда, наклонил голову, чуть улыбнулся, будто бы своим мыслям, и с аппетитом принялся за тушёного кролика. Вид у него был на редкость непроницаемый и добродушный, словно бы только что и не обсуждались подробности семейной трагедии, а память его горячо любимой матери не была оскорблена. Оливия же сидела очень прямо, бледная, отрешённая, только глаза блестели холодными льдинками, и билась жилка на виске.

Третью перемену слуги подавали в полной тишине. Даже Джереми Эштон, старательно пытавшийся сгладить неловкость и занять беседой Грейс и Себастьяна, отказался от своих намерений. Он всё чаще смотрел на Вивиан, отмечая нервную ломкость её движений и жестов, и на его лице проступали тревога и сочувствие, но никому бы и в голову не пришло сейчас наблюдать за гостем, так некстати оказавшимся за семейным ужином. Каждый молча пытался справиться с разочарованием после ошеломляющей новости о свадьбе старого Крэббса. И только один человек тщательно скрывал свою радость от происходящего: «Время, когда Матиас Крэббс заплатит по счетам, обязательно наступит. Когда-нибудь ему самому придётся получить полезный урок».

Глава восьмая, в которой Матиас Крэббс преподносит родственникам ещё один сюрприз и вновь не находит понимания

– Как ты это перенёс, Филипп? Как ты выдержал? – в голосе Оливии слышалась мука.

Филипп медленно выдохнул струйку дыма. Он стоял вполоборота к сестре, за его спиной сияли ярко освещённые окна гостиной. В воздухе до сих пор чувствовалась гроза, розы поникли под тяжестью дождевых капель. Устало вздохнув, он ответил:

– А как ты думаешь, как я выдерживал все эти годы заточения в Уиллмилле? Шепотки за спиной, перерастающие в прямые насмешки, внимательные взгляды менторов, издевательства старших учеников? Всегда находился кто-то, кому прискучивали обычные развлечения. И тогда вспоминали про «бедняжку» Адамсона, сына безумной матери и распутного отца. Ты и не представляешь, что мне порой приходилось выслушивать. Отцы моих однокашников могли спускать состояния на скачках, проигрывать семейное наследство за игорным столом, предаваться самым гнусным порокам. Их матери заводили любовников, производили на свет незаконных отпрысков. Но это было не в счёт – ведь всё происходило тайно, без огласки. Титул и деньги могут заткнуть рты всем недоброжелателям. А я всегда оставался мишенью, ведь за моей спиной не было ни влиятельных родственников, ни связей. Только дурная наследственность и семейный скандал с примесью безумия.

В вечернем сумраке сада мерцал багряный кончик сигареты. Оливия поёжилась, вспоминая безобразные выходки пансионеров и холодное презрение наставниц, и не желая рассказывать об этом брату. Всё осталось в прошлом, ни к чему заставлять его испытывать бесплодные сожаления о том, что он не смог её защитить.

– Поэтому, Олив, подначки старого Крэббса не попали в цель. Я теперь слишком толстокожий для этого. Но, знаешь, не буду скрывать, мне бы хотелось, чтобы старик заплатил за твои слёзы. И я бы хотел, чтобы каждый, кто оскорбляет память Изабеллы, заплатил за это.

– Я уже в порядке. Правда, – чуть гнусаво ответила Оливия, отворачиваясь и деликатно сморкаясь в платок. – Но больше всего мне хочется уехать отсюда. Не понимаю, как я могла быть такой дурищей – вообразить, что дедушка соскучился, что он и правда хочет семейного воссоединения.

– А у меня так прямо гора с плеч, – усмехнулся Филипп. – Поначалу меня чуть не обманули его елейные речи, но после, когда он за чаем принялся терроризировать тётушку Розмари, я сказал себе: «Вот теперь старый Крэббс прежний!» У меня просто от сердца отлегло, вот честно.

– Всё равно, я хочу уехать отсюда, – упрямо помотала головой Оливия.

– Уедем, не переживай. С утра соберём вещички и укатим сразу после завтрака, – Филипп нашёл в темноте ладонь сестры и ободряюще сжал. – А пока давай узнаем, что ещё за сюрприз приготовил нам Матиас Крэббс.

Когда близнецы вошли в холл, из полумрака выступил Симмонс. Дворецкий поклонился и доверительно сообщил:

– Напитки поданы в мастерской. Мистер Крэббс распорядился проводить вас туда.

Пока Оливия и Филипп следовали за ним, обоих, против их воли, невзирая на сильнейшую обиду, охватывало любопытство.

В далёком детстве, в те годы, когда была жива их мать, а отец ещё только предпринимал первые шаги на пути к успеху и славе, близнецы на каждое Рождество получали от Матиаса Крэббса поистине чудесные подарки. Составные картинки в лаковом сундучке, куклы: знатная дама с кружевным зонтиком и горничная с двумя форменными платьями, лошадка на колёсах с искусно вырезанной из дерева пышной гривой; трёхъярусный кукольный дом, полный миниатюрных обитателей, ведущих крайне содержательную жизнь. К дому прилагался и каретный сарай с двумя расписными каретами, и конюшня с лошадьми и грумами, и картинная галерея – завёрнутые в плотную обёрточную бумагу, эти дары наутро достаивались

восхищённых возгласов и становились тщательно оберегаемыми сокровищами. Позже все эти чудеса поблёкли и были утрачены в скитаниях или оставлены в захудалых пансионах и меблированных комнатах в уплату за постой. В той кочевой жизни, которую близнецам пришлось вести по прихоти их матери, потерявшей не только мужа, но и саму себя, не было места памятным хрупким вещицам.

И сейчас, против собственной воли, брат с сестрой ощутили забытое волнение – будто это не внушительная фигура Симмонса плывёт перед ними неспешно, а отец ведёт близнецов к запертой двери, за которой их ждут ошеломляющие открытия.

Двухстворчатые двери распахнулись, и Оливия с Филиппом непроизвольно зажмурились от ярчайшего света. После погруженного в вечернюю тьму влажного сада и полумрака коридора мастерская слепила огнями. Когда-то в этой комнате располагалась оранжерея – застеклённый потолок и стены, а также сложная система вентиляции до сих пор находились в удовлетворительном состоянии.

Сейчас множество хаотично расставленных ламп и свечей превращали комнату в волшебный фонарь. Контрастные участки света и тени создавали таинственную атмосферу, подсвеченные снизу лица гостей казались незнакомыми и значительными. Откуда-то доносился запах пряностей и ванили.

– Выходили освежиться? – как ни в чём не бывало, благодушно поинтересовался Матиас Крэббс, приветствуя близнецов. – Я и сам люблю прогуляться после ужина. Благодаря Чепмену мне удаётся содержать сад в образцовом порядке. Даже не представляю, что мы с Айрис будем делать, когда он уйдёт на покой. Сейчас такая проблема найти опытного и работающего садовника – и при этом все ноют, что кругом безработица! Порой мне кажется, что страна никогда уже не станет прежней.

Старый Крэббс вздохнул и удручённо покачал головой. Он сидел за круглым столиком на двоих, рядом с ним, полужёжа в низком кресле, в очень расслабленной и несколько вызывающей позе расположилась мисс Белфорт. Её губы изгибались в приторной улыбке, и по лицу девушки было заметно, что она ощущает себя хозяйкой положения. Неодобрительные взгляды невеста Матиаса Крэббса встречала с холодным равнодушием.

Перед ними на спиртовке подогревался медный чайничек, и стояли две керамические чашки с толстыми ручками. Из-за грубой росписи они казались поделками неумелого ребёнка, а не принадлежностями для чаепития в таком традиционном доме, как Гриффин-холл. Напитки для остальных гостей были сервированы на подносах, устроенных на всех доступных поверхностях.

Если в комнатах дома стараниями горничных Эммы и Дорис поддерживался образцовый порядок, то в мастерской царил полный хаос. Мольберты, накрытые полотнищами, пустые холсты, деревянные рамы, громоздившиеся в углу, альбомы, кисти, краски, гипсовые бюсты – никакой системы в расположении всего этого добра не прослеживалось. Некая упорядоченность присутствовала только в одном месте: всю дальнюю стену мастерской занимали картины, преимущественно натюрморты. Было и несколько пейзажей, и дюжина портретов – все они висели по центру и изображали молодую женщину в различных одеяниях и экстравагантных головных уборах. Присмотревшись, в натурщице было несложно узнать мисс Белфорт.

Для того чтобы скрыть нетерпеливое ожидание раздачи обещанных ценных подарков, гости Матиаса Крэббса разбрелись по мастерской и принялись разглядывать предложенные их вниманию картины.

– Жуткая мазня, вы не находите? – раздражённо буркнул Майкл, оказавшись рядом с Вивиан. – Надеюсь, ваш дед не мнит себя художником. Если честно, ничего ужаснее не видел.

– Я не очень хорошо разбираюсь в живописи. Полагаю, как и вы, – холодно ответила ему девушка и отошла смешать себе коктейль.

Майкл проводил её мрачным взглядом. Привыкнув легко покорять женские сердца, он недоумевал, по какой причине эта американская куколка вдруг превратилась в ледышку.

Вивиан же сейчас больше всего занимал вопрос, как скоро братья Люгер выяснят её местонахождение и какие действия предпримут после этого. Весь вечер фантазия рисовала ей варианты дальнейшего развития событий, раз от раза всё ужаснее, и к окончанию ужина она находилась в совершенно издёрганном состоянии. Известия о свадьбе деда и новом завещании лишили её последней надежды на спасение.

Крепкий коктейль нисколько не успокоил измученные нервы. Наоборот, стоя с бокалом в руке и подозрительно вглядываясь в

черноту за стеклом, Вивиан привиделись в глубине сада неясные фигуры. Куда бы она ни пошла, ей мерещился цепкий взгляд шпиона, затаившегося в темноте. Вообразив, что для внешнего наблюдателя она представляет собой идеальную мишень, девушка вздрогнула и мысленно приказала себе успокоиться, но уже не смогла избавиться от этого ощущения.

Чувствуя, что ещё немного, и она окончательно потеряет самообладание, Вивиан приблизилась к Джереми Эштону, который с интересом рассматривал натюрморт с битой дичью, грешивший искажённой перспективой. То, что её неосознанно раздражало в этом человеке раньше, теперь казалось привлекательным: широкоплечая коренастая фигура; лучики морщинок в уголках глаз, свидетельствующие о добродушном характере; мягкая улыбка, излучающая спокойствие и невозмутимость. Сама не зная почему, стоя рядом с ним, она сумела успокоиться и унять дрожь в руках, из-за которой кубики льда в её бокале издавали тонкий, сводящий с ума звон.

Только она приготовилась завязать разговор и извиниться за свою недавнюю грубость, как Матиас Крэббс нарочито громко откашлялся.

Все, кроме Джереми Эштона, обернулись – кто-то резко, поспешно, не скрывая своего нетерпения, а кто-то с похвальной неторопливостью, не сумевшей, впрочем, обмануть никого из присутствующих. Тётушка Розмари, ещё с чаепития находившаяся в странном оцепенении, резко вскинула голову и принялась сверлить брата тяжёлым взглядом. Она сидела на краешке стула, опустив плечи и бессильно уронив на колени маленькие и очень белые руки с выпуклыми синеватыми жилками. В свете направленной в её сторону яркой лампы можно было рассмотреть потрёпанные рукава старомодного шерстяного платья, подкрашенные чернилами носы стоптанных туфель и аккуратную штопку на чулках.

Все разговоры смолкли, в мастерской установилась насторожённая тишина. По стёклам с тихим шорохом вновь побежали струи дождя, и где-то вдалеке короткой вспышкой просверкнула молния.

Хозяин Гриффин-холла широко улыбнулся, но обстановку разрядить не получилось. Восемь пар глаз смотрели на него внимательно, требовательно, и на мгновение Матиасу Крэббсу стало

страшно. Его посетила трусливая мысль отказаться от намеченных планов, оставить всё как есть, не переступить Рубикон, за которым его могло постичь поражение.

Пауза затянулась, но никто, кроме Айрис, не посмел её нарушить. Недовольно поджав губы, она медленным, змеиным движением выпрямилась в кресле и нетерпеливо забарабанила по столу.

Отбросив колебания, Матиас Крэббс встал и решительно объявил:

– Как я уже говорил, после нашей с мисс Белфорт свадьбы вступит в силу новое завещание. Согласно моей воле, всё имущество и капитал, когда придёт время, получит моя жена, – и он кивком указал на Айрис Белфорт. – Но, искренне воздавая каждому, я приготовил для вас подарки.

С этими словами Крэббс встал и подошёл к мольбертам, выстроенным в ряд за его спиной. Их содержимое скрывали полотнища ткани, свисавшие до самого пола.

Остановившись возле них, он повернулся к гостям и несколько театрально простёр к ним руки:

– Я создавал эти картины, думая о каждом из вас. Представлял, как вы сохраните их на память о старике. Может статься, после моей смерти они даже станут реликвией в ваших семьях и будут передаваться из поколения в поколение.

Это смелое предположение, казалось, растрогало Крэббса. Глаза его воодушевлённо заблестели.

Майкл посмотрел на собрание натюрмортов и его передёрнуло от такой перспективы. Он попытался поймать взгляд Айрис Белфорт, но девушка, казалось, искренне не замечала его. Её внимание было приковано к медному чайничку на спиртовке, из носика которого вилась тонкой струйкой ароматный парок.

«Ну и постные у всех физиономии! – не мог не восхититься Майкл, которого всегда забавляли чужие провалы. – Ушлый старикан оставил с носом не только меня, но и всю свору бедных родственничков. Представляю, как они клянут его про себя на чём свет стоит».

Все и правда заметно поскущели. Лицо тётушки Розмари горестно сморщилось от разочарования и обиды, с которыми она безуспешно пыталась справиться, изрядно повеселив этим Майкла. На жену он старался не смотреть, Грейс окончательно утратила

самообладание, раскисла и выглядела до того неопрятно, что ему было стыдно за неё.

Однако Матиас Крэббс будто и не замечал всеобщего уныния. Он суетливо перемещал мольберты – то отступая в сторону, то придвигаясь ближе, – вглядываясь, прищуривая глаза, в расположение ламп под потолком, чтобы оценить, наилучшим ли образом будут выглядеть его творения, когда он представит их. Пока хозяин хлопотал, гости обменивались робкими недовольными взглядами, а Джереми Эштон, явно в смущении от своего присутствия при назревающем семейном скандале, принимал всё более непринуждённый вид.

Наконец, Крэббс завершил все приготовления. Ещё раз отступив от мольбертов, он, склонив голову, удостоверился, что свет падает нужным ему образом и остался удовлетворён.

– Розмари, дорогая моя сестра! Для тебя у меня особенный дар. Знаю, как ты ценишь изящные вещи. Я вложил в эту картину всё своё мастерство, чтобы она напоминала тебе о счастливых днях, проведённых в Гриффин-холле, – торжественно провозгласил Матиас Крэббс и с издевательской, как показалось близнецам, усмешкой сорвал полотнище с первого мольберта.

Подарок для тётушки Розмари представлял собой небольшой пейзаж в тонкой позолоченной раме. Картина была написана в духе Констебла, однако тщательно выполненной копией не являлась, скорее, неумелой стилизацией. Она изображала Гриффин-холл в лучах заходящего солнца, и, хоть многие детали и выдавали неопытность художника, полотно в целом производило впечатление старательной работы. Ничего особо примечательного в картине не было, если не считать слегка искажённой перспективы, отчего дом будто кренился назад, угрожая опрокинуться и увлечь за собой и пышные сливочные облака, и сияющее, сизо-голубое, как брюшко макрели, небо.

Тётушка Розмари растерянно пробормотала что-то, весьма отдалённо напоминающее слова благодарности.

– А вот эта вещь, не скрою, далась мне нелегко, – с усталой улыбкой творца Матиас Крэббс покачал головой. – Грейс, милая, посмотри-ка, что я приготовил для тебя.

Занавесь скользнула на пол, и все ошеломлённо замерли. Крупное полотно изображало женщину в полный рост, одетую то ли в рубище, то ли в лохмотья. Голова её была обнажена, длинные тёмные волосы

струились по плечам. В груди женщины зияла рана с обугленными краями, в глубине её мерцало багровое сердце, а руки, раскинутые, словно в смертной муке, сжимали две розы на толстых стеблях – алую и белую.

Грейс с суеверным ужасом смотрела на свой подарок, не в силах вымолвить ни слова. Майкл, и до этого не скрывавший своего скепсиса в отношении художественной ценности представленных в мастерской полотен, медленно подошёл к мольберту и, приблизив лицо вплотную к холсту, принялся самым пристальным образом рассматривать картину. Будто бы удовлетворённый результатом своих изысканий, он многозначительно хмыкнул, резко выпрямился и отошёл в сторону, демонстративно скрестив руки на груди. Грейс же так и не поблагодарила деда, промолчала, стараясь не смотреть ни на него, ни на картину.

Такая реакция супругов Хоггарт возмутила Матиаса Крэббса. Его благодушное настроение резко изменилось, и он уже без всяких предисловий представил оставшиеся полотна, суховато произнося имя того, кому предназначался дар.

Оливия получила небольшую картину, на которой был изображён скелет во фраке, стоявший на мраморной лестнице и державший в одной руке пышную гроздь цветущего водосбора, а в другой китайский фонарик. Филиппу досталось полотно, больше похожее на иллюстрацию в одном из субботних развлекательных журналов, которые продают мальчишки-газетчики на Стрэнде: по тёмному коридору с уходящей вдаль перспективой бежало, спасаясь от подступающей тьмы и припадая на один бок, белоснежное яйцо на восьми тонких паучьих ножках. У него не было глаз, только круглый, раззявленный в немом крике алый тонкогубый рот. Холст удивительным образом передавал напряжение и отчаяние существа, которое пыталось избежать встречи с чем-то ужасным, преследующим его, хотя при этом и само внушало зрителю изрядное отвращение.

Картина, предназначавшаяся в дар Вивиан, была выполнена в совершенно другой манере. Она представляла собой приятный глазу натюрморт с цветами, фруктами, большим глиняным кувшином и пёстрым попугаем, который с задумчивым видом сидел на краешке стола. В центре композиции располагался букет маргариток, и, к чести художника, стоило отметить мастерское исполнение – каждый

детально выписанный цветок пленял взгляд свежестью и нежной простотой. Однако предметы второго плана виделись расплывчато и мутно, словно художник, утомившись, решил, что с него хватит и стремился побыстрее закончить свою работу.

Картина Себастьяна тоже выбивалась из общего ряда: бесконечный глаз-анфилада со зрачками самых невероятных форм образовывал туннель, затягивающий зрителя в свою сердцевину. Несмотря на яркие краски, впечатление она производила скверное, и неясно, что было тому виной – изломанная перспектива или общая перегруженность холста деталями и цветом.

Казалось, сложно вообразить, что все эти полотна созданы одним человеком. Правда, никто из присутствующих и не размышлял о многогранности таланта художника, вместо этого – кто с раздражением, а кто с весёлым сарказмом, – все рассматривали дары Матиаса Крэббса.

Напряжение последних часов отступило, гости вдруг заговорили громко и бессвязно. Переходя от картины к картине, они неловко задевали друг друга, рассеянно извинялись и спешили к следующему мольберту.

Мисс Белфорт отвлеклась от медленно закипающего на спиртовке шоколада и теперь с усмешкой наблюдала за суетой у мольбертов. Сев спиной к столу, она оперлась острым локотком о гипсовую античную колонну и, упёршись подбородком в сложенные кулачки, принялась с нетерпеливым любопытством прикидывать, кто же первый из присутствующих пренебрежёт правилами хорошего тона и напрямую выразит недовольство неравноценной заменой наследству.

Оливия, заметив этот жадный азарт, только укрепилась в своей неприязни к нахальной девице. Из-за духоты у неё разболелась голова, возмущённые голоса родственников начали сливаться в единый тягучий гул. Она возненавидела себя за то, что оказалась несколько не лучше остальных и попала на крючок Матиаса Крэббса, позволив ему заманить её с братом в Гриффин-холл и куражиться тут над ними, оскорбляя память их матери.

«Ну, всё, с меня хватит», – подумала она и решительно двинулась к Филиппу, намереваясь сообщить ему, что уходит к себе и больше не собирается участвовать в навязанном им представлении.

По-видимому, Грейс Хоггарт приняла такое же решение. Не обращая внимания на мужа, ведущего оживлённую беседу с Вивиан, та пробиралась мимо чайного столика, за которым вполоборота сидела Айрис Белфорт. С пылающими румянцем щеками и нездоровым блеском в глазах она, проходя мимо невесты Матиаса Крэббса, смерила её уничижительным взглядом, и Оливия чуть не вздрогнула от неожиданности, заметив гримасу злобной неприязни, на мгновение исказившую мягкие черты кузины Грейс.

Раздались громкие хлопки. Все разговоры резко смолкли, только тётушка Розмари, будучи глуховата, продолжила жаловаться Себастьяну Крэббсу на действия соседского пса, испортившего её цветник. «И тогда я была вынуждена... надеюсь, вы понимаете меня... просто вынуждена сообщить об этом викарию, чтобы он вмешался и провёл беседу с этими невоспитанными Юмансами, которые и понятия не имеют о настоящих добрососедских...»

– Позволь мне прервать тебя, дорогая сестра, – Матиас Крэббс досадливо откашлялся, и тётушка Розмари, нашедшая в племяннике внимательного слушателя и радостно углубившаяся в описание своих запутанных отношений с соседями, с неудовольствием замолчала.

Крэббс выдержал небольшую паузу, обвёл взглядом присутствующих и, убедившись, что сумел привлечь внимание всех без исключения гостей, торжественно объявил:

– Я должен сообщить вам ещё кое-что. Часть капитала, принадлежащего мне, я в своё время выгодно вложил в драгоценные камни. Коллекцию большей частью составляют алмазы, но есть и несколько превосходных изумрудов и рубинов. Каждому из вас причитается часть этой коллекции. В картинах, которые вы получили от меня в дар, заключён секретный шифр, указывающий, где находится тайник.

Глава девятая, в которой никто в Гриффин-холле не может уснуть до самого утра

Заявление Матиаса Крэббса произвело небывалое действие. Все ошеломлённо смотрели на него, и было видно, что старый джентльмен наслаждается произведённым его словами эффектом.

Тётушка Розмари, которую потрясения этого длинного дня окончательно выбили из колеи, донимала Себастьяна Крэббса, цепко схватив его за локоть: «Что сказал Матиас? Что он сказал? Это какая-то шутка, да? Игра в поиски сокровища?»

В гулкой тишине её возбуждённый лепет стал первым камешком, после чего на Крэббса обрушилась лавина вопросов, но тут отчётливо прозвучал голос Айрис Белфорт.

– Шоколад готов, Ма-а-тиас, – протянула она чуть насмешливо, будто её саму забавляла нарочитая интимность этих слов.

Все, кроме Джереми Эштона, державшегося в стороне, неприязненно уставились на девушку, она же ловко притушила спиртовку и, обернув ручку медного чайника салфеткой, разлила по глиняным кружкам дымящуюся густую жидкость.

– Прекрасно! – Крэббс вернулся за стол и с воодушевлением предложил: – Может быть, кто-то ещё хочет присоединиться? Мы с Айрис привыкли по вечерам пить горячий шоколад со специями. Настоящий напиток богов! Для тех, кто понимает, конечно. Айрис привезла рецепт из Мексики, где провела месяц с археологической экспедицией. Такой же напиток много тысяч лет назад пили жрецы во время человеческих жертвоприношений.

Никто из присутствующих не выразил желания воспользоваться его приглашением, особенно после такого мрачного заявления. Гости, забыв про напитки, устремились к мольбертам, теперь уже с совсем другим чувством рассматривая полотна, полученные ими в дар.

Майкл и Грейс, схватив картину, отошли в сторону и принялись вполголоса ожесточённо спорить. Вивиан поднесла свою к самой яркой лампе и, прищурившись, вглядывалась в мазки на холсте, будто надеялась обнаружить подсказку в толще художественных слоёв.

Близнецы с недоверием поглядывали друг на друга, а тётушка Розмари продолжала терзать покладистого Себастьяна вопросами.

– Да, совсем забыл сказать, – спохватился Крэббс. – Вам следует знать, что все тайники находятся на территории Гриффин-холла, а шифр скрыт именно в изображении. Не стоит повреждать картины: ни холст, ни рама не станут ответом на загадку. При этом для каждого из вас я использовал уникальную комбинацию символов, которая будет понятна только...

Порыв ветра заставил распахнуться одно из окон, находившихся на высоте человеческого роста, и стекло обрушилось вниз, осыпав осколками постамент с гипсовыми бюстами и кувшинами. Филипп машинально прижал руку к щеке: мимо пролетело что-то острое и кожу оцарапало, словно иглой.

– Боже! – вскрикнула Айрис Белфорт и принялась отчаянно дуть на ладони.

По её пальцам стекали капли густого и обжигающе горячего шоколада, одна из чашек лежала на столе, заливая содержимым белоснежную скатерть.

– Не представляю, как так вышло! – чуть не плача, воскликнула девушка.

– Не стоит огорчаться, милая. Тебя просто испугал резкий звук. Возьми мою чашку, я и притронуться к ней не успел, – Матиас Крэббс утешал невесту, как уронившего лакомство ребёнка. – Видишь, всё поправимо. Вот, держи.

Взяв туго свёрнутую салфетку за уголок, он рывком развернул её в воздухе и передал Айрис. Другой салфеткой прикрыл пятно от разлитого шоколада и ободряюще ей улыбнулся.

Тётушка Розмари, неодобрительно взиравшая, как брат суется вокруг этой крайне сомнительной девицы, мстительно заметила:

– Такие вот ожоги – они самые непредсказуемые. Миссис Одли, жена бакалейщика, как-то раз облила руку горячим сахарным сиропом. Так ей пришлось до конца своих дней носить тонкую розовую перчатку. Длинную, выше локтя. Она их, бедняжка, дюжинами заказывала в универсальном магазине Данкана и Плитцера.

Айрис Белфорт метнула на тётушку Розмари жаркий негодующий взгляд, но пожилая леди, отвернувшись, с невинным видом принялась

изучать свою картину и больше внимания на эту дурно воспитанную выскочку не обращала.

Через зияющее чернотой разбитое окно в мастерскую проник ночной солоноватый ветер, и Оливия, наконец, ощутила, как расправляется сжатое спазмом горло и шею приятно холодит под влажным воротничком вельветиновой блузы. Она подошла к брату и встала рядом, соприкоснувшись с ним как в детстве краешком плеча. Близнецы молча рассматривали картину Филиппа, пытаясь проникнуть в замысел Крэббса и отыскать шифр, указывающий на местоположение тайника.

– Ты не находишь, что в ней есть что-то пугающее? Что-то такое липко-кошмарное, отчего одновременно хочется и отвернуться, и продолжать смотреть на неё? – спросила Оливия, пристально разглядывая обезумевшее от ужаса яйцеобразное существо.

Тот не ответил, и вместо него своё мнение высказал Себастьян Крэббс, неслышно приблизившись к близнецам.

– Я, признаться, удивлён не меньше вашего, – с рассеянной улыбкой сказал он. – Даже не подозревал, что отец в его возрасте способен так увлечься живописью.

– И не только живописью, – язвительно заметила тётушка Розмари, которой изменила её викторианская сдержанность.

Она поднесла свою картину к яркой лампе, сняла очки и, то приближая их к холсту, то отдаляя, пыталась расшифровать своё смутное ощущение несоразмерности какой-то детали изображения по отношению к общей композиции. С самого первого взгляда на картину её покорила эта уродливая диспропорция, но в чём она заключается, пожилая леди понять не могла.

«Грейси, ну не глупи, прошу! Позволь мне взглянуть на неё. Всего лишь на одну минуточку!»

Оливия обернулась. В углу мастерской продолжался ожесточённый спор между супругами Хоггарт. Кузина Грейс, по-видимому, отказывалась делиться с мужем соображениями насчёт послания, зашифрованного в её картине. Она двумя руками прижимала полотно к груди и шёпотом выговаривала Майклу что-то наболевшее, отчего её лицо приобрело неприятное, мстительное выражение.

Наконец, Майкл оставил жену в покое и спросил развязным тоном:

– Если я правильно вас понял, мистер Крэббс, то территория поиска сокровищ ограничена домом и садом. Значит ли это, что ваше гостеприимство распространяется на всех до тех пор, пока драгоценности не будут найдены?

– Безусловно, – Матиас Крэббс кротко взглянул на Майкла. – В Гриффин-холле всем хватит места! К тому же мы с Айрис рассчитывали, что вы окажете нам честь и останетесь на праздничный обед по поводу нашего бракосочетания. Ничто не сможет доставить нам большей радости в такой важный день, чем семейное торжество. Правда, Айрис, дорогая?

Если Айрис Белфорт и обрадовала такая перспектива, то свою радость она никак не выразила. Девушка неопределённо пожалала плечами и с осторожностью поднесла к губам чашку с шоколадом. Смакуя любимый напиток, она прикрыла глаза от удовольствия и всем своим видом дала понять, что в дальнейших обсуждениях участвовать не намерена.

Однако Майкл Хоггарт на этом не успокоился. Засунув руки в карманы, он расхаживал по мастерской, прищёлкивая каблукками модных ботинок. Джереми Эштон следил за его передвижениями, поражаясь тому, какое безотчётное раздражение вызывает в нём этот франтоватый молодчик.

– И всё же, мистер Крэббс, знаете, что меня больше всего интригует? – задумчиво произнёс Майкл до странности серьёзным тоном, какого от него никто не ожидал. – Зачем вы устроили весь этот балаган с поиском сокровищ и зашифрованными в картинах подсказками? Мы вроде бы не дети и в развлечениях подобного рода не нуждаемся. Довольно оригинальный способ выделить родственникам причитающуюся им часть наследства, вы не находите?

Высказав то, о чём про себя думали все присутствующие, Майкл повернулся к Крэббсу и с вызовом посмотрел ему в глаза. Разговоры между гостями смолкли, все замерли и насторожились. Хоггарт не снискал ничьей симпатии: к его жене большинство испытывало жалость, а самого молодого человека считали пустым и никчёмным. Тем не менее вопрос показался всем справедливым, и каждый в душе позавидовал смелости Майкла.

Уловив всеобщее одобрение, Матиас Крэббс расшвырялся. Он встал, отодвинув одним движением глубокое кресло, и распрямился во

весь свой внушительный рост. Никому бы не пришло сейчас в голову назвать его стариком.

Обведя взглядом всех присутствующих, он подавил гнев и спокойно, с расстановкой, произнёс:

– Здесь, в Гриффин-холле, нет ничего, причитающегося вам, Майкл! Это относится и к остальным! – Голос Крэббса зазвенел от яростного возмущения. – Моя жизнь не окончена, чтобы вы могли подсчитывать наследство! Я ещё жив, слышите?! И собираюсь жить ещё...

Раздался приглушённый стук, и тётушка Розмари ахнула от ужаса. Дрожащей рукой она показала на Айрис, которая, уронив чашку с шоколадом и выкатив глаза, ладонью с хищно растопыренными пальцами царапала воздух вокруг себя и отчаянно пыталась встать на ноги. Из горла девушки вырывался прерывистый сиплый хрип, лицо исказилось от нестерпимой муки. Всё ещё безуспешно пытаясь встать, она несколько раз ударила в пол правой ногой, выгнула спину и начала сползать в кресле, безвольно свесив голову набок.

Несколько долгих секунд всё в оцепенении наблюдали безжизненное тело Айрис Белфорт. Ветер, ворвавшийся в мастерскую через разбитое окно, пробежал по колеблющимся язычкам свечного пламени, и тени за спиной Матиаса Крэббса исполнили диковинный танец.

Шаркая и еле передвигая ноги, будто шёл по колено в воде, он подошёл к распростёртому телу девушки и, склонившись над ним, приподнял темноволосую голову, бережно взяв её обеими ладонями. Заботливо, со щемящей нежностью уложил на мягкий подлокотник кресла. Выпрямился, на мгновение прикрыл глаза и объявил:

– Всё кончено. Она мертва.

Часть третья

Глава первая, в которой появляется инспектор Оливер

Повинуясь приказу инспектора Джастина Оливера, мастерскую с телом Айрис Белфорт заперли до его прибытия. Последним комнату покинул Матиас Крэббс, замерев на пороге и не находя в себе сил закрыть за собой двери.

Тётушке Розмари пришлось настойчиво оторвать его пальцы от медной ручки и мягко направить в сторону библиотеки. Справившись с потрясением, она на редкость быстро обрела способность здраво соображать и даже приняла на себя командование прислугой. Случившееся, казалось, помогло ей преобразиться и отбросить в сторону вечные ужимки старой девы. Отдавая распоряжение приготовить для всех крепкий чай и подбросить в камин дров, Розмари Сатклифф почти что наслаждалась своей ролью заботливой сестры.

Грейс, сбегав наверх и убедившись, что малышка Полли крепко спит, вернулась к остальным и теперь сидела возле мужа, бесстрастно глядя на огонь и прислушиваясь к вою ветра, пленённого каминной трубой.

Потрясённые развернувшейся на их глазах трагедией, гости Матиаса Крэббса избегали смотреть на него. Однако вскоре ужас от произошедшего сменился возбуждением. Никто из присутствующих, за исключением Себастьяна Крэббса, никогда не сталкивался со смертью так близко, а тот факт, что с жизнью рассталась молодая, но плохо знакомая им девушка, которую все считали алчной охотницей за чужим состоянием, не мог заставить их испытывать глубокую скорбь.

Отойдя от шока, все принялись обсуждать случившееся: сначала тихо, вполголоса, затем всё более оживлённо. Запертые двери мастерской будто отгородили от них ту минуту, когда они стали свидетелями подлинной драмы – вторжения в мир живых той силы, что пожирает свою жатву вне соблюдения приличий и не повинуется никому из смертных. Теперь, спустя полчаса, сцена мучительной агонии в сознании каждого приобрела величественность и глубину,

взбудоражив нервы и став напоминанием того, как сладостен и драгоценен каждый миг существования.

– ...Сердце? Думаете, это сердечный приступ?

– Нет, нет! Это определённо реакция на какое-то вещество. Некоторые пряности способны вызвать сильнейшую аллергию, особенно...

– ...молодая! Даже не верится!..

– Я до сих пор в себя прийти не могу! Полагаю, мне понадобится увеличенная доза моих капель, чтобы уснуть...

Матиас Крэббс всё это время неподвижно сидел в кресле, придвинутом поближе к каминному огню, куда его усадила тётушка Розмари. Горячий крепкий чай в его чашке оставался нетронутым, глаза были полуприкрыты морщинистыми потемневшими веками. Всегда прямая спина доблестного военного ссутулилась, голова мелко дрожала, и, заметив это, Вивиан испытала изумивший её прилив сострадания к деду.

Выбравшись из круга возбуждённо переговаривающихся гостей, она неслышно приблизилась к старому джентльмену и села рядом.

– Дедушка Матиас, – позвала она его негромко, сама не зная, что собирается ему сказать и услышит ли он её сейчас.

Крэббс так резко повернулся к ней, что Вивиан чуть не вскрикнула. Глаза его были сухими, каждая мышца лица напряжена до предела. Лоб усеивали капельки пота, сжатые в кулаки ладони лежали на коленях, подрагивая от волнения.

– Ты хорошая девушка, милая, хоть и имела глупость угодить в историю. Надо признать, Генри тоже не всегда следовал голосу разума. Благоразумие – удел посредственностей, – скрипуче, безжизненно произнёс он. – Но у тебя всё будет хорошо. Не сомневайся в этом и наберись терпения.

Крэббс ласково похлопал её по колену и, доверительно склонившись к ней, хотел ещё что-то сказать, но тут в библиотеку вошёл высокий рыжеволосый мужчина в массивных очках и с кожаным портфелем под мышкой.

– Инспектор полиции Джастин Оливер, сэр, – участливым и в то же время торжественным тоном объявил дворецкий Симмонс.

Выглядел инспектор слишком молодо для такой должности, но, присмотревшись, можно было заметить и цепкий профессиональный

взгляд, каким он бессознательно окинул всех присутствующих в комнате, и глубокие морщины на высоком лбу. Из-за длинного носа и отливающих светлой медью волос было в нём что-то лисье, но в целом инспектор имел весьма приятную и располагающую наружность. За его спиной, в отдалении, продиктованном правилами приличия, замерли два констебля – невозмутимые, почти неотличимые друг от друга, именно они придавали всему происходящему пугающую достоверность. Все вдруг с болезненной остротой осознали, что в Гриффин-холле случилась трагедия, унёсшая жизнь молодой девушки.

– Я бы хотел узнать, что здесь произошло, – негромко сказал инспектор Оливер, и, прежде чем кто-либо успел произнести хоть слово, из кресла поднялся Матиас Крэббс.

– Здесь произошло убийство. Убита мисс Айрис Белфорт. И убийца всё ещё в этом доме, инспектор. Им является один из тех, кто находится сейчас в этой комнате.

Нужно отдать должное инспектору Оливеру – заявление Матиаса Крэббса никоим образом не удивило его. Он лишь деловито кивнул в ответ и сразу же, повернувшись к своим людям, принялся отдавать распоряжение.

Процедура осмотра тела и места преступления была рутинной для полицейских, частенько сталкивающихся с насилием и неприглядными сторонами человеческой природы. Они без всяких сантиментов обсуждали между собой подробности случившегося, хоть и приглушив голоса из уважения к хозяину Гриффин-холла.

Поручив старшему констеблю Лэмбу – старательному, но не отличающемуся блеском, – записать показания прислуги, инспектор Оливер попросил всех, кроме Матиаса Крэббса, покинуть библиотеку и перейти в другое помещение. Младший констебль О’Нил отправился ненавязчиво присматривать за подозреваемыми.

Вопросы инспектора были толковы, тон уважителен. Мелким витиеватым почерком он записывал показания в толстом блокноте с синей обложкой, время от времени устремляя на Крэббса пронизательный взгляд голубых глаз и поощрительно кивая.

Пока все остальные томились в гостиной, был выяснен ряд важных вопросов, имеющих первостепенное значение. Время происшествия, обстоятельства, сопутствующие трагедии и имена тех, кто присутствовал при этом печальном событии, обрисовали инспектору Оливеру общую картину. Полагаясь на опыт, он несколько не сомневался, что молодая и, возможно, красивая (сейчас об этом в полной мере было сложно судить) девушка была отравлена.

Напоследок, сделав многозначительную паузу, инспектор посоветовал Матиасу Крэббсу выпить бокал подогретого виски и отправиться в постель.

– Завтра вас ожидает трудный день. Постарайтесь немного отдохнуть.

Старший Крэббс поморщился, словно оскорблённый участливым тоном полицейского.

– Не вправе вас задерживать, инспектор. Надеюсь, завтра вы сможете узнать об этом деле больше, – сухо зато ответил он, и Оливер отметил про себя, что тот относится к тем крепким джентльменам, которые не приемлют жалости.

Пока Оливер беседовал с Матиасом Крэббсом, тётушка Розмари дошла до крайней точки возмущения.

– Нет, вы слышали?! – громко вопрошала пожилая леди, ничуть не стесняясь присутствия в комнате младшего констебля О’Нила. – Мой брат только что заявил, что мы тут все – убийцы! И с чего бы, интересно, нам убивать эту несчастную девочку? Мы её даже не знали.

– А вы считаете, тётушка, что убивают исключительно близких знакомых? – с сарказмом поинтересовался Майкл Хоггарт, глядя на неё без улыбки.

«До чего всё-таки неприятный муж у бедняжки Грейс. И как её угораздило за него выйти?» – в который раз подумала с раздражением Розмари Сатклифф и повернулась к Себастьяну.

Тот сидел в стороне от всех, и вид у него был какой-то жалкий, почти запуганный. Крупными руками в чернильных пятнах он перебирал истёртые бусины чётков – его пальцы обстоятельно ощупывали каждую из них, словно принадлежали слепцу, беззвучно перекидывали в сторону и, дойдя до окончания замкнутого круга,

вновь принимались за работу. Поникшие плечи и устремлённый в одну точку взгляд производили гнетущее впечатление.

Близнецы тоже не участвовали в общей беседе. Как только констебль О'Нил проводил их в гостиную и замер в почтительной позе возле дверей, они сразу же отошли от остальных гостей. Встав у окна, за которым моросил мелкий дождь, Оливия принялась бездумно рисовать на стёклах. Эта привычка осталась у неё с детства и сигнализировала о сильном смятении. Забавная рожица королевского шута с вампирскими клыками, гигантская крыса с надписью «кэб», фантастические цветы с хищными зазубренными листьями и заколдованные замки с насаженными на острые шпили облаками – Филипп с тревогой наблюдал за тем, как появляются на запотевшем стекле восхитительные и пугающие фантазмагии.

– Как думаешь, это правда? – тихо спросила Оливия, и он сразу понял, о чём она.

– Думаю, да.

– Но разве это не может быть сердечный приступ? Или припадок? Как у мистера Райли из двадцать третьей комнаты?

– Боюсь, что нет, – Филипп покачал головой. – Ты же видела сама: она отпила из кружки с шоколадом и почти сразу же принялась задыхаться. Это была агония, а не припадок. И её глаза... Они почти что вывалились из орбит.

– О, Филипп, прекрати сейчас же! – взмолилась Оливия и повернулась к брату. – У тебя опять кровь идёт.

Он приложил ладонь к щеке. Ровная, словно по линейке процарапанная линия на два дюйма ниже правого глаза снова кровоточила.

Оглядевшись в поисках тётушки Розмари, в чьей мягкой гобеленовой сумке могли обнаружиться и салфетки, и кровоостанавливающие капли, и что там ещё носят в своих сумках пожилые леди, Филипп заметил, что напряжение в комнате дошло до пика.

У Вивиан окончательно сдали нервы. Сидя в глубоком кресле, девушка, согнувшись и прикрыв лицо руками, истерически рыдала и всхлипывала. Джереми Эштон, наверняка проклинавший себя за то, что принял от Матиаса Крэббса приглашение на ужин и оказался втянут в историю с убийством, с жалостью смотрел, как сотрясаются

худенькие плечи, и по очереди протягивал ей то клетчатый носовой платок, то бокал с плескавшимся на самом дне виски.

Супруги Хоггарт вполголоса переругивались, не глядя друг на друга. Себастьян Крэббс, прикрыв глаза, раскачивался, словно в забытии. Тётушка Розмари требовала от констебля О'Нила выпустить её, приводя в качестве аргумента необходимость начать собирать вещи, чтобы выехать в Йоркшир самым ранним утренним поездом.

Поток препирательств прервался с появлением инспектора Оливера. Невозмутимый и собранный, будто бы бронзовые викторианские часы и не пробили минуту назад три четверти второго, детектив замер на пороге, мгновенно оценив ситуацию.

– Сожалею, но вынужден просить всех отложить своё отбытие из Гриффин-холла, – не терпящим возражений тоном произнёс он. – Никто никуда не едет, мисс Сатклифф, пока на это не будет моего разрешения. Можно с уверенностью утверждать, что здесь произошло убийство, и во время расследования мне и моим коллегам понадобится присутствие каждого свидетеля.

Последнее слово он произнёс с нажимом, как будто имел в виду нечто совсем иное. Строго посмотрев сверху вниз на тётушку Розмари, инспектор заставил её капитулировать и присесть на кресло, стоявшее в нише между книжными шкафами. Прижимая к груди сумочку и округлив маленький бледный рот, та с ужасом взирала на инспектора, будто он нанёс ей тяжкое оскорбление.

– Неужели вы думаете, юноша, – дрожащим голосом начала она, часто моргая, – что обладаете правом ограничивать свободу моих передвижений? Вы чрезвычайно дурно воспитаны, но это не оправдывает...

Не дав ей договорить, что было крайне неучтиво с его стороны, инспектор Оливер произнёс громко и отчётливо:

– Повторяю, в Гриффин-холле произошло убийство. Насильственная смерть. Расследование веду я, инспектор Оливер, и я требую беспрекословного подчинения мне и моим людям. Никто, повторяю, никто не вправе покидать поместье до окончания расследования. Если кто-либо из вас связан обязательствами, то я распоряжусь подготовить официальные документы, объясняющие ваше отсутствие...

Тут в гостиную, громко топая, торопливо вошёл взволнованный старший констебль Лэмб. Отведя детектива в сторону, он что-то неслышно ему сказал, и оба вышли из гостиной, плотно притворив за собой двери.

– Как вы её обнаружили? – отрывисто спросил инспектор, аккуратно разворачивая небольшой тетрадный лист, свёрнутый наподобие фунтика с аптечным снадобьем.

– Была спрятана в рукаве убитой, сэр. Ткань непрозрачная, мы бы её сразу и не заметили, если бы она не выпала, когда мы укладывали девушку на носилки.

– Благодарю, Лэмб. Доставьте тело в участок и ждите меня.

Когда Лэмб скрылся за углом, инспектор Оливер ещё раз перечитал послание, найденное в рукаве мёртвой Айрис Белфорт. В записке говорилось: «Не радуйся, что смогла всех провести. Тебе это так просто с рук не сойдёт. Откажись от своих планов или пожалеешь!»

Глава вторая, в которой инспектор допрашивает экономку миссис Уоттс и узнаёт много интересного о гостях Матиаса Крэббса

Прошлой ночью детектив так и не смог добиться от свидетелей, которых про себя без обиняков называл подозреваемыми, ничего вразумительного. Розмари Сатклифф, показавшаяся ему на первый взгляд хрупкой и бестелесной, продемонстрировала такую силу характера, что инспектор Оливер невольно проникся уважением к несгибаемой воле пожилой леди. Викторианское воспитание не позволяло ей вступать в перепалку с мужчиной, тем более что он был представителем власти, но и позволять командовать собой она вовсе не собиралась. В этом противостоянии умов свою роль играло и её предубеждение против низших классов, к каковым она по старой памяти относил полицейских любых чинов.

С восхитительным холодным презрением, чрезвычайно забавлявшим инспектора, Розмари Сатклифф чинила препоны на каждом шагу. Противоречивые факты и не относящиеся к расследованию детали, а также в высшей степени бездарная попытка упасть в обморок делали тщетными все усилия детектива провести предварительный допрос свидетеля. Выругавшись про себя: «Вот же мстительная старая кошка!» – инспектор Оливер отпустил пожилую даму, и она удалилась с выражением мрачного удовлетворения на лице.

С остальными гостями Матиаса Крэббса дело тоже не заладилось. Прехорошенькая Вивиан Крэббс, вызвавшая восхищённый блеск в глазах у флегматичного констебля О’Нила, похоже, испытала настоящий шок и была не в состоянии беседовать о произошедшем. От неё ощутимо пахло виски, но расширенные зрачки и тело, сотрясающееся от озноба, сообщали о том, что алкоголь лишь притупил восприятие трагедии, но оправиться от потрясения не помог.

Вызвав близнецов в библиотеку по очереди, детектив получил от них абсолютно одинаковые ответы на свои вопросы. Ничего нового он от них не узнал. Хмурый беспокойный мужчина, подволакивающий при ходьбе ногу, оказался сыном хозяина усадьбы, и на вопросы отвечал скупо и неохотно. Взбудораженная то ли убийством, то ли

семейным конфликтом, супружеская чета Хоггарт только запутала инспектора своими противоречивыми показаниями. И развязный Майкл Хоггарт, и его молчаливая жена, в которой угадывалось некое внутреннее горение, будто её терзали невысказанные эмоции и мысли, вызывали безотчётную неприязнь. Полезными оказались только наблюдения гостя хозяина поместья, живущего по соседству, Джереми Эштона.

Когда он закончил, часы пробили половину пятого. Напряжённая деятельность лишила инспектора Оливера последних сил. Объявив, что появится с помощником после ланча, и оставив О'Нила следить за порядком до его возвращения, он собрал все записи и щёлкнул замком портфеля. Впереди был краткий сон, ледяной душ и сбор информации о каждом участнике трагедии.

Пока детектив добирался до дома, он мысленно систематизировал полученную от свидетелей информацию. Мозг его, хотя и был утомлён интенсивной работой, продолжал трудиться над предложенной загадкой. Именно в такие моменты он со всей остротой ощущал свою власть над фактами и обстоятельствами, до поры неизвестными ему. Решимость отыскать истину вызывала у него привычную щекотку в кончиках пальцев и ещё где-то глубоко за грудиной, словно в самой сердцевине его тела находился механизм, помогающий сбросить шелуху лжи с людских слов и поступков, обнажить правду.

Этот зуд детектив Оливер считал предвестником погони. Погони, которая придавала его существованию и смысл, и остроту.

Ровно в два часа пополудни детектив Оливер и его помощник в звании сержанта, Дэниел Киркби, были проведены дворецким Симмонсом в библиотеку. Здесь, согласно недавним распоряжениям инспектора, было подготовлено всё для допроса свидетелей.

Бюро красного дерева переставили ближе к окну так, чтобы сидевший за ним находился точно на одной линии со своим визави. Обитое плюшем кресло развернули, и из гостиной принесли ещё один стол, не такой большой и высокий, как для инспектора, но вполне подходящий для предназначенных ему целей. Правда, из-за его

недостаточной высоты коренастый и низенький Киркби, расположившийся за ним, походил на крупного ребёнка, сидящего во время трапезы взрослых за детский стол.

Подобное положение дел не могло не уязвить сержанта, отличающегося болезненным самолюбием. Своё недовольство он выразил привычным способом – шумное сопение достигло ушей инспектора, сигнализируя о том, что Дэниэлу Киркби в очередной раз приходится терпеть несовершенство этого мира.

В полицейском отделении недолюбливали сержанта, и охотников вести с ним дела было немного. Плотный сбитый, широкоплечий и мускулистый, он тем не менее производил отталкивающее впечатление. Виной тому была и довольно экзотическая для англичанина внешность – смуглая кожа, тёмные глаза и светлые, почти белые волосы, стриженные очень коротко, – и черты характера, которые никак не могли снискать Киркби уважение и любовь коллег. Надменность по отношению к нижестоящим и заискивание перед теми, кто состоял в превосходящих чинах; придирчивое внимание к знакам почтения, которые полагались ему по статусу; азартное собирательство слухов и сплетен – ничто из этого не вызывало симпатии к коротышке сержанту.

Манера выражаться выдавала в нём простолюдина, и на этом фоне потуги на элегантность, выражающиеся в ношении штатских костюмов броских расцветок и экстравагантных шляп, выглядели просто смехотворными. В участке ему дали прозвище Маленький Мук, и многие терялись в догадках, каким образом сержант прошёл отбор, да ещё и умудрился получить следующее звание.

Единственным, кто не возражал против совместной работы, был инспектор Оливер. Не обращая внимания на характерные черты Киркби, он ценил профессионализм сержанта, обращая каждый его недостаток в тактическое преимущество.

Так, любовь к сплетням обеспечивала прозорливую въедливость в детали биографии каждого свидетеля или подозреваемого. Умение зарыться в такие дебри биографических сведений, что любое досье становилось компроматом, представляло собой уникальную способность, восхищавшую и вместе с тем несколько пугавшую инспектора.

Чинопочитание, хоть и исполненное излишнего рвения, также не находило осуждения у детектива Оливера. Работая с Киркби над тем или иным делом, он был уверен, что все его распоряжения будут исполнены в полной мере и с соблюдением указанных сроков. Ну а что до мук уязвленного самолюбия, то, по мнению инспектора, амбиции не повредили ещё ни одному молодому человеку, желающему добиться успеха в жизни.

Детектив Оливер решил допросить в числе первых экономку, миссис Уоттс. Опыт позволял ему заключить, что перед беседой с хозяином дома крайне полезно выслушать мнение старшей прислуги. Как правило, экономки знают всё, что происходит в поместье как внизу, так и наверху. Именно под их неусыпным надзором случаются те неприметные мелочи, что приводят к трагедии.

Судя по тому, в каком образцовом порядке содержался Гриффин-холл, инспектор ожидал увидеть здравомыслящую и крепкую духом женщину, а потому приготовился к схватке с достойным противником. Восемь из десяти экономок встречали полицию насторожённо, не собираясь делиться ни своими соображениями по поводу случившегося, ни фактами, бросающими тень на кого-либо из домочадцев. Поэтому детектив придал своему лицу самое располагающее выражение и отдал Киркби распоряжение не сверлить, по обыкновению, свидетеля тяжёлым взглядом.

Миссис Уоттс вошла в библиотеку и сдержанно поздоровалась. Присев на краешек кресла, она расправила на коленях форменное платье и устремила на инспектора тревожный взгляд серьёзных серых глаз.

– Ваше имя? – мягко спросил детектив, делая знак сержанту начинать записи.

– Юджиния Эмили Уоттс.

– Как долго вы служите экономкой в Гриффин-холле?

– В октябре будет шестнадцать лет, сэр.

– Когда вы в первый раз увидели Айрис Белфорт?

Экономка честно задумалась. Шевеля губами, она произвела подсчёт и уверенно произнесла:

– В конце мая. Можно свериться с записями в хозяйственной книге, но я уверена, что это было двадцать пятого мая.

– В каком качестве мисс Белфорт попала в Гриффин-холл? Она была гостьей мистера Крэббса?

Миссис Уоттс категорически помотала головой, напрочь отвергая такое предположение.

– Нет, сэр, совсем нет. Айрис... Мисс Белфорт была нанята им в качестве библиотекаря. Мистер Крэббс много лет собирает редкие издания. Раньше он занимался ими сам, но с течением лет, – тут экономка деликатно поджала губы, намекая на возрастные немощи хозяина, – мистеру Крэббсу становилось всё сложнее управляться с книжными шкафами и лестницей.

По видимому, миссис Уоттс представляла себе работу с редкими изданиями исключительно как перестановку книг с места на место и кульбиты на библиотечной лестнице.

– Какое жалованье она получала? И где жила?

– Жалованье её было не сказать что большое, – обстоятельно начала миссис Уоттс с лёгкими осуждающими нотками в голосе, – но ведь ещё и полный пансион. И жила она наверху, одна, как леди, в комнате с двумя окнами. И два выходных в неделю у неё было, и ещё вечер среды свободный, сразу после чая. И работа-то, не сказать, чтобы уж очень утомительная.

– Вы о том, что мисс Белфорт была не слишком довольна своим положением? – прервал экономку инспектор, догадавшись, куда она клонит.

– Да, сэр. Не слишком. И даже позволяла себе высказывания разные. Ничего такого, но будь на её месте кто-то из моих девочек, то я бы не стерпела.

– И что это за высказывания? Чего они касались?

– Разного, – уклончиво ответила миссис Уоттс. – Всего и не упомнишь. Да и девушка, как-никак, мертва, нехорошо это. Но держала она себя заносчиво. Ни с кем из нас близко не сошлась. Девочкам моим головы морочила.

– Головы морочила? – переспросил инспектор с нарочитым недоверием?

Экономка поджала губы, слегка обиженная, что этот приятный мужчина в отлично сшитом костюме, совсем не похожий на грубых мужланов-полицейских, не очень-то ей верит.

– Да, морочила, – повторила она уверенно. – Рассказывала им, что на самом деле у неё очень знатная родня. И что они уговаривали её пожить у них этим летом, но она выбрала работу, потому что вся из себя такая самостоятельная. А у самой туфли потрёпанные, и у сумочки уголки облупились. И ещё болтала, что осенью или зимой она должна получить солидное наследство, и после этого поедет в Каир раскапывать чего-то там древнее.

При слове «наследство» Киркби вскинул голову и встретился взглядом с детективом Оливером. Тот, на секунду прикрыв глаза и еле заметно помотав головой, дал сигнал отбоя.

– Может быть, у неё были проблемы с родственниками? Поэтому она была вынуждена отстаивать свою независимость? – поинтересовался инспектор.

– Э-э-э, да какие там родственники?! – пренебрежительно отмахнулась вошедшая в раж миссис Уоттс. – Нет, и не было у неё никаких родственников! Она вообще такая была... Ну, знаете, как побродяжка. Тарелки чуть ли не вылизывала. Всегда до крошечки всё уминала. Сколько положишь – всё съест. Хлеб к себе в комнату брала, девочки мои сколько раз видели. И со мной, и с Симмонсом – то надменничает, то дерзит. Были бы родственники у неё знатные, так у неё бы воспитание было.

– Вы знали, что мистер Крэббс собирается вступить в брак с мисс Белфорт? – бесстрастно спросил детектив Оливер.

– Догадывалась, – миссис Уоттс умудрилась произнести короткое слово таким образом, что сразу стало ясно – поведения своего хозяина она никоим образом не одобряла.

– Какие слова или действия мистера Крэббса навели вас на такую мысль?

– Сложно сказать, – экономка неохотно перешла к этой теме. Видно было, что преданность хозяину борется в ней с желанием не потерять доверия инспектора и остаться для него ценным свидетелем. – Он не сразу на неё внимание обратил. Зато потом всё резко так переменилось. Словно бы произошла у них беседа или ещё что, только он такой внимательный к ней стал. И в библиотеку приходил сразу после завтрака, и Чепмену приказывал цветы срезать для комнаты мисс Белфорт. Вечером у камина посидеть её приглашал, и почти каждый день ужин просил накрывать на двоих. Девочки мои

судачили на эту тему, я знаю. Я хоть и прикрикнула на них построже пару раз, да ведь рты-то им не заткнёшь, и глаза не завяжешь.

Инспектор кивнул, поощряя экономку к дальнейшему повествованию, но она внезапно опомнилась и замкнулась в себе.

– Так, ладно. Хорошо. Можете рассказать немного о тех, кто присутствовал вчера за ужином и после него, в мастерской, где и произошла трагедия? – Оливер помедлил секунду и добавил: – То есть убийство.

Он надеялся, что эта поправка взбудоражит миссис Уоттс и сподвигнет её на откровения. Расчёт его оправдался. Экономка вытаращила глаза и с придыханием спросила:

– Значит, всё-таки убили её?.. Вот ведь ужас какой! А я так надеялась, что девчонки мои зря болтают. Подумать ведь страшно, какое злодеяние случилось. Смертный грех!

– Да, да, – нетерпеливо закивал инспектор. – И мы именно тем и занимаемся, чтобы найти того, кто это сделал, и не позволить ему совершать такие преступления в будущем.

У миссис Уоттс округлились глаза. Она прижала руку к груди.

– А он может... снова?..

– Может. Убийца редко останавливается на одном убийстве. Поэтому так важно, чтобы вы рассказали всё, что вам известно о гостях мистера Крэббса.

– Да неужели же кто-то из них мог такое совершить? – почти с благоговейным ужасом спросила экономка. – Может, это бродяга какой?

– Может и бродяга, – уклончиво ответил инспектор, – но не будем отвлекаться. Перечислите всех, кто присутствовал за ужином, и расскажите, кем каждый из них приходится мистеру Крэббсу.

Экономка рассеянно кивнула, всё ещё под впечатлением от мысли, что по Гриффин-холлу бродит безжалостный убийца.

– Грейс Хоггарт с мужем. Она приходится хозяину внучкой. Ещё дочь Генри, старшего сына, Вивиан Крэббс. Она американка по матери и живёт тоже в Америке. Розмари Сатклифф, сестра хозяина. Себастьян, его младший сын. Бедняжки Адамсон. И ещё сосед...

– Стоп. Что ещё за «бедняжки Адамсон»?

Экономка смутилась.

– Близнецы, Оливия и Филипп Адамсон. Дети дочери мистера Крэббса Изабеллы.

– И почему вы называете их «бедняжки»?

– Да как-то к слову пришлось, сэр. По привычке. Их мать была неуравновешенной. Не скажу чтоб прямо безумной, нет, сэр, но иногда не отвечала за свои действия, – миссис Уоттс загадочно округлила глаза и многозначительно поджала губы, отчего её рот стал похож на тугостянутый кисет.

Сержант Киркби, воодушевлённый, что в скучный допрос вкралась пикантная семейная тайна, нетерпеливо заёрзал на стуле и уронил с краешка стола стопку бумаги. Желтоватые листки разлетелись по ковру, и ему пришлось их собирать под неодобрительным взглядом миссис Уоттс.

Опасаясь, что момент будет упущен, инспектор не позволил экономке отвлекаться.

– Поясните, пожалуйста, что значит «не отвечала за свои действия»?

– В рассудке она помутилась, вот что, – миссис Уоттс издала длинный жалостный вздох. – И как тут её винить, если беда такая с ней приключилась? Мисс Изабелла всегда рассудительная была, и добрая очень. Но после того, как с ней поступили, захворала, а когда оправилась, то сама на себя стала не похожа. И во всём, что случилось, он виноват, Джон Адамсон.

– Адамсон... – задумчиво побарабанил пальцами по щеке инспектор, пытаясь припомнить, почему ему знакомо это имя.

– Скорее всего, имеется в виду Джон Адамсон, знаменитый пианист, – предположил Киркби, и экономка вздрогнула, впервые услышав его низкий скрипучий голос.

– Да, – кивнула она, – но раз знаменитый, то неужели же можно так поступать с другими людьми? Бросил несчастную мисс Изабеллу с двумя детьми, укатил в Италию с какой-то певичкой... Возмутительное, недостойное мужчины поведение. И ужасный скандал.

– Ну, это всё печально, конечно, – потёр переносицу инспектор, попутно виртуозно скрыв зевок, – но к вчерашним событиям прямого отношения не имеет. И всё же, почему вы назвали близнецов Адамсон бедняжками?

– Да как же не бедняжки, если всё на их глазах и происходило? – несколько обиженно спросила миссис Уоттс. – Когда их отец уехал из Англии, им всего по семь лет было. Война только закончилась. Мисс Изабелла слегла, а потом оправилась, но прежней жизни уже не было. И расстройство у неё началось именно тогда. Она принялась выслеживать мужа и всюду возила близнецов с собой. Сплошные пансионы и отели средней руки. Разве ж это для детей подходящая обстановка? Говорят, и на концерты его приходила с близнецами и заставляла их вскакивать с места и кричать разное. Всё мечтала, что он к ним вернётся, и жизнь потечёт по-старому. А потом, когда поняла, что ничего у неё не выйдет, руки на себя наложила.

– Когда и где это случилось?

– В 1921 году, – уверенно ответила миссис Уоттс. – А вот где, этого не помню. Но не в Англии, это точно. Где-то во Франции, по моему. Бросилась в море со скалы, а близнецов заперла одних в отеле. И слава богу, я считаю, а то не дай бог это бы на их глазах произошло. Или того хуже... Правда, им пришлось три дня провести взаперти, без воды и пищи, пока их не хватились.

– И что с ними стало потом?

– Их на лето отправили сюда, к нам. И дочка мисс Патриции, Грейс, тоже приехала из пансиона. Дети прекрасно играли все вместе. Бедняжкам... близнецам сказали, что их мать попала в госпиталь. Потом, осенью, им открыли правду, и они разъехались по школам. Мистер Крэббс о внуках заботился, оплачивал обучение, но в Гриффин-холл до вчерашнего дня они больше не приезжали.

– А Изабелла Крэббс и правда находилась в госпитале?

– Да какой там госпиталь!.. Убила она себя. Бросилась вниз с высоченной скалы. Даже тела её не нашли, зарыли пустой гроб. Просто детям решили сразу не говорить, чтобы они опомнились малость.

Повисла пауза. Экономка опустила глаза и снова тщательно разгладила платье на коленях, едва слышно шмыгнув носом.

– Понятно. Благодарю, миссис Уоттс, что поделились с нами этими сведениями. Вы что-то ещё говорили про соседа, если я не ошибаюсь? Его пригласил на ужин мистер Крэббс? И часто он так поступал?

– Да, сэр. Мистер Эштон очень приятный джентльмен, и мистеру Крэббсу нравится с ним время проводить. Так-то он всё больше сам по себе, но, видать, и ему порой бывает одиноко. Вот мистер Эштон и заглядывает на огонёк, когда не в Лондоне.

– А как же сын мистера Крэббса, Себастьян? Или они не очень близки между собой?

Экономка покачала головой, снова поджав губы. Она делала так всякий раз, когда ей не нравилось то, о чём спрашивали полицейские.

– Да, сэр. Не ладят они. Причину не знаю, врать не буду. Всегда так было, ещё когда старший сынок мистера Крэббса, Генри, жив был. А как его на войне убили, так хозяин и вовсе от мистера Себастьяна отошёл. И писем ему не пишет, и в гости не зовёт.

– Но приглашение тем не менее он ему послал? Так же, как и остальным?

– Да, сэр, послал. Как-никак, родная кровь. И тот приехал вместе со всеми, вчера утром. Но видно было, что ни ему, ни хозяину это не в радость.

Инспектор Оливер встал из-за стола и приблизился к сержанту Киркби. Взглянув ему через плечо на записи, он удовлетворённо кивнул и со всей любезностью, на какую был способен, проводил миссис Уоттс к дверям.

Вернувшись, он опустился на стул, аккуратно подтянув брюки, и пару минут задумчиво рассматривал копию гравюры Бартолоцци, изображающую трёх резвящихся прелестниц в пышных платьях и кудрявого юнца с пастушеской свирелью. Киркби, привычный к манере детектива Оливера делать перерыв между допросами свидетелей, не шелохнувшись, ожидал распоряжений и не докучал ему.

Наконец, инспектор порывисто вскочил и продиктовал скороговоркой, размечая краткие приказы ребром ладони, будто разрубая воображаемый предмет на равные ломти:

– Обнаружено ли тело. Есть ли свидетели самоубийства. Что случилось между Крэббсом и его сыном. Личность Айрис Белфорт, родственники. Пусть первыми зайдут горничные, потом дворецкий.

Глава третья, в которой инспектор получает противоречивые сведения от горничных и дворецкого

Выпив прошлой ночью больше виски, чем позволяли правила приличия и благоразумие, Вивиан проснулась с головной болью. Губы пересохли и потрескались, руки, когда она подносила к лицу пуховку с пудрой, мелко дрожали.

Краткий сон совсем не освежил её. Последствия вчерашних слёз были катастрофическими – лицо отекло, щёки покрылись красноватыми пятнами. Выйти в таком виде к ланчу было невозможно.

Вивиан завернулась в пеньюар и дёрнула за сонетку. Через минуту в дверь постучали, и вошла Эмма, старшая горничная. В руках у неё был поднос с чашкой чая и молочником.

– Мне нужен лёд. Большая миска, наполовину заполненная холодной водой, а наполовину льдом. Чистым льдом, не из мясного ящика.

– Понятно, мисс.

– Кто-нибудь уже спустился?

– Мистер Хоггарт, мисс. И мисс Адамсон. И мистер...

Её прервал вкрадчивый стук. Дверь приоткрылась, и в проёме показалась возбуждённая физиономия Дорис.

– О, мисс! Простите, мисс, – глаза младшей горничной сияли. – Эмму ждёт внизу инспектор Оливер. Для допроса! И долго ждать нипочём не хочет. Так его помощник сказал. И ещё сказал, что если Эмма не придёт прямо сейчас, то это будет уклонение от свидетельских показаний.

Вивиан вздрогнула, сообразив, что, после того, как опросят прислугу, их всех ждёт та же участь.

– Конечно, Эмма, иди скорей. Только не забудь, как закончишь, принеси мне лёд, – она запахнула халатик, закрыла за горничными дверь и повалилась в постель, зарывшись в подушки и мечтая никогда не выходить из своей комнаты. Лежать и лежать под пышным стёганым одеялом, и чтобы все забыли о её существовании, включая братьев Люгер.

Горничных опрашивали по очереди. Рассудительная и приметливая Эмма произвела на инспектора самое благоприятное впечатление, а вот с молоденькой Дорис пришлось помучиться. Видно было, что она знает больше, чем говорит.

Об этом свидетельствовали и её широко распахнутые глаза – светло-карие, как у щенка, с короткой щёткой ресниц, – и подрагивание пухлой нижней губы. Точно так же дрожали губы у младших сестёр инспектора Оливера, когда им был известен чужой секрет, который они и хотели бы скрыть, но тайна уже трепетала на кончиках их языков, и оставалось совсем немного для того, чтобы выманить её наружу обманчивой холодностью.

Старый детский трюк, многократно повторяемый с неизменным успехом, сработал и на этот раз.

– Ну что ж, Дорис, ты, наверное, можешь идти, – детектив даже не поднял взгляд от бумаг, разложенных на столе. – Эмма, в общем-то, нам уже всё рассказала. Не думаю, что ты в силах что-либо добавить к её показаниям, тем более что о погибшей девушке ты ничего не знала. Да и в подготовке мастерской к посещению гостей участия не принимала. Передай, будь любезна, мистеру Симмонсу, что я буду очень благодарен, если он уделит мне несколько минут.

На лице Дорис отразилась нешуточная внутренняя борьба. Однако много времени это не заняло.

– Эмма тоже не принимала участия в подготовке мастерской, сэр! – девушка облизнула губы и, уже не сдерживаясь, затараторила: – Мистер Крэббс никогда туда никого не пускает. И прибирается сам, и чай себе на спиртовке делает. Даже пыль вытереть не позволяет. Всё после того, как Эмма его кисти дочиста отмыла. Страшно ругался он тогда, и после этого сказал: «Всё, больше в мастерскую никто ни ногой, а то вы мне наворотите там дел». А вот про то, что я мисс Белфорт не знала, так это не совсем так. Дружили мы с ней, честное слово, даже чай один раз вместе в деревне пили, в кафетерии, что сестра почтмейстерши держит. Эмма-то ей не нравилась, ну, так она и со мной задаётся иногда, а ко мне мисс Белфорт по вечерам приходила, и...

– То есть вы были подругами? – уточнил инспектор, ювелирно рассчитав дозировку изумления и недоверчивости.

Дорис явно вознамерилась соврать, чтобы придать себе больше веса в глазах полицейских, но в последний момент остереглась.

– Ну не сказать, чтобы точь-в-точь, как с моей кузиной Бетси... Но болтали мы с ней почти что каждый день о всяком. Пока ей мистер Крэббс предложение не сделал.

– Так ты и об этом знала? – тут уже Оливер неподдельно удивился.

– Да, сэр, знала! – Дорис по-детски вспыхнула, обрадованная, что сумела впечатлить строгого инспектора. Даже его помощник оторвался от записей и уставился на неё круглыми свиными глазами. – Я же говорю, мы были подругами! Она вообще мне всю правду о себе рассказывала. И что её тётка страшно богатая, и живёт в замке, и держит павлинов, представляете? А когда Айрис отказалась от её помощи и решила зарабатывать самостоятельно, так тётка расстроилась ужасно. И чеки ей принялась присылать – то на десять фунтов, то на пятнадцать. Я сама видела!

Инспектор Оливер эти чеки тоже видел, когда осматривал вещи погибшей. Вот только его удивил тот факт, что все они были выписаны разными лицами.

– А как зовут эту богатую тётушку, мисс Белфорт не говорила?

– Нет, сэр, такого не помню. Да я и не спрашивала об этом.

– Очень тактично с твоей стороны, – кивнул инспектор. – Чем же ещё делилась с тобой мисс Белфорт? Про наследство она, случайно, ничего не говорила?

– Да, сэр, говорила, – немного обиженно протянула Дорис, разочарованная тем, что ей не дали воспользоваться ещё одним козырем из рукава.

– И от кого она его ожидала?

– Вот этого не знаю, сэр, – ответила горничная кислым тоном. – Зато знаю, что Айрис собиралась купить собственный дом. И ещё она обещала, что возьмёт меня с собой и сделает старшей горничной, а потом и экономкой.

– Даже так? – приподнял рыжие брови инспектор. – И ты была согласна? Чем же тебе Гриффин-холл так не угодил?

Дорис снова вспыхнула, осознав, что сказала нечто явно лишнее. Глаза её забегали, руки принялись тереть оборку фартука.

– А ещё у неё ухажёр был! – выпалила она, рассчитывая отвлечь внимание от своего промаха. – В Лондоне. Он по ней страшно сох, а когда Айрис с ним порвала, то начал угрожать, что выпьет яд или её отравит. И письма ей присылал, со стихами. И цветочные букеты, и коробки конфет. Всё надеялся, что она к нему вернётся. А потом у него мать захворала сильно, и ему пришлось уехать, чтобы за ней ухаживать, но он продолжал присылать ей букеты и письма через сестру...

– А коробки с конфетами? – поинтересовался инспектор серьёзным тоном. – Конфеты-то он продолжал ей присылать? Или сестра сама их съедала? Чтобы не пропадать добру, так сказать?

Мечтательное выражение медленно сползло с лица Дорис.

– Не знаю, сэр. Только я правду говорю. Всё так и было, Айрис бы не стала мне врать.

Сев очень прямо, горничная упрямо уставилась на вазу, полную бордовых георгинов. Инспектор Оливер задумчиво потерел нижнюю губу, а после негромко хлопнул в ладоши.

– Ну что ж, Дорис. Твои сведения оказались очень полезными для следствия. Ты просто молодчина.

Горничная медленно встала и замерла, просительно глядя на детектива.

– А вы, сэр, не скажете миссис Уоттс или мистеру Симмонсу, что я собиралась уйти из Гриффин-холла? Миссис Уоттс очень добрая, но это её расстроит.

Оливер, уже успевший забыть о присутствии в комнате девушки, чуть раздражённо повернулся к ней.

– Что?.. Нет, нет, конечно. Совершенно незачем расстраивать такую добрую миссис Уоттс. Ты можешь идти, Дорис.

Как только двери за горничной закрылись, инспектор издал приглушённый вопль.

– Киркби, ты это слышал? Снова наследство, тётка с павлинами, ухажёр с угрозами отравления, букеты, письма...

– Любовных писем в её вещах не нашли, – с готовностью проинформировал сержант, сверившись на всякий случай с описью

имущества погибшей. – А вот следы от пальцев на правой руке, на два дюйма выше запястья, обнаружены. Свежие.

– Вопрос в том, кто из них большая выдумщица? – сварливо спросил инспектор. – Айрис Белфорт явно нравилось морочить голову глупенькой горничной. Но и Дорис эта, прямо скажем, любительница небылиц. Особенно с лирическим уклоном. Её рассказ о таинственном ухажере больше похож на сюжет голливудской любовной драмы.

– «Шипы и розы», с Дугласом Эвансом в главной роли, – подтвердил сержант.

– Что, правда? – обрадовался своей проницательности инспектор. – Вы что, Киркби, посещаете кинематограф? Надо же...

– Моя мать не пропускает ни одного фильма. Её это развлекает. Ну и я тоже, если честно, пристрастился, – признался Киркби.

С трудом избавившись от видения, как сержант в своей нелепой шляпе с вышитой лентой на тулье сидит в мерцающем зале и внимательно следит за перипетиями жизнеописания какой-нибудь белокурой танцовщицы, инспектор бегло просмотрел записи опроса горничных и послал за дворецким.

Дворецкий Симмонс вошёл в библиотеку с большим достоинством. Каждое его движение, как и неодобрительный взгляд, которым он окинул перестановку мебели, говорило о том, каким ужасающе нелепым он считает присутствие в Гриффин-холле полицейских.

Инспектор, предложив дворецкому сесть, начал с обычных вопросов, из ответов на которые стало ясно, что Симмонс противодействует ему так же ловко, как и Розмари Сатклифф.

Дворецкий охотно рассказал про то, сколько лет он служит в доме, подтвердил показания экономки и горничных, но, как только речь зашла о его хозяине, «замкнул свои уста на замок», как любила высокопарно выражаться матушка инспектора.

– Значит, мистер Крэббс не известил вас заранее о своих матримониальных намерениях?

– Нет, сэр.

– А когда вы узнали, что избранницей мистера Крэббса стала нанятая им библиотекарша, вы не делали попыток обсудить эту новость с ним? Ну, или, может быть, с кем-то из других слуг?

– Я нахожу это крайне неуместным, сэр. Более того, непозволительным.

Последнее слово дворецкий произнёс практически по слогам, напирая на каждый, как на дверь с тугой пружиной.

– Ну, хорошо, вы не обсуждали это ни с хозяином, ни со слугами. А как гости мистера Крэббса отнеслись к его планам? Ведь он сообщил им о своей женитьбе за ужином?

– Большой частью расстроились, сэр. И очень удивились.

– Может быть, кто-то огорчился сильнее других? Не припомните такого?

Тут Симмонс впервые задумался. Было видно, что он старательно воскрешает в памяти события, предшествовавшие трагедии.

– Пожалуй, миссис Хоггарт вела себя немного странно. Она опоздала к ужину, и когда ей сообщили о скорой свадьбе мистера Крэббса, очень побледнела. Мисс Вивиан Крэббс тоже была молчалива за ужином. Она почти ничего не ела, только пила вино. И мисс Розмари... Было видно, что новость о свадьбе брата застала её врасплох. Мисс Розмари вообще очень... Ей требуется деликатный подход, – понизив тон, предупредил Симмонс инспектора, грозно сдвинув брови.

Детективу Оливеру вовсе не показалось, что пожилая леди с острыми зубками и нарисованным бледно-розовой помадой сердечком на месте губ так уж беспомощна, как о ней думают. Однако спорить с дворецким он, конечно же, не стал.

– Что вы скажете о госте мистера Крэббса, Джереми Эштоне?

– Весьма достойный молодой джентльмен, – несколько старомодно отрекомендовал его Симмонс. – В последнее время он часто посещает Гриффин-холл.

– Что вы думали о мисс Белфорт? Ваше отношение к ней изменилось, когда вы узнали, что она станет новой хозяйкой Гриффин-холла?

Как только поднялась тема, имеющая отношение к мистеру Крэббсу, на лице дворецкого вновь появилось упрямое выражение.

– Мистер Крэббс не любит суеты, – наконец произнёс Симмонс, крайне неодобрительно глядя на инспектора. – Заведённые в доме порядки менять не собирались. Да и вряд ли мисс Белфорт смогла бы на это претендовать. На мой взгляд, уклад большого поместья ей был совершенно незнаком.

Добившись от Симмонса хоть какой-то личной оценки погибшей девушки, инспектор в душе возликовал.

– Значит, вы не считали, что мисс Белфорт составит достойную партию мистеру Крэббсу?

– Я не вправе, сэр, высказывать своё мнение на этот счёт, – с ледяной вежливостью заявил дворецкий, – но, если вы позволите, выражусь так: мисс Белфорт не обладала ни воспитанием, ни навыками, которые приличествовало бы иметь леди, претендующей на подобный брак.

– А есть ли в окружении мистера Крэббса... Сейчас или в прошлом... Леди, которая смогла бы составить счастье такого джентльмена, как мистер Крэббс? – инспектор с любопытством взглянул на Симмонса.

– Насколько я знаю, сэр, в намерения мистера Крэббса никогда не входила повторная женитьба на ком бы то ни было. Во всяком случае, не было ни малейшего намёка на подобное развитие событий. После смерти миссис Гвендолин мистер Крэббс все эти годы оставался верен её памяти, – с той же ледяной, буквально арктической вежливостью произнёс дворецкий, с неодобрением наблюдая за тем, как Киркби, подпирая изнутри щеку языком, будто собирался приступить к бритью, записывает каждое его слово.

– Благодарю вас, Симмонс. Ваши показания чрезвычайно полезны для расследования. Если вы припомните ещё что-нибудь, касающееся прошлого вечера, прошу непременно известить об этом меня.

Детектив Оливер встал, дворецкий тоже медленно поднялся, и уже собирался покинуть библиотеку, которую так варварски превратили в допросную, но развернулся и замер в нескольких шагах от двери:

– Возможно, этот инцидент мало что значит, – уклончиво сказал он. – Тем не менее я считаю себя обязанным известить вас о том, что слышал. В перерыве между ужином и коктейлями в мастерской, мистер и мисс Адамсон выходили в сад. Я вышел в холл, чтобы

проводить близнецов к остальным, где и стал свидетелем окончания их разговора. Мистер Филипп сказал сестре, что мистер Крэббс «когда-нибудь за всё заплатит». Так он выразился, сэр. Уверен, что мой долг сообщить вам об этом.

Глава четвёртая, в которой инспектору Оливеру сообщают результаты экспертизы, после чего дело становится ещё более запутанным

Вивиан, воспользовавшись передышкой, пока полицейские допрашивали прислугу, привела себя в порядок и сразу почувствовала облегчение.

Несколько раз подряд опустив лицо в глубокую миску с обжигающе холодной водой и кубиками льда, она промокнула его мягким ворсистым полотенцем и втёрла в лоб, скулы и щёки питательный крем с маслом миндаля. Смочив губку этой же ледяной водой, девушка освежила шею, грудь, плечи и подмышки, а после присыпала кожу тальком и надела атласную блузку пепельного цвета и клетчатую твидовую юбку. Тонкий слой помады сдержанного оттенка, невидимая вуаль пудры и тщательно расчёсанные на прямой пробор волосы скрыли её утренние муки и всю ту неразбериху в мыслях, что заставила её полчаса тому назад скорчиться под одеялом, как испугавшийся грозы ребёнок.

К тому моменту, когда Эмма поднялась к ней и известила о том, что инспектор ждёт её в библиотеке, Вивиан уже собралась с духом и приготовилась выдержать предстоящее ей испытание. Выслушав горничную, она отослала её вниз и последний раз взглянула на своё отражение. Зеркальный двойник представлял собой бледную спокойную девушку, одетую хоть и не без шика, но вполне подходяще для создавшейся ситуации. Вивиан взяла батистовый носовой платок, сложенный треугольником, осторожно приложила его к губам, чтобы не смазать помаду, и изящно пошмыгала носом. Эта деталь придала образу ранимость и она, подумав секунду-другую, всё же решила взять платок с собой.

Пока она шла по коридору, заданный где-то в подсознании урок продолжал своё осуществление. Внешний вид девушки менялся на глазах: походка Вивиан стала не такой уверенной и изящной – мелкие несмелые шаги скорее принадлежали особе застенчивой и робкой, –

брови чуть приподнялись, отчего лицо сразу приобрело какое-то ждущее, просительное выражение, а руки принялись теревить платок и нервно поправлять причёску и высокий воротничок блузки.

Когда Вивиан подошла к лестнице, метаморфоза уже завершилась. Она привычно скользнула в кокон выдуманной личности, воображая, что за каждым её движением следят восхищённые зрители. Это позволило ей на время позабыть о собственных страхах и отвлечься от страшной картины, со вчерашнего вечера преследующей её – обмякшее тело Айрис Белфорт с запрокинутой головой и прилипшими ко лбу волосами, – такое же жалкое, как те высохшие бабочки, угасшие от паров цианида и нашедшие последнее пристанище в своих картонных саркофагах.

Она почти наткнулась на Майкла Хоггарта, заметив его в последний момент.

– Как вы сегодня, Вивиан, детка? Вам лучше? – участливо спросил он.

– О, можно подумать, мистер Хоггарт, что вас всерьёз это заботит, – тихим голосом ответила Вивиан, но фраза прозвучала так театрально, что она добавила несколько теплее: – Хотя всё равно спасибо, конечно, если ваши слова и правда искренни.

С этим она чуть склонила голову набок, что можно было принять и за учтивый кивок, и за сигнал, что она торопится и больше не может беседовать с ним. Майкл Хоггарт остался на лестнице, недоумённо глядя вслед Вивиан, а она той же нетвёрдой походкой направилась в библиотеку.

– Проходите, мисс Крэббс, вот сюда, – учтиво и даже сочувственно произнёс детектив Оливер, встречая её у дверей и показывая на плюшевое глубокое кресло. – Сожалею, что вынужден просить вас побеседовать с нами после того, что вы пережили вчера, но уверен, вы поймёте, что интересы следствия требуют от меня подобной жестокости.

– Разумеется, инспектор, я всё понимаю. Вы можете задавать свои вопросы, а я... я приложу все усилия, чтобы быть полезной вам, – репетиция не прошла даром, и Вивиан, нервным движением вскинув руку с платком, издала совершенно натуральный тонкий всхлип.

Лицо инспектора сочувственно сморщилось, однако от намеченного плана он отступить не собирался.

– Как вы оказались в Гриффин-холле, мисс Крэббс? Насколько я понял, вы не получали письма с приглашением?

Она кивнула и, расправив платок на коленях, уже спокойнее сообщила:

– Моя мать снова вышла замуж, инспектор, и на время медового месяца я решила не мешать молодым. Кроме того, я очень давно не была в Англии. Если вы не знали, то по отцу я англичанка. Генри Крэббс, мой отец, был старшим сыном в семье.

– Вы предупреждали мистера Крэббса о своём приезде? Он ожидал вас увидеть?

– Нет, инспектор, моё желание навестить дедушку было спонтанным. Он всегда был ко мне очень добр, и я захотела сделать ему сюрприз.

– Что вы можете сказать о других гостях мистера Крэббса? Вы близки с кем-то из них? Может быть, состоите в переписке?

– Нет, – покачала она головой с сожалением. – Я совсем никого не помню. Разве что тётушку Розмари, но очень смутно. И ещё немного кузину Грейс. Меня увезли в Америку сразу после войны, когда мне было всего пять лет.

– И больше вы в Англии не бывали? До вчерашнего дня? – скрипучий невыразительный голос Киркби заставил её обернуться к сержанту.

– Я приехала за день до остальных, – уточнила она холодно.

– Получается, вы совсем не знакомы со своими английскими родственниками? – мягко спросил инспектор, отводя правую руку за спину и делая Киркби знак не вмешиваться в допрос. – Может быть, вы успели поближе сойтись с кем-то? Подружиться?

Вивиан сделала вид, что задумалась. При этом она премило закусила нижнюю губу и подняла взгляд к потолку, что позволяло продемонстрировать длинные густые ресницы.

– Нет, не думаю, – наконец ответила она, с сожалением покачав головой. – Знаете... я никого не хочу сейчас обидеть, поверьте, но... мне показалось, что все, прибывшие в Гриффин-холл, как-то напряжены. Может быть, конечно, я принимаю английскую сдержанность за чопорность и снобизм. После Америки многие люди здесь кажутся очень закрытыми, если вы понимаете, что я имею в виду. Разве что Филипп Адамсон и Майкл Хоггарт кажутся мне чуть

более дружелюбными, чем остальные родственники. И ещё мистер Эштон очень приветлив и добр.

Инспектор Оливер заглянул в блокнот с записями, которые он сделал прошлой ночью, и убедился, что в числе дружелюбных и приветливых названы исключительно молодые люди. Это его не удивило: такие девушки, как Вивиан Крэббс, у других женщин способны вызывать лишь раздражение.

– Простите, что вынужден об этом спрашивать, – детектив сочувственно прищёлкнул языком, – я понимаю, как сильно вас расстроила гибель несчастной мисс Белфорт. Но я обязан задать вам вопрос: вы были знакомы с убитой раньше?

Он заметил, как по лицу свидетельницы промелькнула тень. Она будто что-то вспомнила, но быстро пришла в себя.

– Я?.. Нет, что вы. Я увидела её первый раз здесь, в Гриффинхолле. И... мне так жаль, что с ней случилось такое... Я просто не могу избавиться от этой картины. Она так и стоит у меня перед глазами. Её запрокинутое лицо... Она ведь до последнего не понимала, что с ней происходит. Пыталась что-то сказать нам всем... Но всё кончилось очень быстро. Я помню, как замерло время. Стало густым... как сироп. И вот только что она была жива, а мгновение спустя – уже нет. В этом есть что-то совершенно безнадежное, вы не считаете? Не хочется больше прилагать усилия, стараться, бороться за что-то. Раз всё заканчивается так быстро. Начинаешь понимать, что всё слишком хрупко, чтобы это беречь. Раз всё превращается в осколки, то зачем вообще...

Лицо Вивиан сморщилось, на щеках даже через слой пудры показались красные пятна. Личина Благочестивой Хныкалки, как она про себя назвала сегодняшнюю роль, пошла трещинами, и сквозь них в её душу хлынул тот ужас, который она испытала вчера в мастерской. Совершенно неподдельно всхлипнув, она прижала платок ко рту, уже не заботясь о том, сохранится ли на губах помада, и приняла от инспектора стакан воды.

Отпив половину маленькими глотками, она сумела взять себя в руки. «Игра в сцену», как она называла привычные упражнения, принесла ощутимое облегчение. Вымышленный персонаж – юная, но сообразительная стенографистка, которая оказалась замешана в преступные махинации своего босса, представлялась ей именно такой.

Добродетельной, но не раздражающе наивной, немного растерянной, но привлекательной и вызывающей желание встать на её защиту.

Каждую роль необходимо играть до конца, именно это признак профессионализма. Поэтому Вивиан ломким движением поправила воротничок, чуть ссутулилась и кротко взглянула на инспектора, давая ему понять, что справилась с эмоциями.

Тот, поблагодарив её кивком, продолжил.

– Желание мистера Крэббса вступить в брак с мисс Белфорт шокировало вас так же, как и остальных?

– Шокировало? Нет, вовсе нет. Я удивилась, потому что не ожидала такого от дедушки Матиаса, но он не так уж стар для женитьбы. Новый муж моей матери младше его всего лишь на пять лет. Так что нет, шокирована я не была.

– А как вы отнеслись к забаве, что затеял мистер Крэббс? Ну, поиски сокровищ при помощи шифра в картинах? Изменение завещания сюрприз не самый приятный. А тут ещё и это... Кое-кто мог бы счесть такое издёвкой.

Детектив Оливер сделал вид, что не смотрит на свидетельницу, но Вивиан разгадала его манёвр. Она придала лицу выражение лёгкой мечтательности и с ноткой детской восторженности произнесла:

– А по-моему, это очень мило с его стороны. Ведь дедушка вовсе не обязан дарить всем подарки, тем более такие ценные. Я, конечно, была удивлена, как и все, но сочла...

– То есть вы несколько не были расстроены таким поворотом событий? – в тоне инспектора явственно слышалось недоверие. – Раздосадованы? Огорчены?

Сержант Киркби тоже внимательно посмотрел на свидетельницу. В перекрестье их взглядов Вивиан тут же запуталась, как неосторожная муха в паутине, мысли её заметались, но спасение внезапно пришло от старшего констебля, что избавило её от необходимости немедленно отвечать на заданный в лоб вопрос.

– Прошу прощения, инспектор, – замер Лэмб на пороге, – появились кое-какие новости. Хозяин паба «Синяя лошадь» рассказал, что вчера к нему заходили двое парней. Они расспрашивали его о мистере Крэббсе. Он уверен, что парни пришлые. И говор у них нездешний.

Услышав это, Вивиан обхватила плечи руками, словно её тело обдал пронизывающий ледяной ветер. «Они найдут меня, – обречённо подумала она. – Найдут и убьют. Я должна найти их первой. Рассказать об алмазе. Попросить отсрочку. Убедить их дать мне время найти камень. Пообещать, что отдам алмаз, как только найду его. Я должна...»

Констебль Лэмб давно уже вышел из библиотеки, а Вивиан продолжала бороться с паникой, до боли сжимая плечи холодными пальцами. Она больше не играла – не было сил, да и не могла её сейчас спасти привычная игра, – ей оставалось только бороться за свою жизнь. Все слухи, сплетни и домыслы насчёт братьев Люгер разом вспомнились ей, и теперь они вовсе не казались преувеличенными. Атласная блузка прилипла к её покрывшейся холодным потом спине, будто по ней проползла какая-то склизкая тварь.

– Вам нехорошо, мисс Крэббс? – заботливо спросил инспектор, и они с сержантом опять уставились на неё.

– Всё в порядке, благодарю вас, – Вивиан выпрямилась и хмуро посмотрела на полицейских. Ни кротости, ни ранимости в её взгляде больше не было. Стенографистка (...Шарон? или Рут? о, разумеется, такую особу должны звать Этель!..) испарилась, вернувшись в свою параллельную реальность, где кровь заменяют кетчупом, а жертва жестокого убийства в перерыве успевает выпить коктейль через соломинку, чтобы не повредить грим. – Хотя вы правы, я не очень хорошо себя чувствую. Ночью почти не сомкнула глаз. Не могли бы мы побеседовать чуть позже? Если, конечно, вы не возражаете, инспектор.

Киркби, руководствуясь нюхом ищейки, азартно подался вперёд с каким-то вопросом, но инспектор прервал его.

– Довольно, сержант. На этом этапе расследования мы узнали от мисс Крэббс всё, что нужно. Конечно, вы можете идти отдыхать. Мы побеседуем с вами позже.

Вивиан быстро встала, сухо кивнула обоим полицейским и поспешила удалиться. Шаги её были резкими и стремительными, нисколько не похожими на шаткую походку Этель.

Инспектор Оливер и сержант Киркби проводили девушку взглядом. На узкой спине между лопаток темнело влажное пятно, нежная ткань блузки сморщилась и прилипла к коже.

– До смерти чем-то напугана, – резюмировал инспектор, когда дверь библиотеки закрылась.

– Напугана и лжёт, – согласился сержант. – Всё время лжёт.

Грейс Хоггарт вошла в библиотеку и замерла на пороге. Вид у неё был несвежий и измученный. Воспалённые глаза запали, волосы, небрежно собранные на затылке, выбивались из причёски.

Пока инспектор провожал её к креслу и произносил приличествующие случаю успокоительные фразы, она молчала, но, как только села, тут же заговорила.

– Я прошу вас, инспектор, сразу перейти к делу. Моя дочь, Полли, почти не спала этой ночью и нуждается во мне. Сейчас с ней миссис Уоттс, но я должна как можно скорее вернуться.

– Понимаю, миссис Хоггарт, и очень ценю, что вы нашли время поговорить со мной, – инспектор сочувственно улыбнулся и заглянул в свой блокнот. – Полагаю, вы очень расстроены вчерашним происшествием...

– Расстроена, но не очень, – решительно перебила его Грейс. – Дело в том, что я совсем не знала убитую девушку, и по правде говоря, она не вызвала у меня большого сочувствия. Такие, как она, рано или поздно попадают в неприятности. Поймите меня правильно, я вовсе не хочу сказать, что то, что с ней случилось, не является ужасным преступлением. Но лить слёзы по этой особе сомнительных моральных качеств я желания не испытываю. У меня слишком много других занятий.

– Понимаю вас, – задумчиво сказал инспектор. – Вы честны, и это достойно восхищения. Интересно, а многие ли из гостей мистера Крэббса восприняли смерть этой девушки так же, как и вы?

– Я не могу этого знать, – Грейс спокойно посмотрела на инспектора. – Но думаю, что многие. Даже мой муж Майкл не слишком-то расстроен её гибелью. А ведь он был знаком с ней, и, как мне кажется, довольно близко.

– Вы хотите сказать, что мистер Хоггарт...

– Да, инспектор, вы все правильно поняли, – сообщила Грейс без капли смущения. – Мой муж и мисс Белфорт состояли в близких отношениях.

В глазах молодой и измученной женщины детектив увидел то разрушительное чувство, которое способно далеко завести, если дать ему волю. Она сидела в кресле, выпрямившись и положив руки на колени, будто примерная ученица воскресной школы, но мстительные складки у рта и тяжёлые набрякшие веки делали её похожей на богиню возмездия.

– Как давно вы об этом знаете?

– Я была в полном неведении до вчерашнего дня. Но после чая мне понадобилось найти мистера Крэббса, и я застала своего мужа и Айрис Белфорт в лаборатории, где хранится коллекция бабочек.

«Коллекция бабочек и цианид», – задумчиво пропел про себя инспектор на мотив модной песенки, а вслух сказал: – Вы как-то обнаружили своё присутствие, миссис Хоггарт?

– Нет. Я была слишком ошеломлена.

– А позже вы завели с мужем разговор о том, чему были свидетельницей? Вечером или сегодня утром?

Она отрицательно покачала головой.

– У Полли режутся зубки, инспектор. Это непростое время и для неё, и для меня. Я не думаю, что сейчас будут кстати разногласия между мной и мужем. Я вынуждена действовать в интересах дочери, это мой долг.

– Вы очень ответственная мать, миссис Хоггарт, – сделал комплимент инспектор, с любопытством глядя на неё.

Мягкая улыбка впервые тронула губы женщины. Она разгладила черты её лица и преобразила – белоснежные зубы, трогательные ямочки на щеках и нежный блеск глаз превратили Грейс Хоггарт почти в красавицу. Однако её улыбка тут же погасла, как только инспектор задал следующий вопрос.

– То есть вы после чая узнали о том, что ваш муж состоит в отношениях с мисс Белфорт, а за ужином мистер Крэббс объявил о своей свадьбе с этой же особой?

– Да, всё было именно так, – подтвердила Грейс.

– Вас расстроило известие о свадьбе деда?

– Разумеется. А вас бы не расстроило? Если бы в вашу семью пыталась проникнуть аферистка и лишить ваших детей законного наследства? Но я её не убивала, если вы об этом подумали. Я не могу допустить, чтобы Полли лишилась матери и выросла одинокой и никому не нужной.

Инспектор внимательно посмотрел на Грейс, а потом медленно кивнул, будто принимая её аргумент в защиту своей невиновности.

– Прошу вас, миссис Хоггарт, припомните, как ваш муж отреагировал, когда с мисс Белфорт случилось несчастье.

– Я не видела этого, – с нескрываемым сожалением произнесла после паузы Грейс. – Он стоял слишком далеко от меня, его заслоняли дядя Себастьян и тётушка Розмари. Мы повздорили за несколько минут до случившегося.

– Какова причина вашей ссоры?

– Дедушкина картина. Как вы уже знаете, он зашифровал в каждом полотне местонахождение тайника с драгоценным камнем. Но Майклу картины не досталось, и он хотел, чтобы я немедленно с ним поделилась своими догадками.

– А вы, миссис Хоггарт, как я понимаю, этого делать не собирались? – предположил инспектор.

Грейс кивнула и упрямо вздёрнула подбородок.

– Что ж, это весьма понятно в сложившейся ситуации, – заключил инспектор Оливер. – А сейчас я задам вопрос, миссис Хоггарт, ответ на который я прошу вас хорошенько обдумать. Припомните вчерашний вечер. Кто-нибудь ещё из гостей мистера Крэббса воспринял новость о его бракосочетании враждебно?

– Тут и думать нечего, инспектор, – твёрдо заявила Грейс. – Все, уверяю вас, все восприняли эту новость враждебно. Никто не ожидал от дедушки Матиаса такого. И дело не только в том, что он собирался передать семейное наследство в чужие руки. Такая свадьба попросту неприлична!

Несмотря на то, что Грейс Хоггарт была замужней молодой женщиной, последние слова она выкрикнула со стародевическим пылом, поразившим инспектора.

– Ну, времена меняются, миссис Хоггарт. Правила приличий уже не так строги, как прежде.

– А моральные нормы и нравственные порядки, инспектор? Они тоже вышли из моды? Может быть, и убийство теперь не является тяжким преступлением? – язвительно поинтересовалась Грейс.

Детектив не знал, что ответить на это и был благодарен Симмонсу, который вошёл в библиотеку, деликатно постучав, и пригласил его к телефону.

Вернулся инспектор необычайно взволнованным. Размашистым почерком начеркав несколько предложений на листе, вырванном из блокнота, он передал послание Киркби. Тот, прочитав его, никак не выразил своего отношения и принялся искать в стопках бумаг на столе записи вчерашних свидетельских допросов.

Грейс недоумённо переводила взгляд с одного полицейского на другого. Оба были ей глубоко антипатичны – и безукоризненно учтивый инспектор с его лисьей манерой дёргать кончиком длинного носа, и коротышка-сержант с круглыми совиными глазами, под взглядом которых она ощущала себя беспомощной мышью.

– Очень сожалею, что задерживаю вас, миссис Хоггарт, – сказал инспектор без тени сожаления в голосе. – Однако выяснилось кое-что любопытное. Согласно результатам анализа, Айрис Белфорт была отравлена цианистым калием. Но вот что интересно: яда не было ни в её порции напитка, ни в чайнике с шоколадом. Смертельная доза цианида обнаружена только в чашке, принадлежавшей Матиасу Крэббсу.

Оба полицейских, не отрываясь, смотрели на Грейс. «Сова и лис пообедать собрались», – вспомнилась ей детская песенка, которую пела няня, если бывала не в настроении.

– То есть... – Грейс в недоумении переводила взгляд с инспектора на сержанта. – Вы хотите сказать, что Айрис вовсе не собирались...

– Да, миссис Хоггарт, – кивнул Оливер, подтверждая её догадку. – Можно с уверенностью утверждать, что настоящей целью преступника был мистер Крэббс, а мисс Белфорт всего лишь случайная жертва.

По лицу молодой женщины заскользили неясные тени. Она глубоко погрузилась в размышления и, как ни старался инспектор Оливер, он не мог заметить в её поведении искусственности. По-видимому, свидетельница и правда была поражена услышанным.

– Миссис Хоггарт, кто, по-вашему, мог желать зла мистеру Крэббсу? Желать именно причинить вред, а не просто быть

раздосадованным его решением лишить родственников наследства и сочетаться браком с девушкой невнятного происхождения?

– Даже и не знаю, – сдавленно произнесла Грейс. Руки, лежавшие на коленях, она сцепила в замок и крепко сжала так, что побелели костяшки. Пока её голова была низко опущена, инспектор не мог увидеть выражение её лица, но тут она выпрямилась и с усилием сглотнула, будто у неё в горле застрял комок, мешающий ей говорить и дышать. – Честное слово, не знаю, кто из нас мог пойти на убийство. Дедушка Матиас многим очень помог. Когда мои родители умерли... Папа на войне, а мама к тому времени, когда пришло известие о его смерти, почти истаяла от испанки и пережила его всего на два дня. Так вот, дедушка был очень добр ко мне. Он оплатил моё пребывание в пансионе и постоянно мне писал. И близнецам он тоже оплатил обучение из своего кармана, не взял ни пенни из их скромного наследства.

– Мистер и мисс Адамсон что-то получили после гибели матери? – заинтересовался инспектор.

– Не гибели, а самоубийства. Душа их матери погибла, потому что она сама себя убила, – упрямо поправила его Грейс, и её лицо на миг показалось ему намного более взрослым, будто принадлежало женщине преклонных лет. – Они получили только то, что уцелело от основного капитала. Какие-то крохи. Их мать потеряла рассудок, вы знаете, да? Она гонялась за их отцом по всей стране, пока не растратила все деньги, которые у них были. После этого она обращалась за помощью к дедушке, но тот сказал, что она ничего не получит. Ей ничего не оставалось, кроме как взять близнецов и уехать. А потом она совершила смертный грех – лишила себя жизни. И близнецов привезли сюда, в Гриффин-холл.

– Вы знали обо всём, что случилось? – удивился инспектор. – Я думал, что от детей все скрыли.

– Я знала от своей няни, – кивнула Грейс. – Но она взяла с меня слово молчать, чтобы не шокировать «бедняжек Адамсон» и дать им оправиться после трагедии.

– И вы, миссис Хоггарт, будучи десятилетним ребёнком, сохраняли тайну до самого конца? А вы не испытывали, как все дети, соблазн раскрыть близнецам правду? – прищурился недоверчиво детектив.

– Правда, инспектор, может больно ранить, – тихо произнесла Грейс, задумчиво разглядывая свои коротко остриженные розовые ногти. – Иногда она может даже убить. Если бы моей матери рассказали правду о смерти отца позже, хотя бы пару месяцев спустя – она бы выкарабкалась, я уверена. Она бы не оставила меня. А правда её убила. Лишила сил бороться.

Инспектор пронизательно взглянул на молодую женщину, что сидела перед ним в такой напряжённой, сжатой позе, будто боялась рассыпаться на кусочки.

– А вы помните, кто принёс вашей матери известие о смерти отца? – спросил он.

– Нет, – тут же покачала головой Грейс Хоггарт. – Мне было всего десять лет, инспектор. Что может помнить ребёнок?

С этими словами она встала и кротко посмотрела на него, игнорируя Киркби.

– Могу я быть свободна, инспектор? Мне пора идти к Полли, она, наверное, уже заждалась меня. Я предпочитаю не оставлять её надолго.

– Да, миссис Хоггарт, вы можете идти. Благодарю вас за беседу и прошу прощения, что отняли у вас столько времени.

Проводив свидетельницу до дверей, Оливер негромко откашлялся.

– Мне бы хотелось, миссис Хоггарт, чтобы то, что вы сейчас узнали от меня, осталось пока тайной для остальных. Даже для вашего мужа. Со временем все и так всё узнают, но сейчас интересы расследования требуют соблюдения конфиденциальности.

– О да, инспектор, можете не объяснять, я отлично поняла вас, – Грейс Хоггарт подняла руку, отметаая дальнейшие объяснения, и вышла из библиотеки, аккуратно притворив за собой дверь.

Детектив Оливер быстро вернулся за стол и, не глядя на сержанта Киркби, принялся отдавать приказания:

– Срочно вызвать Майкла Хоггарта. Узнать адрес пансиона, где обучалась Грейс Хоггарт, и поговорить с директрисой. Узнать, где учились брат и сестра Адамсон, и затребовать их характеристики.

Киркби всё исправно записал, передал констеблю Лэмбу приказ инспектора и задумчиво произнёс:

– Не могу понять, эта Хоггарт – она покрывает мужа или, наоборот, только что преподнесла нам его на блюдечке? И как

десятилетняя девчонка может всё лето хранить такую чудовищную тайну? И в какой момент, интересно, она начала лгать?

Глава пятая, в которой Майкла Хоггарта уличают во лжи, а тётушка Розмари даёт полицейским отпор

Майкл Хоггарт ожидал вызова на допрос, прогуливаясь по саду. После дождя, который лил всю ночь, тут было свежо и сыро. Мысли молодого человека занимало то небольшое дельце, ради которого он и приехал в Гриффин-холл.

На гравийную дорожку выполз жирный слизняк и Майкл, повинуясь порыву, раздавил его, а после долго оттирал подошву о траву, морщась от гадливого чувства. Снова заморосило, и он вернулся к дому, встав под навесом у распахнутых настежь дверей, ведущих в холл. Ему не хотелось возвращаться в душную комнату и разговаривать с Грейс, которая за последние дни стала совершенно невыносимой. Майкл просвистел несколько первых тактов из оперетки «Яблоневый цвет», но умолк, как только услышал за спиной быстрый перестук каблучков.

Звякнул телефонный аппарат, несколько раз прокрутился диск. Взволнованный женский голос попросил:

– Будьте добры, пригласите Джеймса Уэверли.

После непродолжительного молчания раздался приглушённый вскрик.

– Не может быть!.. Вы серьёзно? Когда он пропал?! А записка?.. Он оставил записку?

Майкл, крайне заинтересовавшийся подслушанным разговором, уже занёс правую ногу над высоким порогом, чтобы осторожно проскользнуть в холл и встать позади ниши, где был установлен телефонный аппарат, но тут из-за угла показался Энглби с выражением лица одновременно торжествующим и наглым.

– Инспектор Оливер желает видеть мистера Хоггарта, – провозгласил он таким образом, словно предвкушал сенсацию.

Насвистывая чуть громче, чем допускали правила приличия, Майкл неспешно отправился в библиотеку. Проходя через холл, он заметил, как Вивиан, эта чудная малышка с точёной талией и премилыми ножками, стоит у лестницы, обхватив себя руками, и её

плечи и голова мелко трясутся. Заслышав шаги, она, не обернувшись, резко подхватила и взбежала вверх.

Инспектор Оливер встретил Майкла Хоггарта радушно. Развязный молодой человек, в котором чувствовалось что-то скользкое и неприятное, не понравился ему ещё вчерашней ночью, но подобные эмоции детектив привык держать при себе.

– Проходите, мистер Хоггарт, садитесь поудобнее. Я надеюсь, вы успели отдохнуть после событий вчерашнего вечера?

– О да, благодарю вас, – преувеличенно церемонно кивнул Майкл, словно издеваясь над манерами инспектора. – Спал я крепко и покойно, как и подобает тем, чья совесть чиста. Вы можете не ходить вокруг да около, детектив. Я с радостью отвечу на все ваши вопросы и окажу следствию любую посильную помощь.

– Отрадно это слышать, – сухо заметил инспектор, возвращаясь за стол.

– Что вы, это ведь мой долг, – с нарочитой скромностью ответил Майкл и откинулся в кресле, забросив ногу за ногу.

– Итак, – сверился с записями инспектор. – Вы работаете в Сити.

– Верно.

– Какую должность занимаете?

– В самом скором времени я собираюсь стать партнёром.

– Примите мои поздравления, мистер Хоггарт. Но всё-таки, какую должность вы занимаете сейчас?

– Младшего клерка.

– Вы были знакомы с мисс Айрис Белфорт?

– Нет.

– Вы уверены, мистер Хоггарт? Подумайте хорошенько, напрягите память. У нас есть свидетель, который утверждает, что видел вас вчера после чая вместе с мисс Белфорт в лаборатории.

Услышав это, Майкл скривился. Отвернувшись, он помолчал, а потом приподнял обе руки и сделал виноватое лицо.

– Сдаюсь, инспектор, сдаюсь! Вы меня раскусили. Слуги проболтались, да? Энглби на меня прямо волком смотрит. Я и правда скрыл от вас, что знаком с погибшей девушкой. Ну, струсил, с кем не бывает. Приношу свои...

– Свидетель также утверждает, что характер ваших отношений с мисс Белфорт далёк от дружеского, – перебил его инспектор Оливер.

Майкл снова скривился и обхватил голову руками, взъерошив волосы и сразу став выглядеть младше лет на восемь – безрассудный мальчишка, да и только. Однако инспектора все эти уловки обмануть не сумели – он чувствовал исходящие от Майкла Хоггарта запахи страха, неудовлетворённой алчности и двуличия. Такие молодчики редко убивают, но плести интриги и откусывать при удачном случае от чужого пирога они умеют.

– Как долго вы женаты, мистер Хоггарт? – поинтересовался Оливер.

– Уж не собираетесь ли вы читать мне мораль? – с подкупающей улыбкой осведомился Майкл. – Надеюсь, супружеская измена пока ещё не является тяжким преступлением?

– Измена нет, а вот убийство с целью скрыть свои похождения да.

– Если вы намекаете, что я убил Айрис, чтобы Грейс ничего не узнала, то зря тратите время, инспектор. Моя жена – невероятно скрытная особа. И большая любительница закрывать глаза на то, что считает неприличным. Она всё держит в себе, но в последнее время на нас навалились проблемы, мы то и дело вздорили, и она как-то раз призналась мне, что давно догадалась о другой женщине. Я не смог её переубедить и счёл за лучшее не касаться в дальнейшем этой темы. Но мне не было смысла убивать Айрис, как видите. Грейс и так была в курсе.

– А для кого, по-вашему, был смысл убить девушку? – быстро спросил инспектор.

– Откуда мне знать? – Майкл театрально изобразил недоумение, разведя руки в стороны и подняв плечи. – Многим не понравилось, что старик решил жениться на молоденькой и оставить всех с носом. Вы бы животики надорвали, если бы видели, какое выражение на лице было у тётушки Розмари, когда Крэббс сообщил о свадьбе. Клянусь, если бы у неё в сумочке был револьвер, то она бы застрелила несчастную Айрис у всех на глазах. А следом за ней и брата.

– А вы сами, мистер Хоггарт? Как вы отнеслись к тому, что ваша... м-м-м... любовница выходит замуж за другого мужчину? Может быть, вас это разозлило? Вы ревновали?

Майкл совершенно искренне расхохотался.

– Вы, инспектор, погрязли в старомодных понятиях о человеческих отношениях. Ревность – пережиток, а мы всё-таки живём

в двадцатом веке. С чего бы мне ревновать Айрис? Да я только порадовался за неё, что она так ловко устроилась в жизни. Немного удивился такой прыти, это да. Но у Айрис всегда была голова на плечах. Ну или почти всегда. Да и вообще, инспектор, рассудите здраво. Мне было бы намного выгоднее дождаться, пока старик сыграет в ящик, развестись с Грейс и жениться на наследнице Крэббсовских богатств. Не скрою от вас, такие мыслишки в моей голове появлялись.

Тут Майкл снова беззлобно расхохотался.

– Так что сами видите, мне убивать Айрис не было никакого резона.

– Зато резон был у вашей жены, мистер Хоггарт, – коварно предложил новую версию инспектор Оливер.

Майкл, не задумываясь ни на секунду, отчаянно запротестовал.

– Нет, нет, выкиньте это из головы. Грейс совершенно неспособна лишить кого-либо жизни. Вы просто её совсем не знаете. Она мягкосердечна, если не сказать больше. Жена многое прощает даже такому мерзавцу, как я, – и он снова обезоруживающе рассмеялся.

– Взгляните, мистер Хоггарт, – инспектор, не слишком впечатлившись маленьким спектаклем добродушия, продемонстрированным Майклом, протянул ему записку, найденную в руке отравленной девушки.

Тот недоверчиво взял записку и пробежал глазами.

– Вы все ещё намерены утверждать, что нисколько не злились на свою любовницу? Зачем же тогда вы ей угрожали?

– Нет, инспектор, могу вас заверить, что эту записку я не писал, – Майкл оставил свой насмешливый тон, лицо стало серьёзным. – Вы не верите мне, я вижу. Но я голову могу дать на отсечение, что не писал эту записку. У меня не было причин убивать Айрис Белфорт, поверьте. И я совершенно не представляю, кому бы хотелось её убить. И ваши подозрения насчёт моей жены абсолютно беспочвенны!

– К записке мы ещё вернёмся, – зловеще пообещал Оливер. – А сейчас я расскажу вам кое-что любопытное. Мы забрали на анализ содержимое чайника с шоколадом и обеих чашек. И выяснилась вот какая занятная штука: в чашке мисс Белфорт не было яда. Не было его и в чайнике с шоколадом. Цианид нашли только в одной чашке – в той, которая предназначалась Матиасу Крэббсу. Так что вы можете

прекратить неуклюжие попытки навести подозрения на миссис Хоггарт.

И Оливер, и Киркби внимательно воззрились на Хоггарта.

С показной безмятежностью Майкл переменял позу и принялся неспешно снимать с пиджака невидимые ворсинки. Потом молодой человек долго проверял, застёгнуты ли запонки и выравнивал краешки манжет. Пауза длилась и длилась, пока, наконец, он не поднял глаза на полицейских.

– У кого-то сдали нервы, вот что я думаю, – безапелляционно заявил Майкл, вытянув ноги и откинувшись на стуле. – Вы просто не видели, что тут творилось целый день. Старик задирает всех, кого только мог. Досталось всем без исключения.

– И вам?

– И мне в том числе. Он никого не пропустил, уверяю вас. Целый день развлекался в своё удовольствие. Сначала заманил нас в паучье логово, наобещав с три короба, а потом принялся изводить и втапывать в грязь. А под конец устроил эту нелепую игру с бездарной мазнёй, которую он называет картинами.

– Вы не верите, что мистер Крэббс спрятал в тайниках драгоценности? – поинтересовался инспектор Оливер.

– Почему же? Верю. Старик по-настоящему богат, он этого не скрывает. Айрис со временем могла сорвать приличный куш.

– А вы, мистер Хоггарт, получили картину с шифром?

– Нет, – Майкл широко улыбнулся, и от внешних уголков глаз разбежались тонкие морщинки, – старик на дух меня не выносит. Вот и не стал утруждаться.

– У кого, по-вашему, было больше причин покушаться на жизнь мистера Крэббса?

– Эй, вы это серьёзно? – Майкл в притворном изумлении развёл руки. – Да у каждого из присутствующих была причина желать старику смерти! Не знаю, что вам скажут остальные – такие дамочки, как тётушка Розмари, или старый вояка Себастьян терпеть не могут говорить то, что думают, – но уверяю вас: каждый из тех, кто был в мастерской прошлым вечером, мог желать Крэббсу смерти, причём, исключительно до бракосочетания. Но желать – это не то же самое, что сыпануть в чашку пригоршню яда на глазах почти что дюжины родственников.

Запальчивость в голосе Майкла неожиданно сошла на нет, и он отклонился на спинку кресла, оценивая произведённый своей речью эффект. Оливер и Киркби никак не прокомментировали слова свидетеля. Вопросов к нему больше не было, и полицейские нехотя его отпустили.

– Валяет дурака, – тоном эксперта сообщил Киркби, когда Майкл, насвистывая, пружинистым шагом вышел из библиотеки. – Записку писал он, готов спорить на недельное жалованье.

– Разумеется, – задумчиво протянул инспектор Оливер. – Больше ни у кого не было повода её писать. Но какова парочка, а, Киркби? Видели вы что-нибудь подобное? Подставляют друг друга без всяких колебаний. Тут поневоле порадуешься, что холост.

– Или, наоборот, напускают тумана и отводят подозрения друг от друга, – задумчиво сказал сержант.

Тётушка Розмари не обращала никакого внимания на суету в доме, вызванную присутствием в библиотеке полицейских. Для себя она сразу же решила, что больше не позволит наглому и невоспитанному инспектору взять над ней верх. Не то чтобы она сознательно и всерьёз намеревалась препятствовать расследованию, вовсе нет. Однако заставить её быть послушной ему больше возможности не представится.

Само собой, прошлым вечером она пребывала в состоянии шока, поэтому и размякла. Но теперь, когда она взяла себя в руки и приняла те превосходные успокоительные капли, которые ей порекомендовала пару месяцев назад свояченица викария (в высшей степени приятная и отзывчивая женщина, а какие роскошные она выращивает штокрозы!), дело пойдёт совсем по-другому. Больше они не смогут её запугать.

Розмари Сатклифф утвердилась в мысли, что теперь она в состоянии дать этим нахальным бобби⁶ достойный отпор, и решительно вскинула голову. После приёма утешительных капель воспоминания о вчерашней трагедии уже подёрнулись милосердной пеленой забвения.

Бережно достав из ящика комода старинную пудреницу слоновой кости, она привела себя в порядок и поправила шиньон. Возбуждение, охватившее её, требовало действий, причём немедленных.

Тётушка Розмари, прижимая к груди, словно щит, гобеленовую сумку, направилась в библиотеку. Оказавшись перед дверью, она несколько раз постучала в неё, поморщившись от громкого звука.

Не дожидаясь ответа, пожилая леди вошла и строго уставилась на полицейских, будто она была классной дамой, а они – двумя провинившимися воспитанниками. Оливер и сержант Киркби удивлённо воззрились на неё.

– Э-э-э, чем обязан, мисс Сатклифф? Вы хотите мне что-то сообщить? – тон инспектора был учтив, но замешательства не скрывал.

– Именно так! – несколько громче, чем следовало, сообщила тётушка Розмари и грациозно опустилась в кресло, по-прежнему свирепо на него глядя. – Я собираюсь поставить вас в известность, инспектор, что ни вы сами, ни ваши подручные не вправе запугивать меня и гостей моего брата. Ваше вопиющее нахальство – это просто что-то неслыханное! Вы не имеете права силой удерживать нас всех в Гриффин-холле. Я собираюсь отбыть в Йоркшир сразу после того, как мой брат окрепнет, а я отыщу... закончу здесь все необходимые дела. Погибшая девушка никакого отношения к нашей семье не имела, вам и самому это прекрасно известно.

Розмари Сатклифф вскинула подбородок и с вызовом посмотрела на инспектора. Она была невероятно горда собой.

Инспектор незаметно приняхался, чуть подавшись вперёд, и с недоумением откинулся на спинку стула. Тут в дверь постучали, и лакей Энглби проводил в библиотеку Филиппа Адамсона.

– Вы хотели меня видеть, инспектор? – спросил молодой человек, но Оливер не успел ничего ему сказать.

– Фил-и-и-ипп! – расплылось в улыбке лицо тётушки Розмари. – Зря ты сюда пришёл, мой мальчик, – и она шутливо погрозила ему пальцем. – Лучше иди погуляй с сестрой в саду. Эти люди больше не будут нам докучать. Они уже поняли всю несостоятельность своих притязаний и весьма сожалеют о них.

Тётушка Розмари помахала Филиппу рукой, будто тот был ребёнком. Затем она снова грозно уставилась на инспектора.

– Мистер Адамсон, я немного позже пришло за вами, – пообещал Оливер и, дождавшись, когда дверь в библиотеку снова закроется, обернулся к пожилой даме.

– Я очень рад, что вы заглянули к нам, мисс Крэббс. На самом деле я ещё утром хотел побеседовать с вами, но решил, что вы нуждаетесь в отдыхе после вчерашних событий.

– Я? В отдыхе?! – тётушка Розмари издала деликатное фырканье и раздражённо закатила глаза. – Знаете что, молодой человек, вы и не представляете, какие испытания выпадали на долю моему поколению. Так что нечего толковать об отдыхе. Я хочу, чтобы вы сказали мне, когда намерены прекратить свои нелепые расспросы и оставить нашу семью в покое.

– Как только выясню, кто убил Айрис Белфорт, – инспектор обезоруживающе улыбнулся. – Может быть, у вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Думаю, это ирландцы, – негромко, оглядываясь на окно, сказала Розмари Сатклифф.

– Что, простите?

– Ирландцы! – свистящим шёпотом повторила тётушка Розмари. – Она могла быть с ними связана, эта Айрис Белфорт, разве нет? Современные девушки чего только не делают. И волосы стригут, и курят...

По-видимому, пожилая леди ставила в один ряд такие прегрешения, как короткие стрижки, курение и участие в деятельности Ирландской Республиканской Армии.

– Хм, – инспектор задумчиво побарабанил кончиками пальцев по столу. – Мисс Сатклифф, а какие именно факты натолкнули вас на мысль, что убитая девушка была связана с ИРА?

– Факты?! – переспросила Розмари Сатклифф с преувеличенным возмущением. – Вообще-то, инспектор, я полагала, что фактами занимаетесь вы. Ну и ещё эти ваши констебли-грубияны, – она метнула в сторону Киркби презрительный взгляд, отчего сержант негодуяюще засопел.

День уже близился к вечеру, и Оливер начал выдыхаться. Недостаточный сон и усталость притупили его чувства, где-то в глубине начинало разрастаться глухое раздражение. Пожилая дама, явно наслаждающаяся тем, что водит полицейских за нос, напротив,

хорошо отдохнула и лучилась бодростью. Инспектору захотелось стереть с её лица самодовольную усмешку, увидеть её неприкрытый испуг.

– Мы получили результаты анализа, – сухо сообщил он, внимательно следя за выражением лица свидетельницы. – Айрис Белфорт убил цианид. Что-то около шести гран. Но вот в чём загвоздка, мисс Сатклифф: ни в чашке жертвы, ни в чайнике цианистый калий не нашли. Экспертиза обнаружила яд только в чашке вашего брата. Теперь, как видите, сложно утверждать, что вчерашнее преступление не имеет никакого отношения к вашей семье. Жертвой убийцы должен был стать Матиас Крэббс, и никто иной.

– Боже мой! – у пожилой леди из груди вырвался протяжный стон.

Она обхватила одной рукой шею, а другой принялась, не глядя, шарить в сумке, слепо уставившись на бронзовую безделушку, стоявшую на краю стола.

– Стакан воды? – предупредительно вскочил на ноги инспектор. – Или лучше чашку крепкого чаю?

– Воды, пожалуйста, – прошелестела Розмари Сатклифф, выхватывая из недр сумки миниатюрную склянку.

Пока она отсчитывала резко пахнувшие мятой капли, наблюдая, как они упруго падают в воду и тут же растворяются без следа, инспектор и сержант переглянулись. Оливер успел раскаяться в том, что поддался мстительному чувству и сообщил страшное известие вот так в лоб, не подготовив свидетельницу и не отыскав для неё более деликатных слов.

– Приношу свои извинения, мисс Сатклифф, что вынужден был сообщить вам это прискорбное известие, – в голосе инспектора слышалось искреннее сожаление. – Но я нуждаюсь в вашей помощи. В интересах расследования вы должны рассказать мне всё, что касается событий вчерашнего вечера.

Пожилая леди торопливо опустошила стакан воды и, протянув его инспектору дрожащей рукой, нетерпеливо выкрикнула:

– Это Хоггарт, это непременно Майкл Хоггарт! Он именно тот, кого вы ищете!

– Почему вы так считаете? – поразился Оливер неприкрытой ярости в тоне Розмари Сатклифф.

– Потому что он испорченный молодой человек. Ленивый, порочный и самовлюблённый. Он испортит жизнь Грейс, вот увидите. Такие мужчины всегда все портят. Он и женился-то на ней с прицелом на наследство, поверьте мне. Вы бы видели, инспектор, как он позеленел, когда Матиас сообщил о своей свадьбе с той несчастной девушкой. Я думала, он просто лопнет от злости!

– Так отреагировал на сообщение о свадьбе только Майкл Хоггарт? Может быть, вы заметили, что кто-то ещё был расстроен или огорчён?

Розмари Сатклифф задумалась. Инспектор нисколько не обольщался на её счёт: такие дамы способны принимать свои антипатии за неопровержимые факты, не требующие доказательств. Однако мятные капли успели подействовать на свидетельницу – она как-то обмякла в кресле, продолжая прижимать к себе сумку и став похожей на постаревшую девочку с потрёпанным плюшевым мишкой в руках.

– Мисс Сатклифф?.. – позвал Оливер, опасаясь, что она уже забыла вопрос, который он ей задавал.

– Я думаю, инспектор, – огрызнулась она с прежней враждебностью, и он понял, что парадоксальным образом Розмари Сатклифф вновь обрела бодрость духа, но вместе с тем пришла в заторможенное состояние.

– Вивиан, – наконец произнесла она и выпрямилась в кресле, не откидываясь на спинку. – Горько говорить об этом, но они сразу спелись – эта парочка.

– Кого вы имеете в виду?

– Как кого? Вивиан и Майкла. Он сразу положил на неё глаз. Вивиан очень похожа на своего отца – Генри Крэббса. Безмерного обаяния был юноша, – и она печально вздохнула. – Всеобщий любимец, умница, прекрасный наездник. Но мне он не нравился, знаете ли, несмотря на то, что был моим племянником. Такие люди привыкают, что им всегда достаётся всё самое лучшее. Это несколько раздражает, вы не находите? Он погиб в последние месяцы войны. А её мать, Кэролайн, вообще из Америки. Из неплохой семьи, но с сомнительными нравственными ценностями. Представляете, после войны она вышла замуж ещё трижды! Последний раз совсем недавно, вроде бы.

У инспектора уже кругом шла голова от племянников, убитых на войне, и их жён, которые всё время выходят замуж. Он грозно откашлялся и спросил как можно учтивее:

– И какое отношение эти сведения имеют к Вивиан Крэббс и покушению на вашего брата?

Водянисто-голубые глазки тётушки Розмари, сиявшие странным пустым блеском, озадаченно заморгали.

– Как это какое? Вы что, не слышите меня? Я говорю о том, что не будет ничего удивительного, если выяснится, как эта парочка договорилась обо всём и решила отправить Матиаса на тот свет. На вашем месте я бы их арестовала. Это, конечно, большой скандал в нашем семействе, но всё же лучше, чем нераскрытое убийство.

– В своё время мы арестуем, кого следует, мисс Сатклифф, – мрачно заверил свидетельницу Оливер. – А вот скажите мне как на духу: вы были шокированы, когда брат сообщил о своей помолвке с девушкой, младше его на несколько десятков лет? Или вы знали об этом заранее?

Глаза тётушки Розмари мгновенно наполнились прозрачной влагой. Она извлекла из сумки белоснежный до голубизны платок с вышитой на нём монограммой и манерно сжала его миниатюрными ладонями.

– Кто я такая, чтобы критиковать намерения брата, инспектор? – скорбно произнесла она. – Матиас столько лет хранил верность памяти Гвендолин. Но он всего лишь мужчина. Разумеется, когда его решила обольстить эта юная хищница, он не смог долго сопротивляться. Если бы я знала заранее о его намерениях, то нашла бы нужные слова, чтобы напомнить ему о семейных традициях, о благопристойности, наконец. Но брат никогда не советуется со мной.

– Вам известны обстоятельства их знакомства?

Розмари Сатклифф покачала головой и промокнула платком уголки глаз.

– Я впервые увидела эту девушку вчера за ужином. А через два часа она была уже мертва. Подумать только, инспектор, так молода и уже так испорчена!

– Почему испорчена? – не понял Оливер.

– Ну как же? Вы же сами мне сказали, что Айрис Белфорт связалась с республиканцами и её убили за предательство

католической веры, – Розмари Сатклифф презрительно посмотрела на него, но тут же смягчилась. – У вас нездоровый вид. Хотите, я попрошу Симмонса принести вам чаю?

– Нет, не хочу, – отказался Оливер, резко встал, но тут же снова сел на стул. – Благодарю вас, не стоит. Давайте попробуем сосредоточиться на моих вопросах, мисс Сатклифф. У нас есть информация, что Айрис Белфорт попала в Гриффин-холл в качестве библиотекаря. В её обязанности входило следить за обширной библиографической коллекцией мистера Крэббса и помогать ему в написании мемуаров. Вам что-нибудь известно об этом?

– Матиас всегда таким был, – наклонившись вперёд, доверительно сообщила тётушка Розмари. – То у него бабочки, то кругом раскиданы мёртвые звери с пуговичными глазами. Сейчас у него книги и эти его... картины, если так можно выразиться. Я, если честно, никогда не понимала такой одержимости. Другое дело – охота. Наш отец очень любил охотиться, инспектор. Когда-то у нас были превосходные лошади. Я и сама неплохо держалась в седле, хотя сейчас в это сложно поверить, – и она кокетливо рассмеялась. – Мы устраивали и приёмы, и пикники на морском берегу. По воскресеньям у пирса стояли лоточники. У них можно было выиграть золотую рыбку в крошечном стеклянном кувшинчике, если попасть в него шариком. Один шарик стоил всего два пенса, но вот беда – внутри они были полые, поэтому как бы вы тщательно ни целились, ветер всё равно...

Розмари Сатклифф с безмятежной улыбкой погрузилась в воспоминания, изобилующие множеством подробностей о людях, которых давно не было в живых, и местах, в которых теперь ничего не напоминало о былых увеселениях.

Инспектор Оливер уже понял, что толку от опроса свидетельницы не будет, пока не закончится действие успокоительного. Не уповая более на удачу, он задал ещё несколько малозначимых вопросов, терпеливо выслушал назидательную отповедь и нелестное мнение о работе полиции в целом и своей сомнительной деятельности в частности, а после проводил Розмари Сатклифф к выходу из библиотеки и сам закрыл за нею дверь.

– Силы небесные, – выдохнул он. – Киркби, что она принимает, по-вашему?

– Мятные капли, или шафрановые капли, или капли на розовой воде...– перечислил Киркби и пожал плечами. – Пожилые леди любят чуточку взбодрить себя, сэр. Один бог знает, из чего деревенские аптекари делают эти снадобья. Моя двоюродная тётя Алисия тоже принимает нечто подобное. После этого она всегда пускается в воспоминания о том, как однажды ворона, пролетающая над ней, выронила из клюва золотое кольцо с изумрудом, и оно наделось прямо ей на палец.

Инспектор Оливер с подозрением посмотрел на помощника, сам не зная, что его больше поразило – наличие у сержанта столь многочисленной родни или невероятная история с участием вороны.

– А вы, Киркби, видели это кольцо?

– О да, сэр, видел, и неоднократно. Тётя Алисия носит его на цепочке, вместе с обручальным кольцом покойного мужа.

Инспектор помолчал, отвернувшись к окну и массируя веки указательным и большим пальцами правой руки.

– Позовите Адамсона, – наконец приказал он, не глядя на сержанта.

Глава шестая, в которой Филипп Адамсон производит на инспектора Оливера неблагоприятное впечатление, а за ужином в Гриффин-холле случается неприятный инцидент

Пока полицейские опрашивали гостей и прислугу, сам хозяин Гриффин-холла не выходил из своей спальни. Не дав Эмме раздёрнуть портьеры, он сидел в кресле у потухшего камина, позволяя полумраку час за часом подкрадываться к нему всё ближе.

Комната, выходявшая окнами на северную сторону разросшегося за эти годы сада, медленно заполнялась тенями и шорохами листвы. Ветер время от времени встряхивал ветви обрюзгших тисов, и тогда в оконное стекло летели лёгкие брызги, а после стекали тонкими слезливыми струйками.

Сегодня Матиас Крэббс впервые почувствовал себя старым. Привычная бодрость оставила его, он ощущал своё тело неповоротливым и лишённым той жизненной силы, что бурлила в нём раньше. Веки его отяжелели и набрякли, плечи ныли, словно от тяжкой ноши, взваленной на них. Он провёл рукой по небритому лицу и бессильно уронил её на колени.

Рядом с креслом, на столике, так и стоял поднос с завтраком, который ему собственноручно принёс Симмонс. От яичницы с почками, жаренной на свином жире, уже чувствовался неприятный запах, овсяные лепёшки зачерствели, а чай подёрнулся мутной плёнкой. По тарелке с растаявшим маслом и земляничным джемом, превратившимся в кляксу, ползала отяжелевшая муха, иногда поднимаясь в воздух и делая неловкий пируэт вокруг Матиаса Крэббса. Тогда он медленно поднимал одну руку и механически водил ею над головой, отчего муха издавала низкое гудение и смещала свой полёт на несколько дюймов.

Послышался вкрадчивый стук. Кто-то, стоявший за дверью, повернул дверную ручку и, когда она не поддалась, постучал ещё раз уже увереннее.

– Дедушка Матиас, – позвали из-за двери. – Это Вивиан. Я принесла чашку чая. И мне... мне очень нужно обсудить кое-что важное.

Крэббс продолжал оставаться неподвижным, наблюдая за мухой, которая с тошнотворной медлительностью чистила лапки, сидя на полотняной салфетке.

В дверь ещё раз постучали, но он по-прежнему оставался безучастным, только закрыл лицо руками и скорчился, склонившись к самым коленям. Тело его сотрясали мучительные короткие спазмы, из-под сомкнутых ладоней вырывались лающие звуки, похожие одновременно и на плач, и на смех.

К Филиппу уже дважды стучался Энглби, передавая просьбу инспектора спуститься в библиотеку. Первый раз его опередила тётушка Розмари, находившаяся в неуместно приподнятом расположении духа, но теперь, похоже, настала его очередь.

Когда он проходил через холл, навстречу ему попала Оливия. Волосы её были влажными, губы посинели. Она куталась в длинную тёплую шаль и прижимала одной рукой к себе нечто громоздкое, что, однако, полностью скрывалось под свисающими вязаными полотнищами.

– Ты откуда? С прогулки? – удивлённо спросил он сестру, вспоминая, что не видел её с самого ланча. – Что это у тебя там?

Вместо ответа Оливия развела полы и с самым загадочным видом приложила палец к губам. В руке она держала небольшую скамеечку, из тех, какие используют на кухне, когда чистят овощи или натирают песком медные кастрюли.

– Что это ты задумала? – подозрение в голосе Филиппа усилилось. – Зачем тебе эта штука?

– Затем, что у меня ужасно устали ноги, – пожаловалась Оливия капризно. – Даже когда я работала в универмаге Стетсона, они и то так не уставали. И ещё я, кажется, простудилась.

В подтверждение своих слов она тут же чихнула.

– И чем же ты занималась весь день, что так вымокла? – теперь тон Филиппа был обвинительным.

Оливия ещё раз чихнула, огляделась и быстро зашептала:

– Я подслушивала! Пока ты валялся в тепле и неге, я слушала все разговоры этого смешного полицейского, похожего на лису! И теперь я знаю такие вещи, от которых у тебя глаза на лоб полезут, вот увидишь! У окна библиотеки, там, где нависает вяз, наше старое шпионское укрытие. Неужели ты про него забыл? Только там ужасно мокро, – и она снова чихнула.

– С ума сошла? – приглушённо рявкнул Филипп. – А если бы тебя заметили констебли? Произошло убийство, Оливия. Это вовсе не игра в шпионов, и ты уже не ребёнок.

– Зато я знаю теперь об этом деле столько же, сколько и полицейские! – энтузиазм Оливии было ничем не заглушить. – И ещё, например, мне известно, что Симмонс подслушивал нас вчера в саду и разболтал о том, что слышал, инспектору. А у Майкла была связь...

– Инспектор Оливер выражает нетерпение, мистер Адамсон, – извиняющимся тоном сказал вошедший Энглби, делая вид, что не замечает высовывающейся из-под шали Оливии скамейки, за потерю которой Дорис уже успела получить нагоняй от миссис Уоттс.

– Поговорим, когда я вернусь, – мрачно пообещал Филипп. – А пока прими горячую ванну и выпей бренди.

С досадой хмуря густые брови, он направился в библиотеку, а Оливия, немного смутившись под нарочито бесстрастным взглядом Энглби, вытащила скамеечку из-под шали и снова чихнула.

Инспектор Оливер встретил Филиппа с усталым вздохом. Беседа с тётушкой Розмари и последующие откровения Киркби внесли в его мысли сумятицу, а тут ещё позвонили из отделения и сказали, что задержали двух парней, похожих по описанию на тех, что расспрашивали хозяина паба о Матиасе Крэббсе.

Адамсон вначале показался инспектору приятным молодым человеком, от которого можно было не ожидать подвоха, но уже через пару минут Оливер интуитивно понял, что свидетель вовсе не так

прост, как пытается показаться. В нём чувствовались внутренняя сосредоточенность и тревога, запрятанные так глубоко, что неопытный наблюдатель мог бы и вовсе не заметить тех напряжённых усилий, которые требовались для создания безмятежного образа. Филипп Адамсон, хотя и был худощав, да и внешность имел самую интеллигентную, напомнил инспектору боксёра на ринге – те же расчётливые скупые движения и самообладание, одинаково необходимые и для атаки, и для защиты.

– Что вы можете сказать об Айрис Белфорт? Вы знали её раньше?

– Нет, инспектор, я увидел её только вчера перед ужином. Мы с ней не были знакомы – ни я, ни моя сестра, – Филипп говорил уверенно и чётко, отчего казалось, будто ответы он приготовил заранее.

– С мисс Адамсон я поговорю отдельно, – поморщился Оливер. – Сейчас меня интересует вчерашний вечер – события, атмосфера, – словом, то, что привело к трагедии.

– Вы полагаете, что убийство было спонтанным? Что его не планировали? – с неподдельным интересом осведомился Филипп.

– Пока всё выглядит именно так, – сухо кивнул Оливер. – Отвечайте, пожалуйста, на мои вопросы. Вы приехали в Гриффин-холл по своим личным причинам или получили приглашение от мистера Крэббса?

– Мы с сестрой были приглашены, как и все остальные.

– Как часто мистер Крэббс устраивает подобные семейные сборища?

– Крайне редко. Мы с сестрой не бывали здесь тринадцать лет, – в тоне Филиппа не слышалось и тени сожаления.

– Как я понимаю, семью Крэббс дружной назвать сложно, – Оливер скорее утверждал, чем спрашивал.

– Да, это так.

– Как так вышло, что вы все не виделись тринадцать лет? В прошлом имел место какой-то конфликт?

– Да как вам сказать, – было видно, что Филипп всерьёз обдумывает свой ответ. – Если вы про семейный скандал или что-то в этом духе – ничего подобного не было. Просто в определённый момент дедушка Матиас замкнулся в себе и решил пресечь все отношения с родственниками. Ему в этом виделась возможность

преподать всем поучительный урок. Он желал, чтобы каждый самостоятельно добился успеха в делах и в жизни.

– Однако по отношению к Розмари Сатклифф это было не очень-то справедливо, вы не находите? Да и Себастьян Крэббс, получивший на войне тяжёлое ранение, вряд ли мог вести полноценную жизнь, – Оливер испытующе посмотрел на свидетеля.

– Тут вы правы, инспектор, – кивнул Филипп. – Но они как-то выкарабкались, не правда ли? Тётушка Розмари живёт на скромную ренту, дядя Себастьян имеет небольшую военную пенсию и пишет для журналов.

– Поддерживаете ли вы с кем-то из них связь? – перескочил на новую тему Оливер. – Может быть, с кузинами? Как я понял, с миссис Хоггарт вас некогда связывали дружеские отношения.

– Нет, мы с сестрой живём так же обособленно, как и остальные. Грейс мы не видели с того лета, когда с нашей матерью случилось несчастье. А Вивиан вообще увезли из Англии через несколько лет после рождения.

– Что вы думаете о мистере Хоггарте? Он производит впечатление успешного дельца.

– Не стоит судить по внешнему виду, инспектор. У Майкла Хоггарта нет за душой ни гроша, только призрачная надежда стать партнёром фирмы, которая оказывает юридические услуги по сопровождению сделок. Но, чтобы купить долю, нужны деньги, а их у него нет, и не предвидится.

– Ну а как вы сами, мистер Адамсон? Каков источник ваших доходов?

– Нам с сестрой достался от матери очень скромный капитал, но мы бережливы, и нам вполне хватает на сносную жизнь.

Беседа с Филиппом Адамсоном напомнила инспектору игру в настольный теннис – так ловко и гладко, без малейшей заминки, отвечал он на вопросы с одинаково невозмутимым выражением лица. Оливеру показалось даже, что если он спросит его начистоту, кто убил Айрис Белфорт, то получит такой же прямой исчерпывающий ответ, как и на остальные вопросы. Филипп Адамсон всем своим видом демонстрировал, что готов всячески содействовать расследованию, и при этом ухитрялся не раскрывать истинные мысли.

Следующие полчаса инспектор безуспешно пытался пробить многослойную броню свидетеля, состоявшую, на его взгляд, исключительно из упрямства и настырного желания сохранить некую внутреннюю автономию, из которой, казалось, и состояла защитная оболочка Филиппа Адамсона.

Информация, которую Оливер от него получил, являлась, безусловно, полезной, но эти сведения уже были известны ранее от других участников трагедии и большой ценности не представляли. Порой у инспектора даже возникало подозрение, что его собственные вопросы куда содержательнее полученных ответов и дают свидетелю чрезмерную пищу для ума. В общем, внешне доброжелательный, но бесстрастный и скрытный, как устрица, Филипп Адамсон, исполненный холодного самообладания, симпатии у Оливера не вызвал. Скорее, наоборот, заставил пристальнее оценить свою кандидатуру на роль убийцы.

В отличие от племянника, Себастьян Крэббс облегчил задачу инспектора. Невысокий, плотный, с намечающейся лысиной и отёкшим лицом немолодого уже человека, который много времени проводит за сидячей работой, он готов был помочь расследованию всеми доступными ему средствами.

- Род ваших занятий, мистер Крэббс?
- Что-то вроде писателя, – после секундной заминки произнёс он.
- Публикуетесь? – понимающим тоном спросил инспектор.
- Иногда, – ответ звучал настолько расплывчато, что его можно было считать как подтверждением, так и отрицанием этого факта.
- Вы были знакомы с мисс Белфорт до вчерашнего вечера?
- Нет, я никогда её раньше не видел.
- Как вы отнеслись к тому, что мисс Белфорт в скором времени станет женой вашего отца? Что вы испытали, узнав об этом?
- То же, что и все, – устало пожал плечами Себастьян. – Отец волен поступать, как считает нужным, но я, как и остальные, был весьма удивлён такой новостью.
- Как вы провели вчерашний день, мистер Крэббс?

– Работал здесь, в библиотеке. Я собираю материал для нового романа. Понимаете, тема сложная, и я...

– Девушку отравили, мистер Крэббс. Она умерла, получив изрядную дозу цианистого калия.

Плечи Себастьяна опустились ещё ниже, щёки приобрели землистый оттенок. Он начал перебирать пальцами, будто прокручивал в них нечто маленькое и круглое, вроде морских камешков.

– Я об этом сразу подумал, – признался Крэббс. – Ну, что её отравили.

– Почему? – быстро спросил инспектор.

– Я видел, как умирают от сердечного припадка очень молодые люди. Такое происходит из-за страха. И видел, как действуют ядовитые вещества. Эта девушка задохнулась. Она судорожно пыталась вдохнуть воздух, но не могла. И это её напугало. Она умерла со страхом в душе, не смирившись со своей участью, но успела осознать, что умирает, успела ощутить смертный ужас.

Пока свидетель говорил, пальцы его неумолимо продолжали свою кропотливую работу, и Оливер вдруг понял, где видел эти движения – викарий местного прихода точно так же перебирал костяные чётки.

– Вы принадлежите к англиканской церкви? – поинтересовался он.

– Я неверующий. Не верю в бога, инспектор, и не посещаю церковь.

Киркби, отличающийся глубокой набожностью, с неодобрением посмотрел на Себастьяна Крэббса и, по-видимому, отметил этот факт в особой таблице, куда заносил наиболее важные моменты допросов. Остро заточенный кончик карандашного грифеля сломался от сильного нажима, угодил прямо в фарфоровую вазу, и та издала тонкий протестующий звук.

– Мистер Крэббс, ваш отец сообщил, что в доме есть запасы цианида, используемого для заправки морилок. Вам что-нибудь известно об этом?

– Как и всем, – свидетель снова пожал плечами. – Дальше по коридору находится лаборатория отца, где он хранит свою лепидоптерологическую коллекцию. Полагаю, где-то там и хранился яд.

– Вы утверждаете, что все в доме знали об этом? Или об этом было известно только вам? – Оливер недоверчиво поднял брови, стремясь не дать свидетелю полностью погрузиться в себя.

– Вам лучше поинтересоваться об этом у остальных.

– Непременно, – легко согласился инспектор. – Вы весь день находились здесь? Возможно, вы видели, как кто-то входил в лабораторию? Ведь в неё можно попасть только через библиотеку.

– Я не следил за передвижениями других, – упрямо возразил Себастьян Крэббс. – Я работал в нише за книжными шкафами и старался не слишком попадаться на глаза. Оттуда мне было не видно, кто заходил в лабораторию или выходил из неё.

– Почему? Вы не ладите с остальными родственниками?

– Отец вчера был не в духе, и я не хотел, чтобы меня отвлекали от работы. И да, мы с ним не очень-то ладим, инспектор. Наши отношения сложно назвать тёплыми.

– Почему вы сказали, что мистер Крэббс был вчера не в духе?

Себастьян отрицательно покачал головой:

– Я не знаю, что именно произошло. Слышал только, как в лабораторию к отцу сначала заходила Грейс Хоггарт, а потом Вивиан. И каждый раз там разражался нешуточный скандал. Это всё из-за денег, я думаю. Но вам лучше спросить об этом у отца.

– Разумеется, – покладисто кивнул Оливер. – Мне бы не хотелось показаться бестактным, мистер Крэббс, но не могли бы вы сказать пару слов о ваших взаимоотношениях с отцом? Вы утверждаете, что их нельзя назвать тёплыми. Известна ли вам причина? Как вы понимаете, мы расследуем убийство, и именно поэтому я считаю себя вправе задавать подобные глубоко личные вопросы.

– Причина только одна, инспектор. Я вернулся с войны, а мой брат Генри погиб. Других причин нет. Отец так и не смирился с его гибелью, и никогда не смирится, я думаю. У вас есть ещё вопросы ко мне? Мне нужно переодеться к ужину, а с этой штукой не так-то легко добраться до комнаты, – и он пренебрежительно щёлкнул по протезу.

Отпустив свидетеля, Оливер отошёл к окну и задумчиво побарабанил по стеклу.

– Беда с этими ветеранами, – пожаловался он сержанту. – Никогда не поймёшь, что у них на уме.

– Он вполне мог взять цианид незаметно от остальных, – сообщил Киркби. – И его заверения, будто бы все знали о том, что яд хранится в лаборатории – ложь. Цианид был в чулане. Кто об этом мог знать, если не искал яд специально? Только тот, кто заранее собирался совершить преступление. А это значит, что ни о какой спонтанности решений убийцы речь вовсе не идёт. Тот, кто всыпал яд в чашку мистера Крэббса, сэр, замыслил злодеяние по меньшей мере за несколько часов до убийства.

Двое подозрительных молодых людей, расспрашивавших местных жителей о местонахождении поместья, были задержаны констеблем Лэмбом и доставлены в отделение. Поэтому инспектор, отложив беседу с Матиасом Крэббсом на следующий день, вынужден был покинуть Гриффин-холл и поручить допрос Оливии Адамсон сержанту.

Выпрямив спину и приняв значительный вид, Киркби пересел за письменный стол инспектора и разложил вокруг себя все материалы по делу. Посидев так с минуту, он с крайне серьёзным выражением лица дёрнул за сонетку, намереваясь отдать Энглби распоряжение пригласить свидетельницу на допрос.

Однако вместо Энглби в комнату вошла, вернее, почти вбежала, сама Оливия. Слегка растрёпанная, в мешковатой блузке из тонкого муслина и, как успел с неодобрением отметить сержант, в брюках. Девушка забавно сморщилась, чихнула, прикрыв лицо большим клетчатым платком, и с удобством расположилась в кресле, прямо напротив Киркби.

– Я подумала, что нечего гонять Энглби туда-сюда. Всё равно ведь осталась только я, – объяснила Оливия своё появление.

Сержант не нашёлся, что ей ответить на это, и заторможено указал на кресло, хотя девушка и так уже в нём сидела. Из-за допущенной оплошности Киркби разозлился и тут же растерял свой значительный вид.

– Вы не учли, что я мог быть занят, мисс Адамсон, – попенял он девушке. – В другой раз дожидайтесь, пока вас вызовут.

– Действительно, я совсем не подумала об этом, – Оливия сокрушённо вздохнула. – Тогда, может быть, завтра?

В голосе её слышалась неприкрытая надежда. Она даже взялась за подлокотники кресла, готовая встать и так же стремительно исчезнуть из библиотеки, как и появилась.

Киркби вдруг поймал себя на мысли, что ему совершенно не хочется, чтобы Оливия Адамсон уходила. Чувство это было ему знакомо, но, по опыту, ничего хорошего из него не следовало. Сержант вполне справедливо не причислял себя к тем мужчинам, которые способны привлекать девушек, особенно похожих на Оливию Адамсон – порывистых и, как бы посчитала его матушка, легкомысленных и слишком уж современных.

– У меня, мисс Адамсон, поручение от инспектора. Я должен задать вам определённые вопросы, и не завтра, а именно сегодня, – строго сказал сержант.

– О, ну тогда, конечно. Я внимательно слушаю вас, – произнесла Оливия с таким невозмутимым видом, что Киркби подумалось, уж не издевается ли она над ним.

Девушка устремила на него взгляд серо-голубых глаз. Верхняя пуговка её рубашки висела на двух нитях, сиротливо свешиваясь из петельки, ногти были настолько короткими, что казались обгрызенными. Заметив, куда смотрит сержант, Оливия быстро сжала ладони и скрестила руки на груди.

– Мисс Адамсон, вы были знакомы с Айрис Белфорт? – начал сержант с обязательного вопроса.

– Нет, – свидетельница покачала головой и невпопад призналась: – Знаете, сержант, меня раньше никогда не допрашивали.

Киркби снова растерянно откашлялся. Всегда такой собранный и невозмутимый, в присутствии Оливии Адамсон он чувствовал себя идиотом и подозревал, что выглядит соответствующим образом.

– Отвечайте на вопросы, пожалуйста, – жалобно попросил он, для поддержки схватившись за толстый блокнот в клеёнчатом переплёте, куда были внесены все важнейшие сведения по делу об убийстве в Гриффин-холле. – У вас есть постоянный адрес?

– Мы с братом снимаем две меблированные комнаты в пансионе. Это в Бремерси. Мы живём там уже два года. Вполне приличный пансион и, главное, недорогой.

– В Гриффин-холл вы приехали по приглашению мистера Крэббса?

– Именно так, – Оливия кивнула и, скинув туфельку, подогнула одну ногу под себя.

Такая непринуждённая поза, вряд ли уместная во время допроса в связи с убийством, как ни странно, не казалась ни развязной, ни вызывающей.

– Вы сразу приняли решение приехать?

– Ну, можно и так сказать, – после короткой паузы ответила Оливия. – Мне подумалось, что будет любопытно вернуться сюда на какое-то время. Счастливые детские воспоминания – это порой единственное, что хоть чего-то стоит.

– Расскажите, с кем из гостей мистера Крэббса вы поддерживаете отношения.

– Да почти ни с кем. Разве что с дядей Себастьяном. Мы с ним иногда обедаем или встречаемся выпить чаю. Правда, это происходит довольно редко, ведь он всегда страшно занят. Он пишет книги, и очень хорошие, но ему пока не везёт – его почти не публикуют.

– А с тётушкой, мисс Розмари Сатклифф?

– Нет, с тётушкой Розмари мы не видимся. Она живёт в Йоркшире и никогда не выбирается в Лондон. Строго говоря, она нам приходится не тётушкой, а двоюродной бабушкой, – пояснила Оливия сержанту. – Но она всегда на Рождество присылает нам собственноручно вышитые наволочки для диванных подушек. Очень красивые, если вы, конечно, любите подобные вещи. Нам с братом немного совестно, но мы их дарим нашей хозяйке, тогда она неизменно приходит в восторг и не поднимает квартирную плату до марта, а иногда и до апреля!

Оливия разразилась простодушным смехом и всплеснула руками, приглашая сержанта вместе с ней посмеяться над такой удивительной практичностью. Против воли тонкие губы Киркби изогнулись в улыбке: он и правда счёл такое решение бережливым и исполненным здравого смысла.

От смеха Оливия Адамсон чуть покраснелась, как бывает со всеми обладателями тонкой и бледной кожи. Она поудобнее устроилась в кресле, будто зашла просто поболтать со старым знакомым, а не давать свидетельские показания по делу об убийстве.

– Ну а с Вивиан Крэббс или четой Хоггарт вы поддерживаете отношения?

– С Грейс мы виделись последний раз, когда были ещё детьми. Потом мы все разъехались и встретились вновь только вчера. А Вивиан приехала на день раньше из Америки. Вы заметили, что она похожа на кинозвезду? – поинтересовалась Оливия. – Только бабушка не позволяет ей сниматься. Говорит, что это запятнает семейную честь Крэббсов. А по мне, так ничего страшного. Теперь такое вовсе не зазорно, правда ведь?

Киркби неопределённо пожал плечами. На самом деле сверкающий мир кинематографа необычайно его привлекал – все эти шикарные автомобили, роскошные красавицы с капризными личиками испорченных детей, сметающие всё на своём пути чувства и смертельные опасности, – каждая новая лента фабрики грёз вносила удивительную остроту в упорядоченное и скучное существование сержанта. Порой, когда он давал волю своему воображению, его посещали фантазии – не менее яркие, чем увиденный фильм, – о случайной встрече с обворожительной девушкой, попавшей в беду, или об участии в раскрытии хитроумного заговора, в общем, что-то такое, что разорвёт вереницу серых будней.

Оливия смотрела на сержанта Киркби, погружившегося в мысли, явно не имеющие никакого отношения к ведущемуся допросу. Его глубоко посаженные круглые глаза были прикрыты, отчего он стал похож на задремавшую сову. Ей подумалось, что сержанта наверняка дразнили в школе, ведь дети так жестоки.

Затянувшуюся паузу прервал гонг, созывающий гостей к ужину.

– У нас есть ещё минут пятнадцать, – спокойно сказала Оливия и пояснила с улыбкой: – Я не пойду переодеваться. Эта традиция всегда мне казалась лишённой всякого смысла, а уж в доме, где произошло убийство, такая церемонность и вовсе нелепа.

– У нас есть сведения, что вчера между мистером Крэббсом и несколькими его гостями произошли... размолвки, – Киркби испытующе посмотрел на свидетельницу.

Оливия запрокинула голову и искренне рассмеялась.

– Как вы изящно выразились, – похвалила она его и с удивлением отметила смущение сержанта. – Размолвки! Да это были настоящие скандалы! Бабушка Матиас был просто вне себя. Его возмущению не

было предела – крики из лаборатории были слышны даже в холле. Бедолага Вивиан вышла от него просто невменяемая – я, по правде говоря, думала, что она в обморок на лестнице грохнется.

– И в чём там было дело?

– Как в чём?! В деньгах, конечно! – Оливия прикусила нижнюю губу и хитро посмотрела на сержанта, будто раздумывая, говорить дальше или нет. – Вы ведь уже поняли, что она прибыла прямо из Америки вовсе не для того, чтобы подышать свежим воздухом в сельской глуши. Она единственная из всех гостей, кто не получил приглашение от дедушки Матиаса.

– Ну а инцидент с миссис Хоггарт? Что вы можете сказать об этом? – спросил Киркби, аккуратно занеся в протокол услышанные ранее сведения.

– Всё то же самое. Грейс, видимо, просила у дедушки денег для своего мужа, чтобы он мог стать партнёром в фирме. Дедушка отказал ей. Разразился бурный скандал.

– И всё это происходило каждый раз в лаборатории? Или где-то ещё?

– Да, именно там. У дедушки там хранится коллекция сушёных бабочек, которую он обожает всем показывать.

– А вы тоже там побывали?

– Нет, – Оливия, улыбнувшись, покачала головой, – мы с братом приехали вовсе не за тем, чтобы просить у дедушки денег.

– Могу я узнать, зачем же вы приехали, мисс Адамсон? – Киркби весь подался вперёд.

Оливия опустила глаза и выпрямила спину. Поза её стала выглядеть принуждённой, будто она с величайшим усилием заставляла себя сидеть в кресле и отвечать на вопросы сержанта, испытывая при этом сильное неудобство.

– Знаете, – начала она негромко после длинной паузы, – есть такие места, что как бы консервируют чувства, которые вы испытали в них. Если эти ощущения были для вас мучительны, то вы никогда больше не захотите вернуться туда. Если же вы были счастливы там, то рано или поздно попробуете вернуть себе хоть малую часть тех чувств, которыми наслаждались когда-то. Для нас с братом Гриффин-холл стал и тем и другим. Мы решили приехать, чтобы поставить точку. Оторваться от тех воспоминаний, что долгое время причиняли нам

боль. Наше детство большей частью не было счастливым, но мы повзрослели и не хотим, чтобы прошлое имело над нами власть. Поэтому мы и решили вернуться на пару дней сюда, чтобы вспомнить то время, когда были детьми, а после оставить всё в прошлом и двигаться дальше без этого тягостного груза.

Пока Оливия Адамсон говорила, на её виске быстро-быстро билась голубая жилка. Без улыбки, без страдальческих гримас, она рассказывала Киркби свои потаённые мысли, и такое доверие и открытость с её стороны поразили его. Выговорившись, она с усталым вздохом откинулась на спинку кресла и принялась рассматривать линии на расправленной ладони, машинально водя по ним указательным пальцем.

– Думаю, что мне понятны ваши чувства. Благодарю вас за то, что были так откровенны со мной, – наконец, сержант нашёл подходящие слова. – Может быть, вам известен кто-то ещё, кто посещал лабораторию?

Оливия нахмурила высокий гладкий лоб и посмотрела в окно, принимая какое-то сложное для себя решение.

– Да, известен. Думаю, что и для вас с инспектором этот факт не является сюрпризом. Перед самым ужином мы с Филиппом застали выбегающим из лаборатории Майкла Хоггарта. И сразу же после этого из чулана, который находится рядом, вышла Вивиан Крэббс. И вид у неё, знаете ли, был донельзя взволнованный.

Когда Оливия вошла в столовую, все, кроме Матиаса Крэббса, уже сидели за столом. Тётушка Розмари, очень по-хозяйски отчитывающая Энглби за промашку в сервировке ужина, осуждающе посмотрела на девушку и, прервав свою назидательную отповедь, произнесла в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Да уж! В моё время девушки знали, в каком виде им надлежит являться к ужину. И речи не было о том, чтобы одеваться в мужскую одежду и заставлять других ждать себя.

– Тётушка Розмари совсем распоясалась, – шепнул Филипп сестре, когда она села. – Так и фонтанирует нравоучениями и уроками

этикета. У Энглби уже руки трясутся.

С трудом подавив желание чихнуть, Оливия сделала вид, что уронила носовой платок и, молниеносно за ним нагнувшись, успела шепнуть брату:

– На самом деле убить хотели не Айрис! Яд был только в чашке дедушки Матиаса!

В этот момент подали первое блюдо. Все с аппетитом принялись за еду, не обнаруживая и тени угрюмой подавленности.

Филипп с ошеломлённым видом попытался было расспросить Оливию подробнее, но тут Майкл Хоггарт привлёк всеобщее внимание. Его звучный мальчишеский голос прорвался через звяканье столового серебра и заставил всех отвлечься от трапезы.

– Я так понимаю, что никто больше не стремится покинуть Гриффин-холл, а, уважаемые? – Тон Майкла, несмотря на улыбку, был не слишком-то вежлив, и это заставило Себастьяна Крэббса нахмуриться. – Надеюсь, в скором времени кто-нибудь из вас сможет похвастаться успехами в поисках. Мне, к сожалению, такой возможности не представится. Но я самым искренним образом желаю всем вам удачи, не сомневайтесь! Особенно тебе, Грейси!

Грейс сидела напротив мужа, но на его тираду не обратила никакого внимания. Она аккуратно разрезала на мелкие квадратные кусочки поданный ей ростбиф и не поднимала глаз от мешанины в тарелке.

– Мисс Вивиан, наверное, накупит умопомрачительных нарядов, – с мечтательной ноткой произнёс Майкл. – Кружева, элегантные шляпки, модные туфельки... Нет ничего приятнее глазу, чем со вкусом одетая хорошенькая женщина. Вам ведь это отлично известно, мисс Крэббс, не правда ли?

Вивиан, так же, как минуту назад и Грейс, проигнорировала слова Майкла. Горячий бифштекс под её ножом продолжал сочиться розово-красным соком, но она не могла себя заставить проглотить хотя бы кусок.

– А вот что вы, тётушка, будете делать, когда отыщете камень? – повернулся Майкл к Розмари Сатклифф с развязной ухмылкой на лице. – Будете держать его в сафьяновом мешочке под подушкой? Или закопаете в саду под рододендроном?

Тётушка Розмари, пребывающая в воинственном настроении после полицейского допроса, прекратила накалывать на вилку грибы и овощи, поданные к мясу, и внимательно посмотрела на Майкла. Её голубые глазки сощурились, губы презрительно изогнулись.

– По-моему, молодой человек, вы пьяны, – злорадно заявила она. – Ваше воспитание и так оставляет желать лучшего, это ясно всем присутствующим. И к тому же вас совершенно не касается, как я собираюсь распорядиться своей находкой.

Получив от тётушки Розмари отпор, Майкл жизнерадостно расхохотался и поднял бокал, не дожидаясь, пока Энглби его наполнит.

– Так держать! Вот это я понимаю, боевой настрой! Вот на кого бы я поставил! А что, давайте заключим пари: ставлю десять фунтов на то, что первым, кто отыщет свой камень, будет тётушка Розмари! Кто присоединится?

– Да прекратите вы уже! – не выдержал Себастьян Крэббс. – В доме произошло убийство, девушку ещё даже не успели похоронить.

– Но мы-то ведь живы, – возразил Майкл без тени смущения. – Айрис Белфорт окончила свой земной путь, но и я, и моя жена, и вы, и тётушка Розмари, и красотка Вивиан, и близнецы, и Крэббс, и даже Энглби – старина, это я про вас! – мы-то все живы! И нам ещё долго будут нужны и ростбиф, и драгоценные камни, и наряды, и... в общем, всё, что удовлетворяет наши земные нужды.

– Уверен, что ваши земные нужды удовлетворить сполна крайне сложно, – язвительно сказал Себастьян Крэббс.

– Что поделать, таким уж я создан, – примирительно поднял ладони Майкл. – Всегда желай большего – вот мой жизненный девиз! Только неудачники верят в справедливость. Остальным приходится брать судьбу в свои руки.

За разговорами он то и дело отхлёбывал из бокала, раз за разом опустошая его и делая знак Энглби восполнить потери. Лакей подходил к столу с непроницаемым лицом и, склоняясь с подчёркнутой церемонностью, медленно наполнял бокал на три четверти.

– А вы, Твидлдум и Твидлди⁷? Уже определились, как поступите со свалившимся богатством? Приятно, наверное, строить планы на будущее, когда оно обещает быть радужным, – и Майкл хотел сказать ещё что-то, но Грейс его опередила.

– Я покажу тебе свою картину с шифром, Майкл. И позволю помочь мне с поисками. А когда мы отыщем камень и продадим его, то я дам тебе денег, чтобы ты мог стать партнёром в своей фирме.

Всё это Грейс проговорила монотонным и хриплым голосом, будто внезапно заболела. Она не смотрела на мужа, по-прежнему уставясь в тарелку, где сейчас громоздилась крайне неаппетитная гора изрезанного в клочья мяса и мятых овощей.

– Вот это сюрприз... – начал Майкл, но его прервал громкий звон разбивающегося стекла и пронзительный женский крик.

Кричала Вивиан. Вскочив со стула и обхватив плечи руками, она, некрасиво раскрывая рот, выкрикивала что-то невразумительное, и ни слова нельзя было разобрать в её истерических воплях. Себастьян Крэббс, уронив со стола приборы, неловко кинулся к ней, но, не успев взять трость, оступился и вынужден был схватиться за спинку стула.

Вивиан всё не умолкала, и из-за её криков никто не мог разобраться в происходящем. Тишина наступила только тогда, когда Оливия взяла со стола кувшин с водой и плеснула из него прямо в лицо кухне, бьющейся в истерическом припадке. Тогда, оставив всхлипывающую Вивиан на попечении тётушки Розмари, близнецы подошли к окну столовой и обнаружили в грудке битого стекла широкий плоский булыжник, к которому почтовой бечёвкой была примотана мёртвая птица. Тонкая шейка с голубоватым отливом была сломана, круглые бусинки глаз подёрнуты мутной плёнкой, а в уголке клюва, будто ржавчина, застыла капля крови.

Глава седьмая, в которой в Грейт-Бьюли происходит ещё одна смерть, тётушка Розмари с помощью инспектора находит тайник, а в чемодане одного из гостей сержант Киркби обнаруживает важную улику

Утро воскресенья началось с печальных новостей. В полицейское отделение поступил звонок от перепуганной экономки мистера Блакетта, которая, вернувшись из длительной поездки к захворавшей гриппом сестре, обнаружила своего хозяина, пожилого джентльмена, застрелившимся.

Отставной полковник был мёртв уже несколько дней, и зрелище его крупной головы с седыми бакенбардами, лежавшей в кровавой луже, вызвало у впечатлительной женщины нервный приступ такой силы, что беседу с ней пришлось на время отложить.

Застрелившийся полковник, по оценкам полицейского медика, расстался с жизнью предположительно двадцать седьмого сентября, в четверг. Послание, которое можно было принять за предсмертную записку, начиналось словами: «Меня терзает жестокий стыд, как только я подумаю о том, что сделал. Однако то, что я собираюсь совершить, способно ввергнуть меня в ещё большее бесчестье...»

На этом текст записки заканчивался, как будто самоубийца боялся передумать и спешил быстрее приняться за дело.

Примечательно, что в спальне полковника, под аскетически тощим матрасом, обнаружили несколько конвертов без почтовых штемпелей и марок. В каждый из них были вложены листки с одинаковыми цифрами. Таких конвертов инспектор насчитал двенадцать, причём одно из посланий содержало небольшой машинописный текст, гласивший: «В этот раз сумма должна быть уплачена целиком, а не частями. Будьте благоразумны».

Ожидая, пока экономка Блакетта придёт в себя, инспектор решил изучить информацию по делу об убийстве в Гриффин-холле. Ответные письма на запросы начали поступать с раннего утра, и теперь сержант обрабатывал полученную информацию, передавая её инспектору.

– Пришла характеристика на Филиппа Адамсона. Письмо о состоянии финансовых дел Майкла Хоггарта. Банковский отчёт о состоянии счёта Розмари Сатклифф и кое-какая информация из деревни, в которой она снимает коттедж. Характеристика Оливии Адамсон из женского пансиона Святой Урсулы. Сведения о Вивиан Крэббс немного запаздывают. Одно можно сказать точно – преступлений за ней пока что не числится.

Это многообещающее «пока что» выдавало отношение сержанта к иностранцам и немало позабавило инспектора. Однако Оливер нахмурился, вспоминая собственный приказ.

– Пойдите, Киркби, но я не давал распоряжения запрашивать характеристику мисс Адамсон.

Смуглая кожа сержанта чуть потемнела на скулах. Он замер на секунду, а после кратко пояснил:

– Я подумал, сэр, что стоит сразу же отослать запрос. Вдруг выяснится что-то интересное.

Инспектор Оливер любил держать под контролем даже самые малозначительные нюансы дела, которое вёл, и не слишком приветствовал инициативу. Однако сейчас у него не было времени отчитывать не в меру резвого сержанта.

Приобщая найденные в доме Блакетта письма к делу о самоубийстве, он произнёс:

– Понятно, Киркби. Расскажите о том, что вам удалось узнать.

Сержант выпрямился и напряг жилистую шею. Стараясь придать своему скрипучему голосу глубину, он заговорил слегка в нос, намеренно выделяя каждое слово, отчего даже самые невинные детали обретали двусмысленное значение.

– Вивиан Крэббс, как я уже говорил, сэр, прибыла в Англию рано утром двадцать седьмого сентября на пароходе «Беренгария». Сразу после прибытия ею куплен билет на поезд, следующий из Саутгемптона в Саффолк. Её финансовое положение оставляет желать лучшего, однако в течение довольно продолжительного времени на её счёт регулярно поступают весьма приличные суммы.

– Одинаковые? – быстро спросил инспектор.

– Я уточню этот момент, – разочарованно вздохнул Киркби, который терпеть не мог ситуации, когда был не в состоянии дать точный ответ.

– Так, понятно, – кивнул Оливер. – А что насчёт матери мисс Крэббс? Она и правда вышла замуж в третий раз?

– В четвёртый, – уточнил сержант. – Кэролайн Голдсмит двадцать третьего сентября сочеталась браком с Реджинальдом Фостером и приняла фамилию мужа. В данный момент супружеская чета проводит свой медовый месяц в Гонолулу.

– Наверное, Фостер фабрикант или банкир? – предположил инспектор. – Калифорнийский богач?

– Обеспеченный человек, – сдержанно кивнул Киркби. – Но, судя по всему, это ненадолго. Мужья миссис Фостер, как правило, либо переселяются в мир иной, оставив ей в утешение солидный капитал, либо разводятся и выплачивают согласно брачному контракту недурные отступные.

– Значит, миссис Фостер женщина обеспеченная?

– О нет, сэр, скорее, наоборот, остро нуждающаяся в деньгах. Виной тому неразумные биржевые сделки и провальные инвестиции. Кроме того, привычка жить на широкую ногу и астрономические траты на портних.

– Из этого следует, что у мисс Крэббс есть два способа обзавестись капиталом – удачно выйти замуж по материнскому примеру или получить наследство, – задумчиво проговорил инспектор, тщательно выравнивая края картонной папки с материалами по делу Благетта. – Ну, хорошо, а что с сестрой Крэббса?

Киркби отложил в сторону ворох шуршащих листов и открыл небольшую папку с ромбовидным оттиском, в который было размашисто вписано «Розм. С.».

– Розмари Сатклифф, старая дева. Снимает коттедж, живёт на скромную ренту, доставшуюся от бабушки по материнской линии. Состоит в садоводческом клубе и благотворительном обществе при церкви Святого Михаила. Осенью прошлого года обвинялась в нарушении порядка и границ частной собственности, а также порчи чужого имущества.

У инспектора Оливера округлились глаза.

– Киркби, что вы имеете в виду под нарушением общественного порядка и прочим?

– Инцидент заключался в следующем, сэр: согласно полицейскому отчёту, соседская собака регулярно закапывала

умерщвлённых кроликов в цветнике мисс Сатклифф, тем самым причиняя посадкам существенный вред. – Сержант заглянул в конец документа и уточнил: – Розы, сэр, речь идёт о розах особо редкого сорта. Невзирая на неоднократные просьбы со стороны мисс Сатклифф, владельцы собаки не могли или не хотели принять соответствующие меры и воспрепятствовать антиобщественной деятельности животного.

– И что сделала мисс Сатклифф? Не томите, Киркби, от этой леди можно ожидать всего что угодно.

Всё также бесстрастно, считая мальчишеский азарт инспектора неуместным, сержант пояснил:

– Мисс Крэббс выкопала всех кроликов на своём участке и захоронила их в соседском цветнике, соорудив из растущих там цветов надгробия. Соседи вернулись и застали её в тот момент, когда она читала грызунам поминальную молитву.

– Да уж, – мрачно хмыкнул Оливер. – До встречи с Розмари Сатклифф я и не предполагал, что садоводы-любители способны на такое.

– Поступок странный, согласен, сэр, но вы бы видели, в какое исступление приходит моя тётя Вирджиния, если на её мускусные розы нападает тля. К ней тогда просто нельзя и на пушечный выстрел приблизиться, в таком она пребывает бешенстве. Однажды, взяв с собой фонарь, она провела у клумбы две ночи подряд, в надежде обнаружить, откуда берутся вредители. На её беду, ночи стояли уже прохладные и сырые...

Инспектор больше ничего не хотел знать о семье сержанта Киркби и его своеобразных родственниках, поэтому он деловито прервал помощника:

– А что с Филиппом Адамсоном? Есть что-нибудь по нашей части?

– Есть кое-что интересное, сэр, – немного обиженно ответил Киркби. – Адамсон в течение восьми лет обучался в школе для мальчиков Уиллмилл. Так вот, в выданной характеристике директор отзывается о нём чрезвычайно неодобительно. Филипп Адамсон не раз привлекался к наказаниям за нарушение режима и участие в драках. Кроме того, за всё время обучения им совершено не менее шести попыток побега, причём две из них оказались успешными. В

первый раз он отсутствовал неделю, во второй раз десять дней. Где он скрывался в это время, учителям выяснить не удалось.

– Драки? Попытки покинуть школу?

– Да, сэр, именно так, – подтвердил сержант. – Согласно характеристике Адамсона, он неоднократно становился зачинщиком стычек с другими учениками и в целом проявлял неподчинение установленным в школе порядкам. Директор характеризует его как неисправимого нарушителя дисциплины и человека, склонного к необдуманным поступкам.

– Любопытно, – Оливер поправил очки и признался: – Такие сведения говорят не в его пользу. Нужно как следует взяться за него. Ну а что насчёт его сестры?

– Провела в пансионе Святой Урсулы девять лет. За это время дважды сбегала в то же время, что и Филипп Адамсон, но, что примечательно, оба раза через несколько дней возвращалась в пансион самостоятельно. В открытом неповиновении замечена не была, но все годы обучения вела себя крайне замкнуто и обособленно. Никаких дружеских связей или общих увлечений с другими ученицами.

– А что насчёт Себастьяна Крэббса? Меня интересует его послужной список.

– Воевал с самого начала войны и до августа 1917 года. Участвовал в Ютландском сражении, потерял ногу под Лангемарком. Военных наград не имеет в связи с участием в защите сослуживца, отказавшегося покинуть окоп в разгар военной операции. Военный совет чуть не приговорил Крэббса к каторжным работам за это вмешательство, но приняли во внимание все его прошлые заслуги и ограничились тем, что лишили званий и наград. После Великой войны попал в программу реабилитации, но и там надолго не удержался. Живёт на военную пенсию и немногочисленные гонорары. Часто меняет место жительства.

– А что случилось с сослуживцем? – заинтересовался инспектор.

– Показательный расстрел для укрепления боевого духа, – кратко пояснил Киркби. – Военная неразбериха, сами понимаете. Мели в одну кучу и дезертиров, и тех, у кого просто сдали нервы. Разбираться было некогда.

Оливер утвердительно кивнул.

– Что известно о Хоггарте?

– А вот тут вообще интересно, – оживился сержант и раскрыл очередную папку с надписью в ромбовидном окошке «М. Хог-т». – Работает в Сити всего лишь год с небольшим, но уже на плохом счету. Замечен в финансовых махинациях, но всё было обставлено так хитро, что зацепок не нашли. По данным внутренней системы безопасности у Хоггарта был сообщник, но вот откуда он, осталось неизвестным. По юности лет за ним числится подделка чеков, но доказать ничего не получилось. Скользкий и хитрый тип, при этом проворачивает свои делишки очень осторожно, не высываясь. Два года назад было одно странное ограбление, к которому он мог быть причастен, но как оказалось позднее, в то время его не было в Лондоне.

– Финансовые махинации и подделка чеков – вовсе не то же самое, что убийство, – задумчиво проговорил инспектор. – Обычно такие молодчики боятся запачкать руки, но если он работает в паре с кем-то, то может и не иметь прямого отношения к убийству. Мне нужна информация, связывает ли его что-нибудь с Филиппом Адамсоном, сержант. Вы умеете выяснять такие вещи, я знаю. Полностью полагаюсь на вас в этом вопросе.

От неожиданной похвалы Киркби часто-часто заморгал, и Оливер отвёл взгляд, чтобы не рассмеяться.

На следующее утро, после происшествия с птицей, самой последней к завтраку спустилась Вивиан. Она собиралась пропустить утреннюю трапезу, но неотвязно мучивший её страх требовал присутствия среди людей. Сидя в своей комнате совсем одна и вспоминая слова молитвы, она очень быстро пришла в сильнейшее возбуждение и решила привести себя в порядок и всё-таки спуститься к остальным.

К её удивлению, во главе стола сидел Матиас Крэббс с траурной повязкой на рукаве. Когда девушка вошла столовую, он как раз намазывал маслом сдобную булочку и выглядел хоть и осунувшимся, но здоровым. Его гости тоже завтракали вполне мирно: даже Майкл и Грейс Хоггарт, развернувшись друг к другу, негромко обсуждали что-то, касающееся малышки Полли.

Заметив Вивиан, Крэббс отодвинул тарелку и вышел из-за стола. Он самостоятельно помог ей усесться и налил кофе.

– Я слышал о неприятностях вчера за ужином, – ласково сказал он, ободряюще похлопав её по плечу. – Неудивительно, что ты перепугалась, милая. Даже и не думал, что у нас в Грейт-Бьюли такое возможно. Сначала несчастная Айрис, теперь вот хулиганство. Думаю, это отдыхающие куролесят. Выпили лишнего, заблудились и сорвали злобу на первом, кто под руку попался.

Вивиан заметила, как недоумённо переглянулись близнецы. Ей самой такая теория о причинах произошедшего тоже показалась сомнительной. Однако Матиасу Крэббсу собственная версия о событиях вчерашнего вечера пришлась по душе. Он вернулся на своё место и принялся рассуждать о современной молодёжи, которая и в подмётки не годилась титанам былых времён.

– Пигмеи! Что внешне, что внутренне, – разглагольствовал он. – Великая война лишила нас тех, кто был способен произвести на свет здоровое потомство. Все, кто хоть чего-то стоил, не думали о своей шкуре, а защищали Отечество с огнём, пылающим в сердцах. Они отдали свои молодые жизни для того, чтобы Британия оставалась империей. Герои, воители! Гибли, не щадя себя и не стараясь укрыться за чужими спинами. Выжили те, кто как крысы спасался бегством при малейшем переполохе.

– Может быть, у них просто хватило ума не дать себя убить? – Филипп так быстро произнёс эти кощунственные слова, что Оливия не успела его остановить.

Себастьян вскинул глаза на племянника. Лицо его жалко сморщилось, руки, покоящиеся на коленях, принялись за свою работу, отсчитывая невидимые бусины.

Матиас Крэббс издал саркастический смешок.

– Я погляжу на твою смелость, Филипп, когда начнётся новая суматоха. А она обязательно начнётся, ты уж помяни моё слово. Французишки почувствовали, что опять запахло порохом, но забастовки им не помогут. Дольфуса уже заставили замолчать. И сэру Чемберлену я не слишком-то доверяю, уж больно он заискивает перед германскими засранцами.

– Матиас! – воскликнула тётушка Розмари со стародевическим возмущением.

Крэббс не обратил на её слова никакого внимания. Вместо этого он сбросил полотняную салфетку, под которой скрывался резной деревянный ящик длиной около пятнадцати дюймов. Откинув крышку, он продемонстрировал всем присутствующим внушительного вида револьвер с инкрустацией на рукоятке.

– Старый дружище Уэбли, – пояснил Крэббс. – Тридцать восьмой калибр. В отличном состоянии благодаря тщательному уходу.

Взяв револьвер, он навёл его на медную вазу, стоявшую в углу. Тётушка Розмари ахнула и поднесла обе руки к тощей морщинистой шее, обвитой нитями поддельного жемчуга.

– Я немолод, но это не значит, что я немог, – медленно, с расстановкой произнёс Матиас Крэббс. – Я в состоянии защитить своих близких, слышишь, Вивиан, милая? Если вчерашнее хулиганство повторится, я сам выйду им навстречу с этой вот игрушкой в руках, и тогда посмотрим, насколько у них крепкие нервы. Поверить не могу, что вчера ни одному из вас не пришла в голову мысль догнать наглецов и призвать к ответу.

Крэббс обвёл взглядом присутствующих мужчин и презрительно покачал головой. Потом пристально посмотрел на Себастьяна и скривился, словно раскусил кислую ягоду. Когда он бережно укладывал револьвер в ящик, в столовую вошёл Энглби.

– Мистер Крэббс, звонок из полицейского управления. Инспектор Оливер интересуется, в какое время вам будет удобно его принять. Утверждает, что у него есть новости по этому делу.

Джереми Эштон встретил инспектора и его помощника очень радушно. Молодой светловолосый человек ожидал полицейских в своём кабинете и сразу же указал им на удобные кресла возле камина, как только они вошли.

Инспектор не собирался надолго задерживаться в поместье Эштона, поэтому решил заглянуть сюда по дороге в Гриффин-холл. Расположившись с комфортом в удобном кресле с высокой спинкой, он сделал знак сержанту вести записи.

– Как я понимаю, вы, мистер Эштон, в день трагедии были приглашены на ужин хозяином Гриффин-холла, мистером Крэббсом?

– Да, это так. Я получил приглашение заранее, по-моему, за два дня, если не ошибаюсь. Могу постараться отыскать его, если это важно для дела.

– Нет-нет, – инспектор остановил его попытку взмахом руки. – Это не настолько важно, чтобы утруждать вас. Но мне хотелось бы узнать вот что: зачем, по-вашему, мистер Крэббс пригласил вас? Насколько я могу судить, за ужином присутствовали исключительно члены семьи.

Эштон замаялся. Он взял со стола миниатюрную фигурку Психеи и принялся вертеть её в руках.

– Думаю, мистеру Крэббсу было необходимо моё присутствие, – наконец произнёс он. – Вы, разумеется, спросите его самого об этом, но если хотите знать моё мнение – он просто опасался, что кто-то из родственников слишком эмоционально воспримет новость о его женитьбе. Мистер Крэббс, если честно, не очень высокого мнения о своей родне. Он не хотел омрачать скандалами день, когда собирался объявить о бракосочетании. Боялся, что на мисс Белфорт это произведёт тягостное впечатление.

– Хм, – инспектор поднял брови и поправил очки. Пока всё, что он знал об Айрис Белфорт, говорило о том, что на эту девушку скандалы оказывали не слишком-то тягостное впечатление. – То есть вы выступали на том ужине в роли человека со стороны, в присутствии которого члены семьи постесняются устроить свару из-за того, что наследство уплыло из рук?

Эштон кивнул, хоть ему и не понравилась грубоватая формулировка инспектора.

– И как же? Ваши с мистером Крэббсом старания увенчались успехом?

– Не знаю, что и сказать, – Джереми Эштон смущённо пожал плечами. – Разумеется, все были обескуражены этим известием. Атмосфера была очень напряжённая. Звенела, как натянутая тетива. Знаете, такой тонкий звук, который спустя несколько минут перестаёшь слышать, но продолжаешь чувствовать. И я, хоть и ощущал себя крайне неловко, решил, что мистер Крэббс был

абсолютно прав, пригласив меня. Иначе кто-нибудь мог и не сдержаться.

– Кое-кто и не сдержался, – мрачно напомнил инспектор Оливер. – Причём лучше бы этот человек устроил скандал, чем стал убийцей. А вы не заметили, может быть, кто-то был потрясён больше остальных? Это могло проявиться не только выражением лица. Зачастую люди скрывают свои истинные чувства, надевая маску безразличия или добродушия. А вот их руки выступают в роли предателей – непроизвольно сжимаются в кулаки или...

– Вспомнил! – перебил Джереми Эштон инспектора. – Это именно то, о чём вы говорите! Молодая женщина, миссис Хоггарт, как только услышала о предстоящей свадьбе, сжала в руке столовый нож. Я обратил внимание на неё потому, что лицо её оставалось спокойным, даже безмятежным, будто новость эта ни капельки её не трогает. Однако нож она сжимала так крепко, что побелели костяшки.

Инспектор проверил записи Киркби и удовлетворённо кивнул.

– Нам повезло, что вы очень наблюдательны, мистер Эштон. Скажите, а больше вы ничего подобного не заметили? Вы помните, как отреагировали остальные?

Эштон задумался, возрождая в памяти недавний вечер. Он даже прикрыл глаза, чтобы увидеть столовую, накрытый стол, людей, сидящих за ним. Мысленно он путешествовал взглядом по каждому из них, отмечая про себя, что даже в попытке восстановить события его взгляд притягивает выразительное и неповторимое лицо Вивиан Крэббс.

Уловив лёгкую мечтательность, осенившую черты свидетеля, полицейские переглянулись. Вышло это само собой, и Киркби, опасаясь, что инспектор сочтёт подобное фамильярностью, быстро отвернулся и принялся просматривать записи.

– Мисс Сатклифф была просто не в себе, – начал докладывать Эштон, по-прежнему не открывая глаз. – Даже не предполагал, что такая чинная пожилая леди может столь сильно разозлиться. Миссис Хоггарт, как я уже говорил, долгое время продолжала так и сидеть, с ножом в руке. Мистер Хоггарт выглядел довольно забавно – он сильно покраснел, и я начал опасаться, не хватит ли его удар. Остальные вроде бы подобных признаков гнева не проявляли. Кое-кто даже веселился –

близнецы переглядывались и делали большие глаза, подавали друг другу какие-то таинственные знаки.

– Великолепно! – заявил инспектор, когда Эштон закончил. – Если бы каждый раз, когда происходит убийство, свидетели были в той же мере наблюдательны, что и вы, то наша с Киркби работа стала бы намного проще. А последующие события вы помните также хорошо?

– Вы имеете в виду продолжение вечера в мастерской?

– Именно. То, что происходило перед самым убийством. Меня интересует, кто в течение вечера близко подходил к столу, за которым сидели мистер Крэббс и мисс Белфорт.

Джереми Эштон снова закрыл глаза и весь подался вперёд, будто вглядывался в прошлое при помощи бинокля.

– Да практически все, – растерянно произнёс он. – Стол располагался в таком месте, что мимо него приходилось буквально протискиваться для того, чтобы пройти в переднюю часть мастерской. Картины на демонстрационных мольбертах были установлены именно там, и все, кто подходил их рассмотреть, пробирались мимо мисс Белфорт. Мне даже показалось, что гости специально стараются пройти как можно ближе к ней, чтобы взглянуть ей в глаза. Девушка тоже это заметила, и мне показалось, что её такое неприкрытое любопытство забавляло.

– Какое у вас сложилось впечатление о мисс Белфорт? Только давайте начистоту, – предупредил инспектор.

– Мне она показалась хитрой и пронырливой особой, – сдержанно высказался Эштон. – Но мистер Крэббс был весьма высокого мнения о её деловых качествах.

– Вы были знакомы с ней раньше того дня, когда случилась трагедия?

– Да, – Эштон сдержанно кивнул. – Я время от времени захожу к мистеру Крэббсу на рюмку пастиса или просто поболтать. Мы соседи, да и его истории о былых временах всегда интересно послушать. Он превосходный рассказчик, при этом побывал и в Африке, и в Индии, и в Афганистане. Участвовал в военных операциях, несколько лет провёл в доминионах. Мисс Белфорт помогала ему облечь воспоминания об этих временах в форму мемуаров. Ну и ещё она приводила в порядок библиотеку.

– У нас есть информация, что у мисс Белфорт имеются богатые и влиятельные родственники. А точнее, тётя, живущая на юге Англии. Вам что-нибудь известно об этом?

– Боюсь, что нет, – покачал головой Эштон. – А эти сведения достоверны? На меня мисс Белфорт произвела совершенно противоположное впечатление.

– Что вы имеете в виду?

– Однажды я без предупреждения решил заехать к мистеру Крэббсу. Уже не вспомню, что там был за вопрос, но я долго ждал, пока он освободится – успел даже прогуляться по саду, – и вот когда заморосил дождь, и я вошёл в холл, то через распахнутые двери гостиной увидел мисс Белфорт. Она не слышала моих шагов и продолжала вести себя так, будто находилась в комнате одна.

Эштон замолчал, и инспектору пришлось поторопить его:

– И что же вы увидели?

– Мисс Белфорт гладила рукой обивку кресел. Подходила к окнам, трогала тяжёлую ткань портьер. Проводила ладонями по полированному дереву мебели. Она не просто прикасалась к вещам, она их ласкала, знаете, как треплют любимую и породистую собаку.

– Странное поведение, – вскинул брови инспектор и проверил, что записал об этом Киркби.

– Не такое уж странное, если предполагать, что богатые родственники – это выдумка чистой воды. Мисс Белфорт не была похожа на девушку, которой привычна роскошь большого традиционного дома, – категорично высказался Эштон, и его снобизм резанул слух обоих полицейских. – Хотя, судя по всему, образование она получила вполне достойное.

– А вам не показалось, что мисс Белфорт в тот вечер была напряжена? Или испугана? Может быть, она опасалась бурной реакции кого-то из гостей на известие о её бракосочетании с мистером Крэббсом?

– Все нет, – Эштон ответил, не раздумывая. – Девушка в тот вечер просто светилась от самодовольства. Растерянность гостей мистера Крэббса и их гнев приносили ей какое-то извращённое удовлетворение. Она ни на кого не смотрела, но всё время улыбалась сама себе. Так, знаете, по-кошачьи.

– По-кошачьи?.. – инспектор усмехнулся. – Думаю, я понял, что вы имеете в виду, мистер Эштон. Вы сказали чуть раньше, что мистер Крэббс был невысокого мнения о своей родне и страшился неприглядного скандала, поэтому и пригласил вас на исключительно семейное сборище. А не говорил ли он более конкретно, кого именно считает способным на такое? Кто ему внушал наибольшие опасения?

– Я ничего подобного не припомню. А мистера Крэббса вы уже об этом спрашивали?

– Сразу после беседы с вами мы направляемся в Гриффин-холл. Вчера мы не успели переговорить с мистером Крэббсом – утром не стали тревожить из уважения к его потере, а вечером моего присутствия потребовали дела в полицейском отделении. Кстати, вы не замечали на территории своего поместья подозрительных молодых людей? Ну или просто посторонних?

– Да нет, – покачал головой Эштон. – Сообщить вам, если что-нибудь замечу?

– Да, – кивнул инспектор, вставая и одёргивая пиджак. – Вчера во время ужина в окно столовой Гриффин-холла метнули булыжник. Никто не пострадал, но дамы, естественно, перепугались. Безобразие учинили приезжие, но откуда они, установить пока не удалось.

– Боже мой, – Эштон тоже вскочил на ноги и с неподдельной тревогой уставился на полицейских. – Никто не пострадал, говорите? А как себя чувствует... пожилая леди?

Инспектор на миг удивился, что состояние здоровья тётушки Розмари (которую он искренне считал способной выдержать любые катаклизмы, включая землетрясение и цунами) так заинтересовало молодого Эштона, однако быстро сообразил, что волнует его, вероятнее всего, самочувствие юной и прекрасной Вивиан.

– О, уверяю вас, опасаться не стоит. Мисс Сатклифф довольно бодра для своего возраста. А современные девушки так вообще на редкость выносливы. Разбитое окно во время ужина для них всего лишь...

– Я поеду с вами в Гриффин-холл, если позволите, – не обращая ни малейшего внимания на слова инспектора, решительно заявил Эштон.

– Как вам будет угодно, – почтительно склонился инспектор, скрывая понимающую улыбку под маской хороших манер.

Когда полицейская машина свернула на подъездную аллею, инспектор попросил констебля остановиться. Выйдя наружу, он сделал знак водителю следовать дальше, а сам с удовольствием размял ноги и позволил себе минуту-другую насладиться панорамой прекрасного каменного дома, окружённого пышным садом и раскидистыми кронами деревьев. Гриффин-холл, несомненно, был одним из самых старинных и впечатляющих поместий в Грейт-Бьюли.

Ухоженные клумбы, полные цветущих по сезону растений, с этой наблюдательной точки представляли собой поистине ослепительное зрелище. Инспектор редко позволял себе размякать, но пылкая красота осенней природы всегда заставляла его чувствовать искренний и благоговейный восторг. В такие моменты и крепла его решимость стать неодолимой преградой на пути зла и людской жестокости, которая, как он доподлинно знал, свойственна каждому божьему созданию, обречённому на земное существование.

Несколько высокопарные мысли инспектора прервало неожиданное появление тётушки Розмари. Пожилая дама спиной вперёд вышла из зарослей декоративного кустарника, прижимая что-то к груди.

Вид её был крайне неряшлив, и инспектор даже задумал поинтересоваться, хорошо ли она себя чувствует. Окинув взглядом сбившийся набок шиньон и перекрученные вокруг лодыжек грубые нитяные чулки, он, к своему удивлению, испытал беспокойство за взбалмошную леди. Каблуки её туфель были испачканы в земле, будто она весь день бродила по саду, выбирая самые его заброшенные уголки.

– Гхм, – негромко откашлялся инспектор, отходя чуть в сторону, чтобы тётушка Розмари не сбила его с ног. – Не ожидал вас тут встретить, мисс Сатклифф.

Пожилая леди мгновенно повернулась к нему, одновременно издав хриплый вскрик.

– Боже мой, вы что, следите за мной? – она быстро перешла в наступление. – Кто дал вам такое право, я спрашиваю вас? Неужели в этой стране больше не осталось никакого уважения к частной жизни?

– Что вы! Я и не думал, – неожиданно для себя начал оправдываться инспектор. – Я оказался тут совершенно случайно! У меня и в мыслях не было вести за вами слежку, мисс Сатклифф.

– Произвол властей, вот как это называется, – уже без прежней воинственности произнесла тётушка Розмари заготовленную заранее фразу.

– Я могу вам помочь, мисс Сатклифф? – участливо спросил инспектор, намереваясь проводить её в дом и тихонько шепнуть горничной, чтобы та принесла пожилой леди чашку горячего чаю с капелькой чего-нибудь согревающего.

Тётушка Розмари исподлобья посмотрела на инспектора, всерьёз что-то обдумывая.

– На самом деле я не уверена, что вы мне сможете помочь, – заявила она, продолжая сверлить полицейского взглядом. – Тут нужно многое принимать во внимание, а вы, признаться, не производите впечатления очень смышлёного молодого человека. Хотя...

Она нерешительно склонила голову к плечу, а потом протянула ему предмет, который прижимала к себе.

Инспектор пропустил грубость мимо ушей. Его отношение к тётушке Розмари теперь было сродни отношению к ребёнку, который чересчур непосредственно высказывает свои мысли. Он принял у неё картину и вопросительно посмотрел, ожидая продолжения.

– Никак не могу понять, что с ней не так, – пожаловалась она. – Вроде бы всё в порядке, но что-то не даёт покоя. Я уже просто в отчаянии! Матиас всегда знал, как получше досадить мне. Ему всегда нравилось меня мучить!

Уголки её губ опустились, обозначив горестные складки у рта, сквозь тонкие седые волосы у висков просвечивала розовая кожа.

– Мы сейчас во всём разберёмся, – доброжелательно пообещал инспектор, не в силах больше наблюдать эту жалкую в своей детскости беспомощность, подумав, что ещё пару лет, и тётушке Розмари непременно понадобятся услуги компаньонки.

Он внимательно осмотрел полотно. «Хм, какой странный ракурс», – пробормотал он про себя. И правда, с картиной явно было что-то не так. Какая-то неправильность лезла прямо в глаза, но за нагромождением мазков и смешением красок не сразу удавалось

понять, в чём же, собственно, тут дело. Он прошёл десять шагов в сторону и поднял картину, сравнивая оригинал с рисунком.

Тётушка Розмари, позабыв о том, что только что назвала инспектора не очень смыслёным, с надеждой смотрела на него, прижав руки к груди и ожидая чуда.

В течение последующих пятнадцати минут Оливер менял наблюдательную позицию, каждый раз сверяя ракурс, в котором видел здание, с тем, что был изображён на картине. Он опускался на корточки, вставал на цыпочки, что-то бормотал про себя, мерил шагами расстояние от одной интуитивно привлекательной точки до другой – и всё это время тётушка Розмари молча следовала за ним. Она уже жалела о своём порыве, вообразив, что инспектор догадается о тайнике, но скроет это открытие от неё, чтобы после украдкой присвоить драгоценный камень.

Пожилая леди уже хотела вернуть картину в свои руки, но тут инспектор устало отряхнул колени от налипшей грязи и мокрых листьев и со вздохом выпрямился. Он протянул полотно тётушке Розмари, удовлетворённо улыбнувшись.

– Ну, мисс Сатклифф, задачка решена! Яркий образец того, что не стоит усложнять очевидные вещи. Прошу вас, посмотрите внимательно на окна второго этажа.

Тётушка Розмари, растерянно моргая, принялась жадно обшаривать взглядом Гриффин-холл.

– А теперь обратите внимание на тот же ряд окон, изображённый на картине, – посоветовал инспектор.

Пожилая леди принялась вглядываться в небрежные мазки, так и этак поворачивая картину перед собой.

– Да вы просто смеётесь надо мной, инспектор, – гневно заключила она.

– Ничуть. Вы сейчас убедитесь в этом сами. Меня тоже поначалу ввёл в заблуждение необычный ракурс. Но если не обращать на это внимания, то простая истина станет очевидной. Количество окон на втором этаже не совпадает. Вот, смотрите, – Оливер, легко прикасаясь к полотну кончиком пальца, пересчитал оконные проёмы, а потом указал рукой на высившийся перед ними дом. – На картине девять окон, как вы видите, тогда как в действительности их всего восемь.

Тётушка Розмари от мгновенного озарения закашлялась. Она хотела скрыть от инспектора тот факт, что сразу же поняла, где находится предназначенный для неё тайник с сокровищем. Оливер же сиял как мальчишка. Он обожал разгадывать подобные ребусы, хотя и был несколько разочарован незамысловатостью предложенной ему головоломки.

Его слегка встревожила бледность пожилой леди, которая всё ещё неподвижно стояла, устремив невидящий взгляд на картину.

– Мисс Сатклифф?.. – негромко обратился он к пожилой леди. – Могу я вам помочь чем-нибудь ещё?

– О, благодарю, – очнулась тётушка Розмари и сразу засуетилась. – Больше ничего не нужно, уверяю вас. Вы правда старались, инспектор, это так мило с вашей стороны. Совершенно не ваша вина, что вы мне ничем не помогли. Но я не должна больше отнимать у вас драгоценное время. Да и мне уже пора спешить. Я... мне нужно написать несколько писем.

С этими словами она прижала картину к груди и заторопилась к дому, проваливаясь каблуками туфель в сырую после ночного дождя землю.

Дворецкий Симмонс почтительно откашлялся, входя в гостиную, где в одиночестве дожидался визита полицейских Матиас Крэббс.

– Тут к вам прибыл мистер Джереми Эштон, сэр. Он хотел бы выразить вам свои соболезнования лично, если вы позволите.

Крэббс кивком отпустил слугу и поднялся. Через минуту в гостиной появился Эштон. Мужчины обменялись приветствиями, и хозяин сделал гостю знак располагаться.

– Я глубоко огорчён случившимся, – учтиво произнёс Эштон. – Надеюсь, что преступник будет найден в ближайшее время, чтобы ответить перед законом за своё злодеяние.

Крэббс устало смежил морщинистые веки и кивнул. Эштона поразил его землистый цвет лица – сосед был любителем пеших прогулок и обычно выглядел необычайно бодрым для своих лет.

– Сегодня меня посетили полицейские, от них я узнал о происшествии, случившемся вчера за ужином. Признаться, это встревожило меня. О таком в наших краях ещё не слышали. Могу я спросить, как всё это перенесла мисс Крэббс? Последние события, наверное, и так...

– О, бедная девочка на самом деле так чувствительна, – перебил его Крэббс. – Вивиан, само собой, в высшей степени подавлена, но, так как она истинная дочь своего отца, то старается держать себя в руках. И у неё это отлично получается.

– Нисколько не сомневаюсь, – заверил его Эштон. – Я подумал, может быть, я смогу быть чем-то полезен?

Матиас Крэббс пристально посмотрел на молодого человека. Соображал он всегда очень быстро – в Африке, и в Афганистане, и во время беспорядков в Багдаде способность молниеносно принимать стратегически правильные решения не раз спасала жизнь и ему, и людям, за которых он отвечал.

– Было бы неплохо отвлечь Вивиан от мрачных мыслей, – одобрительно сказал он. – Юным девушкам вредно долго предаваться унынию, это развивает в них склонность к меланхолии.

Истинно викторианская максима заставила Джереми Эштона снисходительно улыбнуться. Однако старомодные представления Матиаса Крэббса как нельзя лучше отвечали его намерениям. Поднявшись, он ещё раз учтиво выразил свои соболезнования, и тут в гостиную одновременно вошли Вивиан Крэббс и инспектор Оливер с помощником. Где-то рядом, скорее всего, в холле, раздавался бас старшего констебля, ему вторил протестующий женский голос.

– Вивиан, милая, мистер Эштон так любезен, что желает пригласить тебя на прогулку. Думаю, тебе стоит принять его предложение и немного развеяться. Это пойдёт тебе на пользу.

Девушка не успела ничего ответить, как в гостиную вбежала разъярённая тётушка Розмари. Вслед за ней вошёл Симмонс, о его негодовании можно было судить по сдвинутым в одну линию косматым бровям.

– Матиас, ты должен сказать им! – пожилая леди раскраснелась, голос её звучал пронзительно. – Меня не пускают на второй этаж! С каких это пор полицейские командуют в Гриффин-холле? Ты должен

это прекратить! И немедленно! Они не имеют права здесь распоряжаться!

Дворецкий подтвердил слова пожилой дамы:

– Как мне поступить, сэр? Вы не дали мне на этот счёт никаких указаний. Старший констебль Лэмб утверждает, что по приказу инспектора он должен произвести обыск.

– Обыск?! – взвизгнула тётушка Розмари. – С какой это стати, позвольте узнать? Матиас, ты должен немедленно это прекратить! В Гриффин-холле никогда ещё не бывало обыска! И это именно сейчас, когда я только что...

– Вы и правда собираетесь обыскивать дом, инспектор? – повернулся Матиас Крэббс к Оливеру, пока тётушка Розмари призывала в союзники смущённого её напором Джереми Эштона и ошарашенную всем происходящим Вивиан.

Оливер примирительно раскрыл ладони:

– Боюсь, это необходимо, мистер Крэббс. Но позвольте, я всё вам объясню. Мы не смогли поговорить с вами вчера, а тем не менее в деле появились новые обстоятельства.

В гостиной стоял такой переполох, что Крэббс почти не слышал инспектора. Поморщившись, он сделал знак полицейскому следовать за ним и провёл его в библиотеку, прикрыв за собой двери. Джереми Эштон, заметив манёвр хозяина Гриффин-холла, предложил Вивиан руку и, пока она не передумала, вместе с ней быстро покинул дом.

Когда Крэббс и инспектор через непродолжительное время вернулись в гостиную, там был только смущённый констебль Лэмб – тётушка Розмари исчезла в неизвестном направлении, как, впрочем, и Киркби.

– Делайте свою работу, – кратко распорядился Оливер, и констебль, кивнув с облегчением, отправился на поиски сержанта.

Мужчины присели у стола. Из-за того, что Киркби руководил обыском, инспектору пришлось вести запись беседы самому. Он открыл блокнот в синей обложке и перевернул покрытую беглыми заметками страницу.

Где-то совсем рядом раздался глухой звук, будто ветка треснула под чьим-то весом. Туговатый на ухо и скрывающий этот факт Матиас Крэббс даже не пошевелился, а вот Оливер, поколебавшись всего мгновение, встал и быстро подошёл к окну. За безупречно чистым

стеклом виднелись старые тисовые деревья, увитые плющом и разросшиеся до исполинских размеров. Под окном на мокром гравии лежал изогнутый обломок ветки. Тем не менее инспектор не поленился выглянуть и подозрительно оглядел окрестности.

Крэббс без удивления наблюдал за предосторожностями инспектора. Выражение его лица было невозмутимым, надменная осанка отставного военного безупречна. Он ждал продолжения беседы с полицейским, цепкая хватка которого внушала ему и уважение, и тревогу.

– Что вы надеетесь обнаружить, инспектор? – в голосе Крэббса чувствовалось любопытство. – Вы не боитесь, что обыск спугнёт убийцу? Или вы уже знаете, кто совершил преступление, и собираетесь лишь отыскать улики, подтверждающие его вину?

– К сожалению, личность преступника ещё не установлена. Боюсь, мистер Крэббс, что дело оказалось куда запутаннее, чем мы представляли раньше.

– Но у вас есть хоть какая-то версия? – Крэббс нахмурился, его глубоко посаженные глаза следили за полицейским с мрачной надеждой.

Оливер с сожалением покачал головой.

– Боюсь, что я принёс вам неутешительные вести. Вы должны знать ещё кое-что, мистер Крэббс. В полицейской лаборатории произвели анализ шоколада, который вы с мисс Белфорт пили в тот вечер. Приличная доза цианистого калия содержалась только в вашей чашке. Ни в чайнике, ни в чашке мисс Белфорт яда не обнаружено. Так что можно с уверенностью утверждать, что несчастная девушка стала случайной жертвой. Сожалею, мистер Крэббс, но убийца покушался на вашу жизнь. Мисс Белфорт просто не повезло.

Оливер заметил, как пожилой джентльмен судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Схватившись за подлокотники кресла, он хотел было встать, но бессильно опустился обратно.

– Вы уверены в этом? – спросил Крэббс, прикрыв глаза и растирая левую половину груди.

– Экспертиза отличается высокой точностью. Мы недавно получили новое оборудование, так что ошибки быть не может. Всё очень серьёзно, мистер Крэббс. Вам предстоит смириться с мыслью, что кто-то из родственников пытался причинить вам вред.

Кто-то, кого очень разозлило известие о вашей свадьбе и о вступлении в силу нового завещания. Скажите, кто из ваших родных больше остальных нуждается в деньгах?

Как бы ни был Матиас Крэббс раздавлен новостью о покушении на свою жизнь, он сардонически ухмыльнулся.

– Ха! – выдохнул он презрительно. – Больше остальных! Да у них у каждого, инспектор, ветер в кармане свищет. Стервятники! Думают, что я не знаю, как они мечтают по камешку растащить Гриффин-холл вместе со всем содержимым. Я, инспектор Оливер, небедный человек, – Матиас Крэббс самодовольно похлопал по подлокотнику кресла. – Всё, что вы видите, – и он раскинул руки, выпятив подбородок, – это наследие семьи Крэббс. И я не только сохранил его, но и приумножил. Я хотел, чтобы мои дети ни в чём не нуждались, чтобы они могли занять подобающее им положение в обществе, но жизнь распорядилась по-другому. Мои дочери умерли, мой сын погиб как герой. Никого не осталось.

– А как же Себастьян? И ваши внуки? – быстро спросил инспектор.

Матиас Крэббс снисходительно поморщился и махнул рукой.

– Себастьян – пустышка. Унаследовал от своей матери все чудачества, которыми славились Блессингтоны. Сентиментальный слюнтяй, мечтатель. Ни на грош здравого смысла. Он не стоит и мизинца Генри. А внуки... Кровь Крэббсов разбавили не лучшим образом, так я вам скажу, инспектор. Единственная моя отрада – малышка Вивиан. Я множество раз предлагал её матери, Кэролайн, чтобы она оставила девочку воспитываться в Англии. Я хотел, чтобы моя внучка росла на земле своих предков, но та посчитала нужным увезти дочь Генри в Америку.

Инспектор понимающе кивнул, что-то помечая в своём блокноте.

– И всё же, мистер Крэббс, есть среди ваших гостей тот, кто интуитивно внушает вам опасения? Кто, по-вашему, способен на импульсивный поступок?

– То есть вы, инспектор, склоняетесь к мнению, что преступление было непреднамеренным?

Оливер кивнул, не сводя глаз с хозяина Гриффин-холла.

– А что вы надеетесь обнаружить во время обыска? – прищурился Матиас Крэббс. – Слянку с ядом, спрятанную под подушкой?

– Мы уже знаем, где убийца взял яд, – без всякого самодовольства ответил Оливер. – В чулане, который находится возле лаборатории. Один из стеклянных флаконов вскрыт, а следы на пыльном стеллаже указывают на то, что это произошло совсем недавно. Скажите, кто из ваших гостей знал, что в доме хранится цианистый калий?

Неожиданно Матиас Крэббс сгорбился в кресле и прикрыл лицо руками. Оливер отвёл взгляд, не желая наблюдать минутную слабость сильного человека.

– Сложно сказать, – наконец произнёс Крэббс глухим голосом. – Цианид используется для заправки морилок. Он не повреждает насекомое и эффективно умерщвляет его. Способ старинный, но всё ещё действенный. Про мою коллекцию знали все в доме. И что принадлежности хранятся в чулане – тоже. Я не считал нужным закрывать дверь на замок. Подумать только, и эта беспечность стоила жизни моей невесте. Но довольно сложно представить, что среди твоих родственников есть чудовище, способное совершить хладнокровное убийство.

– Может быть, кто-то из них проявлял к коллекции повышенный интерес? Постарайтесь припомнить, это может оказаться очень важным.

Матиас Крэббс задумался, но уже через минуту развёл руками.

– Ничего такого не припоминаю, – растерянно сказал он. – Молодые не очень-то любят слушать рассказы стариков, а моя сестра Розмари, между нами говоря, довольно глупа и неспособна отличить бабочку от носового платка. В тот день, когда разразилась трагедия, около трёх часов пополудни ко мне в лабораторию заходила Грейс, но ею двигал отнюдь не интерес к прекрасно систематизированной коллекции чешуекрылых, – в голосе Крэббса послышались горделивые нотки страстного собирателя редкостей.

– Зачем же она заходила?

– Просила денег для своего никудышного мужа, – Матиас Крэббс презрительно поморщился. – Не успела приехать, как сразу принялась клянчить.

– И вы согласились удовлетворить её просьбу?

– С какой стати, инспектор? Ещё ни один попрошайка не получил от меня желаемого. Я человек небедный, это так, но я не собираюсь потворствовать лодырям и прохиндеям. Разумеется, как только Майкл

Хоггарт поймёт, что из этого брака ему не удастся извлечь выгоду, то непременно бросит Грейс с дочерью. И знаете, невелика потеря. Грейс, по моему мнению, вообще не создана для семейной жизни, а такой прощельга, как Майкл, счастливой её точно не сделает. Да и малышке Полли будет вредно находиться в такой семье. Иногда, знаете, хороший пансион или школа оказываются намного полезнее для ребёнка. Во всяком случае, прививают дисциплину, а что может быть важнее для становления человеческой личности?

Такая надменная категоричность высказываний покорила инспектора. Будучи по своему складу характера человеком жёстким и привыкнув за много лет службы принимать решения за других, Крэббс, похоже, и мысли не допускал, что у окружающих могут быть собственные планы на жизнь. Не позволяя ему углубиться в рассуждения о традиционном британском воспитании, Оливер решил стать настойчивее.

– И всё же, мистер Крэббс, я хочу услышать от вас следующее: кто из родных кажется вам наиболее подозрительным? Поймите, всё весьма серьёзно. Один из тех, кто прибыл в ваш дом, не смог смириться с потерей наследства и утратил контроль над собой. Этот человек хладнокровно взял яд и бросил его в вашу чашку с шоколадом. Он намеревался лишить вас жизни, пока вы не успели изменить завещание, и есть вероятность, что преступник не отказался от своего намерения. Возможно, убийца готовит новое покушение, и мы должны арестовать его раньше, чем он осуществит задуманное. И если вы надеетесь, что родственные чувства заставят убийцу отступить, то глубоко ошибаетесь. Поверьте, я уже не раз был свидетелем того, как самые близкие родственники без малейшего колебания убивают друг друга ради своей выгоды.

Выражение лица Оливера и его тон были столь мрачными, что Крэббса пробрала дрожь. Чтобы скрыть это, он взял со стола книгу и принялся разглядывать крошечное пятнышко на её переплёте. Руки его мелко дрожали, и инспектор подумал, что, несмотря на бравый вид и безупречную военную выправку, Матиас Крэббс уже далеко не молод.

– Затрудняюсь что-то сказать, инспектор. Вы хотите знать, кого я подозреваю? Одновременно всех и, в общем-то, никого. Не могу поверить, что кто-то из них преступил не только закон, но и все людские и божьи заповеди. И в то же время я не питаю иллюзии ни на

чей счёт. Себастьян? Он всегда был угрюмым и странным мальчиком. Теперь он превратился в стареющего мужчину, впереди у которого пустота. Моя сестра Розмари? Ещё в детстве она была крайне эгоистична и душевно черства. У нас всегда было мало общего, но я старался быть снисходительным к ней ради нашей матери. Грейс? Робкая тихоня, но что у такого человека на уме, предугадать всегда сложно. Её муж Майкл – прохвост, женившийся на ней в надежде, что, когда я сыграю в ящик, он сможет промотать её наследство на женщин и другие удовольствия. Близнецы? Филипп, пожалуй, внушает мне наибольшие опасения.

– Почему же именно Филипп? – Оливер внимательно посмотрел на Крэббса, ожидая аргументов.

Тот шумно выдохнул и на удивление легко для человека своего возраста поднялся из кресла. Отвернувшись от инспектора, он заложил руки за спину и сделал несколько шагов по направлению к книжным полкам.

– Однажды Филипп приехал в Гриффин-холл. Один, без сестры, с которой, я так понимаю, они неразлучны, хоть это явно и не на пользу им обоим. Я не ожидал его увидеть, ведь он не предупредил о своём визите. Ни письма, ни телеграммы. Это было несколько лет назад. Филипп был взволнован, но полностью отдавал себе отчёт в словах и действиях. Такая, знаете ли, смесь импульсивности и собранности. Идеальное состояние духа, чтобы атаковать, – признался он с невесёлым смешком. – Я спросил его, зачем он приехал, и он ответил: «Чтобы выяснить правду». Так вот мелодраматично и выразился, да, – Матиас Крэббс снова усмехнулся.

– Что он имел в виду? – инспектор удивлённо поднял брови, перелистывая исписанную страницу.

– Когда-то давно Изабелла, моя дочь и мать близнецов, попала в беду, – продолжил Крэббс. – Она потеряла последний разум в погоне за своим неверным мужем, превратилась в посмешище. Ей нужны были деньги, чтобы продолжать мотаться по свету за Джоном Адамсоном, ведь почти весь свой капитал она пустила на ветер. Осталась только малая часть, предназначенная близнецам, которая была надёжно защищена условиями завещания моей покойной жены. Изабелла попросила у меня крупную сумму. Её положение было крайне сложным: она задолжала денег всем, кто оказался настолько

глуп, чтобы внять её мольбам, к тому же кредиторы начали требовать уплаты по счётам. Она совершенно свихнулась, просто не хотела слышать голос разума.

– И вы не дали ей денег, – утвердительно произнёс инспектор.

– Ни единого пенни, – повернулся к нему Крэббс.

Глаза его покраснели, но на лице застыло упрямое и высокомерное выражение.

– Ко мне и после её позорной гибели являлись разные жулики с векселями и долговыми расписками. Но я не первый год на свете живу, инспектор. Однако Филипп каким-то образом раскопал эту историю и рассудил, что его мать решила свести счёты с жизнью из-за моего отказа потворствовать её губительной и постыдной страсти к преследованию мужа. Разговор у нас с ним состоялся крайне неприятный. Перед тем как покинуть Гриффин-холл, он всё так же мелодраматически выкрикнул, что кровь его матери на моих руках и когда-нибудь я отвечу за это. Какова наглость, а? И это после того, как я принял на себя все заботы о близнецах. Мальчик унаследовал от матери склонность к истерии, что для мужчины, я считаю, совершенно недопустимо. Эту дурь из него не смогли выбить даже лучшие педагоги Уиллмилла. Кстати, годы его пребывания в школе обошлись мне в довольно крупную сумму.

– И после этого разговора вы больше не встречались? Филипп Адамсон не искал с вами встречи?

– Нет. И, признаться честно, я не думал, что когда-нибудь увижу его вновь.

– Что же заставило вас пригласить его?

Матиас Крэббс испустил долгий вздох, снова усаживаясь в кресло напротив инспектора. Он с лукавой печалью посмотрел на него и усмехнулся:

– Знаете, инспектор Оливер, вы мне нравитесь. Чем-то даже напоминаете меня в молодости. Понимаете, – о, вы непременно это поймёте, когда придёт срок! – по мере того, чем больше лет остаётся позади, тем меньше времени хочется тратить на обиды и распри. Пригласив всех в Гриффин-холл, я выкинул белый флаг. Приготовив драгоценные дары, я предвкушал благодарность. На деньги от продажи каждого камня можно купить небольшой дом, – доверительно признался Крэббс. – Разве такой дар не стоит благодарности?

На его лице застыло оскорблённое выражение, и инспектор ощутил тревогу. Задетый за живое людской неблагодарностью, Матиас Крэббс тем не менее совершенно не принимал во внимание чувства других людей. Проявилась ли эта душевная глухота с возрастом, или отставной военный всегда был таким, Оливер не знал, но, насколько такой человек мог быть невыносим для окружающих, догадывался.

– Скажите, мистер Крэббс, могу я задать вам несколько вопросов о покойной мисс Белфорт? Сожалею, что вынужден тревожить вас, но это совершенно...

– Вы можете задавать любые вопросы, инспектор, не опасаясь ранить мои чувства, – твёрдо ответил Матиас Крэббс. – Я знаю, когда следует оплакивать потерю, а когда необходимо забыть о сантиментах.

Оливер кивнул и перелистнул несколько страниц блокнота. В тишине шуршание бумаги не смогло скрыть тонкий треск, донёсшийся из-за открытого окна. Инспектор резко вскинул голову и замер, но подозрительный звук больше не повторился.

– Среди вещей покойной мы обнаружили футляр для очков. Мисс Белфорт была близорука? Вы замечали, что она носит очки?

– Нет, никогда, – Матиас Крэббс удивлённо покачал головой. – Она уверенно работала и с материалами для моих мемуаров, и с редкими изданиями, которые я коллекционирую. Я бы не сказал, что она вела себя, как человек, которому требуются очки.

– А о родственниках вам что-нибудь известно? Вы собирались пригласить кого-нибудь из них на церемонию бракосочетания?

– У Айрис была дальняя родственница, что-то вроде двоюродной тётки по матери, но у них были напряжённые отношения. Та желала, чтобы племянница продолжала научную карьеру, а о браке и не помышляла. Довольно деспотично навязывать такие взгляды юной цветущей девушке, вы не находите? Айрис рассказывала, что тётка всегда её недолюбливала. Поэтому приглашать её в Гриффин-холл мы не собирались.

– Вынужден сообщить вам ещё одну неприятную новость, мистер Крэббс. Это касается полковника Блакетта из коттеджа «Вязы». Сегодня утром он был обнаружен в своём доме мёртвым. Свёл счёты с жизнью при помощи наградного оружия.

– Боже мой, – медленно произнёс Крэббс. Лицо его побледнело под загаром, кайма тонких губ стала синеватой. – Как это возможно?

Мы виделись с ним во вторник, он собирался навестить сестру в Борнмуте.

– В последнее время вы не замечали, чтобы полковник Блакетт выглядел подавленным, чем-то озабоченным?

– С чего бы ему быть подавленным, инспектор? Блакетт, выйдя в отставку, вёл тихую размеренную жизнь, наслаждаясь покоем сельской местности. Он овдовел лет десять назад, но у него превосходная кухарка и добротный дом с приличным садом.

В голосе Крэбса сквозило возмущение по поводу, что человека, имеющего подобные жизненные блага, можно заподозрить в унынии.

– А вам известно, каково материальное положение полковника? Не испытывал ли он денежных затруднений в последнее время?

– Об этом мне ничего не известно, инспектор. Характер наших отношений с полковником не подразумевал подобных откровений, – тон Матиаса Крэббса был сух, он ясно давал понять, что детектив совершил недопустимое для полицейского нарушение этикета.

Оливер уже приготовился выразить хозяину Гриффин-холл смиренные извинения, но тут двери гостиной распахнулись, и на пороге возник Киркби с коричневым бумажным пакетом в руках, а за его спиной маячил старший констебль Лэмб.

– О, сэр, мистер Крэббс, – сержант учтиво кивнул и взволнованно переступил с ноги на ногу.

По суетливым движениям помощника и по тому, в каком беспорядке пребывал щегольский костюм и каким торжеством светились его круглые совиные глаза, инспектор заключил, что обыск принёс ощутимые результаты. Он поспешно встал, любезно поклонился Матиасу Крэббсу и вышел в холл, сделав подчинённым знак следовать за ним.

– Во-первых, и это относится к вам обоим: вы не должны вот так врываться. Здесь не полицейский участок, – инспектор говорил уважительно, но твёрдо. – А во-вторых, что такого важного вы обнаружили? Это не могло подождать?

– Нет, мистер Оливер, сэр, – сержант раскрыл пакет и осторожно, за уголок, вынул из него пачку писчей бумаги в кожаном футляре с замочком, а потом два толстых карандаша с угольными грифелями. – Я подумал, что вам необходимо как можно быстрее взглянуть на это.

Инспектор вытащил носовой платок и со всеми предосторожностями осмотрел находки. Уже открывая футляр с бумагой для писем, он догадался, что именно обнаружили полицейские во время обыска в Гриффин-холле.

Подтверждая его догадку, Киркби утвердительно кивнул:

– Бумагу для записки, найденной в рукаве у жертвы, совершенно точно взяли из этой стопки. Совпадает и толщина, и оттенок, и оттиск типографии в правом верхнем углу. Насчёт остального утверждать сложно, требуется экспертиза, но я не удивлюсь, если записку написали именно таким карандашом. Все эти предметы были найдены в комнате Филиппа Адамсона, но не в ящике для письменных принадлежностей, как можно было бы ожидать, а за распоротой и грубо зашитой подкладкой чемодана.

Глава восьмая, в которой над близнецами Адамсон сгущаются тучи, Вивиан обретает надежду избавиться от преследователей, а тётушка Розмари находит вожделённую награду

Розмари Сатклифф ещё в раннем детстве узнала, что такое одиночество. С братом её разделяла не только разница в восемнадцать лет – когда она родилась, Матиас уже был широкоплечим молодым человеком с густыми бакенбардами и тяжёлым взглядом тёмных глаз, – но и полная несхожесть характеров. Их общей матери после десяти лет вдовства посчастливилось ещё раз выйти замуж, но её второго мужа сын не принял, а рождение единоутробной сестры воспринял как досадное недоразумение.

Отец Розмари был мнительным и болезненным мужчиной, который почти сразу же после рождения дочери принялся самозабвенно искать и находить у себя признаки множества заболеваний. Это увлекательное занятие не позволяло ему уделять внимание своей семье, и девочка с самого раннего детства привыкла, что её мать дежурит у постели отца, облегчая его муки, а ей самой приказано бесшумно играть в детской и не беспокоить никого из взрослых.

Категоричные в отношении домашнего уклада викторианские времена чётко регламентировали положение замужних женщин, которым вменялись в обязанности и ночные бдения у одра больного, и покорная готовность читать ему вслух или подносить в хрустальной рюмке капли лауданума. Мать Розмари быстро втянулась в каждодневный уход за хворым мужем. Ей даже стало это нравиться: она ощущала себя нужной и была уверена в том, что супруг принадлежит ей безраздельно. Вот только на подрастающую дочь у неё не оставалось ни времени, ни сил.

Однажды подросшая Розмари сообразила, что если она вдруг заболеет, то мать будет ухаживать за ней с тем же пылом, что и за отцом. Девочка уже воображала себе чудесную картину: вот она,

бледная, с синевой под глазами, лежит, укрытая влажной простыней, а мать ласкает её любящим взглядом и целует в лоб прохладными губами. Или кормит с ложечки крепким бульоном с капелькой кларета, а после читает вслух тихим монотонным голосом, чтобы сон смежил усталые веки больной и принёс ей облегчение.

Ничего хорошего из этих мечтаний не вышло. Притворяющейся девочке дали добрую порцию настойки рвотного корня, что навсегда излечило её от желания, чтобы мать ухаживала за ней. После этого она больше не претендовала на внимание и любовь и погрузилась в мир вымышленных эмоций, подчиняющийся ей одной известным правилам.

Отец Розмари, проведя многие годы в постели, всё-таки умудрился заболеть опасной болезнью и скончаться на руках у жены. Потеря эта ничуть не сплотила мать и дочь, наоборот, новоиспечённая вдова желала владеть воспоминаниями об умершем супруге единолично, не деля их ни с кем. Розмари смирилась и с этим, а мать принялась заполнять образовавшуюся пустоту визитами к спиритуалистам, медиумам и прочим шарлатанам, гарантировавшим ей сеанс связи с духом умершего мужа.

Вернувшегося из дальних стран брата Розмари встретила насторожённо. Матиас по-хозяйски оглядывал поместье и дом, словно намеревался в ближайшее время вступить во владение наследством. Высокий, с грубым голосом, он был для неё чужаком, вторгающимся на её территорию. Гриффин-холл – всё, что Розмари знала в жизни, её убежище и утешение, но возвращение брата превратило её из полновластной хозяйки в пришлицу и нарушило естественный ход вещей.

Из-за этих неприятных открытий и всё учащающихся конфликтов с Матиасом, в которых мать неизменно принимала сторону сына, Розмари нуждалась в укрытии.

Ей требовалось место, где она могла бы по-прежнему предаваться вымышленным чувствам, не боясь быть потревоженной и осмеянной. И такое укрытие нашлось. Дом, как будто понимая, чего Розмари от него ждёт, сам подсказал ей, где искать.

Однажды она совершенно случайным образом обнаружила тайную комнату. Квадратная, без единого окна и с таким низким потолком, что даже невысокой девочке-подростку не было

возможности выпрямиться в полный рост – комната была так хитро устроена, что отыскать её местоположение в доме, не будучи осведомленным о её существовании, было крайне сложно. Розмари восприняла находку, как ответ на свои молитвы, и скрывалась там от брата и матери часами, погружаясь в привычные грёзы и наслаждаясь ощущением полной защиты, которое даровал ей дом. В эти моменты ей представлялось, будто она крошечное семечко, надёжно укрытое в мякоти плода и невидимое под толстой кожурой.

Сейчас, когда детство осталось далеко позади и по Гриффинхоллу сновали эти ужасные полицейские, Розмари Сатклифф просто укутить себя была готова: как она могла позабыть про тайное убежище? Ей неприятно было сознавать, что прошедшие годы утвердили над ней свою власть и лишили память былой чёткости. Но её также мучил и другой вопрос: если Матиас спрятал алмаз в её тайнике, то значит ли это, что он всегда о нём знал? Или он обнаружил его позже, когда сумел выдворить сестру из поместья и добиться единоличного владения им?

Проводившийся в доме обыск чрезвычайно нервировал тётушку Розмари. Её терзали навязчивые мысли, что полицейские только притворяются, будто целью их поисков являются улики против убийцы, а на самом деле ищут её алмаз.

Куда бы она ни направлялась, ей навстречу попадались то констебли, то этот неприятный коротышка сержант, буравящий её взглядом круглых, совершенно совиных глаз. Сердце Розмари Сатклифф билось часто-часто, пока она мелкими перебежками пересекала холл, поднималась по лестнице и судорожно пыталась припомнить, какая стенная панель служила входом в тайное убежище. Один раз, когда в коридоре неожиданно появился этот краснорожий верзила, констебль Лэмб, ей пришлось даже имитировать приступ, чтобы скрыть свои намерения и не навести полицейских на след. Она тогда буквально кипела от возмущения, пока встревоженный старший констебль препровождал её в гостиную и уговаривал отдохнуть, как и полагается даме её возраста.

Как только полицейский вернулся к своим обязанностям, тётушка Розмари с прытью, неожиданной в столь хрупкой пожилой леди, вскочила с дивана и отправилась на кухню. К её удивлению, там было пусто, только из судомойни доносилась вялая перебранка лакея и

кухонной девушки. На столе, в пергаментном коконе, лежала баранья нога, подтекая розоватым соком, и тётушка Розмари, обожающая вкусно поесть, плотоядно облизнула тонкие бесцветные губы. Бесшумно открывая шкафчики и выдвигая ящики, она обнаружила искомое и, прихватив коробок спичек, снова отправилась на поиски.

Поднимаясь по лестнице, она чутко прислушивалась к происходящему на втором этаже. На мгновение её посетило на удивление чёткое воспоминание из детства, как она спешит наверх, чтобы укрыться в своём тайном прибежище от матери и брата. Воспоминание было таким реалистичным, что пожилая леди хихикнула, радуясь всплывшей из глубин памяти картинке и, более не колеблясь, устремилась к тому неприметному внешне участку стены, где и скрывался вход в тайник.

Пальцы привычно проделали необходимые манипуляции, и вот перед ней с едва слышным скрипом отворилась стенная панель. Крутые высокие ступени, которые в детстве ей приходилось преодолевать ползком, теперь не являлись серьёзным препятствием, ключья паутины тётушка Розмари сметала подолом юбки, не обращая внимания на недовольных её вторжением обитателей тайника.

Задыхаясь от возбуждения и с трудом поворачиваясь в узком пространстве лаза, она затворила за собой миниатюрную дверцу, зажгла свечу и поспешила наверх. Где-то совсем рядом с ней прогремели тяжёлые шаги, а после послышался чей-то протестующий голос, но она была неуязвима для внешнего мира, поэтому продолжила путь.

Комната осталась точно такой, какой она её помнила. Низкий потолок по-прежнему был оклеен детскими рисунками с героями её фантазий, в углу лежал альбом и наполовину сточенный грифельный карандаш. На покоробившемся от времени переплёте сидела тряпичная куколка с заплетёнными в косы соломенными волосами – Мэри-пастушка с миниатюрной корзинкой, тётушка Розмари сразу же её узнала. Пыль тончайшим налётом покрывала стены тайного убежища, и со сладостным чувством ностальгии она провела по ним пальцем, оставив волнистый след, похожий на древнюю руну.

Опустившись на пол и прижавшись к стене, тётушка Розмари установила плоский медный подсвечник перед собой и долгое время смотрела на ровное пламя свечи, чуть дрожавшее от её прерывистого

дыхания. Когда сдерживаться уже больше не было сил, она бережно взяла в руки пастушку Мэри и сжала её ивовую корзинку так сильно, что та превратилась в горстку истлевшей трухи.

Ладонь кольнуло, будто тупой иглой, и тётушка Розмари медленно, всё ещё не веря, разжала руку и поднесла её к глазам. В пригоршне шелухи лежал желтоватый камень размером с абрикосовую косточку. Неправильной формы, с трещеватым наростом на одной стороне, он искрился на гранях и отбрасывал на стены потайной комнаты дрожащие грозди радужных огоньков.

Пока Джереми Эштон выступал в роли шофера, Вивиан молча смотрела в окно. Автомобиль шел мягко, даже и не скажешь, что они едут по английской сельской дороге, а не по калифорнийскому шоссе.

Эштон молчал, не делая попыток развлечь ее разговором или блеснуть остроумием, и Вивиан была ему благодарна. Именно этого ей и хотелось – ехать и ехать без конца и без цели, молчать, лениво рассматривать проплывающие мимо долины, цепляясь взглядом за отары овец, издавлек похидившие на клочки ваты, или наблюдать за полетом крупных птиц, чьи названия были ей неизвестны. Начался мелкий дождь, и его пелена скрыла окружающие дорогу холмы, создав у Вивиан ощущение, что автомобиль с пассажирами всего лишь часть декорации к кинофильму, а туманная завеса маскирует внутренности съемочного павильона.

Девушка первой нарушила молчание:

– Из-за просьбы моего деда, полагаю, вам пришлось пренебречь распорядком дня, мистер Эштон. Насколько я знаю, у фермеров осенью каждый час на счету. Если вы повернете назад, то я обещаю тихонько проскользнуть в свою комнату, а деду за ужином скажу, что вы честно исполнили его просьбу и свозили меня на прогулку.

– Я сам предложил вашему деду помощь, мисс Крэббс. И вы можете не тревожиться о состоянии дел в поместье, мой управляющий прекрасно справляется со своими обязанностями.

Тон Эштона был слегка насмешливым, но нисколько не ироничным. Вивиан почему-то стало легко на душе, она с удивлением

отметила это про себя и быстро взглянула на своего спутника.

– Мы скоро будем на месте, – сообщил тот, чуть увеличив скорость. – Я подумал, что вам будет любопытно взглянуть на старинное аббатство. Оно неплохо сохранилось, и там очень покойная атмосфера.

Они ехали ещё с полчаса в уютном молчании, а когда прибыли на место, то дождь прекратился, и через просветы в облаках выглянуло робкое солнце. Вивиан вышла из автомобиля, поправила шляпку и увидела далеко внизу скалы, своими очертаниями напомнившие ей корабль, лежащий на боку и вперивший в небо уцелевшую мачту. За ними, будто широкая атласная лента, виднелась тёмно-синяя кромка моря. Запах водорослей и соли – острый, даже резковатый, но по-своему приятный – проник в её ноздри и вызвал странное щемящее чувство. Крики птиц и мерный шум волн и ветра заполняли всё видимое пространство, от рыжих вересковых холмов с нагромождениями скальной породы до слоистой облачной массы, сквозь которую пробивали дорогу солнечные лучи.

На минуту девушка вообразила себя героиней английской пьесы: в голове молниеносно промелькнули эскизы костюмов, причёсок и варианты сценического грима; декорации, изображающие английскую гостиную так, как её представляют себе американские зрители; даже перипетии сюжета мелькнули яркими статичными картинками. Однако сейчас фантазии не сумели привычно взять Вивиан в плен, показавшись ей на фоне окружающей её действительности блёклыми небылицами, не более того. Пейзаж, расстилающийся перед ней, ничем не напоминал выжженную солнцем Калифорнию с её типовыми городками и бесконечными стандартизированными бензиновыми станциями. Это походило на путешествие в машине времени: легко было вообразить себе, что здесь, на побережье Восточной Англии, так и продолжается эпоха правления династии Тюдоров.

От стен старинного аббатства, окружающих внутренний двор, сохранились одни руины, но арочная галерея, поросшая мхом, была ещё цела. Неподалёку виднелась полуразрушенная часовня, вокруг неё стелились, терзаемые порывами ветра, заросли рабитника. Выцветший на солнце дрок плотным ковром покрывал камни, оставшиеся от внешней стены аббатства, и вкрадчивая повилика наглухо оплела ржавые останки кованых ворот.

Эштон пропустил Вивиан вперёд, и она пошла, не оглядываясь, по мягкой траве, с жадностью впитывая атмосферу запустения, в которой, однако, не чувствовала ничего враждебного. Ветер пробирался в рукава её блузки, трепал плотный твид юбки и норовил выхватить из рук сорванный по дороге цветок дикой розы.

Её спутник отстал, разглядывая каменную кладку галереи, и Вивиан какое-то время бродила по руинам одна, вопреки здравому смыслу чувствуя себя защищённой и неуязвимой среди каменных обломков старинного аббатства. Влажный солёный ветер охлаждал её разгорячённые щёки, тягостные мысли об угрозе, нависшей над ней, отступили, и эта передышка вернула ей веру в себя, укрепила её дух.

Снова пошёл дождь, вынудивший Вивиан искать укрытие в полуразрушенной часовне. Войдя под её своды, она обнаружила там Джереми Эштона. Он стоял у каменного пролома в стене – может быть, здесь когда-то была дверь, а может, низкое окно, – и смотрел вдаль с видом задумчивым и умиротворённым.

– Спасибо, что привезли меня сюда, – сказала Вивиан с искренней благодарностью. – Это странно, но мне ещё нигде не было так спокойно.

Под сводами часовни её голос звучал глухо, будто растворяясь в древнем безмолвии, пропитавшем каменные стены.

– Да, это удивительное место, – кивнул Эштон, поворачиваясь к ней. – Я рад, что вы сумели это почувствовать. А теперь расскажите мне, что у вас стряслось, и отчего вы так напряжены. И я не поверю, что смерть Айрис Белфорт, которую вы даже не знали, могла привести вас в такое состояние.

– С чего вы взяли, что я попала в беду?

– Это видно по тому, как вы отчаянно притворяетесь, что у вас всё в полном порядке.

Неожиданно для себя Вивиан рассказала, как по глупости угодила в сети, расставленные братьями Люгер. Здесь, в часовне, на крыше которой гнездились крачки, а на одной из стен сохранилось изображение распятия, события последнего месяца показались нелепым вздором, сюжетом для второсортной киноленты.

– В общем, вы скажете, что я сама во всём виновата, и будете совершенно правы. Пьеса, в которой у меня была главная роль, оглушительно провалилась, хотя подонок Джимми уверял, что нас

ждёт успех. Я и сама так думала, ведь он считается талантливым драматургом. Декорации, костюмы – всё было по высшему разряду. Я полностью доверяла ему, поэтому и вложила все свои деньги, а когда их не хватило, то заняла недостающую сумму у братьев Люгер. Джимми уверял, что пьеса станет гвоздём сезона, и мы не только отобьём затраты, но и заработаем на собственный театр, в котором я буду ведущей актрисой. Дедушка Матиас всегда был против того, чтобы я играла в кино, но ведь театр – это совсем другое. Он бы гордился мной, читая хвалебные рецензии критиков, и простил бы мой маленький обман.

– Но неужели же вы не навели справки о тех, у кого занимали такую большую сумму? – Эштон, укоризненно вскинув брови, покачал головой.

– Я не хотела ничего знать, – с горечью ответила Вивиан. – К тому же они были так обходительны. И Джимми говорил, что не стоит верить нелепым слухам. Теперь вы знаете, какой глупой и самонадеянной я была. Самое ужасное, что мне и правда негде взять эти деньги. Меня не спасет даже подарок дедушки Матиаса, ведь я уехала из Гриффин-холла ещё ребёнком и не смогу отыскать зашифрованный в картине тайник. У остальных ещё есть шансы, но не у меня.

Пока Вивиан говорила, пальцы её отрывали и сворачивали в тонкие трубочки нежные лепестки сорванного цветка. Когда остался только голый стебель, она стряхнула ошмётки с ладони, и они упали на выщербленный пол часовни, потерявшие яркий цвет и похожие на горстку табачного пепла.

– Придумал! – Эштон щёлкнул пальцами и просиял, будто ему только что пришла в голову отличная мысль. – Я куплю у вас дедушкину картину за ту же сумму, что вы должны братьям Люгер.

– Вы что, смеётесь надо мной?!

– Вовсе нет, – он пожал плечами. – В Эштон-хаус пустует стена гостевой спальни, и я как раз хотел украсить её.

– Но дедушкины картины – это жуткая мазня. Вашим гостям непременно будут сниться кошмары. Да и с чего бы вам помогать мне? – недоверчиво спросила Вивиан.

– Я буду селить в эту комнату только самых надоедливых гостей, – заверил её Эштон. – А вообще, как знать, мисс Крэбсс, может

быть, кинематограф оказал на меня своё тлетворное влияние и я одержим намерением спасти красавиц, попавших в беду, от притязаний жестоких бандитов.

– Вы всё-таки смеётесь надо мной! – гневно воскликнула Вивиан, не веря, что она так легко сможет выскользнуть из западни, в которую угодила.

– На самом деле я совершенно серьёзен, мисс Крэббс, – Эштон без улыбки посмотрел на неё. – Вы сможете убедиться в этом завтра же, когда я пришлю вам пакет с деньгами. Думаю, в такой ситуации наличные будут уместнее чека. Как вы собираетесь передавать деньги этим людям? Я бы не хотел, чтобы вы рисковали собой. Готов стать вашим провожатым и гарантом безопасности, если позволите.

Вивиан быстро взглянула на него и тихо спросила:

– Зачем это вам? Почему вы помогаете мне?

– Никогда не видел американских гангстеров, мисс Крэббс, – широко улыбнулся Джереми Эштон. – Думаю, что это внесёт в мою размеренную и добропорядочную жизнь деревенского сквайра свежие краски.

Внутреннее чутьё не обмануло инспектора и на этот раз. Во время беседы с Матиасом Крэббсом его не покидало чувство, что они в библиотеке не одни. Едва различимый для уха треск и прочие странные шумы, доносившиеся из сада, вызывали у детектива нечто вроде зуда, отвлекающего его от допроса хозяина Гриффин-холла, но когда Оливер вышел в сад, то не обнаружил там никого, только под большим вязом, росшим у самых стен дома, валялась горка сухих обломанных веток.

Обнаружив улики, позволяющие определить автора записки, найденной в рукаве убитой девушки, инспектор поспешил в полицейское отделение, а Оливия Адамсон отправилась на кухню, чтобы попросить у миссис Уоттс чашку горячего чая. Просидев на дереве без малого час, она так продрогла, что все её тело сотрясала дрожь.

Экономка, женщина сердобольная, но приметливая, никак не выразила своё отношение к тому, что одна из «бедняжек Адамсон» явилась к ней озябшая, в мужской фланелевой рубашке и мятых широких брюках со следами древесной коры. Густые волосы Оливии, заплетённые в косу, растрепались и были полны сухих листьев, глаза сердито блестели.

Передав девушке чашку чая и придвинув к ней миску с остатками ячменных лепёшек, миссис Уоттс принялась вздыхать да охать, рассказывая о том, какой беспорядок учинили полицейские при обыске Гриффин-холла.

– До весны теперь не разберёмся, что где лежит, – с мрачным удовлетворением сказала она и принялась энергично втирать в баранью ногу смесь специй и свиного жира. – Даже в кладовой все перерыли. Заглянули в жестянки и с мукой, и с патокой, и банки с мармеладом все перетрясли. Чего, спрашивается, они там отыскать хотели? Сам инспектор, мистер Оливер, джентльмен очень приятный, тут ничего не скажешь, но вот помощник его, этот белобрысый коротышка, на редкость неприятный тип. Всюду совал свой нос и вопросы каверзные задавал. Мало нам того, что в поместье такое несчастье приключилось, так ещё и обыск затеяли. У Чепмена в сарае все переворошили, он, бедняга, как ушёл в деревню, так и не вернулся до сих пор, чтобы этого бедлама не видеть. Миссис Гилмор взяла выходной и к сестре уехала, не хочу, говорит, находиться в одном доме с полицией. А я хочу? А меня спросил кто-то?

Уютная воркотня экономки и горячий чай из большой кружки с выщербленным краешком успокоили Оливию совершенно так же, как и в детстве, когда она прибежала на кухню перехватить пару печений или выпросить кусок свежего пирога для кукольного чаепития. За прошедшие годы кухня в поместье совсем не изменилась, разве что прибавилось современной утвари – устрашающих размеров машина для взбивания и мясорубка с таким широким раструбом, что в него поместилась бы упитанная курица целиком. В углу, неподалёку от очага, по-прежнему стояло блюдечко с каёмкой из васильков, доверху заполненное молоком.

Увидев его, Оливия улыбнулась, и на душе у неё сделалось легко.

– Что я вижу, миссис Уоттс, – девушка перебила поток жалобных стенаний экономки. – Вы по-прежнему привечаете маленький

народец? Или это угощение для кошачьей братии?

Миссис Уоттс самую малость покраснела, но быстро перешла в атаку:

– А хоть бы и так? Вы, мисс Адамсон, наших деревенских дел не знаете, поэтому и рассуждать нечего. Гриффин-холл – поместье старинное, здесь всякое случиться может. Чего тебе, Дорис?

В дверях кухни стояла горничная, сжимая в руках яркую клетчатую скатерть. Вид у неё был безрадостный и смущённый.

– Честное слово, миссис Уоттс, это не я попортила. И в тот раз тоже не я. Если бы это я, так я бы сразу и призналась, вы же знаете. С кувшином помните что было? Так я ведь сразу и сказала, что это я, ни минуточки не запиралась.

– Что, опять? – ахнула экономка и выхватила скатерть из рук горничной.

Близоруко щурясь, она растянула ткань и принялась искать повреждение. Найдя маленькую круглую дырку, она сердито зацокала языком.

– Точь-в-точь как в прошлый раз, – мрачно вынесла вердикт экономка. – И в том же самом месте. Иди, Дорис, не стой столбом. Я отправлю ее в штопку, а завтра сама проверю остальные скатерти.

– Что, миссис Уоттс, маленький народец опять шалит? – усмехнулась Оливия и предположила: – Вы, наверное, кладовую на ночь запираете, вот они и обиделись.

– Смейтесь, мисс Адамсон, смейтесь, – закивала экономка, уязвлённая несерьёзным отношением Оливии. – А только вот когда проснетесь поутру с колтунами в волосах или мелочь какую сыскать не сможете, вот тогда посмотрим, как вы потешаться будете. Вот тогда и поглядим на вас! – заключила она с шотландским радостным пессимизмом и плюхнула баранью ногу на противень.

Не желая ссориться с экономкой, Оливия примирительно спросила:

– И что эти шалуны ещё натворили?

Миссис Уоттс в этот момент быстрыми и точными движениями наносила многострадальной бараньей ноге удары ножом и хотела было промолчать, но желание выговориться возоблагодало над обидой. Она придвинула к Оливии миску с неочищенными чесночными зубками и

одёрнула фартук миссис Гилмор, который был ей велик в талии на добрый десяток дюймов.

– Скатерти – раз! – принялась она загибать пальцы, блестящие от жира. – Молоко киснет, не успеешь оглянуться – два! Стёкла в мастерской мистера Крэббса – что ни день, то новое бьётся, – три! Кухонная скамейка миссис Гилмор пропала – четыре! Даже у мисс Белфорт, – упокой, Господи, её душу, – очки пропали. А у Эммы ключи из связки. И у Чепмена ящик для рассады куда-то делся. Уж и не знаю, чем мы провинились, – вздохнула она, мельком глянув на блюде с молоком.

На этот раз Оливия удержалась от улыбки. Видя, как удручена миссис Уоттс перечисленными напастями, свалившимися на прислугу Гриффин-холла, она выразила ей своё сочувствие, дочистила чеснок и, поблагодарив за чай, отправилась наверх.

Медленно поднимаясь по ступенькам, Оливия старалась успокоиться. Ссоры с братом, хоть и случались крайне редко, всегда надолго выбивали её из колеи, а то, что сейчас им обоим предстоит неприятный разговор, было очевидно.

Добравшись до самого верха лестницы, девушка на мгновение замерла на последней ступеньке, оттягивая момент, когда войдёт в комнату Филиппа, и была почти что атакована невесть откуда взявшейся тётушкой Розмари. Пожилая леди негодуяще уставилась на Оливию, держась к ней боком. На её платье виднелись клочья паутины, кончики туфель были заляпаны воском.

– Что это вы тут делаете, юная леди? – надтреснутым голосом произнесла она, и Оливия с трудом сдержала смех, до того тётушка Розмари была похожа на директрису пансиона Святой Урсулы. – За мной что, следят? Почему я ни на минуту не могу остаться одна в этом доме? Куда ни пойду – всюду натыкаюсь на слежку! Это совершенно возмутительно!

С каким-то нарочитым возмущением Розмари Сатклифф притопнула крохотной ножкой, неловко повернулась к девушке спиной и рысцой припустила к себе, выронив по дороге коробок со спичками.

Он упал как раз возле комнаты Филиппа и, подняв его и машинально опустив в карман, Оливия, не раздумывая больше, постучала.

Дверь распахнулась рывком. На пороге стоял Филипп, за его спиной виднелась разорённая комната. Дверцы шкафов были распахнуты настежь, вся одежда комом лежала в кресле у окна, пустые чемоданы щерили разомкнутые пасти.

Не позволив сестре произнести ни слова, Филипп с нервным смешком спросил:

– Ты уже в курсе свежей уголовной хроники? Или инспектор решил и дальше разыгрывать из себя джентльмена и придержал новости?

– О чём ты? – нахмурилась Оливия.

Близнецы стояли друг напротив друга с совершенно одинаковыми выражениями на лицах. Одновременно оба откинули волосы со лба, только Филипп правой рукой, а его сестра левой.

– Я о бумаге и карандашах, которые нашли у меня в чемодане. Сержант Киркби считает, что именно я написал записку с угрозами для Айрис Белфорт.

У Оливии округлились глаза.

– Он что, так и сказал?

– Да нет, конечно. Ты что, полицейских не знаешь? Лэмб, старший констебль, сходил за ним, когда в моём чемодане обнаружили пачку бумаги и угольные карандаши. Видимо, по дороге они успели пошептаться, потому что когда сержант вошёл ко мне в комнату, вид у него был такой, словно я только что на его глазах перерезал половину жителей Грейт-Бьюли. Он очень официально поблагодарил меня за содействие следствию, забрал улики и был таков. Чуть позже ко мне зашёл инспектор и настоятельно порекомендовал не покидать в ближайшее время Гриффин-холл.

Оливия ахнула и прикрыла рот ладонью. Она вспомнила, как Матиас Крэббс назвал Филиппа самым подозрительным среди всех родственников, и услужливое воображение с готовностью принялось рисовать ей мрачные картины будущего.

– А бумага и карандаши? Они и правда твои?

– Мои, а чьи же ещё? – скептически поднял брови Филипп. – Уж не думаешь ли ты, что я ворую письменные принадлежности у других? А вот записку я не писал, если ты стесняешься спросить меня об этом.

– Я знаю, что ты её не писал, – покачала головой Оливия. – Я об этом и не думала!

– Ну, хоть кто-то мне верит.

Филипп сел в кресло, прямо на ворох рубашек, и откинулся на спинку, скрестив руки на груди и прикрыв глаза. Через минуту он издал тяжкий вздох и выпрямился, но почти сразу ссутулился, свесив руки между колен и что-то бормоча себе под нос.

– Зачем ты приезжал к дедушке и обвинял его в том, что он стал причиной смерти Изабеллы?

Голос Оливии был твёрд, она пристально смотрела на брата, готовая мгновенно выхватить фальшь или даже мельчайшую частичку неправды в его словах или интонации, с какой он будет их произносить.

Филипп не шелохнулся и ничем не дал понять, что слышал вопрос сестры. Его голова была низко опущена, так что завеса волос скрывала глаза и выражение лица.

– И почему ты ничего не сказал об этом мне?! – молчание брата раздосадовало Оливию, заставило нарушить данное себе обещание быть спокойной и не повышать на него голос. – Почему я должна вскарабкаться на это чёртово дерево, чтобы услышать впечатляющие новости про Изабеллу? Про то, что она, оказывается, просила у дедушки денег, а он отказал ей? И откуда, спрашивается, об этом стало известно тебе, мистер всезнайка?

Оливия говорила очень быстро, ей хотелось пробить защиту Филиппа, заставить его вспылить, произнести в пылу ссоры что-то неосмотрительное, из чего она сможет сделать утешительный вывод о его непричастности к произошедшей трагедии, но брат продолжал молчать.

– Ты хоть понимаешь, что этот твой треклятый визит к дедушке теперь выглядит как чёртов мотив для убийства? И судя по виду инспектора, он не упустит случая...

– Ты знаешь, я и предположить не мог, что в Гриффин-холле когда-либо произойдёт убийство, – Филипп говорил тихо и очень спокойно, будто бы в его комнате не происходило ровным счётом ничего необычного. – Иначе, разумеется, я не вёл бы себя столь неосмотрительно.

Оливия вдруг почувствовала тянущую боль где-то в районе солнечного сплетения. Ощущение нарастало, захватывая весь живот целиком, на лбу мгновенно проступила испарина. Так бывало в те

моменты, когда её охватывал страх – липкий, тягучий, пробирающийся в самую глубину тела и сжимающий все внутренности в оплавленный комок.

– Если тебя опять заберут у меня... – голос её пресекся, и она не стала продолжать, боясь произнести вслух то, о чём подумала.

Филипп вздрогнул, резко поднялся на ноги и подошёл к сестре. Взяв её ладони в свои, он принялся растирать холодные тонкие пальцы, обдувая дыханием её влажный, в бисеринках пота лоб и шёпотом исповедуясь ей:

– Я приехал к нему только для того, чтобы узнать, правда ли то, что она сказала. Ты ведь знаешь, что Изабелла часто рассказывала небылицы. Ты их не помнишь, ты их сразу забывала, а я запоминал, годами не мог избавиться от них. И он подтвердил. Чуть ли не впервые оказалось так, как она рассказывала. И я был зол на него, так сильно, что хотел его смерти, хотел видеть, как он страдает так же, как страдала она, и как страдали мы. Я смотрел на него и думал, что никто не может ненавидеть его сильнее, чем я. Это была минута затмения, я еле сдерживался, чтобы не броситься на него, мне хотелось видеть, как он корчится и хрипит в мучительной агонии, хотелось наблюдать, как он расстаётся с жизнью. И я ужаснулся собственным мыслям – этой темноте, которая почти заполнила меня. Я много чего наговорил тогда ему. Скорее всего, это выглядело смешно и жалко. Я уехал из Гриффин-холла в ужасном состоянии. Всю дорогу у меня тряслись руки, я практически не мог вести машину, приходилось всё время останавливаться.

Филипп замолчал и сел рядом с сестрой. Близнецы не смотрели друг на друга, молча наблюдая, как солнечный луч, пробивший себе дорогу сквозь бегущие облака, робко исследует викторианское бюро со множеством выдвижных ящичков и отделений. Угодив в западную чашу из выдувного стекла, он разлетелся алмазными брызгами по столешнице красного дерева, обоям в мелкий цветочек и исчез в тусклом зеркале над камином.

– Если бы я и мог убить его, то сделал бы это тогда, три года назад. Ты мне веришь, Олив? Ты веришь, что я не покушался на жизнь Матиаса и не подсыпал яд в его чашку с шоколадом?

Филипп повернулся к сестре лицом. Он смотрел на неё пристально, упрямо, так, словно они соревновались в детской игре

«Правда или ложь». И под его взглядом щёки Оливии порозовели; она устыдилась, что могла даже на секунду допустить мысль о виновности брата. Это было как засомневаться в себе самой, как допустить, что она, Оливия, в самой сердцевине своей сути подозревает червоточину, служившую вместилищем тьмы.

– Я тебе верю. Но инспектора в твоей невинности убедить будет значительно сложнее, – мрачно ответила Оливия. – Придётся нам самим выяснить, кто убил Айрис Белфорт и покушался на жизнь бабушки. И начать нужно как можно быстрее, мы и так потеряли кучу времени.

Не слушая возражений Филиппа, она выбежала из его комнаты и направилась к себе. Заперла дверь и, ринувшись к шкафу, распахнула скрипучие дверцы и придирчиво оглядела содержимое.

Оливия давно приобрела привычку носить брюки, радуясь свободе, которую дарит такая одежда. Догадка Себастьяна Крэббса о том, что она и рубашки заимствует из гардероба брата, была не так уж далека от истины. Однако сейчас девушка выбрала светлое шелковое платье с узким лифом и летящей плиссированной юбкой. Чертыхаясь вполголоса, она застегнула крошечные крючки до самого верха, расправила ажурный воротничок и пощипала рукава-фонарики, чтобы вернуть им форму.

Взглянув на циферблат часов, Оливия ещё раз чертыхнулась и принялась торопливо расчёсывать волосы, наклонив голову над фарфоровым тазиком для умывания. Посыпались кусочки древесной коры, сухие листья и прочая чепуха, но девушка, не обратив на это никакого внимания, выпрямилась и вернулась к зеркалу. Вспоминая уроки благовоспитанной и до прозрачности худенькой мадемуазель Шеззвик, преподающей ученицам пансиона Святой Урсулы хорошие манеры и прочие девичьи премудрости, Оливия с немалым трудом уложила волосы в затейливую пышную причёску с двумя валиками, напоминающими спиралевидные морские раковины.

Удовлетворившись результатом своих трудов, девушка отступила от зеркала на пару шагов и позволила лицу принять выражение безмятежности и покоя. Складка между бровей сразу же разгладилась, уголки губ поднялись, словно бы в мечтательной улыбке, и вид у Оливии Адамсон стал беззаботный и немного загадочный.

Оливия уже в пятый раз прогуливалась мимо полицейского отделения. Сначала она заняла наблюдательный пункт в чайной, у самого окна, стараясь не пропустить тот момент, когда из дверей отделения выйдет сержант Киркби, но спустя третью чашку чая и два пирожных решила, что с неё хватит.

Расплатившись, девушка медленно прошла по улице, любуясь милыми деревенскими домиками, потом зашла на почту и долго выбирала открытки, придирчиво рассматривая каждую и ведя непринуждённую светскую беседу о погоде с дородной женщиной в алом вязаном платье.

Заприметив в конце улицы коренастую фигуру сержанта, Оливия быстро расплатилась за пакетик засахаренного миндаля и две открытки – на одной было изображено здание местной ратуши, другая же служила превосходным образцом пошлейшего сочетания пушистых котят, плетёных корзинок и клубков шерсти – и, стараясь не торопиться, вышла из здания, где размещалась почта, в тот самый момент, когда сержант Киркби с ним поравнялся.

Чуть не столкнувшись друг с другом, оба отпрянули с учтивыми извинениями. Сержант не сразу узнал в нарядном воздушном создании Оливию Адамсон из Гриффин-холла, а узнав, крайне смутился. Высокая и гибкая, с царственной осанкой и причёской, которая демонстрировала гордую посадку головы и придавала её чертам нечто аристократическое, девушка показалась ему прекрасной, словно видение. Скучные солнечные лучи за её спиной превращали волосы в сияющий нимб, и летящий шёлк платья обрисовывал тонкую талию.

Оливия сама прервала затянувшуюся паузу, ошеломлённая эффектом, произведённым на полицейского. С бесхитростной детской похвальбой она протянула сержанту только что купленные открытки, и он машинально взял их и принялся вежливо рассматривать, переводя взгляд с одной на другую. Также машинально он вернул их обратно и, пока она соображала, как бы вынудить этого увальня пригласить её на прогулку, продолжал стоять на том же месте.

– Кто-то недавно упоминал, что здесь неподалёку есть живописный водопад, – наконец нашлась Оливия. – Раз уж мы встретились, мистер Киркби, может быть, вы укажете мне путь?

– Вы что же, собираетесь идти туда одна? – начал оглядываться сержант.

– Да, – со вздохом подтвердила Оливия. – Филипп что-то совсем захандрил, заперся в своей комнате и отказывается разговаривать со мной. А я, знаете ли, терпеть не могу весь день сидеть в четырёх стенах, – с простодушной улыбкой призналась девушка.

По пути к водопаду Оливия Адамсон была так мила, что сержант Киркби, обыкновенно страдающий от чрезмерной застенчивости, сам себя не узнавал. Наедине с женщинами он чаще всего бывал скован и зажат, отчего многим казалось, будто он высокомерен и скучен. Однако этим вечером сержанту удалось справиться с так сильно досаждающей ему робостью.

Выбрав для прогулки длинный путь, пролегавший меж двумя холмами, Киркби проявил себя как внимательный и тонкий собеседник. И расследование убийства, и инструкции инспектора, и результаты дневного обыска – всё это было на время забыто. Звонкий смех Оливии Адамсон поощрял красноречие сержанта, и он, стараясь не слишком размахивать руками и вовремя предлагать спутнице помощь, если им на пути встречались препятствия в виде полуразрушенных мостков или широкой межи, почувствовал себя так легко и свободно, будто был знаком с этой милой леди всю свою жизнь.

Каким бы кружным ни был избранный сержантом путь, но к водопаду они всё-таки пришли быстрее, чем он рассчитывал. Дожди размыли глинистый берег, и к самой воде было не подойти без того, чтобы не запачкать ног, однако любоваться искрящимися в лучах заходящего солнца струями можно было и издалека.

– Это и вправду великолепное зрелище, – произнесла Оливия, чуть склонив голову к плечу. – Жаль, что в пансионе я так и не смогла выучиться прилично рисовать.

– Уверен, что это не так, – поспешно и весьма неловко запротестовал сержант, но девушка перебила его, всплеснув руками.

– Что вы, мистер Киркби! Не будьте таким снисходительным ко мне. Видели бы вы мои альбомы! Да в них живого места не было от помет мисс Вуттерброк, которая возила нас на этюды. Несчастливая женщина просто дар речи теряла, когда рассматривала мои пейзажи. Она была довольно тучной дамой, и когда выходила из себя, то

багровела и принималась от возмущения надувать щёки и отчётливо так пыхтеть и пофыркивать, – Оливия изобразила нечто среднее между фырканием лошади и звуками, какие производит лесной ёж, если невзначай потревожить его покой. – Надо сказать, что мои рисунки и правда не могли вызвать ничего, кроме отвращения. Однако я надеюсь со временем наверстать упущенное. А вы, мистер Киркби, увлекаетесь живописью?

– К сожалению, нет, – сержант развёл руками, огорчённый, что не может поддержать беседу. – По правде говоря, никогда не понимал этих премудростей.

– Вот и мне классический рисунок никак не даётся, – вздохнула Оливия. – Но я не теряю надежды, ведь успех приходит благодаря упорству, не так ли, мистер Киркби? Я даже возымела привычку всюду брать с собой блокнот и отличные угольные карандаши. Стараюсь не меньше трёх-четырёх часов в день посвящать занятиям. Филипп потешается надо мной, говорит, что я из-за своей навязчивой идеи научиться рисовать стала совсем рассеянной – постоянно где-нибудь забываю блокнот с карандашами, а потом ищу полдня.

Киркби быстро взглянул на спутницу, хотел было что-то сказать, но промолчал, задумчиво глядя на падающие струи воды. На лице его отражалась напряжённая работа мысли, весь он как-то подобрался и потерял недавнюю безмятежность. Оливия же, словно не замечая, что настроение её провожатого изменилось, продолжала беззаботно щебетать на отвлечённые темы.

– А когда вы в последний раз видели свои принадлежности для рисования, мисс Крэббс? – прервал сержант рассказ Оливии о том, с какими трудностями приходится сталкиваться профессиональному ловцу хищных птиц.

– Что, простите? – переспросила увлечённая монологом девушка, и Киркби вдруг явственно показалось, что она выгадывает время для более правдоподобного ответа. – Не помню. Кажется, в день нашего приезда в Лэгдон Холл. Я оставила блокнот в гостиной, а потом не нашла его там. А последующие события и вовсе не способствовали творческим занятиям. Кстати, сержант, вы что, допрашиваете меня? – тут в голосе Оливии прозвучали сердитые нотки.

Киркби смутился, его смуглые щёки потемнели, но взгляд стал колючим и настороженным. Он не мог заставить себя посмотреть на

девушку, в его голове никак не укладывалось, что одна из главных в расследовании убийства улики связана именно с ней. Подсознательно он понимал, что Оливия Адамсон куда сложнее, чем пытается казаться, и эта одновременно привлекательная и тревожная загадочность ввергали сержанта в жуткую растерянность.

Он даже в мыслях не хотел допустить, что девушка может быть причастной к трагедии, произошедшей в Гриффин-холле, но профессиональное чутьё всюду сигнализировало ему, что она что-то старательно скрывает. Искажение фактов, криводушие и злонамеренную ложь сержант Киркби чувствовал так же хорошо, как опытная гончая слышит запах перепуганного зайца, и сейчас интуиция подсказывала ему, что Оливия Адамсон ведёт нечестную игру.

Весь обратный путь они провели в неловком молчании и расстались там же, где встретились, у почты, скомканно попрощавшись и не взглянув друг на друга.

Оливия вернулась в Гриффин-холл за полчаса до ужина. Внизу, кроме Энглби, который вдумчиво полировал медную вазу, больше никого не было, и девушка рассеянно кивнула лакею и быстро взбежала по ступенькам, радуясь, что никто её не задержал.

Как была, не переодеваясь, она поспешила к комнате Филиппа и тихо, но настойчиво постучала в дверь.

– Лучше запри её, я не хочу, чтобы нам помешали, – Оливия решительно прошла и уселась в кресло, стоявшее у кровати. – Я недавно сообщила сержанту – а он не преминет передать мои слова инспектору, – что блокнот и карандаши принадлежат мне, а не тебе.

– Ты что, серьёзно? – Филипп округлил глаза и замер посередине комнаты. – Олив, зачем ты это сделала? И как? Ты что, после нашего разговора отправилась в полицейский участок?

– Не совсем. Я ходила в деревню, отправить пару писем, и случайно встретила там сержанта Киркби. Он был так любезен, что предложил проводить меня к водопаду. Помнишь, мы играли там в детстве? А миссис Уоттс для того, чтобы мы не забредали так далеко, рассказала нам о призраке мельника, который является одиноким

путникам и пугает их до полусмерти. Глупышка Грейс тогда ещё чуть...

– Ну-ка, погоди, – Филипп выставил ладони вперёд, заставляя сестру замолчать. – Зачем ты соврала полицейскому, Оливия? Ты хоть понимаешь, что это навредит нам обоим?

– Ничуть. Наоборот, это их немного отвлечёт и даст нам необходимое время для того, чтобы вычислить настоящего убийцу.

– Боже мой, Оливия, ты спятила. Не зря дедушка столько лет боялся, что рано или поздно безумие Изабеллы проявится в ком-нибудь из нас.

Девушка насмешливо закатила глаза и принялась вытаскивать из волос шпильки, отчего блестящие каштановые завитки неряшливо рассыпались по плечам, придавая ей вкупе с лихорадочно блестящими глазами и правда слегка шальной вид.

– Со мной всё в порядке, не переживай. А вот в Гриффин-холле присутствует кто-то, кто близко знаком с безумием, – холодно парировала Оливия. – Иначе как объяснить, что дедушку чуть не убили, а в твой чемодан подкинули улики, чтобы привлечь к тебе внимание полиции? Человека, совершившего всё это, сложно назвать нормальным.

– Ты всерьёз решила, что мы сможем вести расследование? – Филипп недоверчиво прищурился. – Или ты считаешь, что убийца выдаст себя для нашего удовольствия каким-нибудь нечаянным жестом – ну, знаешь, как в кино, что-то вроде оброненной зажигалки с монограммой или случайно произнесённой ассоциацией к слову «убийство».

– Нет, я так не считаю. Я думаю, что нам придётся очень нелегко, поскольку подозреваемых у нас немного и все они состоят с нами в кровном родстве. Ну, кроме Майкла. Пойми, Филипп, нам не дадут отсюда уехать, пока преступник не будет пойман. И я понятия не имею почему, но у полиции ты считаешься главным подозреваемым. Единственный выход для нас – обнаружить убийцу самим и как можно быстрее.

– Ты всё-таки сумасшедшая, – ответил Филипп. – Как ты себе это представляешь? Нацепишь накладную бороду и будешь следить за всеми обитателями Гриффин-холла, пока кто-нибудь не начнёт

подкрадываться к дедушке Матиасу с мясницким ножом в руках и зверской рожей?

– А хоть бы и так, – с вызовом сказала Оливия и принялась разворачивать фунтик с засахаренным миндалём, купленный на почте. – У тебя есть другие предложения?

Филипп мерил шагами комнату, задумчиво потирая виски. На сестру он старался не смотреть, но её ищущий и жадный взгляд неустанно следовал за ним.

– Пойми, Филипп, тот разговор с дедушкой, когда ты обвинил его в смерти Изабеллы и наболтал чёрт знает сколько глупостей, теперь является основанием для твоего ареста. Во всяком случае, так считает инспектор Оливер. А он произвёл на меня впечатление чрезвычайно решительного человека. И находка в твоём чемодане только усугубляет ситуацию. Я не хочу спокойно сидеть и смотреть, как тебя уводят полицейские, а потом твою участь решают престарелые полковники в отставке и придурковатые деревенские матроны, – Оливия жалобно смотрела на брата, пытаясь убедить его принять участие в расследовании.

Филипп испустил долгий драматический вздох, подошёл к сестре и взял из пакетика пригоршню орехов.

– И кто же, по-твоему, вызывает больше всего подозрений? Кого из нас ты прочишь в жестокие убийцы? – спросил он, усевшись на кровать и закидывая в рот засахаренный миндаль.

Оливия уже поняла, что брат поддался на её уговоры, но не стала принимать слишком довольный вид, чтобы не спугнуть его.

– Вот, смотри, – с готовностью начала она, вытаскивая из сумочки записную книжку и раскрывая её на первой странице. – Тут схема расположения гостей Матиаса в тот вечер, когда произошло убийство Айрис Белфорт. А тут, – и она перевернула страницу липкими от орехов пальцами, – заметки о том, что я сумела подслушать, сидя то под деревом, то на дереве.

Филипп скептически посмотрел на странного вида чертёж, состоявший из неровных кружков с буквами и множества кривобоких стрелочек, курсирующих от одной окружности к другой. Кое-где были вписаны буквы и напротив них восклицательные или вопросительные знаки.

– Что это, Олив? Карта сокровищ, зарисованная со слов умирающего пирата его одноглазым товарищем, страдающим пляской Святого Витта и провалами в памяти?

– Это схема, глупый. Чертёж, на котором видны все передвижения гостей дедушки в тот ужасный вечер, когда произошло убийство. Ты, например, стоял у самого окна и не приближался к столу, где сидели Матиас и Айрис Белфорт. И я не приближалась. Значит, нас можно исключить из круга подозреваемых. А вот те, – и Оливия, закинув в рот ещё несколько орешков, отчего её речь стала не совсем разборчива, ткнула липким пальцем в центр страницы, – кто не только был рядом с Айрис и Матиасом, но и разгуливал по мастерской туда-сюда.

– Я всё равно ничего из этого не понимаю, – с досадой произнёс Филипп. – Ты худший чертёжник, которого я видел в своей жизни. Что, к примеру, означает вот эта стрелка? – и он указал на прерывистую линию с закорючкой на конце.

– Это схема передвижений тётушки Розмари, – терпеливо объяснила Оливия. – Она сновала по мастерской, словно вышивальная игла. Мимо столика, за которым сидели новобрачные, она проходила минимум четыре раза.

– Ты что, и тётушку Розмари подозреваешь? – ужаснулся Филипп.

– Разумеется. Кстати, в кино именно такие аккуратные пожилые дамы и оказываются сущими монстрами. Помнишь, мы с тобой смотрели «Непредвиденный случай в Королевском саду»?

– Я считаю, что тётушку Розмари и дядю Себастьяна необходимо исключить из списка подозреваемых, – упрямо покачал головой Филипп. – Ни за что не поверю, что они способны на убийство. Такого просто не может быть.

– Хорошо, как скажешь, – кротко согласилась Оливия, и брат с подозрением на неё взглянул. – Раз ты уверен, что они не совершали преступление, значит, так и есть.

С этими словами она перевернула страницу записной книжки и демонстративно провела две линии, одну за другой. Филипп заглянул ей через плечо, одновременно набирая пригоршню орехов. На листе в столбик были перечислены те, кто присутствовал в мастерской в день убийства Айрис Белфорт.

– И Грейс. Вычеркни из списка Грейс, я ни за что не поверю, что она могла желать дедушке смерти, – твёрдо заявил он.

Оливия и в этот раз послушалась брата и провела ещё одну жирную линию.

– Остаются только твоя любимица Вивиан и гадкий Майкл Хоггарт, – сообщила она, и в её тоне Филиппу послышалась издёвка.

– Ты забыла про Джереми Эштона. Почему его нет в твоём списке?

– Потому что у него отсутствует мотив, – резонно заметила Оливия. – Он никак не мог пострадать из-за того, что дедушка решил сочетаться браком с Айрис Белфорт и изменил завещание.

– Мы не можем его вычеркнуть, – заупрямился Филипп. – Вдруг мы просто чего-то не знаем о нём? У нас слишком мало сведений, чтобы так разбрасываться подозреваемыми.

– Неужели? – удивилась Оливия. – А я уж было подумала, что мы руководствуемся исключительно собственными симпатиями, а не фактами.

– Не стоит нахальничать, – посоветовал Филипп, споласкивая липкие от засахаренных орехов пальцы в чашке для полоскания. – Я просто за разумный подход к делу, раз уж мы взялись за расследование, и не хочу тратить время на тех, кто явно не мог совершить преступление.

Терпение покинуло Оливию, она вырвала из записной книжки исчерканный лист, скомкала его и бросила на прикроватный столик.

– Да как ты не понимаешь, – возмутилась она. – Каждый в Гриффин-холле мог совершить убийство. Ну кроме нас с тобой и малышки Полли. И, пожалуй, слуг, так как никто из них не присутствовал в тот вечер мастерской. Опять же, яд могли подсыпать в чашку и на кухне, а потом просто принести её в мастерскую и поставить на столик. Ты знаешь дедушкин характер, на ангела с крыльями Матиас совсем непохож. Возможно, миссис Уоттс, Симмонс или кто-то из горничных... Представь, кто-то из них годами копил неприязнь к хозяину, а визитом гостей воспользовался для того, чтобы отвести от себя подозрение. И вот ненастным вечером чья-то преступная рука медленно вливает в чашку с шоколадом ядовитую жидкость... – глаза Оливии распахнулись, она уставилась в одну точку, делая правой рукой зловещие пассы.

– Для сыщика-любителя ты ужасающе безграмотна и питаешь чрезмерную склонность к фантазиям, – насмешливо сказал Филипп и

добавил с чувством превосходства: – Цианид представляет собой мелкие кристаллы, а вовсе не жидкость.

– Зато ты отлично осведомлен, – парировала Оливия. – На твоём месте я бы не афишировала свою эрудицию в отношении ядовитых веществ.

Близнецы свирепо уставились друг на друга, каждый лихорадочно искал аргументы, чтобы убедить другого в своей правоте.

– Хорошо, давай размышлять логически, – Филипп решил сменить стратегию и демонстративно сдался на милость сестры. – Если мы отталкиваемся от мотива, то он и правда был у каждого из нас. В этом случае даже мы с тобой подозрительны и ненадёжны.

– Но мы же не приближались к столику, где стояла чашка Матиаса, – возразила Оливия.

– Это неважно, ты сама так сказала. Любой из нас, ну, кроме Полли, разумеется, мог бросить пару кристаллов яда в чашку заранее. А потом дело за малым – дожждаться, когда шоколад будет приготовлен, и наслаждаться возмездием.

– Брр, – передёрнула плечами Оливия, – это каким же чудовищем надо быть, чтобы спокойно наблюдать, как человек на твоих глазах и по твоей же вине расстаётся с жизнью? Если бы я кого-нибудь решила убить, то выбрала бы самую тёмную ночь, лишь бы не видеть предсмертных страданий жертвы.

– Да, для убийства нужны крепкие нервы, – согласился Филипп. – И кое-что ещё – безграничный эгоизм и отсутствие морали. Именно поэтому самой подходящей кандидатурой на роль убийцы я считаю Майкла Хоггарта.

– А как же Вивиан? – ехидно осведомилась Оливия. – Ты, вероятно, забыл, что у неё единственной не было приглашения в Гриффин-холл? Спрашивается, с какой такой стати она кинулась в Англию через весь океан? Соскучилась по дедушке и решила проведать старика? Да у таких, как она, не бывает искренних эмоций по отношению к другим. Она самовлюблённая, беспринципная особа. И ты прекрасно помнишь, как она была раздосадована отказом Матиаса дать ей денег. И что она делала в чулане, где хранился цианид? На месте полиции я бы давно арестовала Вивиан.

– Крепко ты на неё взъелась, – усмехнулся Филипп. – Не ожидал от тебя такого злопыхательства, Олив, по правде говоря. Прямо

неприятно слушать.

– Да она же лживая до мозга костей! – вскричала Оливия, возмущённая тем, что брат защищает эту расфуфыренную куклу. – Это заметили даже полицейские!

Филипп отошёл к окну и уставился в пространство, всем своим видом показывая, что не намерен участвовать в дальнейшей дискуссии. Оливия закинула в рот горсть орехов и какое-то время молча их грызла, сдерживая негодование.

– Значит, про Изабеллу инспектор уже знает? – нарушил тишину Филипп, решив, что Оливия успела успокоиться.

– С самого начала, – мстительно ответила ему сестра. – Миссис Уоттс сразу же всё разболтала и про Изабеллу, и про отца.

– Надеюсь, он не приверженец модной теории о наследовании психопатологических черт и не подозревает меня только на том основании, что Изабелла была не в ладах с миром после предательства отца, – задумчиво произнёс Филипп.

На лицах близнецов появилось одинаковое выражение печали. Дом пронзил чистый и глубокий звук гонга, приглашающий обитателей Гриффин-холла к вечерней трапезе.

– Фу, – Оливия вдруг с отвращением скомкала фунтик с остатками орехов. – Я и забыла, что терпеть не могу засахаренный миндаль.

Глава девятая, в которой обнаруживается пропажа револьвера

На следующий день завтрак в Гриффин-холле явно не задался. У близнецов был такой замученный вид, будто бы они прободрствовали всю ночь напролёт.

Это, кстати, было недалёко от истины, так как Филипп и Оливия почти что не сомкнули глаз, до самого рассвета обсуждая кандидатуры подозреваемых и восстанавливая в хронологическом порядке события, произошедшие в мастерской Крэббса. На протяжении ночи близнецы не раз спорили до хрипоты, отстаивая каждый свою точку зрения, а однажды Оливия даже швырнула в брата подушкой и обозвала троглодитом.

Грейс тоже не выспалась, всю ночь проведя у кровати Полли. Малышка страдала от желудочных колик, и её громкий протестующий крик измотал молодую мать. Глаза Грейс запали, под ними залегли тёмные тени, губы были искусаны и горестно сжаты. Она с жадностью поела яйца с беконом, ни с кем не вступая в разговор и ни на кого не глядя. Румяный и свежий Майкл, казалось, не имел вовсе никакого отношения к этой уставшей женщине с неряшливой причёской и тусклым цветом лица.

Себастьян Крэббс тоже был немногословен. Почти всю ночь он провёл за письменным столом, готовя к публикации один из давних рассказов, который уже и не надеялся пристроить в журнал Фуллема. Сейчас, допивая третью чашку крепкого кофе, он постепенно приходил в себя, лелея призрачную надежду на успех. В этот раз из редакции пришло почти любезное письмо, в которое даже была вложена новенькая хрустящая банкнота в качестве аванса. Немного, конечно, но зато он сможет заплатить за четыре недели проживания в недорогом пансионе, когда покинет Гриффин-холл. Поисками алмаза Себастьян заниматься не собирался, потому как в равной степени не верил ни в отцовскую щедрость, ни в собственную проницательность. Картина, полученная от Матиаса Крэббса, показалась ему безвкусной и отталкивающей, и изучать её в надежде разгадать местоположение тайника желания не вызывала.

Кроме Майкла, жизнерадостность и оптимизм излучали только Вивиан Крэббс и тётушка Розмари. Каждая из них пребывала в самом приятном настроении, отчего остальные чувствовали себя ещё более подавленно.

Майкл Хоггарт и Вивиан, ничуть не стеснённые присутствием Грейс и не замечая любопытного взгляда Оливии, обсуждали планы на день, не желая упускать превосходную погоду, сменившую череду дождей. Столовую пронизывали солнечные лучи; небо за окном голубело, как если бы вновь настал июнь; и их беззаботный, полный взаимного интереса щебет, в котором соединились и молодость, и лёгкий флирт, от которого по венам бегут пузырьки, словно от шампанского, и уверенность в том, что жизнь – это нескончаемый калейдоскоп удовольствий и подтверждений тому, что источник радости не иссякнет вовеки, – всё это стало для Грейс непростым испытанием. Веки её набрякли тайными слезами, и она низко опустила голову над столом, пытаясь скрыть от всех свою несдержанность. Поза эта – плечи, напряжённые, будто от непосильной ноши, беззащитная сгорбленная спина, – напомнила Филиппу несчастную Изабеллу.

Не замечая ничего вокруг, оставаясь безучастной к состоянию кухни (и как это возможно, выйти к завтраку в измятом платье и с неприбранной головой!), Вивиан громко произнесла, обращаясь ко всем присутствующим и расчётливо играя ямочками на щеках:

– Джереми Эштон был вчера так любезен, что пригласил всех желающих на партию в теннис. У него в поместье превосходный ухоженный корт. Думаю, что сегодня на редкость подходящий день для подобного времяпрепровождения. Мы с Майклом решили отправиться сразу же после завтрака. Что скажете? Филипп? Оливия? Грейс?

– О, я с радостью! – с каким-то непонятным вызовом заявила Оливия. – Филипп, ты поддержишь? Мы можем с тобой меняться и играть по очереди.

– Вот и чудесно! – обрадовалась Вивиан неожиданной поддержке. – Я надеюсь, все правильно меня поймут, но невозможно же вечно киснуть и расстраиваться из-за того, что мы изменить не в силах. Никто из нас не обязан соблюдать глубокий траур. Уверена, что дедушка и сам согласится со мной, если его...

Матиас Крэббс неслышно вошёл в столовую и встал возле своего троноподобного кресла. Все, кроме Вивиан, опустили глаза, она же

замерла, не договорив.

– О, дедушка Матиас, я вовсе не хотела...

– Всё в порядке, милая. Ты абсолютно права. Молодым ни к чему предаваться скорби. Жизнь коротка, её нужно праздновать каждый день. Я уверен, что вы все превосходно проведёте время.

С этими словами Матиас ласково посмотрел на Вивиан и опустил в кресло. Тётушка Розмари налила в чашку кофе и придвинула к брату, но тот нахмурился и пить его не спешил.

Ободрённая словами деда, Вивиан задорно встряхнула локонами, уложенными на косой пробор и невесть каким чудом державшимися над её гладким белоснежным лбом:

– Ну так что? Филипп? Грейс? Вы с нами?

Грейс подняла голову и посмотрела на кузину. Молчание было столь красноречиво, что Вивиан смешалась под её взглядом.

– Какая же ты эгоистичная гадина, – медленно произнесла Грейс Хоггарт. – Ты же всегда думаешь только о себе. Только о своих удовольствиях. Тебе же плевать на остальных людей, правда? Ты привыкла их использовать, прикрываясь своими лживыми, двуличными...

– Грейс, довольно! – голос Матиаса Крэббса прогремел на всю столовую, и Вивиан вспомнила свою детскую фантазию, что её дед – морской адмирал, повелевающий кораблями и отдающий приказы океанским течениям и ветрам. – Немедленно выйди из-за стола и прекрати себя позорить!

– Я?.. Что?! По-вашему, это я себя позорю?! – Грейс вскочила и осталась стоять, опираясь на стол сжатыми ладонями.

Ей не хватало дыхания, и она коротко и страшно втягивала воздух, напрягая при этом шею, на которой проступали жилы. Лицо её исказила злобная гримаса, и выглядела она так нестерпимо жутко, что даже Майкл отвёл глаза и не сумел отыскать в своей душе хоть толику сочувствия к жене.

Остальные сидели молча, делая вид, что находятся за много миль от столовой Гриффин-холла. В полной тишине Филипп Адамсон встал, аккуратно сложил салфетку и произнёс, повернувшись к Вивиан:

– Боюсь, я вынужден отклонить любезное приглашение мистера Эштона. Однако я так же, как и дедушка, уверен, что вы все превосходно проведёте время.

Филипп подошёл к Грейс, которая всё ещё стояла, опираясь на стол и тяжело дыша, и предложил ей руку. Вместе они вышли из столовой, и Энглби закрыл за ними дверь.

– Ну, знаете! – Вивиан тоже вскочила и в сердцах швырнула салфетку на стол. – Лично я никогда ещё...

– Ужасное недоразумение! Просто ужасное, совершенно с вами согласен! Грейс просто окончательно спятила, не иначе! – Майкл Хоггарт попытался её удержать, но девушка вырвала руку и, послав ему яростный взгляд, поспешно вышла.

– Вам следовало бы сейчас утешать свою жену, мистер Хоггарт, а не чернить её репутацию, – высказался Себастьян, глядя на Майкла с плохо скрываемым отвращением.

Молодой человек сжал зубы так сильно, что обозначились крупные желваки, но уже через секунду просиял фальшивой улыбкой:

– Как только мне понадобится ваш совет, Себастьян, я тотчас же обращусь за ним, будьте уверены. Убеждён, что именно одинокий ветеран Великой войны без одной ноги и всяческой надежды на счастливую семейную жизнь знает всё необходимое о супружестве.

Майкл допил кофе и, коротко всем кивнув, покинул столовую, по пути повесив салфетку на согнутую руку лакея. Вслед за ним вышел и Себастьян, стуча протезом громче обычного и не замечая, как морщится после каждого удара о паркет Матиас Крэббс. Из-за двери столовой донеслись невнятные реплики мужчин, но слов разобрать было невозможно. Потом стихли и их голоса.

Какое-то время все завтракали в молчании, но вскоре тётушка Розмари не выдержала.

– Не понимаю, какая муха их всех укусила, – она досадливо передёрнула плечами, отметив про себя, что брат так и не пригубил кофе, который она подала ему. – Испортить такое чудесное утро... Современные молодые люди не имеют никакого понятия о благопристойности.

Оливия быстро взглянула на тётушку, но опустила глаза и решила промолчать.

– Виной всему несдержанность Грейс, – согласно пророкотал Матиас, с подозрением разрезая ножом булочку и разглядывая ноздреватый мякиш через библиотечную лупу. – Ни самообладания, ни

выдержки! Если так пойдёт и дальше, то мне придётся предложить Хоггартам покинуть Гриффин-холл.

Двери столовой приоткрылись, и послышалось жалобное младенческое хныканье. Энглби, обеспокоенно оглядываясь, начал с кем-то препираться, но Матиас Крэббс властно приказал ему:

– Что там ещё? Пропусти её.

Вошла старшая горничная Эмма. На руках у неё извивалась малышка Полли, покрасневшая от длительного плача.

– Прошу прощения, мистер Крэббс, сэр. Я искала миссис Хоггарт. Малышка Полли всё время плачет, и я не могу с ней справиться, а миссис Уоттс ушла в деревню разобраться со счетами от молочника, и я не знаю, что мне делать...

Матиас, хмурясь и не скрывая досады, вышел из-за стола, но ребёнка принял бережно и сразу сунул ей в ручонку карманные часы на золотой цепочке. Та крепко обхватила пухлой ладошкой гладкий корпус, и лицо её приняло заинтересованное выражение. Хныканье прекратилось, не успев перейти в оглушающий плач.

– Ничего, милая, ничего, – приговаривал он, шагая по столовой и поглаживая малышку Полли по спинке. – У тебя, слава богу, есть дедушка. Он не допустит, чтобы родители испортили тебе жизнь.

Оливия, не ожидавшая обнаружить такое чадолюбие, во все глаза уставилась на то, как старый Крэббс носит младенца и любовно качает на руках.

Когда растерянная Эмма вышла из столовой, Матиас повернулся к женщинам и с чувством провозгласил:

– Вот, извольте полюбоваться! Ребёнок всеми заброшен и задыхается от плача. Я же говорил, что Грейс не способна выполнять свои материнские обязанности, – он заботливо поправил чепчик на голове девочки и с осторожностью слегка подбросил Полли вверх. Малышка залилась восторженным смехом и довольно загулила. – Пойдёшь с дедушкой смотреть на птичек? Да? Что я тебе сейчас покажу...

Матиас покинул столовую с Полли на руках, и Розмари Сатклифф резким тоном спросила, повернувшись к Оливии в поиске поддержки:

– Зачем он вмешивается? Он что, собирается её удочерить? Мне кажется, Матиас окончательно впал в маразм!

Оливия задумчиво пожала плечами, так не найдя, что ответить на смелое предположение тётушки Розмари.

Сад в Гриффин-холле, при всех стараниях Чепмена, знавал и лучшие времена. Сил одряхлевшего садовника хватало лишь на то, чтобы заниматься огородом и содержать в порядке основную часть цветочных клумб и живой изгороди. Там, где сад загоразивали разросшиеся кроны тисов, придирчивый наблюдатель мог бы с лёгкостью заметить следы запустения, однако участок этот был не виден со стороны главной аллеи и представлял собой самое уединённое и тихое место в усадьбе.

Именно сюда, повинувшись подсказке памяти, Филипп и привёл обессиленную после утреннего скандала Грейс. Небольшой ручей, пересекающий восточную часть поместья и несущий свои воды дальше, через земли Джереми Эштона, к внутреннему морю, казался кристально прозрачным. В его глубине по-прежнему виднелись гладкие камешки с поблескивающими на солнце слюдяными нитями, которые близнецы с кухней в детстве всерьёз считали окаменевшими волосами потерянной принцессы из подземного королевства.

Здесь всё ещё стояла опрокинутая навзничь каменная скамья, которую невесть кто и зачем перевернул много лет назад. За прошедшие годы она вросла в землю, покрывшись бархатистым мхом, и на поверхности остались только гранитные львиные лапы, чуть потрескавшиеся по краям.

Сев напротив друг друга, Филипп и Грейс долго слушали мирное журчание ручья, бросая в текучую воду камешки, найденные на берегу. Каждый из них падал с приятным увесистым плеском, поднимая со дна крошечный песчаный фонтанчик. Мгновение – и вода вновь становилась прозрачной, только золотистая пыль продолжала клубиться над местом падения.

– Мы играли здесь в Войну Алой и Белой розы, помнишь? Оливия всегда сражалась за Йорков, а я за Ланкастеров, а вот тебе приходилось то и дело менять цвет знамён.

Словно бы и не услышав его, Грейс произнесла безжизненным голосом:

– Я бросила Полли. Она так измучила меня этой ночью, что я больше не могла оставаться рядом. И сейчас моя малышка совсем одна, без меня.

– Тебе нужен небольшой отдых. Ты ведь не отходишь от неё ни днём, ни ночью. В доме и миссис Уоттс, и горничные. Полли там не одна.

– Она нуждается во мне, а я сбежала, – всё таким же безжизненным тоном возразила Грейс. – Полли – единственный человек, который нуждается во мне. Я же как плющ. Или повилика. Я цепляюсь за брак с человеком, который не готов ни к ответственности, ни...

Она замолчала, чтобы снова не сорваться. Её крупные, крепко сжатые ладони лежали на коленях, голова была низко опущена. Филипп увидел, как на подол платья Грейс упала слезинка, сразу же расплывшаяся мокрым пятном.

– Когда мне сообщили, что отец не вернётся с войны, а потом мама угасла вслед за ним, я почувствовала себя такой потерянной. Меня радовало только одно: папа не узнал, что мамы не стало. Он очень её любил. И меня тоже. Они оба меня любили. И когда они умерли, мне стало так холодно. Я нигде не могла согреться. Но я ждала, что вырасту и встречу человека, который сможет меня полюбить. Полюбить так же сильно, как папа любил маму. А Майкл... Когда мы встретились, он был такой жизнерадостный. Смешил меня без передышки. Нам было всё время весело. Это неудачи в Сити испортили его характер. И Полли... Я знаю, что разочаровала его. Я совсем не такая, какой Майкл хотел бы видеть свою жену. И Полли всё время плачет, буквально каждую ночь. Иногда я хочу кричать вместе с ней, кричать, не умолкая, пока не охрипну. Вот только меня никто не будет утешать.

Филипп не знал, что ответить на эти признания, какие слова найти, чтобы дать этой смертельно уставшей женщине облегчение, которого она так жаждала, и сделал для неё то единственное, что было в его силах. Он оставил её одну, у ручья, где она, будучи ребёнком, когда-то была счастлива и свободна. В самом деле, малышка Полли всего лишь младенец, а не стихийное бедствие, а миссис Уоттс

преотлично справится с ролью няньки. Уходя, он обернулся, – Грейс кидала в ручей камешки, и лицо её было таким расслабленным, что казалось почти неузнаваемым.

Как только Вивиан увидела, какое впечатление на Джереми Эштона оказал её американский теннисный костюм, то из памяти разом испарились неприятные утренние события. Восхищение в глазах мужчин всегда было способно излечить любые раны, нанесённые её самолюбием.

Единственное, что немного смущало Вивиан, так это подозрительное дружелюбие Оливии Адамсон. Раньше эта серьёзная молчаливая девушка вовсе не казалась ей подходящей компанией, и теперь нарочитое расположение, демонстрируемое кузиной, вызывало смутную тревогу.

Эштон прислал в Гриффин-холл автомобиль, и короткая поездка среди холмов в такой великолепный солнечный день воодушевила молодых людей. Майкл всю дорогу рассказывал забавные истории про будни Сити, и девушки заливисто хохотали, отдавая им должное.

Сама того не ожидая от себя, Вивиан, выходя из машины и увидев Джереми Эштона, почувствовала холодок под ложечкой. Позабыв подготовленные заранее лёгкие, ничего не значащие фразы, она вдруг запнулась на полуслове и умолкла. Он двинулся к ней неспешно, с приветливой улыбкой, и взгляд его показался ей таким же ласковым, как солнечное тепло английского бабьего лета.

Позабыв, что избранная ею роль на этот день – блистательная Джин Харлоу, пленяющая мужчин одним движением ресниц и чарующим смехом, Вивиан вдруг растеряла весь свой апломб. Пока они все, не торопясь и обмениваясь по-светски пустыми приятными фразами, шли по направлению к корту, девушка была так непривычно молчалива, что Оливия принялась подозрительно на неё поглядывать.

Взгляды эти нервировали Вивиан ещё больше, чем собственное не поддающееся логике состояние.

– Что?! – наконец не выдержала она, огрызнувшись на кузину, пока мужчины шли впереди, обсуждая достоинства и недостатки

ракеток различных фирм. – Со мной что-то не так? Почему ты так смотришь на меня?

Напор Вивиан смутил Оливию. Девушка остановилась, нервно перекинула длинные волосы, собранные в небрежную косу, на другое плечо, и миролюбиво ответила:

– Я хотела сказать тебе, что знаю о том, где ты взяла бумагу и карандаш для записки. Знаю и не сержусь из-за того, что ты сделала потом. Ты просто запаниковала, поэтому и решила избавиться от блокнота.

– Не понимаю, о чём ты, – холодно ответила Вивиан. – С какой это стати я должна была паниковать и избавляться от какого-то там блокнота? И о записке мне ничего не известно. Ты, по-моему, меня с кем-то спутала.

– Айрис мне тоже не очень-то нравилась, – сделала признание Оливия, доверительно понизив голос, – и я вполне могу тебя понять. Ты просто хотела уязвить её побольнее, напугать, что ли. Мне и самой это в голову приходило, но я не так быстро соображаю, – и девушка доброжелательно улыбнулась.

Вивиан высоко подняла подкрашенные карандашом брови, округлила глаза. Губы её блестели от помады, ресницы из-за туши были похожи на густые щётки с жёсткой щетиной, но, несмотря на тяжёлый броский макияж, она была по-настоящему хороша, просто ожившая рекламная афишка дорогих шоколадных конфет, да и только.

– Знаешь, в чём между нами разница? Если у меня возникает необходимость сказать кому-то о своей антипатии, то я редко даю себе труд сдерживаться. И говорю это лично, в глаза. А не пишу анонимные записки и не пытаюсь провоцировать других, как это делаешь ты. Хотя, надо признать, получается у тебя плохо, Оливия. Мой тебе совет: займись чем-нибудь другим. Ты и слепого не обманешь, изображая дружелюбие.

Вивиан недобро ей улыбнулась и прибавила шагу, чтобы догнать мужчин. Оливия проводила её задумчивым взглядом и пристыжённой вовсе не выглядела.

– Майкл, не налегайте на коктейли! Мы с вами должны разбить в пух и прах этих зазнаек! – искрящийся весельем и беззаботностью голос Вивиан вибрировал от предвкушения победы, и тёплый ветер,

пахнувший морской солью, бесстыдно взметнул складки её белоснежной теннисной юбочки.

В середине осени порой выдаются по-настоящему золотые, восхитительно праздные дни. Они обычно вызывают щемящее чувство ускользающего счастья, ведь вслед за ними торопится непогода, знаменуя скорый приход зимы и превращая цветущие пастбища в равнины, покрытые, будто саваном, седой изморозью.

Быстрый ручей тоже ждёт перемены. Его успокаивающее журчание смолкнет, поверхность покроется прозрачным хрустким льдом. Листья деревьев пожухнут и опадут, и их искривлённые нагие ветви будут в поисках света тянуться к низкому зимнему небу, как иссохшие руки нищего к милостыне.

Колючие злые ветры сменят дуновения солёного бриза, долетающие с побережья. Они будут завывать в дымовых трубах, бесцеремонно хватать путников за одежду, стремясь лишить спасительного тепла. Холод заключит землю в оковы, и всё вокруг надолго превратится в безжизненную пустыню.

Грейс по-прежнему сидела на поваленной скамье, у ручья, не в силах заставить себя встать и вернуться в дом. Она вяло, с сонливой медлительностью, бросала в воду камешки, а мысли её с безысходностью приговорённого вращались по кругу.

Со своего места она отлично видела дорогу, ведущую от Гриффин-холла к Эштон-хаус. Грейс не хотела признаваться даже самой себе, что отчаянно ждёт, когда на ней появится пальмерстон Джереми Эштона, но взгляд её постоянно возвращался в подъездной аллее. В воду упал коричневый буковый лист, и она загадала, что если он беспрепятственно достигнет водоворота, то Майкл вернётся в ближайшие полчаса. Листок медленно покрутился на месте, затем двинулся вниз по течению, и, когда до воронки оставалось каких-то два дюйма, напоролся на единственный выступающий камень и повис на нём жалким лоскутком.

Она зажмурилась, сама не понимая, почему так расстроилась из-за глупого гадания. Грейс знала, что её утренняя вспышка показалась

Майклу отвратительной, и сама себе тоже была противна. Однако вернись он сейчас в Гриффин-холл, найди её, и она смогла бы всё объяснить, всё поправить. Они бы уехали отсюда этим же вечером, бросив поиски алмаза и договорившись начать всё заново ради Полли и ради них самих.

Слабость и апатия уступили место чрезвычайному возбуждению: она вышагивала вдоль ручья, приложив руку ко лбу козырьком и вглядываясь вдаль, чтобы не пропустить клубы пыли, свидетельствующие о возвращении Майкла. Грейс так страстно этого желала, что зрение принялось обманывать её. Не раз ей казалось, что она видит одинокого путника, торопливо шагающего к Гриффин-холлу. Однако проходило время, глаза её принимались слезиться и фигура растворялась без следа, оказываясь фантомом, порождением искусной игры света и тени.

Изнурив себя, Грейс снова уселась на скамью, сломленная напрасной надеждой. Нет, он не придёт. Майкл давно не любит её, всего лишь терпит – с добродушным, а порой и насмешливым, снисхождением. Он сейчас любит прекрасную Вивиан – гибкой, грациозной, – и думать не думает о ней и её боли.

Время шло, солнце теперь светило с мягкой предвечерней усталостью. Устав сидеть на гранитной львиной лапе, Грейс опустила на траву, а после легла навзничь, погрузив одну руку в прохладную воду ручья. Перед глазами у неё теперь были только трепещущие листья платанов и небесный купол. Земля была тёплой, надёжной, ей даже показалось, что она различает мерное дыхание, будто лежит на груди дружественного ей исполина.

Наступило время чая. В Гриффин-холле его всегда подавали в гостиную, но воздать должное отличному тминному кексу миссис Гилмор спустилась только тётушка Розмари. Матиас Крэббс распорядился принести ему в комнату (по отдельности): кипяток, чайные листья, молоко и хлеб с маслом, Себастьян неважно себя чувствовал, а Филипп Адамсон ушёл в деревню и, по-видимому, собирался выпить чаю в местной закусочной. Дожидаться его не стали. Вивиан, Оливия и Майкл до сих пор не приехали, и по всему выходило, что вернутся они не раньше ужина.

Дом был тих, и мягкое вечернее сияние затопило гостиную целиком. Солнечные отсветы плескались на стенах, на высоком

потолке, омывая дубовые панели словно борта фрегата, как если бы вся комната оказалась погружена в прозрачную золотистую воду, и сквозь открытое окно доносился солоноватый и терпкий запах морских водорослей.

Розмари Сатклифф, умиротворённая тремя чашками чая и внушительным куском рассыпчатого тминного кекса, откинулась на подушки и погрузилась в привычные мечты. Наслаждаясь покоем, какого она не знала в своём душном маленьком коттедже, где вечно слышался лай соседского пса, а в подвале безнаказанно сновали мыши, тётушка Розмари размышляла: «Как это было бы прекрасно, в самом деле, вновь вернуться в Гриффин-холл. Вернуться окончательно, насовсем. Просыпаться рано утром и в ясную погоду сразу выходить в сад, – о, она бы навела в нём порядок! – чувствовать себя дома, а не в гостях. Наконец-то дома...»

Изжога, вечная спутница горьких мыслей, заставила пожилую леди поморщиться и выпрямить спину. Теперь, когда у неё есть алмаз, она, конечно, может себе позволить переехать в более подобающий её происхождению дом. Но это же всё равно не заменит Гриффин-холл! Как же всё-таки несправедливо, что он достался Матиасу, а не ей.

Она издала долгий вздох и, перебравшись в кресло брата, стоявшее у камина, решила немного вздремнуть. Уже через минуту её веки смежились, голова с нелепым шиньоном скатилась к плечу. С деликатным посвистыванием тётушка Розмари погрузилась в безмятежный сон.

Малышка Полли тоже спала, зажав в ладошке золотые часы Матиаса Крэббса. Устроенная миссис Уоттс со всем возможным комфортом в большой бельевой корзине, девочка выглядела, будто ангелочек с открытки. Экономка, помогавшая миссис Гилмор чистить сливы для острого чатни, поглядывала на малышку, и её сердце сжималось от умиления и жалости.

Откинувшись на стуле и так и не выпустив из пальцев карандаш, задремал после приёма болеутоляющего и Себастьян Крэббс. Испарина на его лбу постепенно исчезала, румянец возвращался на впалые щёки. На столе, прижатые бронзовым пресс-папье, шелестели густо исписанные мелким почерком страницы его будущей книги.

В отдавшемся покою доме не спали только слуги и хозяин, торопливо спустившийся в холл.

Матиас Крэббс недовольно нахмурился и, понижая голос, взволнованно сообщил в телефонную трубку:

– Говорят из Гриффин-холла. Будьте любезны пригласить инспектора Оливера. Добрый день, инспектор. Нет, ничего не произошло, но может произойти в самое ближайшее время, если вы не примете меры. Мой револьвер пропал, представляете?.. Замок взломан, и шкатулка пуста.

Грейс Хоггарт почти весь день провела у ручья. Она не испытывала ни голода, ни жажды – тело, ненужное теперь Майклу, не смело тревожить её своими желаниями.

День начинал угасать, тени удлиняться. Потеряв надежду, она больше не следила за дорогой, даже не смотрела в её сторону, поэтому, когда совсем рядом послышались шаги, Грейс будто очнулась от тягостного сна.

Осознав, что по-прежнему лежит на земле, женщина с трудом поднялась на ноги. Непослушными руками она поправила платье, провела по распущенным волосам, притронулась к прохладным щекам и наскоро умылась водой из ручья.

Не зная ещё, что она скажет мужу, Грейс сделала несколько глубоких вдохов, и тут на прогалину вышел Матиас Крэббс.

– А где же Майкл? – глупо удивилась она.

– А где Полли, тебя разве не интересует? – ехидно ответил старик, но, заметив, что её глаза наполняются слезами, заговорил мягче: – С малышкой всё в порядке, не тревожься, милая. Миссис Уоттс присматривает за ней.

Он опустил на одну из львиных лап, и Грейс не оставалось ничего другого, как усесться напротив него. Она недоверчиво, с подозрением смотрела на деда, не понимая, чего он от неё хочет и зачем явился к ней.

Матиас достал из кармана макинтоша носовой платок и протянул ей. Она помедлила, но после взяла его и сложила вчетверо, не зная, зачем он ей. Мгновенно выступившие слёзы быстро исчезли, и теперь Грейс хотела только одного – вернуться к малышке Полли и прижать к

себе её маленькое горячее тельце, вдохнуть её запах, а после покинуть Гриффин-холл и больше никогда не видеть ни Майкла, ни старика Крэббса, ни эту чёртову куклу Вивиан. Забыть об Айрис Белфорт, забыть обо всех тех женщинах, присутствие которых в жизни Майкла она так упорно не хотела замечать.

Решившись, она испытала колоссальное облегчение. Грейс села прямее, взгляд её стал твёрже. Собственная утренняя вспышка показалась ей такой нелепой, что исчез даже стыд от содеянного.

Матиас Крэббс внимательно наблюдал за ней, и на лице его читалось удовлетворение.

– Вот так-то! – хмыкнул он довольно. – Узнаю мою Грейс. Мы, Крэббсы, не даём себя в обиду, верно?

Наклонившись, он одобрительно похлопал её по руке. «Как пса, который выполнил сложный трюк», – подумала Грейс отстранённо.

– Позволь дать тебе совет, милая, – Матиас перестал улыбаться и серьёзно посмотрел на неё. – Ты очень молода. В твоём возрасте сердце ещё не умеет справляться с обидами, и часто такое неразумное поведение способно испортить жизнь и себе, и другим. Порой, чтобы сохранить то, что у тебя есть, необходимо быть мудрой. Умение обратить свой взор в другую сторону сохранило множество браков. Мужья возвращаются к терпеливым и мудрым женщинам, милая, а не к сварливым и плачущим. Терпение – главная добродетель жены и матери, уж поверь мне, человеку, который прожил долгую жизнь.

...В какой-то момент звук голоса Матиаса Крэббса перестал достигать сознания Грейс. Странная и дурная апатия вновь завладела ею, она смотрела, как двигаются полнокровные губы деда, отмечала про себя журчание ручья, крики соек над головой, но смысл речей старика ускользал, оставаясь неясным.

Наконец она поняла, что больше не выдержит. Эта прогалина, деревья, окружавшие укромный уголок сада, каменная скамья, лежавшая навзничь, будто её щелчком опрокинул проказливый великан, – всё это стало на целый день её спасительным убежищем, но теперь вызывало лишь желание вырваться на свободу.

В поисках избавления она взглянула на дорогу, и – нет, ей не кажется, она в самом деле видит её! – в лёгком облачке пыли в Гриффин-холл возвращалась машина.

– Я... пойду, дедушка Матиас. Мне пора, – громче, чем следовало, сказала Грейс, вскакивая на ноги и не зная, куда деть платок.

Зажав его в руке, она устремилась по направлению к дому, выбрав короткий путь и не замечая, как заросли ежевики расцарапывают кожу и рвут чулки. Решимость Грейс уехать вместе с малышкой Полли этим же вечером поколебалась. В эту минуту, пересекая ухоженную часть сада с клумбами и альпийскими горками, шагая по пружинящему под ногами газону, она отчаянно надеялась, что Майкл радостно поприветствует её, что в сиянии его глаз она увидит то наслаждение, что когда-то дарили им обоим их встречи.

Грейс почти бежала, по-прежнему сжимая в правой руке платок Крэббса. Она уже видела, как трое молодых людей выходят из машины, которую шофер Эштона подогнал к самому дому. Рядом с крыльцом, расставив ноги и сцепив руки за спиной, стоял полицейский, которому что-то снисходительно объяснял Симмонс, но все её внимание было сфокусировано только на Майкле – на его высокой, атлетичной фигуре, русых волосах, по-мальчишески разделённых на прямой пробор, обаятельной улыбке.

Она была уже близко, но никто из приехавших ещё не заметил её. Они, явно довольные визитом к Эштону, смеялись, весело переговаривались и подтрунивали друг над другом. Грейс видела их всех так чётко, что смогла бы закрыть глаза и описать каждую мелочь, каждый жест. Оливия, против обыкновения такая оживлённая и раздурманенная, что напоминала себя десятилетнюю, что-то кричала Симмонсу, наверное, спрашивала о том, где Филипп. Близнецы никогда не могли провести друг без друга больше нескольких часов.

Вивиан, совершенно неотразимая в своём теннисном костюме, была похожа на кошку, весь день пролежавшую на подоконнике, залитом солнечными лучами. Разморённая парой коктейлей, комплиментами и победой в двух партиях из пяти, девушку переполняла радость жизни. Повинуясь капризу, она вдруг импульсивно привлекла к себе Оливию, а затем и Майкла.

Нетерпение, что гнало Грейс через весь сад навстречу мужу, вдруг превратилось в жернова на ногах, в каменную плиту, придавившую её тело к земле. Застыв на месте, она наблюдала, как Майкл, весь просияв в ответ, отвечает на объятия Вивиан. Они были почти одного роста, и его крупная загорелая рука так уверенно легла на плечо кузины, и оба

они выглядели такими ослепительно красивыми. Угасающее солнце очертило их силуэты, будто на засвеченной фотографии или афише кинофильма.

Оливия первой заметила Грейс. Лицо её сочувственно сморщилось, и видеть эту унижительную жалость было так же невыносимо, как и прикосновения Майкла к другой женщине.

– Ты мне клялся, что этого не повторится, – произнесла она негромко, подходя к нему вплотную, и вдруг закричала, чувствуя, как искажается её лицо, но не находя в себе сил остановиться: – Ты мне клялся! Клялся жизнью Полли!

Звук пощёчины был похож на громкий хлопок, от которого все вздрогнули. Тяжело дыша, Грейс вновь занесла руку для удара, и Майкл не отклонился, только сделал шаг вперёд, непроизвольно закрыв собой Вивиан. Рука Грейс безвольно повисла вдоль тела, силы покинули её.

Переступив через упавший клетчатый платок, который вручил ей Матиас Крэббс у ручья, она ровным шагом направилась в дом. Все, включая Оливию, потрясённо смотрели Грейс в спину, даже старший констебль Лэмб, только Симмонс, исходя из собственного кодекса приличий, отвернулся в противоположную сторону и придал лицу совершенно невозмутимое выражение.

– Боже мой, и всё это при полицейских! Что они о нас подумают! Грейс совсем разум потеряла, – тётушка Розмари с убитым видом комментировала произошедшее, обмахиваясь веером, который достала из бездонной гобеленовой сумки.

– При одном полицейском, – уточнила Оливия, и тётушка с подозрением посмотрела на неё – уж не насмехается ли? Современные девицы на редкость неуважительны.

В гостиную вошёл Матиас. Перед этим он о чём-то долго беседовал со старшим констеблем, и всё ещё продолжал хмуриться, словно разговор был не из лёгких. Оливия пожалела, что не смогла подслушать, о чём они совещались, и с досадой посмотрела на

тётушку Розмари, которая кудахтала, как перепуганная квочка, и никак не могла остановиться.

Матиас, никогда не жаловавший женские нервные припадки, оказался в западне. Не выдержав и минуты, он грубо прервал сестру:

– Ради бога, Розмари, прекрати это сейчас же! Если ты ничем не занята, то окажи любезность, помолчи немного. А лучше распорядись, чтобы кто-нибудь приготовил Грейс мятного чаю. Я сам ей отнесу. Бедная девочка просто не в себе.

Покраснев от гнева, тётушка Розмари тем не менее подчинилась. С очень прямой спиной она подошла к сонетке и дважды дёрнула за неё.

На зов явилась Дорис. Судя по её возбуждённому личику, слуги были уже в курсе семейных неурядиц четы Хоггарт.

Пока готовили чай, Матиас нервно расхаживал по комнате, время от времени издавая пальцами хруст. Розмари Сатклифф каждый раз вздрагивала и ненавидяще смотрела в широкую спину брата.

Наверх двинулись целой процессией. Во главе шагал Матиас Крэббс, за ним семенила тётушка Розмари, и замыкала шествие Оливия, сама не понимая, зачем идёт вместе с ними в комнату Грейс.

В коридоре Матиас остановился и обернулся к сестре.

– Неплохо было бы дать бедняжке того снадобья, что ты принимаешь. Грейс сейчас нуждается в покое. Ей нужен здоровый крепкий сон. Уверен, уже утром ей станет намного лучше.

Тётушка Розмари мелко закивала и принялась с готовностью шарить в сумке. Она достала из неё растрёпанный томик Вордсворта, кошелёк с мелочью, завёрнутую в салфетку свечу, шайбочку нюхательного табака, два носовых платка, незаконченную вышивку, расписание поездов, летнюю складную шляпу и запасные очки в вышитом футляре. Всё это было передано Оливии, которая, растопырив руки, старалась удержать тётушкино добро и не дать ему рассыпаться по ковровой дорожке. Наконец стеклянный флакон был найден, и скрупулёзно отсчитанные тётушкой Розмари капли мутной жидкости упали в чашку с мятным чаем.

На стук долго никто не отвечал. Потом дверь распахнулась, и на пороге появилась Грейс Хоггарт. Обхватив себя руками, она равнодушно посмотрела на Матиаса Крэббса и тётушку Розмари.

Оливия к этому моменту успела ретироваться в свою комнату, не желая смущать кухню ещё больше.

Когда она вошла, то едва не вскрикнула. В полумраке на фоне окна перед ней предстал силуэт мужчины, но уже в следующую секунду она поняла, что это Филипп. Он приложил палец к губам и поманил сестру к себе, указывая на что-то за окном. Оливия встала рядом с ним, привычно ощущая плечо брата вровень со своим, и замерла, поражённая увиденным.

В сгустившихся сумерках сада мерцали медленнодвигающиеся огни. Они шли ровной цепью, иногда замирая на месте, и походили на блуждающие болотные искры.

– Это полицейские. Они ищут пропавший револьвер, – бесстрастно сказал Филипп.

– Что?! Откуда ты знаешь?..

– Я был в полицейском участке, когда Матиас сообщил инспектору о том, что обнаружил оружейный футляр пустым. Видела бы ты, как они все там переполошились!

– Это что, по-твоему, повод для веселья?

– Нет, конечно. Прости. От всей этой истории я порой сам не свой. Кстати, Оливер и этот, как его, похожий на сову...

– Киркби, – подсказала Оливия, – и он, в общем-то, совсем не такой ужасный, как может показаться.

– Так вот, они настоятельно просили меня не болтать об этом. Не хотят, чтобы все в Гриффин-холле перепугались.

Оливию вдруг пробрал озноб. Она отошла от окна и тяжело опустилась в кресло, стоявшее у старомодной кровати с резными столбиками. Ступни ныли из-за целого дня, проведённого на корте, и слегка пощипывало обгоревшую на солнце кожу на лбу и щеках.

– У меня дурное предчувствие, – поделилась она с братом. – Не думала, что когда-нибудь это скажу, но я безумно хочу вернуться в пансион миссис Флорид. О, эти чудесные серые простыни в кошачьей шерсти и аромат жареной селёдки! Мне страшно их не хватает. Как думаешь, что полицейские будут делать, если не обнаружат револьвер в саду?

Филипп пожал плечами, не отрываясь от окна.

– Вероятно, примутся обыскивать дом и комнаты гостей. Советую проверить свой чемодан, – хмуро пошутил он.

– Думаю, этого мало, – серьёзно возразила Оливия. – Предлагаю сегодня ночевать на чердаке, чтобы у каждого из нас было алиби. Внутренний голос подсказывает мне, что это может оказаться нелишним.

– А внутренний голос, случайно, не знает, кто похитил револьвер и где он находится сейчас? – съязвил Филипп, полагая, что Оливия пошутила насчёт ночёвки на чердаке.

– Пока нет, – с сожалением сказала она, – но скоро я обязательно узнаю это.

Близнецы и не предполагали, что уже утром личность похитителя револьвера будет установлена.

Ужин прошёл в нервной обстановке. Грейс, уснувшая наверху бесчувственным сном, будто бы незримо присутствовала за столом. Тень недавнего скандала заставляла всех говорить вполголоса и не слишком стучать приборами.

О пропавшем револьвере, кроме Матиаса и близнецов, не знал больше никто, тем не менее снующие по саду полицейские не остались незамеченными. Их слаженные действия создавали гнетущую атмосферу, и гости Матиаса Крэббса чувствовали себя неуютно.

Близнецы сидели притихшие, насупленные. Майкл, против обыкновения, был задумчив и избегал смотреть на Вивиан, как, впрочем, и она на него. Девушка погрузилась в свои мысли так глубоко, что машинально отвечала на вопросы, обращённые к ней, и почти ничего не ела.

«Уже сегодня я стану свободной! Отдам им деньги и больше никогда, никогда не попадусь на ту же удочку!» – внутренне ликовала она, стараясь внешне оставаться невозмутимой. Встреча с подручными братьев Люгер была назначена на десять часов, и передавать им деньги Вивиан, вопреки договорённости с Джереми Эштоном, собиралась в одиночку. Её терзал запоздалый стыд, ведь она, англичанка из хорошей семьи, не только увлеклась этим кретином Джимми, но и влипла в неприглядную историю, выставив себя полной идиоткой. Вивиан вовсе

не думала, что те, кто способен примотать бечёвкой мёртвую птицу к булыжнику и бросить его в окно такого дома, как Гриффин-холл, выглядят так же элегантно, что и немногословные, но чрезвычайно любезные братья Люгер, и не желала, чтобы Джереми Эштон видел её в подобной компании. В его доме целую галерею занимали портреты родовитых предков с благородными лицами, надменных, осанистых. Рассматривая их, она вдруг остро ощутила собственную оторванность от корней, хотя раньше никогда не задумывалась ни о чём таком.

Единственной, кто получал удовольствие от стряпни миссис Гилмор, была Розмари Сатклифф. Она с превеликим наслаждением поглощала горячую свинину, поданную к столу со сладким яблочным соусом и картофельным пюре. Мысль, что теперь, когда у неё есть алмаз, она сможет позволить себе любые гастрономические изыски, возносила пожилую леди на вершину блаженства. Грезя о пинтах свежайших сливок, бисквитных пирогах с ромовой пропиткой и нежнейших куропатках, она готова была простить Матиасу его вечную грубость и деспотизм. Кто знает, может быть, она даже сможет нанять себе толковую кухарку?

Глаза тётушки Розмари увлажнились от такой перспективы, но тут Матиас, как обычно, всё испортил.

– Вам не кажется, что у свинины странный привкус? – он продемонстрировал всем наколотый на вилку ломтик мяса и подозрительно принялся к нему.

У тётушки Розмари кусок встал поперёк горла. Она мгновенно вспомнила искажённое смертной мукой лицо Айрис Белфорт, и как та, агонизируя, царапала воздух скрюченными пальцами. Все сидящие за столом замерли, незаметно принявываясь к содержимому своих тарелок.

– Что ты вечно выдумываешь, Матиас? – с досадой спросила тётушка Розмари, предчувствуя возвращение изжоги.

– Ну, значит, показалось, – пожал тот плечами, но есть больше не стал, сделав Энглби знак забрать тарелку и унести её на кухню.

Когда подали десерт – меренги с заварным кремом, – Матиас к нему даже не притронулся. Он медленно отпивал кларет из бокала, всякий раз недовольно морщась, но тётушка Розмари к этому моменту уже напрочь лишилась аппетита.

– Я хочу попросить всех вас об одолжении, – голос Матиаса был вкрадчив и серьёзен, и все с любопытством повернулись к хозяину Гриффин-холла. – К сожалению, сегодня мы дважды были свидетелями неприятных сцен. Моя внучка Грейс... У девочки просто сдали нервы.

Он обвёл взглядом всех сидящих за столом, задержавшись на Майкле, которому хватило совести придать своему лицу печальное выражение.

– Мне бы хотелось, чтобы вы все проявили к ней сочувствие и не напоминали бы о произошедшем. Она просто на какое-то время потеряла над собой контроль, но, уверен, завтра всё уладится. Будьте к ней снисходительны, прошу.

Все, исключая Майкла, опустившего глаза с непроницаемым видом, принялись заверять Матиаса, что и не думали напоминать Грейс о случившемся. Вивиан же, хоть и с неудовольствием, но заявила во всеуслышание, что заочно принимает извинения Грейс и не держит на неё зла. Такое заявление заставило Оливию насмешливо поднять брови и обменяться с братом красноречивыми взглядами.

Матиас Крэббс первым, как обычно, подал сигнал о том, что ужин окончен. Легко поднявшись, он пожелал всем хорошего сна и объяснил свой ранний уход усталостью.

В холле, у лестницы, его настигла Вивиан. Вид у неё был растерянный, привычная уверенность в себе изменила ей. Не зная, как начать разговор и объяснить деду, что нападки Грейс совершенно безосновательны, она долго не могла отыскать подходящих слов. Почему-то ей больно было думать о том, что он сочтёт её похожей на мать, которая частенько фигурировала в светских скандалах. Впрочем, надо отдать Кэролайн должное – сплетни недоброжелателей только упрочили её репутацию безжалостной похитительницы сердец, отчего внимание к её персоне не ослабевало уже многие годы, позволяя оставаться на пике популярности и привлекать весьма небедных мужчин, ценящих в женщине неподдельный шик и аристократизм и способных покрывать немаленькие расходы на поддержание и того и другого.

–...Я вовсе не хотела доставлять кухне Грейс хлопоты. Мне и в голову не приходило, что...

Видя её затруднения, Матиас пришёл ей на помощь:

– Ну что ты, милая. Нельзя же винить солнце в том, что оно светит. Знала бы ты, сколько несчастных девушек проливали слёзы по твоему отцу, когда состоялась его свадьба с Кэролайн! Поверь, ни к чему терзать себя понапрасну. С Грейс я поговорю утром. Гриффинхолл не место для таких выходов, и она должна это понимать, если хочет оставаться моей гостьей.

– Матиас! – его прервал раздражённый окрик тётушки Розмари. – Матиас, ты слышал? Этот ужасный полицейский говорит, что остаётся здесь на всю ночь. Как ты мог такое разрешить?! Мало того что они вчера весь дом перевернули, так теперь ещё и ночью следить за нами будут?

Розмари Сатклифф, задыхаясь, выбежала в холл. Нити пожелтевшего жемчуга колыхались на её груди, шиньон опять сбился набок.

Вивиан это известие тоже не обрадовало, но от комментариев она воздержалась, потому что старший констебль Лэмб в этот момент адресовал всем почтительный поклон.

– Полицейские выполняют свою работу, Розмари, – строго ответил Матиас Крэббс. – Сегодня я обнаружил, что исчез мой револьвер.

– Бо-о-оже милостивый!.. Ты хочешь сказать, что в Гриффинхолл пробрался убийца и собирается перестрелять нас всех?

Тётушка Розмари принялась затравленно озираться, будто убийца мог сию же минуту выскочить из-за угла и начать палить в неё.

– Возьми себя в руки, Розмари! – с досадой прикрикнул на сестру Крэббс. – Отправляйся в свою комнату, запишись, и с тобой ничего не случится, уверяю тебя. Присутствие констебля – всего лишь необходимая мера безопасности. Я убеждён, что револьвер скоро найдётся. Всё это больше смахивает на чью-то неуместную шутку.

Ворча себе под нос, Матиас Крэббс удалился в свою комнату, и все услышали, как хлопнула тяжёлая дверь, а после раздался скрежет ключа, поворачиваемого в замке.

Новость о пропаже револьвера и присутствие в холле внушительной фигуры констебля Лэмба привела всех в замешательство.

Вивиан, охваченная сумбурными мыслями, старалась не впасть в панику. Близнецы, переглянувшись, решили переждать какое-то время в комнате Оливии, а затем, как она и предлагала, отправиться на

чердак. Что собираются предпринять Майкл и Себастьян, было неясно, так как мужчины, не проронив ни звука, разошлись по своим комнатам.

Внизу, в кухне, все тоже были взбудоражены этой новостью. Миссис Уоттс со зловещим восторгом в очередной раз уверяла всех, что маленькому народцу кто-то нанёс сильную обиду, и окончания загадочных пропаж следует ждать не раньше, чем те удовлетворятся мстостью. Энглби несколько раз заявил о том, что после получения жалованья начнёт присматривать новое место для службы, а горничные Дорис и Эмма требовали у Симмонса отыскать в сарае самый большой замок и установить его на дверь, ведущую к комнатам женской прислуги.

Всё это время револьвер лежал в непосредственной близости от дома, наскоро укрытый куском дёрна в зарослях ежевики. Полицейские не сумели его обнаружить, хотя несколько раз прошли совсем рядом с тайником. В барабане револьвера находилось два патрона: второй – на всякий случай, хотя тот, кто собирался воспользоваться оружием этой ночью, был уверен, что ему понадобится только один выстрел.

Розмари Сатклифф, терзаемая изжогой, долго не могла уснуть. Пожилая леди приняла даже чуть больше мятных капель, чем следовало, но сон никак не хотел приходить.

Она долго лежала в постели, наблюдая, как платановые ветви слепо тычутся в оконное стекло, распластывая по нему мокрые листья, похожие на чьи-то ладони. Будто многорукий великан пытается отыскать лазейку и проникнуть к ней в комнату. Тот факт, что внизу, в холле, бодрствует полицейский, уже не казался ей таким возмутительным, наоборот, внушал некоторое спокойствие.

Боль в животе всё не утихала, и тётушка Розмари решила выпить соды. Однако на туалетном столике её не оказалось, как, впрочем, и в гобеленовой сумке. Где-то за стеной послышался неясный шум, и тётушка Розмари сделала вывод, что Вивиан Крэббс явно ещё не спит.

Она решила попросить соды у неё, но, когда накинула халат, зажгла свечу и вышла в коридор, обнаружила дверь её комнаты незапертой.

Розмари Сатклифф очень деликатно постучала. Когда никто не ответил, она толкнула дверь и обнаружила комнату пустой. Ветер, врывающийся через распахнутое окно, шевелил тонкую кисею покрывала на кровати, кружевные фестоны накидки кресла и свисающие со спинки стула полупрозрачные чулки, всё ещё сохраняющие форму. От их бестелесной наполненности тётушке Розмари почему-то стало жутко, и она быстро, стараясь не выскользнуть из растоптанных бархатных туфель, ретировалась в коридор.

Воображение её, подстёгнутое недавними событиями, всерьёз разыгралось, отчего приступ изжоги стал ещё мучительнее. Однако, представив своё одинокое путешествие по тёмному дому – дрожащее пламя свечи в руках, тени на дубовых панелях, следующие по пятам за ней, нависающие над её маленькой фигуркой, – тётушка Розмари отказалась от этой мысли и решила выпить ещё чудодейственных мятных капель, хоть они и не действовали на неё этой ночью привычным успокаивающим образом.

Сквозняк, пролетевший по коридору ледяным вздохом, взметнул шторы у незапертого окна и чуть не загасил пламя свечи. Одна портьера надулась, будто парус, другая же осталась почти неподвижна, словно её удерживал кто-то, скрывающийся за ней. Колеблющееся пламя свечи вновь обрело силу, и в ярком его свете тётушка Розмари увидела чёрный ботинок, выглядывающий из-под складок ткани.

В то время как пожилая леди, обмирая от страха, запирала за собой дверь, вознося молитвы всем известным ей святым за чудесное спасение от неминуемой смерти, Вивиан Крэббс спешила к месту назначенной встречи. Сердце её билось чаще, чем обычно, но в целом девушка была полна решимости довести дело до конца и навсегда избавиться от угроз и слежки братьев Люгер.

Луна то выходила из-за облаков, то вновь скрывалась за ними. Тропинка, ведущая в деревню, пролегала вдоль леса, и Вивиан порадовалась, что сообразила позаимствовать у констебля Лэмба фонарик. Совесть её не мучила, так как полицейский, дежуривший в Гриффин-холле, самым решительным образом спал, привалившись спиной к телефонной тумбе, и фонарик ему был ни к чему.

Пока Вивиан торопилась к деревенской гостинице, близнецы обустроивались на чердаке и, по обыкновению, спорили о том, кто из гостей Матиаса Крэббса больше всего подходит на роль убийцы. После долгих препирательств они решили не исключать из списка подозреваемых никого, кроме них самих, и оперировать в своём расследовании только фактами, не отвлекаясь на эмоции. Такое, казалось бы, разумное решение должно было стать первоосновой следствия, но тут уж лучше поздно, чем никогда.

Развернув на пыльном полу рулон старых обоев и закрепив его уголки при помощи кнопок, найденных в шкатулке с потускневшими запонками, потерявшими свою пару кривыми шпильками (служившими, скорее всего, ещё покойной миссис Крэббс) и рассыпавшимися нитками бус, Оливия с воодушевлением принялась чертить очередную схему. Филипп, скептически наблюдавший за её усилиями, расположился в кресле-качалке и задумчиво направлял к потолку колечки ароматного дыма, отпуская шуточки о проницательном Шерлоке Холмсе и старательном, но недалёком докторе Уотсоне.

Пока близнецы на чердаке препирались о том, была ли возможность у Джереми Эштона подсыпать яд в чашку Матиаса, не привлекая к себе внимания, Себастьян Крэббс аккуратно отворил дверь своей комнаты и вышел в коридор. Стараясь не стучать протезом и сохранить ночное путешествие по дому втайне от остальных, он медленно подошёл к лестнице и прислушался.

Из холла доносился отчётливый храп. Спустившись, Себастьян обнаружил спящего констебля, а рядом с ним, на столике для писем, поднос с чашкой остывшего, подёрнувшегося тусклой плёнкой чая и заветренными сэндвичами. Покачав головой, он продолжил свой путь, чутко прислушиваясь к спящему дому.

Причина, по которой тот вёл себя таким загадочным образом, была проста. Игра в поиски алмазов, в которую старший Крэббс вовлёк всех своих гостей, возбуждала в Себастьяне отвращение, усиливающееся по мере того, с каким энтузиазмом ей следовали другие. Отец в очередной раз заставил всех плясать под свою дудку, а сам только посмеивался над чужой алчностью. Вчерашним вечером, когда Себастьян вышел пройтись по саду, он заметил Вивиан, которая, воровато озираясь, вышла из сарайчика с садовой лопаткой в руках и

принялась неумело раскапывать клумбу с гортензиями. Майкл Хоггарт, этот хлыщ в лакированных ботинках, сновал по дому целыми днями, всюду суя свой нос, будто окопная крыса в поисках жирного куска. Даже близнецы, о которых он всегда был высокого мнения, принялись шарить на чердаке спустя всего несколько дней после гибели Айрис Белфорт, и этот факт заставил его отдалиться от них.

Питая к отцу стойкую неприязнь, тщательно скрываемую за внешним соблюдением приличий, Себастьян ни в коем случае не хотел доставить тому удовольствие и изначально намеревался отказаться от поиска алмаза. Полученную в дар картину он собирался оставить в Гриффин-холле, тем самым продемонстрировав Матиасу Крэббсу, что не нуждается в его подачках. Однако чем больше проходило времени, тем громче звучал голос разума. Приближалась зима, проклятая нога доставляла с каждым днём всё больше хлопот, и мысли о будущем всё чаще одолевали его.

Гордость не позволяла Себастьяну предпринимать поиски в открытую, поэтому он и выбрался из своей комнаты в тот час, когда, как ему казалось, никто не сможет застать его врасплох. Уверенности в том, что он правильно расшифровал местонахождение алмаза, у него не было, только смутная догадка, которую он собирался проверить.

Себастьян медленно, стараясь переносить вес тела на здоровую ногу и не слишком опираться на плохо подогранный протез, двигался по затихшему тёмному дому по направлению к подвалу. Несколько вечеров подряд изучая картину, полученную в дар от отца, он заметил в ней повторяющуюся деталь – ромбовидный зрачок гигантского глаза напомнил ему замочную скважину в подвальной двери.

Проходя через кухню, Себастьян завернул в кладовую. Нашарил на верхней полке невскрытую коробку со свечами, но поленился возиться и взял лишь трёхдюймовый огарок и картонку со спичками, лежавшую рядом.

Колеблющееся желтоватое пламя разогнало тьму, его блики пробежали по круглым бокам безукоризненно начищенных медных кастрюль. Стальная мясорубка, гордость миссис Гилмор, зловеще блеснула и скрылась в кухонном мраке. Себастьян спешил, подгоняя себя, чтобы не передумать и не повернуть обратно.

Неясный скрип раздался позади, и он резко обернулся, чуть не потеряв равновесие. Коридор за его спиной был пуст, но Себастьян не

мог избавиться от ощущения, что кто-то из темноты следит за каждым его движением, будто держит на прицеле. Знакомое чувство чужого присутствия заставило его подобраться, ссутулить плечи, инстинктивно защищая грудь и живот, и отвернуться от источника опасности – выхода из коридора, который терялся во мраке, и где мог скрываться неизвестный наблюдатель.

Медленно повернувшись, он продолжил путь, ненавидя себя за то, что огонёк свечи омерзительно дрожит в его руке. Прислонил трость к стене, вытер ладонь о брюки и толкнул дверь, ведущую в подвал.

Она отворилась бесшумно, и перед Себастьяном возникла лестница. Темнота плотно и липко стискивала ступеньки, плескалась там, внизу, куда не дотягивался огонёк свечи, как тёмная вода. Подвал напомнил Себастьяну затопленный окоп, в котором ему как-то вместе со всем своим отрядом пришлось провести двое суток, прежде чем немецкие войска отступили. Кому-то вода доходила до груди, кому-то до горла, и тем приходилось балансировать на кончиках пальцев, стараясь удержать равновесие в размытой дождями глинистой почве. Несколько солдат тогда потеряли рассудок: они принимались тонко и страшно кричать, пытались вырваться наверх, под пули, не слыша приказов в объявшем их безумии самоуничтожения. Одному из них, крепкому деревенскому парню с обветренным лицом и вечно испуганными глазами, пуля снесла половину челюсти, и Себастьян облегчил его страдания, не в силах слышать булькающий шёпот несчастного, который в предсмертном ужасе пытался выговаривать слова молитвы, не зная ещё, что на полях Фландрии нет и не было бога, и глупо взывать к тому, кому нет никакого дела до происходящего.

Привычно отогнав воспоминания, Себастьян тяжело и неловко спустился, помогая себе руками и тростью. Главной его заботой было сохранить огонёк свечи, не дать ему угаснуть. Тут всё так же пахло влажной землёй, сладковатой гнилью и старым деревом. Откуда-то, словно из-под ног, доносился ровный шелестящий шум, и он догадался, что это снова пошёл дождь.

Не собираясь проводить в ненавистном подвале больше времени, чем того требовали поиски алмаза, Себастьян немедленно принялся шарить по ящикам и простукивать стены в надежде обнаружить тайник. Он заметил неладное, только когда пламя свечи резко

заколебалось, и вслед за этим раздался тихий и вкрадчивый скрежет ключа в замке.

Себастьян насколько мог стремительно преодолел ступеньки и кинулся к двери, навалился плечом, сам не слыша себя, крикнул что-то, приблизив губы к замочной скважине, ещё раз ударил плечом в дверь, поскользнулся, вновь обрёл равновесие при помощи трости. Из коридора не доносилось ни звука, дом замер, будто над подвальной комнатой не было стропил, груд кирпича и спящих людей, будто всё это пропало, сгнуло в той же мгле, что заполняла его ночные кошмары.

Свечной огарок остался внизу. Язычок пламени недолго разгонял тьму, лизавшую ступени, и, когда он погас, то Себастьяна сначала затопил детский тошнотворный ужас, воскрешая в памяти безобразных призраков, которые терзали его, когда он был ребёнком, а после, совершенно неожиданно для него, объял покой. Тот мрак, что завладел им в послевоенные годы и реальная темнота подвала слились, и границ между ними он больше не видел, ощущая себя истончившимся, прозрачным, не чувствуя собственных пределов и находя в этом удивительную свободу.

Мысли его текли вольно, словно он не в подвале был заперт, а сидел на берегу реки или наслаждался тёплым безветренным днём на холме, поросшем диким вереском. Он привалился спиной к двери и дал своему измученному телу отдых. Ему вдруг пришло в голову, что порой, чтобы увидеть что-то важное, нужно закрыть глаза. Глаза — обманщики, они не говорят правды.

Наслаждаясь наступившей ясностью, Себастьян внезапно понял, где находится алмаз. Он осторожно спустился, стараясь не слишком нагружать ногу. Лёг на земляной пол и протянул руку под лестницу, к своему старому, обустроенному ещё в детстве тайнику.

Удивительно, но его пальцы сразу наткнулись на широкий плоский камень с острыми гранями. Стиснув его в ладони, Себастьян испытал странное чувство, словно вся прожитая им жизнь не более чем дурное сновидение, и вот ему снова двенадцать лет и он, проснувшись, обнаруживает себя в подвале, и сжимает в руке камень, которым раскапывает тайник в земляном полу, где припрятан свечной огарок и картонка со спичками.

Он ощупал пальцами землю под лестницей и отыскал участок, где она была рыхлее. Перехватив камень поудобнее, Себастьян начал копать и почти сразу же, не успев ещё поверить в свою удачу, наткнулся на содержимое тайника.

Среди влажноватых комьев лежала гладкая половинка свечи, рядом, предусмотрительно обернутый в целлофан, картонный коробок. Себастьян встряхнул его, и в ответ спичечные тельца успокоительно зашуршали. Он представил, как зажигает свечу и тьма вокруг него отступает, как мир вновь приобретает знакомые очертания, но вдруг понял, что не в силах расстаться с новообретённым спокойствием, и отложил спички в сторону.

В неглубокой ямке кроме свечи и коробка со спичками лежало ещё кое-что. Себастьян, ощутив прохладную податливость земляного червя, сначала принял этот предмет за комок грунта, но, сжав его в ладони и очистив, убедился, что это именно то, что он ожидал здесь найти. Он тщательно изучил алмаз кончиками пальцев, с наслаждением надавливая подушечками на острые выступы. Не думая в эту минуту о материальной ценности камня, Себастьян испытал забытую детскую радость от обретения приза в игре, в которой не надеялся стать победителем.

Потом он вернул половинку свечи и спичечный коробок в тайник, присыпал их землёй и утрамбовал ладонью. Выбрался из-под лестницы, тщательно отряхнулся, небрежно опустил алмаз в карман и, отыскав свою трость, поднялся на три ступеньки. Это усилие окончательно истощило его, и он, опустив голову на руки, сложенные крестом, забылся тяжёлым прерывистым сном, готовый пробудиться в то самое мгновение, когда в подвальной двери послышится скрежет ключа.

Себастьян уснул, Вивиан, передав пакет с деньгами пугающе галантному подручному братьев Люгер, с облегчением спешила обратно, прижимая к груди пустую сумочку и поминутно нервно оглядываясь, а близнецы, одинаково нахмурившись, всё ещё продолжали чертить сложные схемы передвижения гостей в вечер убийства. Филипп, утомившись от размышлений, изобразил грустного ежа с сигарой во рту прямо поверх схематичной рассадки гостей, на что Оливия всерьёз вознегодовала.

Остальные обитатели дома либо крепко спали, либо предавались своим невесёлым мыслям, и только одного человека в Гриффин-холле более не волновали тревоги и тяготы суетного мира. Он лежал на земле, прикинувшись к ней всем телом, как ребёнок прикидывается к груди матери в поисках покоя и защиты. Из запёкшейся раны уже не струилась кровь, смешиваясь с прозрачными водами ручья, тело, недавно служившее источником и наслаждений и забот, остывало, превращаясь в серебристом свете луны в малозначительную деталь ночного пейзажа.

Мышь-полёвка холодными от росы лапками пробежала по безжизненной руке, вцепившейся в лопату с коротким черенком и так и окоченевшей. Голова трупа покоилась в небольшой неряшливо выкопанной яме, постепенно заполняющейся водой, рядом высился холмик земли, а какая-то птица, посвятившая свою немудрёную песню необыкновенно тёплой для этого времени года ночи, выводила звонкие трели, обращая на мертвеца внимания не больше, чем если бы он был опрокинутой каменной скамьёй.

Часть четвёртая

Глава первая, в которой все сначала нервничают из-за пропажи Грейс и Себастьяна, а потом становятся свидетелями ареста убийцы

Старший констебль Лэмб проснулся в отвратительном расположении духа. Самочувствие его ещё более ухудшилось, когда он сообразил, что задремал, будучи на посту.

С трудом поднявшись на ноги и морщась от боли в спине, он поправил шлем и откашлялся. В доме было тихо, даже из кухни не доносились ещё звуки утренних хлопот, и не тянуло запахами жареного бекона и свежего хлеба.

Констебль Лэмб привёл себя в порядок: поправил форменную одежду, подкрутил усы и проделал пару гимнастических упражнений, чтобы почувствовать себя бодрее. Около восьми утра его должен был сменить О'Нил, после чего можно будет отметить в участке и отправиться на пару часов домой.

Предвкушая обильный завтрак с жареными почками, свиными сардельками и горячими ячменными лепёшками, Лэмб с наслаждением потянулся и тут же выпрямился, опустив руки и обрадовавшись, что успел проснуться до того, как в холле появился дворецкий. Симмонс, пожелав констеблю доброго утра, прошествовал мимо него, направляясь под лестницу, в кухню, и вид у него был крайне неодобрительный.

Припозднившаяся кухонная девчонка, испуганно озираясь, пробежала с угольным ведром и щётками в гостиную, а потом обратно, где-то рядом послышалась возня, приглушённые вскрики горничных, глухо хлопнула дверь, и среди всех этих утренних звуков яснее всего констебль Лэмб различил женский голос, отчаянно взывающий к Господу о милосердии. В Гриффин-холле явно происходило что-то не то.

Подтверждением тому стало возвращение Симмонса. Откашлявшись, он, не глядя на констебля, произнёс:

– Я был бы благодарен вам, сэр, если бы вы смогли выслушать садовника Чепмена. Дело в том, что он обнаружил в саду тело, сэр.

– Тело? В саду? – в голосе Лэмба слышались одновременно недоверие и нарастающий ужас.

Согласно правилам, он должен был дважды за один час обходить дом вокруг и обязательно проверять, спокойно ли всё в саду. Сон, так не вовремя сморивший констебля, мог дорого ему обойтись.

Чепмен, величавый старик с воспалёнными глазами и седой щетиной на костлявом подбородке, сидел на кухаркином стуле посреди кухни и с трудом скрывал удовольствие от того факта, что находится в центре внимания. Горничные, округлив от ужаса глаза, ловили каждое его слово, а миссис Гилмор, роняя слёзы в миску с тестом, вполголоса читала молитву, и от этого казалось, что слуги разыгрывают сцену из пьесы. Экономка, миссис Уоттс, была занята с малышкой Полли и ещё ничего не знала о случившейся трагедии.

Выслушав садовника, констебль Лэмб в сопровождении дворецкого и лакея Энглби отправился к ручью, где и обнаружил тело Майкла Хоггарта с двумя пулевыми отверстиями в груди. Оно уже успело остыть и мало чем напоминало того жизнерадостного молодого человека, что так любил щегольскую обувь, дорогие вина и хорошеньких легкомысленных женщин.

Энглби, обычно напускавший на себя чрезвычайную важность и пытавшийся подражать Симмонсу в его степенности, увидев тело, замер на месте, безвольно опустив плечи и растерянно выдвинув вперёд нижнюю губу. Неглупый деревенский парень, усердно старавшийся выбиться в люди, впервые видел мертвеца, и окончательность, неотменимость перехода из мира живых в мир мёртвых поразила его. Старший констебль Лэмб, наоборот, приосанился и строго отдал приказ: «Ни к чему не прикасаться!» – хотя желающих дотронуться до тела Майкла Хоггарта и так не предвиделось. Полицейский остался охранять труп и место преступления, надеясь, что его служебное усердие поможет заслужить снисхождение за непростительный факт сна на посту, а в доме тем временем воцарилась невероятная суматоха.

Кухонная прислуга была не в состоянии приготовить и подать обычный горячий завтрак, так как миссис Гилмор слегла с печёночным приступом, а её помощница, Дженни, тряслась от страха и

отказывалась выходить из своей чердачной каморки, повторяя, как умалишённая, что на доме лежит проклятье, а она ещё слишком молода, чтобы расставаться с жизнью. Нарезать холодное мясо и сыр и накрывать на стол пришлось горничным Эмме и Дорис, а миссис Уоттс старательно, но тщетно пыталась успокоить малышку Полли, которая никак не хотела умолкнуть, словно чувствовала, что осталась наполовину сиротой.

Наконец, отчаявшись, экономка решилась подняться и побеспокоить Грейс Хоггарт. В коридоре, у двери в её комнату, она встретила обеспокоенных близнецов. Филипп, прижав ухо к замочной скважине, пытался определить, есть ли кто в комнате.

– Она не открывает, – пояснила Оливия, сочувственно глядя на утомлённую бессонной ночью экономку. – Филипп стучит уже десять минут, но Грейс не открывает.

Филипп снова постучал в дверь и громко, но доброжелательно крикнул:

– Грейс! Тут малышка Полли. Если ты там, то открой нам, пожалуйста! Ну или просто скажи что-нибудь в ответ. Если честно, то мы немного волнуемся за тебя.

– Она уже знает? – шёпотом спросила миссис Уоттс, показав на дверь.

– Нет, – Оливия покачала головой, – наверное, будет лучше, если она узнает об этом от инспектора.

Экономка согласно кивнула. Прошло ещё двадцать минут, но ни стук, ни вопли малышки, разносившиеся по всему коридору, не заставили Грейс Хоггарт отпереть дверь своей комнаты.

Наконец, даже Филипп отчаялся и, в сердцах пнув дверной косяк, повернулся к женщинам:

– Бесплезно. Её там нет.

Когда инспектор прибыл на место преступления, все в Гриффин-холле уже знали о том, что случилось прошлой ночью. Все, кроме Грейс Хоггарт и Себастьяна Крэббса, местонахождение которых оставалось неизвестным.

Хозяин дома встретил инспектора с мрачной деловитостью и сразу же проводил в библиотеку, где и изложил свои опасения по поводу пропавшего сына и внучки. Оливер, знавший о преступлении пока только самое основное, благодарно выслушал его и, не мешкая, отправился осматривать место преступления и тело Майкла Хоггарта, передав через О'Нила приказ обитателям Гриффин-холла не покидать поместье.

– Да что же это такое?! – несмотря на трагедию, что произошла ночью, тётушка Розмари не собиралась пропускать мимо ушей бесцеремонные приказы полицейского. – Сколько же можно нами командовать? Он что, не понимает, что пока мы находимся в Гриффин-холле, мы все в опасности? Не знаю, как остальные, но я собираюсь уехать сразу же после того, как увидаю бедняжку Грейс и выражу ей свои соболезнования.

Вскинув голову, Розмари Сатклифф приготовилась к возражениям, но никто не захотел вступать с пожилой леди в спор и объяснять ей очевидные вещи. Не взглянув на сестру и даже не опровергая её напрасных надежд, Матиас Крэббс, нахмурившись, обвёл всех взглядом:

– Кстати, кто-нибудь знает, где Грейс? Миссис Уоттс с ног сбилась, присматривая за малышкой Полли. Да и инспектор, несомненно, пожелает с ней побеседовать. Кто-нибудь видел её?

Все несмело переглянулись. Близнецы только сейчас заметили, какой у Вивиан больной вид – девушка сидела очень прямо, под глазами её залегли тёмные круги, а лицо было таким бледным, что даже белокурые волосы казались яркими на его фоне.

– А Себастьян, мой сын? Где он? Почему его нет с нами в час тяжёлых испытаний, выпавших на нашу долю? Не проходит и дня, чтобы я не сожалел о безвременной гибели Генри, – Матиас Крэббс покачал головой, все его черты выражали неподдельную горечь. – Вот кто был бы моей опорой! Чем же я так прогневал Господа, что он лишил меня моей плоти и крови?

Не дожидаясь ответа, он встал, грузно опершись на трость, и отправился к выходу из столовой, бросив Симмонсу через плечо:

– Передайте инспектору Оливеру, что я готов встретиться с ним, как только он освободится, и буду ждать его в библиотеке.

Сразу после его ухода близнецы синхронно выскользнули из-за стола и покинули столовую. В конце коридора виднелась удаляющаяся фигура Матиаса Крэббса, поэтому они изменили направление и направились в холл, откуда можно было выйти в сад, где их разговор никто бы не услышал.

Солнце светило ярко, во всю силу, предвещая такой же тёплый день, что и вчера, осенний воздух был свежим и острым, прояснявшим голову, но северный ветер, напоенный влажностью моря и утренней прохладой, пронизывал насквозь. Оливия, одетая, по обыкновению, в мешковатые брюки и лёгкую рубашку, тотчас принялась дрожать.

– Погоди, я видел в шкафу с зонтами макинтош.

Филипп поспешно ушёл в дом и вскоре вернулся, насвистывая и широко, размашисто шагая, неся в руках песочного цвета макинтош и на ходу пытаясь отыскать сигареты.

Застегнувшись на все пуговицы, Оливия засунула озябшие руки в карманы и сразу обнаружила там пачку «Галлахер». Передав её брату, она покачала головой, отказываясь составить ему компанию, и требовательно спросила:

– Где, по-твоему, Грейс? И дядя Себастьян? Тебе не кажется, что всё это крайне подозрительно? Если честно, я не удивлюсь...

Она замолчала, не желая произносить вслух то, о чём даже думать не хотелось.

– Не удивишься, если найдут ещё одно тело? Или несколько?

Оливия кивнула, с тоской глядя себе под ноги и с трудом сдерживая дрожь.

– Ну, во-первых, не думаю, что по Гриффин-холлу бродит одержимый жаждой насилия безумец. Соглашусь, что отсутствие кухни Грейс и дяди Себастьяна кажется странным, но если бы они были мертвы, то инспектор Оливер и его люди уже обнаружили бы их тела, – Филипп сделал паузу, чтобы втянуть ароматный дым, и таким же уверенным ровным голосом, успокоительно действующим на сестру, продолжил: – Во-вторых, место убийства Майкла, на мой взгляд, указывает на то, что убийца мог прийти в Гриффин-холл извне, а не обязательно находиться среди нас.

– Ты думаешь? – Оливия, поборов дрожь, недоверчиво взглянула на брата.

Руками она нервно перебирала содержимое карманов макинтоша, не в силах остановиться и прекратить суетливые движения. Пальцами правой руки она нащупала среди трухи и бумажных обрывков что-то тонкое и скользкое, похожее на прочную нить, свёрнутую в клубочек.

– Не исключено, что так и было. Майкл – сомнительный типчик, откуда нам знать, кому он перешёл дорогу? Мстительный и неленивый убийца вполне мог выманить его из дома ночью и всадить в него несколько пуль. Так что совсем необязательно, что за завтраком мы сидели за одним столом с жестоким преступником. Тебя ведь это сейчас волнует, я угадал?

Оливия кивнула и без выражения произнесла:

– Смотри, они возвращаются.

Оттуда, где стояли близнецы, было видно, как фигуры инспектора и остальных полицейских быстро двигаются по направлению к дому.

Инспектор Оливер, войдя в холл и направляемый Симмонсом, сразу прошёл в библиотеку, где его ждал Матиас Крэббс. Остальные полицейские, из тех, кто не был занят транспортировкой тела в участок, включая сержанта Киркби, остались ждать дальнейших распоряжений.

Тётушка Розмари, близнецы и заторможенная, вся какая-то несчастная и растрёпанная Вивиан сидели в гостиной, не глядя друг на друга и томясь неизвестностью. Наконец, двери библиотеки распахнулись, и оттуда вышел мрачный озабоченный инспектор и не менее мрачный хозяин Гриффин-холла.

– Не расходитесь, – отрывисто бросил Оливер и проследовал в холл, а Матиас Крэббс опустил в кресло и, ни к кому не обращаясь, многозначительно произнёс:

– Сообщили, убит двумя выстрелами в сердце.

– А почему мы не слышали выстрелов? Мы с Филиппом ночевали на чердаке и должны были услышать его.

– Убийца стрелял через подушку. Одну из тех, что лежали на диване в библиотеке. Её обнаружили в кустах, в паре ярдов от тела.

– О боже! Моя вышивка! – простонала Розмари Сатклифф, не сдержавшись.

– О чём вы вообще?! – молчавшая всё утро Вивиан вспыхнула и накинулась на неё. – Человек убит! Он умер, он никогда больше не будет ходить, дышать, разговаривать, а вы жалеете о чёртовой подушке? Есть в этом доме хоть у кого-нибудь сердце?!

Девушка вскочила на ноги и, с бессильной злобой сжав кулаки, застыла, попытавшись высказать ещё что-то, но голос её прервался, лицо исказилось – совсем не так, как если бы она лишь изображала боль и ужас, – и Вивиан Крэббс, ненавидя себя за слабость, выбежала прочь. В этот момент Оливия хорошо её понимала, ведь ей тоже хотелось сделать хоть что-то, что помогло бы избавиться от тягостного ужаса, сжавшего горло, будто холодной рукой – закричать, заплакать, очнуться от страшной реальности и проснуться в более совершенном мире, где не происходят подобные вещи, где они невообразимы, где им просто нет места. И ещё она с ясностью поняла, что человек, убивший Айрис Белфорт, Майкла Хоггарта и, возможно, Грейс и дядю Себастьяна, находится сейчас в той же комнате, что и она, либо только что вышел из неё, безупречно сыграв роль растерзанной печалью девушки.

Через дверной проём Оливия поймала сочувственный взгляд Киркби. Сержант, заметив, что она смотрит на него, порозовел и растерянно кивнул ей. Изобразив слабую улыбку, она хотела было помахать ему рукой, но сообразила, что такой жест вряд ли будет уместен в сложившихся обстоятельствах.

До сидящих в гостиной доносились голоса полицейских и отрывистые приказы инспектора, но слов было не разобрать. Наконец, Оливер вернулся в гостиную и сразу перешёл к делу.

– Я хочу побеседовать со всеми вами прямо сейчас, – заявил он, и тон его был весьма резким. – Ситуация такова, что действовать необходимо без промедления. Поэтому я рассчитываю услышать от каждого из вас исключительно правдивые ответы на вопросы, которые будут заданы.

– Молодой человек, вы вновь переходите все разумные границы! – Розмари Сатклифф поднялась с дивана, нервно поправляя криво приколотый шиньон, на этот раз золотисто-каштанового цвета. – Почему вы позволяете себе распоряжаться в чужом доме?! Я не

обязана отвечать на ваши вопросы, и никто, слышите? никто не вправе заставить меня!

– Розмари, немедленно сядь, – пророкотал Матиас Крэббс. – Ты ведёшь себя, как глупая старуха. Сейчас же прекрати и будь добра отвечать на вопросы инспектора.

Приоткрыв маленький бесцветный рот, пожилая леди дрожащей рукой поправила воротничок маркизетовой блузки и медленно вернулась на своё место, не сводя обжигающе яростного взгляда с инспектора Оливера. Как только она села, в гостиную вошла Вивиан Крэббс, запыхавшаяся и не скрывающая своего возмущения.

– Ваш сержант Киркби, инспектор, крайне неучтив. Надеюсь, вы примете соответствующие меры? Я склоняюсь к тому, чтобы подать на него официальную жалобу.

Она села в свободное кресло у окна и скрестила руки на груди.

– Это ваше право, мисс Крэббс, – кивнул Оливер, делая знак констеблю Лэмбу, чтобы заперли двери, и сразу переходя к допросу: – Итак, час назад в участок поступил звонок, что в Гриффин-холле найдено тело Майкла Хоггарт с огнестрельными ранами в области сердца, которые, по-видимому, являлись смертельными. Тело обнаружил садовник Чепмен, который утверждает, что выполнял поручение мистера Крэббса, полученное от него ещё вчера, и должен был расчистить лужайку у ручья и подстричь там траву. Это так, сэр?

Матиас Крэббс кивнул, и инспектор продолжил:

– Теперь речь пойдёт о миссис Хоггарт. Когда и где её видели в последний раз?

Тётушка Розмари демонстративно промолчала, поджав губы, и отвечать пришлось её брату.

– В её комнате, вечером. Она неважно себя чувствовала, была расстроена, и я распорядился приготовить ей чашку чая. Мы с сестрой отнесли его ей и проследили, чтобы она приняла успокоительные капли и уснула. После этого я её больше не видел.

– А вы, мисс Сатклифф? – инспектор повернулся к тётушке Розмари, но та, по-прежнему упрямо сжимая губы, лишь кивнула, ни на кого не глядя.

– По какой причине миссис Хоггарт была расстроена? Это связано с её ребёнком?

– Это связано с её мужем, – мрачно ответил Матиас после небольшой паузы. – Вчера между ними произошла размолвка, и Грейс очень разволновалась. Чтобы соблюсти приличия и дать ей время успокоиться, я предпочёл отправить её наверх.

– Из-за чего произошла размолвка? – Оливер по очереди взглянул на каждого присутствующего, отмечая про себя, кто в самом деле напряжён, а кто лишь делает вид, что обеспокоен случившимся.

– Кузина Грейс приревновала Майкла Хоггарта ко мне, инспектор, – неожиданно для всех ответила Вивиан, и голос её звучал спокойно, без малейшей тени смущения. – Она дала ему пощёчину на глазах у всех и обвинила в нарушении клятв. Это видели все, включая прислугу и констебля Лэмба. А после, когда мы с ней остались наедине, она произнесла такую фразу: «И не мечтай заполучить моего мужа. Да я лучше убью его, но тебе он не достанется».

Тётушка Розмари приглушённо ахнула, нарушив свой обет молчания:

– Неправда! Наглая девчонка лжёт! Грейс никогда бы не опустилась до такой вульгарности!

– К сожалению, я слышала эти слова. Мне очень жаль, – тихо сказала Оливия и с мольбой о прощении посмотрела на брата. – Я поднималась наверх, чтобы умыться после игры в теннис и переодеться, и, когда уже заворачивала в коридор, услышала как...

– Ладно, это всё понятно, – перебил её Матиас Крэббс. – Поведение Грейс с самого её прибытия оставляло желать лучшего. Но нас всех интересует, инспектор, где она находится сейчас. Не могла же она сбежать? В Гриффин-холле осталась её дочь, малышка Полли. Грейс, конечно, не производит впечатления ответственной матери, но покинуть собственного ребёнка – это чересчур даже для неё.

– Это не так, дедушка. Кузина Грейс – хорошая мать. Она любит дочь всей душой и многим жертвует ради неё, – Филипп открыто, с вызовом посмотрел на деда и потом перевёл взгляд на инспектора. – Мы не знаем всего, что произошло этой ночью. Отсутствие Грейс может иметь вполне разумное объяснение.

Оливер кивнул, поправив очки, и застрочил в блокноте со скоростью опытной стенографистки. Он так и не присел, оставаясь на ногах и явственно ощущая, как где-то совсем рядом с ним источает миазмы остаточный след преступления – липкий страх того, кто

совершил убийство, его ликование, что задуманное удалось и надежда на безнаказанность, – тот набор эмоций, что свойственен существу, преступившему человеческий и божий закон.

– Грейс, я уверен, рано или поздно найдётся. А вот где сейчас находится мой сын Себастьян, а, инспектор? Вы собираетесь его искать? Или его побег стоит рассматривать как признание собственной вины?

На секунду Оливер отвлёкся от записей и посмотрел на хозяина дома в упор. Этим утром у него не было времени продемонстрировать учтивые манеры и вникать во все перипетии семейных отношений обитателей Гриффин-холла, однако для хозяина дома он всё же смягчил свой тон.

– Именно поиски вашего сына, как, впрочем, и определение местонахождения миссис Хоггарт, являются приоритетным направлением моего расследования, сэр. Скажите, когда и где вы в последний раз видели Себастьяна Крэббса?

– За ужином, – сварливо ответил Матиас. – Потом мне пришлось возиться с Грейс, будто я нянька, и Себастьяна я больше не видел.

– Мне кажется, я видела его в коридоре, – задумчиво произнесла Вивиан. – Он входил в свою комнату. Да, я вспомнила, он ещё запер её изнутри. Был слышен щелчок.

– Кто-нибудь ещё это видел? – поинтересовался инспектор.

Всё, кроме Вивиан, отрицательно покачали головами. Тут раздался стук, и в гостиную вошёл Киркби. Извиняющимся тоном он вызвал инспектора в холл, где они какое-то время совещались, склонив головы над блокнотом.

Матиас, презрительно посмотрев в их сторону, махнул рукой и коротко резюмировал:

– Бездельники! Надо брать ищеек и прочёсывать сад и лес, что находится у реки. Далек Себастьян уйти не мог, с его-то ногой. А для поимки Грейс следует раздать её фотографию всем констеблям Грейт-Бьюли и отправить их на вокзал. Это позволит уже к ланчу допросить беглецов и выяснить, кто из них убил несчастную Айрис и Хоггарта.

– Уж не думаете ли вы всерьёз, дедушка, что кухня Грейс сговорила с дядей Себастьяном и все эти убийства они совершили вместе? – тон Оливии был лишён всякой почтительности, и в нём звучал неприкрытый сарказм.

– А у вас, юная леди, есть другая версия произошедшего? – Матиас резко повернулся к ней и с не меньшей иронией в голосе произнёс: – Это жизнь, девочка, а не журнальные истории о потерянном щенке или краже церковной кружки. Себастьян – бывший солдат, и видел тысячи смертей. С войны никто не возвращается прежним, и вашему поколению ещё только предстоит об этом узнать. А Грейс, как ни печально мне это говорить, всегда отличалась лицемерием и эгоизмом. Из женщины с таким складом характера никогда не получится хорошая мать и примерная жена.

– А из Гвендолин Блессингтон, Матиас, на которой ты женился обманом, получилась примерная жена? – Розмари Сатклифф задала вопрос тихо, едва слышно, будто сама испугалась своей дерзости.

Брат не успел ей ответить, так как в гостиную вернулся инспектор, однако взгляд Матиаса красноречиво говорил, что безобразное поведение тётушки Розмари не останется без последствий.

– Дверь в комнату миссис Хоггарт заперта изнутри на ключ, – сообщил Оливер, становясь напротив камина и загорая своей высокой угловатой фигурой свет, льющийся из узкого окна. – Я отдал приказ взломать её. Итак, мне нужно, чтобы каждый из вас рассказал мне, где находился прошлой ночью. Начнём с вас, мистер Крэббс.

– Я отправился в постель сразу после ужина и не покидал свою комнату до самого утра.

– Вы слышали звук выстрела? Шум на первом этаже?

– Нет, – Матиас Крэббс покачал головой. – Всё было, как обычно. Никаких посторонних звуков я не слышал.

Оливер кивнул и молниеносно записал показания в блокнот, а после передвинулся на шаг влево, чтобы оказаться напротив близнецов.

– Мисс Адамсон?

– Я всю ночь находилась на чердаке, – просто сказала Оливия. – Мы с Филиппом решили посвятить вечер поискам алмазов, а потом, чтобы никого не беспокоить, остались там ночевать.

Все, кроме инспектора, с удивлением воззрились на девушку. Тётушка Розмари неодобрительно поджала губы, отметив про себя мятую рубашку Оливии и небрежную причёску.

– Вы оба были на чердаке всю ночь? – Оливер переводил взгляд с девушки на её брата, в который раз поражаясь их природному сходству и тем не менее ясно видя различия между ними. – То есть ни один из вас не спускался оттуда раньше, чем наступило утро?

Близнецы кивнули, а потом одинаково покачали головами, инстинктивно придвинувшись друг к другу, словно собирались держать оборону. Отметив про себя этот порыв, инспектор уверился в мысли, что брат и сестра Адамсон что-то скрывают, и сделал пометку напротив их имён в разлинованной вручную таблице. Эта парочка вообще не вызывала у него ни умиления, ни доверия, а только мысли о том, что они привыкли дурачить окружающих и их обманчивая простота манер и бесстрастность позволяют им эксплуатировать приклеившийся с детства образ «бедняжек».

– Мисс Крэббс? – Оливер повернулся к Вивиан, загородив её собой от остальных, отрезая, как ей показалось, все пути к отступлению. – Вам что-то известно о ночных событиях, или вы тоже ничего не слышали? Окно вашей комнаты как раз выходит на лужайку у ручья. Выстрел был заглушён подушкой, да, но в ночную пору любой звук разносится на много миль. Следствие было бы обязано вам очень многим, если бы вы помогли установить время убийства.

Не моргнув и глазом, Вивиан, вся сожаление и печаль по поводу того, что ничем не может помочь инспектору в его расследовании, премило пожалала узкими покатыми плечиками и удручённо вздохнула.

– К сожалению, сэр, я ничем не могу быть вам полезной. Обычно я сплю очень крепко, вот и эта ночь не стала исключением. Пропажа револьвера встревожила меня, поэтому я заперлась на ключ и не выходила из своей комнаты, пока ко мне не постучалась Дорис с чашкой утреннего чая. Ни выстрела, ни другого шума я не слышала.

– Это бессовестная ложь, инспектор! – Розмари Сатклифф снова вскочила на ноги, и от резкого движения многострадальный шиньон отчётливо переместился на затылок пожилой леди, придав ей залихватский, разбойничий вид. – Ночью её комната была пуста! Я сама это видела!

– Что же побудило вас отправиться в комнату мисс Крэббс в такой поздний час? – Оливер обернулся к тётушке Розмари, и она с ужасом поняла, что ни инспектор, ни остальные не особенно верят её словам.

– Мне понадобилась сода, – понижая голос и слегка краснея, призналась тётушка Розмари. – Ужин был отменным, но я слишком перенервничала из-за пропажи револьвера и никак не могла уснуть. Мой флакон был пуст, а Вивиан, судя по звукам, доносившимся через стену, ещё не спала, вот я и решила попросить немного соды у неё.

– Почему вы не вызвали звонком горничную? – быстро спросил инспектор, поднимая глаза от блокнота и с сомнением разглядывая свидетельницу.

Тётушка Розмари замялась, не желая объяснять этому мужлану, да ещё в присутствии Матиаса, свои затруднения, но после паузы ответила, понизив голос насколько возможно:

– Потому что у меня уже много лет нет горничной. Я даже не подумала о том, что могу дёрнуть за сонетку и попросить всё, что мне нужно, настолько отвыкла от подобного положения. Поэтому я встала с постели и отправилась за содой к Вивиан.

– Хорошо, – инспектор кивком поблагодарил пожилую даму за откровенность и крайне недоверчиво спросил: – Как вы определили, что в комнате не было мисс Крэббс?

– А вы как думаете?! – к тётушке Розмари вернулось привычное раздражительное ехидство. – Не задавайте глупых вопросов! Кровать была пуста. Мне что, надо было в шкафу её поискать? Честно говоря, инспектор, в моё время за подобные выходки девушки лишались репутации. И между прочим, это ещё не всё, что я видела прошлой ночью. О, я сейчас всё расскажу!..

– Ты уверена, Розмари, что у инспектора есть время выслушивать твои беспочвенные домыслы? – Матиас Крэббс, морщась и не глядя на сестру, будто её вид внушал ему отвращение, встал и подошёл к Вивиан. Остановившись возле неё, он утешающим жестом похлопал девушку по плечу, неприкрыто демонстрируя ей свою поддержку.

Расстановка сил изменилась. Теперь по одну сторону находились Матиас Крэбсс и Вивиан – оба, несмотря на бездну лет, разделяющих их, чем-то неуловимо схожие, и инспектор вместе с Розмари Сатклифф, которую обуял бес разоблачения. Близнецы сохраняли нейтралитет, внимательно следили за происходящим и одинаково покусывали нижнюю губу.

– Я видела мужчину! Здесь, в Гриффин-холле! – свистящим шёпотом провозгласила тётушка Розмари, наслаждаясь произведённым

эффектом. – Он прятался за шторой, на втором этаже. Спросите, инспектор, у Вивиан, кто же это был? Я уверена, что она должна знать, кто он такой.

– Вы видели его раньше? Сможете описать? – Оливер, как и все остальные, очень внимательно смотрел на тётушку Розмари.

– Ну, инспектор, это же было ночью, – смутилась она, сразу растеряв весь апломб. – Свеча чадила, а он прятался за портьерой, у самого окна. Я видела его блестящий ботинок, и ещё он шумно дышал. Я так испугалась, что опрометью кинулась в свою комнату, опасаясь, что он набросится на меня.

– Шумно дышал? – в голосе инспектора теперь слышалась ничем не скрытая ирония. – Что-то ещё вам запомнилось, мисс Сатклифф?

– А этого мало? – вскинулась тётушка Розмари. – У него с собой мог быть револьвер! Или нож! Он мог перерезать нас всех прямо в наших постелях! Убиты уже два человека, инспектор, двое пропали. Сколько ещё жертв должно появиться, чтобы вы начали принимать хоть какие-то меры? Я, признаться, до глубины души поражена вашим равнодушием.

– Могу заверить вас, мисс Сатклифф, что мы принимаем все необходимые меры по обнаружению преступника, – инспектор учтиво, но крайне холодно поклонился пожилой леди и демонстративно закрыл блокнот. – Мисс Крэббс, вы можете объяснить своё отсутствие в комнате прошлой ночью? – и он повернулся к Вивиан, внимательно глядя на девушку и отмечая про себя её холодный, отстранённый вид, за которым она скрывала истинные мысли и эмоции.

Близнецы тоже внимательно следили за американской кузиной, гадая про себя, что из сказанного тётушкой Розмари правда, а что плод её разыгравшегося воображения.

С полнейшим самообладанием Вивиан покачала головой и ответила:

– Я уже говорила, инспектор, что всю ночь находилась в своей комнате и покинула её только утром. Ни о каких посторонних мужчинах в Гриффин-холле, кроме констебля Лэмба, мне ничего не известно. Боюсь, что тётушка Розмари, – тут Вивиан кротко взглянула на пожилую даму, потерявшую дар речи от такой наглой лжи, – стала жертвой фантастического сна. Я тоже, если честно, после обильного

ужина всегда очень дурно сплю, – доверительно призналась она с лёгкой улыбкой, адресованной Оливеру и близнецам.

Тётушка Розмари, задыхаясь от возмущения, силилась что-то сказать, но тут в гостиную без стука влетел сержант Киркби.

– Мы нашли её, сэр. Миссис Хоггарт. Вам нужно взглянуть на неё.

– Она жива? – взволнованно спросил Филипп, опередив сестру на секунду.

– Да, – Киркби кивнул и снова поторопил инспектора: – Пойдёмте, сэр. Вы должны увидеть миссис Хоггарт прямо сейчас.

Полицейские вышли из гостиной, и дверь за ними затворилась с громким стуком. Предварительный допрос, судя по всему, окончился, но никто не спешил расходиться.

– Боже мой, – простонала тётушка Розмари жалобно, с готовностью переключаясь на свежие события. – Бедняжка Грейс! Узнать о смерти мужа, и от кого? От бездушных грубых полицейских! Инспектор должен был позволить нам взять это на себя. Так было бы намного приличнее, да. Хотя откуда ему знать о приличиях? А ведь поначалу инспектор показался мне если и не джентльменом, то по крайней мере учтивым молодым человеком.

– Ну в бездействии его при всём желании не обвинить. Хотя бы одну беглянку нашли, – проворчал Матиас Крэббс, тяжело опускаясь в кресло.

Двери гостиной снова распахнулись, и в комнату заглянул сержант Киркби. Он обвёл всех взглядом, задержавшись на Оливии, и негромко сообщил:

– Миссис Хоггарт нужна помощь. Мы забираем её в участок, и необходимо, чтобы кто-нибудь помог ей собрать вещи. Боюсь, горничная так расстроилась, что от неё совсем нет никакого толку.

– Что значит, вы забираете её в участок, молодой человек? – тётушка Розмари этим утром не до конца исчерпала запасы воинственности, а сержант отлично подходил на роль козла отпущения. – Что вы вообще себе позволяете? Разумеется, Грейс останется здесь, вместе с дочерью. Она только что потеряла мужа и нуждается в поддержке!

– Я помогу, – Оливия, не дожидаясь окончания тётушкиной обличительной тирады, порывисто встала и послала брату предупредительный взгляд. – Проводите меня к ней, пожалуйста.

В холле, у парадного входа, находился дворецкий Симмонс, и впервые за долгие годы службы ему стоило больших усилий сохранять безупречную выдержку опытного слуги. Если смерть Айрис Белфорт являлась в его системе координат неприятным и неожиданным инцидентом, не более, то потрясения этого утра затрагивали семью Крэббс и Гриффин-холл напрямую. Осквернённая убийством лужайка у ручья, взломанная дверь в комнату замужней внучки хозяина, полицейские, снующие по всему дому, – никогда бы Симмонсу даже в самом страшном сне не пришло в голову, что он может стать свидетелем подобного. Вопреки логике вещей, старый слуга чувствовал себя обманутым, преданным, будто кто-то в одностороннем порядке изменил правила, которые служили основой его мира.

Дочь несчастной мисс Изабеллы, небрежно причёсанная, в мешковатых брюках, вышла из гостиной в компании сержанта Киркби и просительным жестом тронула его за рукав. «Так всё это время Грейс была у себя в комнате? – до Симмонса донёсся её взволнованный голос. – А почему вы забираете её отсюда? Вы же не хотите сказать, что подозреваете её в совершении убийства?» Мисс Оливия взбежала по ступенькам, чтобы оказаться впереди сержанта и заставить его ответить на свой вопрос, и от этой её заискивающей манеры дворецкий прикрыл глаза. «Улики, мисс Адамсон, обнаружены улики. Поверьте, я бы не хотел такого исхода, но инспектор Оливер считает это необходимым», – и оба они скрылись за поворотом.

Когда Оливия вошла в комнату Грейс, то едва не вскрикнула от неожиданности. Кузина, одетая в то же платье, что и вчера, безучастно сидела на краю кровати, ни на кого не глядя и сложив руки на коленях. Платье её было таким измятым, будто она спала, не раздеваясь, на запястьях бледных рук и шее Оливия рассмотрела глубокие царапины, уже подсохшие, но все ещё заметные. Заплаканная Дорис бестолково суежилась возле раскрытого чемодана, трясущимися руками и безо всякой системы укладывая в него вещи. Придя к ней на помощь, Оливия выложила половину – нарядные платья, шелковое бельё и несессер с рукодельными принадлежностями, – и вместо них тщательно и аккуратно уложила фланелевую ночную сорочку, тёплую шерстяную накидку, несколько полотенец и кусок мыла, а также, украдкой бросив взгляд на инспектора, молитвенник и фотографию малышки Полли в серебряной рамке.

Всё это время, что Оливия была рядом, она не могла найти в себе сил заговорить с кузиной Грейс, окликнуть её. Та казалась безмятежной и сидела ровно и тихо, только голова и плечи у неё мелко дрожали, как если бы она мёрзла, но в остальном поза молодой женщины была спокойной и расслабленной. Пока Оливия укладывала вещи кухни, ей казалось, что она предаёт её, вступает в сговор с посторонними равнодушными людьми, которые способны не только без всякого сожаления сообщить ей о смерти мужа, но и лишить права скорбеть о нём, объявив хладнокровной убийцей.

Когда вещи были собраны, Оливия отпустила Дорис, беззвучно льющую слезы и, обогнув кровать, выглянула в коридор. Инспектор, о чём-то тихо шепчущийся с сержантом, благодарно кивнул ей.

Оливия надеялась, что и Филипп, и все остальные не решатся покинуть гостиную, избегая тягостной сцены, но, когда их маленькая процессия во главе с инспектором Оливером спускалась в холл, все, включая горничных и миссис Уоттс со спящей малышкой Полли на руках, медленно обступили лестницу. Их жадные взгляды покоробили Оливию, ей захотелось обогнать кухню Грейс, встать перед ней, загородить от любопытных и обвиняющих взоров.

Та шла спокойно, механически ровно переставляя ноги и ни на кого не глядя. Оливия, опустив глаза, вдруг отметила какой-то обособленной частью сознания, что каблуки туфель кухни в налипшей земле и травинках, а чулок на правой ноге измазан то ли глиной, то ли грязью. Никто, даже Матиас Крэббс, стоявший в холле с мрачным выражением лица, не произнёс ни слова, когда Грейс в сопровождении полицейских оказалась внизу. Вид у неё был больной и несвежий, волосы, выбившиеся из небрежного узла, волглыми прядями струились у опухшего лица, и Оливия укорила себя, что не посмела притронуться к кухне и не причесала её как следует.

Жалобное хныканье малышки Полли будто разрушило чары, наложенные на Грейс. Её пугающее потустороннее спокойствие исчезло, лицо исказилось от острой душевной боли. Грейс рванулась к дочери, но дорогу ей тут же перегородил старший констебль Лэмб. Наливаясь краснотой от непристойности всего происходящего – шутка ли, чуть ли не силой держать молодую леди из такой уважаемой семьи, хоть она и не моргнув глазом застрелила мужа! – он, заикаясь от волнения, упрашивал её проследовать за ним в полицейскую машину.

Грейс, внезапно осознав, что её хотят разлучить с малышкой Полли, принялась бессвязно выкрикивать мольбы и угрозы, а потом, выделив среди всех, кто присутствовал при этой ужасной сцене, Филиппа, прокричала:

– Я не делала этого! Я не убивала Майкла, жизнью клянусь, Филипп, не убивала! Ради Полли, прошу, помоги мне!

Смотреть, как Грейс буквально заталкивают в машину, как она пытается докричаться до них и колотится в стекло, было невыносимо, но близнецы оставались на крыльце до самого конца, а, когда машина медленно попятилась к выездной аллее и лицо кузины оказалось напротив, Филипп уверенно кивнул ей, и только тогда она успокоилась и прекратила биться, как бабочка в сачке.

Глава вторая, в которой инспектор изымает у тётушки Розмари её капли, а Вивиан терзают муки совести

Ни Оливия, ни Филипп к ланчу не спустились. Матиасу Крэббсу поднос с чашкой чая и сэндвичем в его комнату принёс Симмонс, рассудивший, что хозяину в такой трудный час ни к чему знать о неурядицах с кухонной прислугой и видеть их заплаканные лица.

Горничные Эмма и Дорис пребывали далеко не в лучшем состоянии. Сцена, как увозили Грейс Хоггарт, которую они наблюдали, спрятавшись в столовой, поразила и напугала их. Глупые девчонки до того разволновались, что всё валилось у них из трясущихся рук, и миссис Уоттс, посоветовавшись с дворецким, решила, что не стоит пускать их наверх.

Кухарка до сих пор не пришла в себя, а её помощница, заперевшаяся в своей комнатушке, не подавала признаков жизни и на стук не открывала. Отчаявшись выманить упрямую девчонку наружу, экономка в сердцах выкрикнула, чтобы та собирала вещи и не ждала ни платы за текущую неделю, ни рекомендаций. В ответ на это послышались жалобные всхлипывания и причитания, но дверь так и не открылась.

Единственный из младшей прислуги, кто сохранил присутствие духа, был лакей Энглби. Он беспрекословно брался за любое порученное ему дело и по возможности старался облегчить участь растерянных событиями в Гриффин-холле горничных.

Из-за всей этой неразберихи ланч подавали холодным. Вивиан и тётушка Розмари, сидевшие в столовой вдвоём, вынужденно примирились с компанией друг друга, но дальше ледяной вежливости дело не шло – ни одна не могла забыть недавнего скандала, и ни та, ни другая не собиралась прощать обиды, нанесённой в присутствии полицейского.

– Что это, Энглби? – тётушка Розмари с подозрением уставилась на консервированный язык – тёмно-розовые кусочки подрагивали в обрамлении мутноватого желе, начинавшего растекаться по

серебряному блюду неаппетитной лужей. – Я это есть не буду. Унесите немедленно, этим утром нам достаточно потрясений.

Энглби понимающе кивнул и вынес язык из столовой по широкой дуге, держа блюдо как можно дальше от собственного носа и с сомнением поглядывая на его неаппетитное содержимое.

Вивиан принялась нарезать в тарелке консервированный мясной рулет, демонстративно оставив без внимания недовольство тётушки Розмари. Пожилая леди дождалась, когда девушка прожевала несколько кусочков, и, намазывая хлеб кроличьим паштетом, мрачно сообщила:

– И всё-таки, что бы ни утверждал инспектор, я никогда не поверю, что несчастная Грейс могла выстрелить в Майкла Хоггарта. Девочка получила отличное воспитание, её отец был исключительно достойным человеком, и подобный ужас, я уверена, просто не пришёл бы ей в голову.

– А кто же тогда, по-вашему, мог это сделать? – тут же вскинулась Вивиан, принимая тётушкин выпад на свой счёт.

– Откуда мне знать? – пожалала плечами Розмари Сатклифф. – Это же не я по ночам приглашаю в Гриффин-холл посторонних мужчин. Возможно, в Америке такое поведение для девушки не считается чем-то предосудительным, но вот у нас, в Британии, по-прежнему...

– Вы опять?! – Вивиан, чьи нервы были на пределе, подскочила на стуле. – Да сколько же можно объяснять – не было никакого постороннего мужчины в доме! Незнакомец – плод вашей бурной фантазии. И мне показалось, или вы только что обвинили меня в сговоре с убийцей?!

Она заметила, как лакей от этих её слов вздрогнул и быстро отвернулся, сделав вид, что не слушает.

– Ну, Вивиан, ты ещё очень молода и могла не знать, что он убийца, – снисходительно возразила ей тётушка Розмари. – Юные девушки так неопытны и неблагоразумны. Они представляют собой отличную мишень для проходимцев различного толка. Как правило, такие связи приводят к немалым разочарованиям, – и она внимательно взглянула на девушку, отметив про себя её замешательство.

– Но разве не бывает так, чтобы жена убила мужа? – Вивиан попыталась отвлечь тётушку, проявившую такую неожиданную проницательность, от своей персоны.

– Бывает! Конечно, бывает! Само собой, – с жаром согласилась та, будто речь шла о традиционном и вполне заурядном событии. – В деревушке, где я живу, лет пять назад булочника убила собственная жена. Зарубила топором, а потом разрезала на куски и закопала в разных частях сада, – тут тётушка осуждающе поджала тонкие губы, как если бы такой способ убийства казался ей не слишком пристойным.

– Какой кошмар! – искренне ужаснулась Вивиан, внезапно почувствовав дурноту и отодвигая от себя мясной рулет, омерзительно пахнувший застывшим жиром.

– Кошмар и есть! – закивала тётушка Розмари. – Нам тогда три дня пришлось питаться чёрствыми булочками, пока племянник бедняги Причарда не приехал и не взялся за дело. Только представьте, три дня подряд есть хлебный пудинг. И это при том, что я его терпеть не могу, – и пожилая леди закатила глаза, показывая всю силу своего отвращения.

У Вивиан закружилась голова. Эксцентричная сестра дедушки Матиаса начинала действовать ей на нервы, и она уже пожалела, что решила спуститься в столовую. Чувствуя настоящее желание выйти из дома, оказаться снаружи и вдохнуть свежий воздух, девушка пробормотала извинения и, не дожидаясь помощи Энглби, резко выдвинула стул и торопливо направилась к выходу. У самых дверей она вскрикнула от неожиданности – на пороге стоял Себастьян Крэббс, и она даже не сразу узнала его, таким он выглядел бледным и измученным.

После того, как кухню Грейс забрали в полицейский участок, а заботы о малышке Полли приняла на себя миссис Уоттс, жизнь в Гриффин-холле замерла, будто механизм остановившихся часов. Все ждали возвращения инспектора Оливера и последующих за этим допросов, но на самом деле каждый испытывал глубочайшее облегчение. Преступник был найден, угроза миновала и со временем, пережив с божьей помощью скандал, можно будет вернуться к обычной жизни.

Тётушка Розмари уже предвкушала поездку в Лондон, к одному знакомому ювелиру для оценки и продажи своего алмаза, и все дальнейшие события представлялись ей как череда упоительных, волшебных преобразований. В мечтах её крошечный коттедж сиял свежим ремонтом, в миниатюрном садике возился хмурый неразговорчивый садовник (бог знает, почему все стоящие садовники всегда так мрачны и немногословны), и по утрам её будила чашкой свежесваренного чая чудесная вышколенная горничная в белоснежной наkolке и без всяких новомодных глупостей вроде перманента на голове.

Матиас Крэббс, набравшись терпения, ждал, когда всё вернётся на круги своя. Покой, которым он окружил себя и в котором нуждался, был для него слаще всяких сокровищ, и никакая цена, уплаченная за него, не казалась слишком высокой.

Вивиан, ещё недавно торопившаяся покинуть унылую английскую глубинку, после ареста Грейс ощутила замешательство. Будучи не злой, а всего лишь очень эгоистичной и воспитанной матерью в большом уважении к ценностям материального мира, девушка не умела правильно истолковать те душевные переживания, что сейчас мучили её. Она никак не могла позабыть выражение лица Грейс, когда та осознала, что, скорее всего, никогда больше не увидит малышку Полли, не возьмёт своё дитя на руки, не услышит её первого слова. Крик кухни, обращённый к Филиппу, расцарапал Вивиан сердце, и уже не хотелось вообразить себя героиней костюмированной ленты или обольстительной голливудской дивой. В том, что произошло прошлой ночью у ручья, она теперь винила себя – свою слепоту и одержимость собственной привлекательностью, своё бездумное поведение, ставшее катализатором последующих событий и доведшее ревность кухни Грейс до верхней точки кипения.

Никто, кроме Филиппа, не подвергал сомнению виновность Грейс в убийстве Майкла Хоггарта. По правде говоря, Оливия не разделяла уверенности брата и даже немного злилась на кухню, которая воспользовалась нечестным приёмом – отрицала очевидное, чтобы выгородить себя и вызвать сочувствие. Филипп же уверился в невиновности Грейс в тот самый момент, когда она смотрела ему в глаза и клялась собственной жизнью, умоляя поверить ей и помочь ради малышки Полли. Сама того не зная или, напротив, совершая это

сознательно, в порыве спасительного озарения, Грейс надавила на самую чувствительную точку Филиппа – ответственность за его маленький отряд, которую он так и не сложил с себя за годы, прошедшие с того памятного лета.

Безошибочно определив, что брат уже принял решение и отступить не собирается, Оливия, вздохнув, сказала:

– Операцию под названием «Спасение кухни Грейс» объявляю открытой. Предлагаю вернуться на чердак, чтобы коварный убийца не мог нас выследить и подслушать. У нас там будет штаб, как раньше, когда-то давным-давно.

– Впору ещё одну операцию объявлять – поисковую. Дядю Себастьяна ведь так и не нашли, – не принял Филипп легкомысленного тона сестры.

Близнецы стояли посреди коридора, напротив комнаты Грейс.

– А что, если и он стал жертвой убийцы?

– С какой стати? – удивилась Оливия. – Или ты думаешь, что кухня Грейс превратилась в мужененавистницу и решила известить всю мужскую часть Гриффин-холла?

Лицо Филиппа покраснело.

– Знаешь, если мы с тобой не сходимся во мнении насчёт Грейс, то лучше нам сразу разделить и вести расследование по отдельности. Я ей верю, и я обещал сделать всё, чтобы доказать её невиновность.

– Филипп, да послушай ты! Все улики говорят о том, что Майкла застрелила она. Его обнаружили в зарослях ежевики, возле свежевскопанной ямы, в руках он сжимал лопату. Видимо, искал алмаз, предназначенный Грейс. Киркби говорит, что там вся земля в следах каблуков от её туфель. У Грейс руки исцарапаны ежевичными шипами, даже чулки изорваны. Пропавший револьвер, из которого застрелили Майкла, обнаружен в её вещах, как и перепачканный в земле алмаз. И все мы видели вчера их семейный скандал. Я тоже всей душой сочувствую кухне, но есть ведь объективные факты, их сложно игнорировать.

– Объективные факты? Например, такие же, как и спрятанные в моём чемодане блокнот и карандаши?

Оливия потёрла виски. Утро выдалось таким богатым на потрясения, что к перепалке с братом она оказалась не готова. Однако сюрпризы в Гриффин-холле и не думали заканчиваться.

На лестнице послышались чьи-то шаги, и через пару минут в коридоре появился пропавший Себастьян Крэббс.

– Дядя Себастьян! – глаза Оливии округлились, и она порывисто подбежала к нему, не дожидаясь, когда он приблизится. – Куда ты пропал? Полицейские повсюду тебя искали. Ты уже знаешь?..

Себастьян Крэббс, надсадно закашлявшись, отвернулся от Оливии. Приступ кашля заставил его прислониться к стене, найдя в ней опору для искалеченного тела. Только сейчас близнецы заметили его странный внешний вид – измятую рубашку, тёмные пятна на брюках, седую щетину на землистых щеках.

– Знаю о чём? – он с мрачным любопытством посмотрел на племянников, когда снова мог говорить.

– Майкла Хоггарта убили прошлой ночью. Из пропавшего накануне дедушкиного револьвера. И полиция считает, что это сделала Грейс. Они забрали её в участок, даже не разобравшись толком, – Филипп раздражённо махнул рукой. – Тут с самого утра страшная неразбериха.

Оливия внимательно следила за Себастьяном, за выражением его лица, но такой реакции на трагическое известие не ожидала.

– И поделом мерзавцу. – В его тоне не слышалось сочувствия к убитому. – Рано или поздно этим бы дело кончилось. Я таких типов навидался в своё время.

– Но Грейс! Они же приговорят её за то, чего она не совершала!

– Филипп уверен, что кузина Грейс невиновна, – пояснила Оливия осторожно. – Он считает, что она на это не способна.

– Никто не знает, на что способен другой человек, – Себастьян Крэббс неопределённо пожал плечами. – Прошу прощения, но мне необходимо привести себя в порядок.

С этими словами он взялся за ручку двери и собирался войти в комнату, но Оливия остановила его:

– Мы искали тебя! Где же ты был?!

В ответ Себастьян Крэббс покопался в нагрудном кармане и вынул из него свою находку. На грязной ладони лежал тусклый бугристый камешек, в сумраке коридора показавшийся осколком бутылочного стекла.

Произведя арест Грейс Хоггарт, подозреваемой в убийстве двух человек, инспектор ощутил то прекрасное чувство хорошо выполненной работы, которое испытывает каждый профессионал. Делом преступников было совершать злодеяния, повинуюсь своей аморальной натуре, а задачей Джастина Оливера было вести следствие и стараться, чтобы ни один виновный в нарушении закона не ускользнул от правосудия.

Порой – как, например, в этом вот случае с убийствами в Гриффин-холле – личность убийцы становилась известна не благодаря хитроумному ведению расследования, а случайно, из-за допущенных преступником ошибок, и тогда инспектор, не признаваясь даже самому себе, испытывал в душе лёгкое разочарование оттого, что охота была такой непродолжительной и не потребовала должных умственных усилий.

Осмотр доктора показал, что Грейс Хоггарт всё ещё находилась в странном полубессознательном состоянии, так что в ближайшее время допросить её по всей форме не представлялось возможным. Оставив её в лазарете и приставив к ней охрану, инспектор Оливер и сержант Киркби во второй раз за этот день отправились на место преступления.

В Гриффин-холле им были явно не рады. Даже Матиасу Крэббсу изменила учтивость, настолько сильно ему хотелось, чтобы полицейское расследование прекратило лишать его привычного покоя.

На сей раз перестановку в библиотеке решили не делать. Для допросов полицейским предоставили малую гостиную, окна которой выходили на заброшенную часть сада, и в которой было сумрачно и сыро. Тут еле уловимо пахло порошком Китинга⁸, а стёкла дребезжали в рамах при каждом порыве ветра. Прислуга не позаботилась разжечь камин, чтобы комната приобрела жилой вид, и гладкая обивка викторианских диванов и кресел на ощупь была слегка влажной.

Вздыхнув, инспектор расположился ближе к чайному столику, с трудом разместив на нём имеющиеся материалы по делу. Сержант Киркби с блокнотом занял место у самого окна, стойчески перенеся ущемление своего достоинства и усевшись на низкую, обитую бархатом скамеечку.

Первым к полицейским вошёл хозяин Гриффин-холла. Его допрос ничего не дал следствию, кроме объяснения того факта, отчего

подозреваемая не отзывалась на стук в дверь и длительное время находилась в таком апатичном состоянии.

– То есть вы утверждаете, мистер Крэббс, что миссис Хоггарт приняла успокоительные капли перед ужином? Само снадобье принадлежало вашей сестре, мисс Сатклифф?

– Да, насколько я понял, она время от времени использует его как лёгкое снотворное.

– А миссис Хоггарт когда-либо упоминала, что принимает подобные средства?

– При мне ни разу, – покачал головой Матиас Крэббс, – хотя на месте её врача я бы выписал ей что-либо подобное.

– Отчего же? – заинтересовался детектив.

– Вы же знаете современных молодых женщин, инспектор, – поморщился Крэббс. – Нет ни выдержки, ни воспитания. Грейс, как ни прискорбно мне это говорить, совсем не похожа ни на свою мать, ни на бабушку. Вспыльчивость и эгоизм – губительные для женщины качества. Да, весьма разрушительные, как вы сами можете видеть.

– Когда вы обнаружили пропажу револьвера? – сменил тему инспектор Оливер.

– Перед ужином.

– По какой причине вы решили удостовериться, что он находится на месте?

– Сам не знаю, инспектор. Какой-то толчок внутри, иначе не сказать. Просто подумалось, что не следует оставлять его на виду.

– Тут вы абсолютно правы, – сухо кивнул Оливер. – Подобные вещи должны находиться под замком, равно как и цианистый калий.

На это Матиас Крэббс только виновато развёл руками, тяжело вздохнув. Помолчав, он произнёс:

– Грейс – моя внучка, инспектор. Дочь моей дочери Патриции. Я воспитывал девочку после гибели ее родителей, а теперь вот и малышка Полли остаётся на моём попечении.

Лицо Матиаса Крэббса, изборождённое морщинами, осталось бесстрастным, как и полагалось джентльмену старой закалки перед лицом жизненных неурядиц, но его воспалённые глаза говорили о душевной боли. Инспектор не стал его задерживать и, когда старик вышел – с прямой спиной, твёрдой походкой военного, почти не

опираясь на трость, – задумчиво пробормотал: «В час испытаний трудный...».

Следующей явилась Розмари Сатклифф. Она подтвердила, что Грейс Хоггарт после ссоры с мужем выпила мятный чай с добавлением успокоительных капель и несколько занервничала, когда инспектор захотел взглянуть на рецепт, выданный её врачом.

– Но у меня нет рецепта, – беспомощно развела руками тётушка Розмари. – Я уж и не вспомню, куда его дела. Это обычные мятные капли, многие мои приятельницы их принимают.

– Понимаете, мисс Сатклифф, – задушевно начал инспектор Оливер, – дело в том, что миссис Хоггарт, как говорит полицейский доктор, демонстрирует сейчас все признаки отравления опиатами. Заторможенность движений, спутанность сознания и прочее. Мы даже допросить её до сих пор не смогли. Поэтому меня крайне интересует, что же всё-таки находится в составе этих ваших мятных капель. Может быть, миссис Хоггарт приняла слишком большую дозу, как вы считаете?

– Но я дала ей всего пять капель! – задыхаясь, сказала тётушка Розмари, и её маленькие круглые глазки стали огромными. – Я считала! Всего лишь пять, не более! Спросите у Матиаса, если не верите мне. Этого обычно хватает, чтобы немного успокоиться и уснуть.

– Спрошу, мисс Сатклифф, обязательно спрошу, – зловеще пообещал инспектор Оливер, – и ещё я бы хотел взглянуть на ваше снадобье.

Тётушка Розмари непонимающе посмотрела на этого наглого полицейского, у которого хватило духу подозревать её в том, что она собиралась отравить Грейс. Длинный нос инспектора, усыпанный темно-рыжими веснушками, едва заметно подёргивался, и она опять почувствовала себя мышью, за которой ведёт охоту молодой и безжалостный хищник.

Возмущённо хмыкнув, пожилая леди принялась рыться в гобеленовой сумке в поисках флакона с каплями, что-то бормоча себе под нос. Слух инспектора несколько раз уловил фразу, похожую на «чёрт возьми», но он списал это на своё разыгравшееся воображение, ведь заподозрить хрупкую и по-викториански бестелесную Розмари Сатклифф в таких выражениях было попросту невозможно.

Отыскав стеклянный флакон с притёртой пробкой, она с вызовом протянула его инспектору. Тот тщательно его осмотрел и спрятал в карман, пояснив, что забирает его в участок для анализа, а её более не смеет задерживать.

Когда пожилая дама вышла из гостиной и за ней закрылась дверь, инспектор принялся задумчиво рассматривать картину, висящую над камином. По искажённым пропорциям и неаккуратно наложенным мазкам можно было опознать образчик живописи, принадлежащий кисти хозяина Гриффин-холла. Полотно являлось вариацией на классическую тему: увитые плющом руины, глиняные амфоры и корзины, полные темно-рубиновых виноградных гроздей. Судя по всему, картина относилась к раннему периоду увлечения живописью, раз уж её сослали в малую гостиную, которая почти всегда стояла закрытой.

– Напоминает Вальдмюллера, но не слишком. Вам нравится Вальдмюллер, сержант? – инспектор Оливер почесал переносицу и довольно непоследовательно сообщил: – В детстве у меня и моих сестёр была няня Уильямс. Очень добрая, даже слишком, ведь мы были совершенно несносными детьми. Так вот, у неё была огромная гобеленовая сумка. Няня Уильямс всегда брала её с собой и на прогулку, и в церковь – повсюду. Из неё она доставала самые неожиданные предметы, и мечтой моего детства было хоть разок заглянуть в эту удивительную сумку. И вот я всё думаю: что бы интересного мог обнаружить констебль Лэмб, если бы вчера заглянул в сумку Розмари Сатклифф?

Когда лакей отправился на поиски Вивиан Крэббс, чтобы проводить её на допрос, то обнаружил девушку в розарии вместе с Джереми Эштоном. Молодые люди бродили вдоль дорожек, что-то с жаром обсуждая, и Энглби пришлось долго ждать, пока на него обратят внимание.

Перспективе вновь общаться с полицейскими Вивиан не обрадовалась. К Оливеру и Киркби она прибыла, даже не скрывая своего неудовольствия.

– В чём дело, инспектор? Разве вы не арестовали преступника? К тому же вы допрашивали нас утром, помните?

– Присаживайтесь, мисс Крэббс, ни к чему стоять, – ответил инспектор и жестом указал ей на кресло с высокой спинкой, стоявшее напротив него.

Вивиан, несколько секунд помедлив, села на краешек кресла, всем видом показывая, что зашла ненадолго и очень торопится вернуться к своим делам.

– Так вот, мисс Крэббс, – не глядя на неё и проверяя записи, произнёс Оливер, – меня очень интересует такой момент: где вы всё-таки находились прошлой ночью?

Вивиан вспыхнула, глаза её засверкали, – память услужливо подсказала роль Беладонны, которую ей всегда хотелось сыграть. Царственно вскинув голову, девушка с невероятным апломбом проговорила:

– Вы смеете, инспектор, утверждать, что я не ночевала в своей постели?! И эти оскорбления я выслушиваю по милости вздорной старухи?! – и тут же сама поняла, что переиграла.

Однако идти на попятную было уже поздно, и Вивиан, сидя очень прямо, устремила на переносицу инспектора пылающий негодованием взгляд.

Киркби смотрел на свидетельницу, будто бы сидел в зале кинотеатра. Оливер, заметив ступор сержанта, кашлянул, чтобы напомнить тому о его служебных обязанностях.

– Давайте начнём по-другому, – миролюбиво предложил он. – Скажите, мисс Крэббс, у мисс Сатклифф имелись причины на то, чтобы оговорить вас? Замечали ли вы её раньше в попытках очернить вашу репутацию?

Как ни велико было искушение, но Вивиан пришлось признать, что подобного раньше не случалось.

– Хорошо, тогда почему, по-вашему, она заявила, что вас не было в вашей комнате прошлой ночью, если вы, как сами утверждаете, не выходили из неё?

Инспектор оторвался от своих записей и в упор посмотрел на девушку. Взгляд его был холоден и резко контрастировал с добродушным тоном. Чувствуя, что ступает по тонкому льду, Вивиан

приготовилась врать и дальше, но Оливер неожиданно улыбнулся ей и захлопнул блокнот.

– Думаю, мы закончили, мисс Крэббс. Ответьте мне ещё только на один вопрос: из-за чего случился скандал прошлым вечером? Я имею в виду тот момент, когда миссис Хоггарт в присутствии остальных дала своему мужу пощёчину? Что этому предшествовало? Может быть, миссис Хоггарт разозлилась, что её не пригласили на игру в теннис? Или, возможно, Майкл Хоггарт отсутствовал слишком длительное время?

Плечи Вивиан беспомощно поникли. Сознательно или нет, но инспектор задал именно тот вопрос, который был способен вывести её из равновесия. Непривычное чувство собственной вины заставило девушку стряхнуть придуманную личину, под которой она скрывала замешательство и страх, и которая стала ей убежищем на время страшных событий, происходивших в Гриффин-холле.

Инспектор ощутил эту метаморфозу, и чувство удовлетворения шевельнулось в его душе.

– Скандал случился из-за меня, – просто сказала Вивиан Крэббс и продолжила с чудовищной откровенностью: – Я допустила ошибку, обняв Майкла Хоггарта в присутствии его жены. Я знала, что их отношения далеки от безмятежных, и мне нравилось, что он делает мне комплименты и оказывает знаки внимания. Перед этим мы отлично поиграли в теннис у мистера Эштона, день выдался чудесным, и я была такой счастливой, что потеряла осторожность. Кузина Грейс сразу, как только мы познакомились, отнеслась ко мне не очень тепло, и мне доставляло удовольствие немного её позлить. Я и в мыслях не допускала, что может произойти трагедия. Думала, что это всего лишь лёгкий флирт, не более, и все именно так это и воспринимают. Я не знала, что у кузины Грейс имеется немало поводов, чтобы ненавидеть мужа, и не предполагала, что этот инцидент станет последней каплей, переполнившей чашу её терпения.

Киркби, шокированный такой искренностью, снова уставился на девушку, на лице его явно читалось пуританское неодобрение.

– То есть вы признаёте, мисс Крэббс, что, в сущности, спровоцировали миссис Хоггарт? – инспектор задал вопрос с обманчивым добродушием, будто мягко журил слишком увлечёвшегося

игрой ребёнка. – Из ваших слов явствует, что вы неоднократно позволяли себе вольности в общении с мужем кузины.

– Я понимаю, как это выглядит со стороны, – голос Вивиан слегка дрожал, и было непонятно, то ли ей на самом деле стыдно, то ли она пытается пристойно выглядеть в глазах полицейских, – но речь шла только о безобидном флирте, не более того. Я и думать не могла, что кузина Грейс... – Вивиан пожалала плечами и замолчала.

Больше вопросов у инспектора к ней не было, всё, что ему было необходимо, он уже узнал. Когда девушка покинула комнату, Оливер звонком вызвал лакея и попросил пригласить мисс Адамсон. Минут через десять к полицейским вошла запыхавшаяся Оливия. Отыскав взглядом Киркби, она радостно сообщила:

– Мистер Оливер, сэр, мистер Киркби! Себастьян Крэббс нашёлся! Его заперли в подвале, представляете? И он просидел там всю ночь и только когда проснулся, то понял, что кто-то открыл дверь! Вы наверняка захотите с ним побеседовать, правда?

Полицейские переглянулись.

– Наверняка захотим, мисс Адамсон, – раздумчиво протянул инспектор и жестом указал девушке на кресло. – А пока скажите-ка мне вот что: почему прошлую ночь вы с братом решили провести на чердаке Гриффин-холла? У вас были какие-то основания предполагать, что может произойти убийство?

Тон инспектора был весьма серьёзен, и Оливия в замешательстве посмотрела на Киркби. Сержант уткнулся в блокнот и сделал вид, что не замечает её взгляда.

– Нет, инспектор. С чего бы нам это предполагать?! – девушка расправила рукав блузы и принялась застёгивать мелкие пуговицы на манжете. – Просто мы с Филиппом решили приступить к поискам дедушкиных алмазов, только и всего. Мы хотим покинуть Гриффин-холл, когда закончится расследование, вот и отправились на чердак, чтобы в тишине и без помех решить эту головоломку.

– И как, получилось? – искренне поинтересовался инспектор.

Вместо ответа Оливия с разочарованной гримаской на лице пожалала плечами.

– Скажите, а я смогу навестить кузину Грейс в тюрьме?

– Ну, во-первых, миссис Хоггарт ещё не в тюрьме. Расследование не завершено, приговор ещё никто не выносил. А во-вторых, почему

вы так уверены, что она захочет вас видеть? По опыту могу сказать, мисс Адамсон, что убийц, особенно женщин, частенько терзает стыд после того, как они осознают, что натворили. И видеть близких родственников им тяжело, это напоминает о содеянном и вызывает душевную боль.

– Вы абсолютно уверены, что убийства совершила Грейс, – утвердительно произнесла Оливия и покачала головой. – А я, признаюсь, начинаю в этом сомневаться.

– Почему же? – удивился инспектор Оливер. – Изложите, пожалуйста, свои соображения, мисс Адамсон. Это может очень помочь следствию.

– Мой брат, Филипп, уверен, что Грейс не способна на такое, – твёрдо сказала Оливия. – И я, подумав хорошенько, согласилась с ним.

– Что же вынудило вас поменять точку зрения?

– Малышка Полли. Понимаете, инспектор, Грейс выросла без отца и без матери, хотя она из тех женщин, кто нуждается в заботе близких людей. Поэтому она никогда бы не совершила что-то такое, что могло бы разлучить её с дочерью. Кроме неё, у Грейс никого больше нет. Она не допустила бы, чтобы девочка выросла без матери, как это произошло с самой Грейс.

Пока Оливия говорила – убедительно, со всем жаром, на который была способна под недружелюбным взглядом инспектора, – смутная мысль забрезжила в её голове. Нечто еле уловимое, связанное то ли с трагедией в мастерской, то ли с обрывками фраз, услышанных недавно – но от кого и в какой ситуации? Девушка уже поняла, что полицейские не верят ей – даже Киркби! – и считают её слова беспомощной родственной защитой.

Инспектор не слишком вежливо прервал свидетельницу:

– Мисс Адамсон, ваши чувства вполне понятны. Убийца в такой семье, как ваша – это неприятнейший скандал, который не скоро забудется в таком местечке, как Грейт-Бьюли. Но есть улики, неопровержимо доказывающие вину миссис Хоггарт. И мой вам совет: не спешите поддаваться эмоциям. Вы не представляете, на что способны матери, любящие своих детей и желающие их защитить. Я бы мог вам рассказать пару случаев, от которых, боюсь, вы потеряли бы веру в человечество.

– Не сомневаюсь, инспектор, что вам известно не о паре таких случаев, а о гораздо большем их количестве, – сухо вато произнесла Оливия. – Но неужели же вы не допускаете мысль, что убийца мог проникнуть в сад извне? Он ведь может оказаться совершенно посторонним человеком. Майкл Хоггарт не производил положительного впечатления. Уверена, что зуб на него имели многие.

– Если это так, мисс Адамсон, то мы непременно это выясним. Большое вам спасибо, что нашли минутку поболтать с нами. А теперь я бы хотел увидеть мистера Адамсона, – широкая улыбка инспектора и захлопнутый блокнот известили Оливию, что допрос окончен.

Девушка, даже не взглянув на Киркби, быстро вышла из гостиной, мягко притворив за собой дверь. Её вывела из себя уверенная манера инспектора и его снисходительный тон. Теперь она уже сама не понимала, считает ли Грейс виновной или просто хочет действовать наперекор полицейскому.

Когда Оливия вышла, инспектор снова открыл блокнот и принялся с досадой листать исписанные крупным беглым почерком страницы. Потом встал, прошёлся по комнате, чтобы размять ноги, и всё это время вид у него был крайне задумчивый. Наконец он сел и жалобно спросил, обратившись к Киркби:

– Ну, скажите по совести, сержант, разве это нормально, что в ночь убийства двое подозреваемых сидят на чердаке, ветеран войны за каким-то чёртом лезет в подвал, пожилая сумасбродная тётушка разгуливает по дому и видит постороннего мужчину, а юная красотка не ночует в своей постели? И только женщина, застрелившая мужа в упор, о чём имеются неопровержимые улики, спит крепким сном, будто праведник или героиня старинной сказки. И ещё мне не нравится эта девица, – добавил инспектор сварливо, имея в виду Оливию Адамсон. – Такие думают, что умнее других. Теперь мне понятно, почему директриса пансиона прислала нам такую характеристику.

Глава третья, в которой Филипп показывает сестре фокус, а потом окончательно теряет расположение инспектора

Близилось время вечернего чая, но инспектору Оливеру и сержанту Киркби никто его не предложил. Матиас Крэббс вообще вёл себя так, словно в Гриффин-холле и не было никаких полицейских.

Камин в гостиной уже разожгли, горничные, судя по всему, успокоившиеся настолько, что смогли приступить к своим обязанностям, накрывали к чаепитию, и Оливия, отправившись на поиски брата и наблюдая, как Матиас Крэббс и тётушка Розмари возятся с Полли, убедилась, что о кухне Грейс никто и не вспоминает.

Малышка, принесённая миссис Уоттс в гостиную, довольно играла блестящей цепочкой от часов, и девушка поразилась тому, с какой неприкрытой любовью Матиас смотрит на ребёнка. В отсветах каминного огня его лицо выглядело моложе, будто принадлежало и не старику, и в поощрительных выкриках, адресованных девочке, когда она ловко хватала предложенный ей палец, слышалось искреннее ликование.

– Ты Крэббс, да, милая? – Матиас принялся легонько подкидывать малышку в воздух, отчего та захлёбывалась восторженным смехом. – Ты у нас вырастешь красавицей, правда? Будешь красотка Полли Крэббс из Гриффин-холла!

Тётушка Розмари, скривившись, с неодобрением наблюдала за нелепыми играми брата. «Матиас впадает в детство, не иначе, – злорадно подумала она. – Ещё немного, и он начнёт разговаривать с птицами и забывать, где находится его комната». После повторного допроса у инспектора настроение пожилой леди стало просто хуже некуда, и сэндвичи с консервированной макрелью его отнюдь не улучшили. Мимо её кресла торопливо прошла дочь несчастной Изабеллы, и Розмари Сатклифф в который раз рассеянно подумала, что девочка совсем не умеет одеваться.

Филиппа Оливия обнаружила в коридоре, на втором этаже, возле двери, ведущей в его комнату. Сидя на корточках, он, вглядываясь в замочную скважину, прodelывал с ней непонятные манипуляции.

Оливия неслышно, на носочках, подкралась к нему, надеясь застать врасплох, но, как только она была близка к своей цели, раздался недовольный голос брата:

– Если тебе совсем уж нечем заняться, то могла бы и помочь.

– Вообще-то, я пришла передать, что тебя ожидает инспектор Оливер. Он сообщил мне хорошую новость – Грейс находится не в тюрьме, а всего лишь в участке. Правда, есть и плохая новость – инспектор абсолютно уверен в том, что оба преступления совершила именно она.

– А что говорит второй? Ну тот, что похож на сову?

– О, Киркби при нём и рта не раскрывает! Только отворачивается и принимает важный вид. Но я его разговорю.

В тоне Оливии звучала уверенность, которой, на самом-то деле, она не испытывала. Однако Филипп не обратил на её слова ни малейшего внимания, ведь как раз в этот момент его усилия, по-видимому, увенчались успехом – вскочив на ноги, он ошарашенно застыл перед дверью, а затем снова опустился перед ней на колени и осторожно надавил на ручку.

– Заперто! – восторженно поделился он с Оливией, глядя на неё снизу вверх сияющими глазами. – Попробуй сама, давай!

Филипп встал, отряхнул брюки и практически заставил сестру повернуть ручку двери.

– Да в чём дело-то? – с досадой спросила Оливия, когда дверь не открылась. – Ты уверен, что именно сейчас подходящее время для подобных игр?

– О, это вовсе не игра, – протянул Филипп. – Ты даже не представляешь, насколько это серьёзно. Видишь ли, исходя из той информации, что ты получила от Киркби, Грейс обвиняют в умышленном убийстве мужа на основании двух фактов. Первый факт: Грейс замыслила убить Майкла ещё накануне вечером. Для этого она выкрала дедушкин револьвер и спрятала его в укромном месте, – Филипп загнул один палец. – Второй факт: украденный револьвер, из которого и был застрелен Майкл, обнаружили в комнате Грейс, – и он загнул второй палец, а после многозначительно постучал костяшками по дверному замку, при этом испытующе поглядывая на Оливию.

Та, нахмурившись, смотрела на него, не в силах понять, чего он от неё добивается. Наконец Филипп, не отличавшийся большим

терпением, вспыхнул:

– Да что тут непонятного-то? Дверь комнаты Грейс была заперта изнутри. Поэтому полицейские не подвергают сомнению тот факт, что она, после того, как застрелила Майкла, вернулась в свою комнату, заперлась и уснула. Но я только что доказал, как при помощи прочной лески и толики усилий можно запереть дверь ключом снаружи так, что выглядеть это будет, словно её заперли изнутри. Теперь понимаешь? Вообще, это старый трюк, я такое проделывал в школе и не раз. Очень удобно, если нужно выиграть время, ведь тем, кто снаружи, ничего не остаётся, кроме как взламывать дверь.

– То есть ты только что запер собственную комнату? – осведомилась Оливия.

Филипп отмахнулся, продолжая развивать свою мысль:

– И вот теперь, когда я доказал, что любой из живущих в Гриффин-холле мог застрелить Майкла, а потом подбросить револьвер в комнату Грейс и запереть дверь так, чтобы всё выглядело, будто она сама заперлась, ты мне веришь? Веришь, что Грейс не совершала преступления?

Он умоляюще смотрел на сестру, и Оливии так сильно хотелось с ним согласиться, что она чуть было не кивнула. Однако слова инспектора о матерях, которые идут на всё, чтобы защитить интересы своего ребёнка, не шли у неё из головы.

– Послушай, Филипп, ну нельзя же в качестве доказательства использовать детские трюки с леской. Кстати, а куда её девать потом? Что, она так и будет торчать из замочной скважины?

Он хитро заулыбался и достал из кармана коробок со спичками. Вынув из картонки одну, он зажёл её и поднёс к кончику лески, свисавшему почти до самого пола. Прозрачная шелковая нить быстро загорелась, и крошечный огонёк стремительно подобрался к замочной скважине, чтобы исчезнуть в её недрах. Ноздри Оливии уловили лёгкий запах жжёных перьев, будто она находилась на кухне, где к обеду готовили курицу, и она с испугом проговорила:

– А ты так весь дом не спалишь? И всё равно, Филипп, ты уж меня прости, но это ничего не доказывает. То, что такой фокус возможен, не опровергает того, что Грейс убила Майкла. Тебе просто очень хочется, чтобы она оказалась невиновной.

Ликование Филиппа испарилось. Он устало привалился к стене и, вынув из кармана платок, принялся обтирать лицо и шею. Плечи его ссутулились, уголки рта горестно опустились.

– Да, – выдохнул он, – ты права, я очень, очень хочу, чтобы Грейс оказалась невиновной. Но даже я понимаю, что шансов на это невероятно мало.

Поистине безграничное терпение инспектора Оливера было вознаграждено тем, что Филипп Адамсон прибыл к нему на допрос не с пустыми руками. Уже с порога он безапелляционно заявил:

– Вы можете вернуть Грейс Хоггарт домой, инспектор. Я выяснил, что улики против неё с высокой долей вероятности были сфабрикованы.

День выдался и так нелёгким, весь последний час Оливер мечтал о чашке горячего чая и двух – нет, лучше трёх! – пирогах с почками, которые подавали в пабе возле почты, и самонадеянность Адамсона привела его в бешенство. Если до этого инспектор просто не слишком симпатизировал близнецам, то с этого момента начал испытывать стойкую антипатию. На ум ему сразу пришли слова старшего суперинтенданта, в чьём профессионализме он никогда не сомневался и которого высоко чтил: «Чаще всего убийцей оказывается либо тот, кто всеми силами стремится остаться в тени и быть тише воды, либо тот, кто активнее всех участвует в расследовании и громче других требует справедливости».

Невзирая на чувства, душившие его при виде Филиппа Адамсона, инспектор учтиво предложил ему сесть и внимательно выслушал. Пока тот говорил, описывая весь процесс фокуса с ключом и леской – запальчиво, чересчур многословно и, разумеется, на взгляд обоих полицейских, совершенно неубедительно, – внутренний голос Оливера надрывался сиреной, возвещая о том, что подозрительнее этого парня только улыбающийся докер, трезвый, как стёклышко, в день получки.

– Я благодарен, мистер Адамсон, что вы нашли время поделиться с нами вашими умозаключениями, – тон инспектора был настолько вежлив, что это не предвещало ничего хорошего. – Но скажите-ка мне

вот что: кто, по-вашему, мог проделать всё то, что вы только что описали? Ведь наверняка для этого требуется определённая сноровка, не так ли? Вот вы, например, как сумели овладеть таким тонким искусством?

– В школе для мальчиков Уиллмилл, – тут же ответил Филипп, который уже понял, к чему ведёт полицейский. – Но уверяю вас, инспектор, я не убивал Майкла Хоггарта, не подкидывал револьвер в комнату Грейс и не запираю её дверь.

– Хм, – Оливер, отбросив хорошие манеры, даже не стал скрывать своего недоверия. – Ну ладно, мистер Адамсон, предположим, что это так. Но тот факт, что вам удалось проделать этот фокус, ещё не говорит о том, что нечто подобное проделал и убийца с целью подставить миссис Хоггарт. Против неё имеются неопровержимые улики, и револьвер – только одна из них.

– Вот и Оливия сказала то же самое, – тон Филиппа был мрачен. – У меня чувство, что я бьюсь лбом о стену. Все с таким спокойствием восприняли её арест, и никто, никто даже и мысли не допускает, что Грейс может оказаться невиновной. Нет, всем проще считать, что именно она убила двоих человек. А тем временем убийца находится на свободе и наслаждается триумфом!

Инспектор первый раз видел Филиппа Адамсона таким взволнованным. Ни следа не осталось от его бесстрастности и вежливой холодности. Молодой человек – намеренно ли он принял подобный вид, или и в самом деле испытывал эти чувства? – с отчаянием переводил взгляд с одного полицейского на другого, пытаясь заставить их поверить в невиновность Грейс Хоггарт.

– Ну и кто же, по-вашему, совершил эти преступления, если миссис Хоггарт невиновна? Кого из обитателей Гриффин-холла вы прочтёте в убийцы?

– А почему вы так уверены, что убийца находится в доме?

– Потому, мистер Адамсон, что тем вечером, когда погибла мисс Белфорт, в поместье находились те же лица, что и в ночь убийства мистера Хоггарта.

– А как же Джереми Эштон, сквайр? Он присутствовал при первом убийстве и имел возможность совершить второе.

– Против мистера Эштона нет никаких улик, – улыбнулся инспектор, которого позабавило детское желание Адамсона обвинить

кого угодно, лишь бы снять подозрения с кухни. – И мотива у него тоже нет. Он никак не выигрывает ни от смерти мистера Крэббса, ни от гибели Майкла Хоггарта.

– Но мы ведь можем не знать всех обстоятельств! – запальчиво выкрикнул Филипп, раздосадованный тем, что инспектор не принимает его доводы всерьёз.

– Вы можете не знать, это так. А я – я должен знать, и знаю. Узнавать обстоятельства – это моя работа, мистер Адамсон. И смею думать, что я хорошо с ней справляюсь.

Назидательность тона инспектора и непробиваемая уверенность в вине Грейс просто опустошили Филиппа. Он вдруг понял, что всё бесполезно – и аргументы, и поиск улики против таинственного убийцы, – ничто не сможет сдвинуть полицейских с той позиции, которую они заняли, и ничто не сумеет поколебать их уверенность в том, что преступник найден и правосудие непременно в самом скором времени восторжествует.

Инспектор отметил про себя эту перемену. Плечи Адамсона опустились, он сидел в кресле как-то полубоком, подобрав длинные ноги, и на лице его появилось растерянное выражение.

– Знаете, мистер Адамсон, я позволю себе дать вам совет, – инспектор сложил пальцы домиком, откинулся на спинку дивана и всё тем же раздражающим, невероятно самодовольным тоном проговорил: – Не тратьте своё время на игры в сыщика. Буду благодарен, если вы передадите мои слова мисс Оливии. Я вижу, что вы вообразили себя такими доморощенными Шерлоками. Поверьте моему опыту, ничего хорошего из этого обычно не выходит. Предоставьте полиции делать свою работу, и, что важно! не мешайте нам, прошу! Я понимаю, вы с сестрой люди молодые, вам скучно, вам хочется развлечься, раз уж вы пока не можете покинуть старый дом...

– У вас какое-то превратное мнение о молодых людях, инспектор, – Филипп не выдержал, хотя пообещал себе не вступать с Оливером в открытую конфронтацию.

– Я скажу проще, мистер Адамсон, – с инспектора слетела вся учтивость и мягкость манер. – Занимайтесь своими делами и не лезьте в расследование. Я второй раз повторять не буду. Кстати, вы уже нашли алмазы? Насколько я знаю обстоятельства, – и Оливер ехидно улыбнулся, – вы отчаянно нуждаетесь в деньгах. С игроками в покер

так бывает, я слышал. Интересно, мисс Оливия знает о ваших затруднениях?

– Сумма моего долга невелика, – процедил Филипп, поражённый, что Оливер в курсе его позорной попытки достать денег. – Я собирался всё уладить, когда вернусь в Лондон.

– Не сомневаюсь, мистер Адамсон, не сомневаюсь, – почти пропел инспектор, глядя на него с непонятным весельем.

Когда Филипп покинул комнату, и дверь за ним закрылась, Оливер позволил себе просвистеть несколько тактов из популярной лондонской пьески и вызвал Энглби, чтобы тот пригласил к нему Себастьяна Крэббса.

– Дело-то, оказывается, интересное, – обернувшись к Киркби, всё так же весело произнёс инспектор. – Ну, послушаем, какие байки расскажет нам мистер Крэббс-младший.

– И вы уверены, что за вами никто не шёл? – инспектор наклонился вперёд, ближе к свидетелю, и на лице его было невозможно ничего прочесть.

– Именно так, – Себастьян Крэббс с усталым вздохом кивнул и посмотрел в окно.

День уже клонился к вечеру, мягкие сумерки окутывали сад. Было понятно, что полицейские ему не верят, да и сам он понимал, как звучит его рассказ в свете произошедших трагических событий.

– То есть прошлой ночью вы никого, кроме спящего констебля Лэмба, не видели и не слышали? Никто вам не попался навстречу, нигде не раздавались подозрительные шорохи?

Себастьян вновь кивнул и перевёл взгляд на каминную полку, где стояли разномастные подсвечники. О своём иррациональном страхе и чувстве, что кто-то злонамеренный следит за ним из темноты, он решил умолчать.

– Мда... – протянул инспектор. – Логично предположить, что именно убийца заперла вас в подвале, чтобы без помех совершить то, что намеревалась. Это подтверждает версию о преднамеренном, а не спонтанном убийстве. – Инспектор черкнул пару строк в блокноте, а

потом доверительно признался: – Знаете, я тут недавно выслушал целую речь в защиту миссис Хоггарт.

– Вероятно, её автором был Филипп Адамсон?

– Да. Молодой человек пытался убедить меня, что миссис Хоггарт невиновна, а улики против неё сфабрикованы. Такого же мнения, как я понял, придерживается и мисс Адамсон. Смешно сказать, но у них там даже что-то вроде собственного расследования. Любопытно, что вы думаете по этому поводу?

Себастьян Крэббс впервые за всю беседу посмотрел на инспектора, хотел было что-то сказать, но передумал и лишь пожал плечами. После продолжительной паузы он всё же ответил:

– И Филипп, и Оливия очень молоды, инспектор. Им невдомёк, что мир не обязан быть таким, каким они хотят его видеть. Люди иногда совершают очень неприглядные поступки, кому, как не вам, это знать. Но тем, кто молод, не хочется в это верить. Им проще прятаться от правды и пытаться собственным благородством заслонить то, что так настойчиво лезет им в глаза. На вашем месте я бы не пытался их переубедить, предоставив это жизни, а сам тем временем делал свою работу, – и он смягчил извиняющейся улыбкой неприкрытую грубость.

– Прошу прощения, я и правда несколько отвлёкся, – инспектор сделал вид, что не обратил внимания на бесцеремонность Себастьяна Крэббса и принялся листать блокнот. – Ах, вот оно! Скажите, мистер Крэббс, а не могло так произойти, что по пути в подвал вы по какой-то причине скрывались в коридоре за портьерой? Дело в том, что один из свидетелей утверждает, будто бы ночью в дом проник посторонний мужчина. И если вначале я не обратил внимания на эти слова, то теперь, когда выяснилось, что констебль Лэмб позволил себе уснуть на посту, они обретают новый смысл. Возможно, вы не хотели раскрывать планы по поискам алмаза, вот и решили скрыть своё присутствие. Это вполне можно понять, мистер Крэббс, и в этом нет ничего предосудительного, но мне крайне важно знать, вас видела свидетельница прошлой ночью или кого-то другого.

Себастьяна заставила усмехнуться примитивная ловушка, которую попытался устроить ему инспектор.

– Нет, детектив Оливер. Повторяю, прошлой ночью, спускаясь в подвал, я не видел никого, кроме констебля Лэмба. А если бы и увидел, то поверьте, вряд ли бы стал прятаться за портьерой.

Инспектор понимающе кивнул и посчитал за лучшее сменить тему.

– Скажите, мистер Крэббс, вы были свидетелем скандала между Грейс и Майклом Хоггартом?

– Нет, я весь прошлый вечер работал у себя в комнате.

– А вообще, на ваш взгляд, какие у них были отношения? Их можно было назвать тёплыми?

Себастьян нахмурился и долго подбирал слова. Наконец он уклончиво произнёс:

– В них была некоторая напряжённость, инспектор. Вам и самому это известно. Думаю, Майкла Хоггарта нельзя было охарактеризовать как заботливого мужа и отца.

– Ну да, ну да, – согласился Оливер и внезапно спросил: – Когда вы узнали, что револьвер мистера Крэббса исчез?

Себастьян от неожиданности заморгал и смешался.

– Не помню даже, – протянул он. – По-моему, после ужина, когда увидел констебля. Я услышал, как отец говорит об этом с тётушкой Розмари.

– Будьте любезны, расскажите, какие мысли посетили вас в первую минуту. У вас не возникло предположение, где может находиться оружие? Возможно, вы заподозрили кого-то, кто мог взять револьвер?

– Не думаю, – после паузы ответил Себастьян Крэббс. – Почему бы мне стоило подозревать кого-то?

– Ну, была жестоко убита девушка, хотя бы поэтому, – мягко заметил инспектор.

– Если я правильно понял, мисс Белфорт погибла по ошибке, – продолжал упрямяться Себастьян Крэббс. – Изначально отравить намеревались моего отца.

– Вас это не тревожит, мистер Крэббс?

– Меня это не удивляет, инспектор.

– Вы позволяете себе весьма безрассудные заявления, мистер Крэббс, – покачал головой детектив. – Я бы посоветовал вам быть осторожнее.

– Боюсь, что в чём в чём, а в осторожности меня обвинить сложно, – сухо ответил Себастьян и добавил фразу, смысл которой

остался для инспектора неясным: – Что бы ни утверждал по этому поводу мой отец.

Глава четвёртая, в которой на имя Майкла Хоггарта приходит письмо

На следующее утро близнецы опоздали к завтраку. Накануне они почти до самого рассвета сидели на чердаке и пытались вывести своё расследование из тупика. На этот раз обошлось без размолвок, но и результата близнецы не достигли. Филипп после отповеди инспектора совершенно потерял веру в то, что им удастся отыскать истинного преступника, и даже проделанный накануне фокус с дверным замком потерял в его глазах статус неопровержимого доказательства невиновности кухни Грейс. Оливия же, наоборот, ощутила в себе бездну сил и, несмотря на кратковременный сон, была полна бодрости.

Войдя в столовую, близнецы застали там бурную дискуссию. Тётушка Розмари, по обыкновению, была взбудоражена больше остальных:

– Это похоже на то, что случилось со свояченицей викария! – круглые голубые глазки пожилой дамы блестели от возбуждения. – Когда её муж покинул этот мир из-за апоплексического удара, то буквально спустя несколько дней ему пришло письмо. И вы никогда не догадаетесь, от кого оно было!

– Скорее всего, от некой дамы, которая до тех пор оставалась неизвестной, – предположил Филипп, который явно был не в духе.

– Откуда... – тётушка Розмари была похожа на раздосадованного ребёнка, чей сюрприз был испорчен. – Так и есть. Письмо было от его любовницы, которая, как выяснилось, встречалась с усопшим каждую вторую среду месяца, и свояченице викария пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить молчать местных сплетниц, хотя, конечно, было уже слишком поздно, потому что... – тут она смешалась, понимая, что сболтнула лишнего.

Матиас Крэббс с неудовольствием взглянул на сестру и счёл необходимым прекратить этот недостойный разговор.

– Довольно, Розмари. Не будем уподобляться деревенским кумушкам. Нужно решить, что делать с этим письмом. Я не думаю, что мы можем себе позволить вскрыть его. Единственным верным решением мне представляется отдать его инспектору.

– А я убеждена, Матиас, что мы сначала должны прочесть его сами, – упрямо возразила тётушка Розмари, и от любопытства её увядшие щёки слегка порозовели.

Близнецы всё ещё не понимали, о чём идёт речь, и Себастьян пояснил в ответ на их недоуменные взгляды:

– С утренней почтой пришло письмо для Майкла Хоггарта.

– Как неожиданно, – протянула Оливия, переглянувшись с братом.

– Ну, довольно, – повторил Матиас Крэббс. – Мне надоело обсуждение этого события. Нам всем давно пора вернуться к нормальному распорядку. Хватает и того, что по дому вечно шныряют полицейские, отвлекая всех от дел и заставляя прислугу нервничать. Миссис Гилмор намекнула о своём уходе, если это всё как можно быстрее не прекратится, и что я буду делать в этом случае, просто ума не приложу. Отыскать в наше время хорошую кухарку практически невозможно.

Вивиан не участвовала в общей беседе. Этим утром она была особенно хороша, и её неуместная, чересчур искусная, на взгляд Оливии, причёска и явственные следы румян на щеках резко контрастировали с утомлённым видом остальных. Девушка мелкими глоточками отпивала горячий кофе, который принесли в серебряном кофейнике специально для неё, и пробегала глазами только что полученное письмо. Ни воркотня Матиаса Крэббса, ни причитания тётушки Розмари не могли отвлечь её от этого занятия.

– А можно мне взглянуть на письмо для Майкла, дедушка?

Оливия не ожидала отказа и тем более не предполагала, что её кроткая просьба вызовет бурю возмущения

– А зачем вам это, юная леди, позвольте спросить? Нет, меня поражают современные девушки! – завёлся Матиас Крэббс, размахивая письмом. – Никакого понятия о приличиях! Готовы на всё, лишь бы потешить своё любопытство. Хочу напомнить, если кто забыл: в моём доме произошла трагедия! Да, да, трагедия! Убита моя невеста, застрелен Майкл Хоггарт! Два человека покинули этот мир раньше срока, ну разве это не ужасно?! Симмонс, унесите письмо в холл, сразу же после завтрака я сообщу о нём инспектору. И до этих пор никто! Все слышали? Никто не должен к нему прикасаться!

Дворецкий с лёгким поклоном принял злополучное письмо на поднос и неспешно вынес его из столовой. Близнецы, снова

переглянувшись, извинились и вышли вслед за ним.

Когда Симмонс удалился, Оливия, убедившись, что её никто не видит, взяла в руки конверт и внимательно прочла имя отправителя и его адрес. Сюда, в холл, продолжал долетать голос всерьёз разошедшегося Матиаса Крэббса.

– Ума не приложу, почему он так взбеленился, – с досадой сказала Оливия. – В этот раз в число неудобных попала я.

– Не обращай внимания, – отмахнулся Филипп. – У старика сдают нервы. В чём-то он прав – не всё ли равно, кто прислал письмо Хоггарту? Бедняге его уже не прочесть. Есть в этом что-то жуткое, правда?

Оливия согласно кивнула, а потом, вздохнув, как перед тяжёлой работой, сообщила:

– Я возьму макинтош, а ты иди за своим пальто. Хватит сидеть и трепаться, пора действовать. Мы отправляемся осматривать место преступления.

Энергии Оливии хватило и на то, чтобы разработать план действий, и на то, чтобы убедить Филиппа в необходимости таковых. Близнецы, вяло пререкаясь, отправились к ручью, выбрав окольный путь, чтобы их не видел никто из дома.

С самого утра моросил мелкий дождь, и прогулку нельзя было назвать приятной, к тому же им предстояло осмотреть место, где чуть более суток назад застрелили Майкла Хоггарта.

– Что ты надеешься там найти? – недовольно ворчал Филипп, которого лихорадочная активность сестры утомила с самого начала. – Полицейские там уже все осмотрели, все следы затоптаны, тело забрали.

– Не называй Майкла телом, прошу, – содрогнулась Оливия. – Ничего нет хуже этого. Вот жил человек, жил, на что-то надеялся, чего-то хотел, играл в теннис – и довольно неплохо, между прочим, – а потом умер и стал просто телом. Это... отвратительно. Я это слово с детства терпеть не могу. Ещё когда...

Филипп сразу понял, что она имеет в виду. После исчезновения Изабеллы близнецов шелестящим облаком окружали разговоры взрослых, которые велись зловещим шёпотом.

Эта часть сада находилась в низине, и туфельки Оливии из тонкой замши сразу же промокли насквозь, но её исследовательского пыла такая мелочь ничуть не охладила. Дождь усилился, и теперь мерный шорох капель и туманная дымка отделили близнецов от большого дома и всех, кто там находился.

Осторожно пробравшись через заросли ежевики, они ступили на лужайку у ручья. Здесь и правда не осталось никаких следов, кроме выкопанной ямы, возле которой обнаружили застреленного Майкла. В ней скопилась вода, и плавало несколько пожелтевших листьев.

– У меня вот что всё из головы не выходит, – пожаловалась Оливия, присев на краешек опрокинутой скамьи, – видела тётушка Розмари в ту ночь мужчину за портьерой или у неё фантазия разыгралась?

– Мне тоже это не даёт покоя, – признался Филипп, усаживаясь напротив. – Беда таких тётушек в том, что, что бы они ни утверждали, все считают их выжившими из ума и не прислушиваются к их словам. Я вчера сам почувствовал себя такой вздорной тётушкой, когда убеждал инспектора и сержанта, что Грейс невиновна в смерти Майкла. Видела бы ты, как они на меня смотрели. Я думал, что Оливер предложит мне чашку мятного чая и тёплый плед.

– Просто если в коридоре и правда кто-то был, – продолжала Оливия, рассеянно принимая сигарету, – то почему бы не предположить, что это был Джереми Эштон?

– Ты думаешь, что кузина Вивиан по ночам встречается с ним в Гриффин-холле?

Оливия закатила глаза.

– Знаешь, от этой твоей кузины Вивиан всего можно ожидать. Ты и не представляешь её безобразное поведение, когда мы гостили у Эштона. Я ещё никогда не была такой лишней, а она явно воображала себя царицей Савской, не иначе. Ну или Клеопатрой, одновременно флиртующей с Цезарем и Марком Антонием. Если бы можно было играть в теннис втроём, думаю, меня бы отправили смешивать коктейли.

– Ццц. Зависть – ужасное чувство, сестрёнка, – вкрадчиво сказал Филипп. – И она такая же моя кузина, как и твоя. Родственников не выбирают, знаешь ли. К тому же она американка. А Эштон мне давно кажется подозрительным. Он находился в Гриффин-холле в тот вечер, когда убили Айрис. Я пытался обратить внимание инспектора на этот факт, но тот отмахнулся. По-моему, он просто хочет быстрее закрыть дело. Ведь так удобно получается: неверный муж и жена всё время вздорят, а потом происходит финальный скандал, нервы у жены не выдерживают, она прячет револьвер, выслеживает ночью мужа, застаёт его за тем, что он собирается похитить принадлежащий ей алмаз, и всё! Раздаётся выстрел, дело сделано. Вот только Грейс не стала бы после этого хранить револьвер в своей комнате. И она бы не допустила, чтобы её обвинили в убийстве, ведь тогда малышка Полли останется совсем одна – и без отца, и без матери.

– Всё так, – согласилась Оливия, – но ты не принимаешь во внимание её состояние. Не каждый, знаешь ли, способен сохранить ясность рассудка после убийства. Этим, думаю, и объясняется её заторможенное состояние на следующее утро. Её психика буквально уснула, чтобы не допустить осознания того, что она совершила. И потом, я сама видела её, когда помогала Дорис упаковать вещи. Грейс, мне кажется, даже не узнала меня. Она вся была как неживая, просто жуть берёт, как вспомню. И у неё все руки были исцарапаны, а чулки в стрелках и каблуки туфель в засохших комьях земли. И ещё... Я тебе не рассказывала, но Киркби проговорился: здесь, на месте преступления, в ежевичных зарослях нашли её платок. Полицейские предполагают, что она стёрла им отпечатки пальцев с оружия убийства.

– Глупость какая, – возмутился Филипп. – Вот это уже чересчур. Истинный убийца просто издевается и над нами, и над полицией. Почему ты сразу не сказала мне об этом? Разве ты не понимаешь, что эта деталь автоматически означает невиновность Грейс?

Он выпустил дым, и тот лёгким облачком завис над ручьём, а потом рассеялся, смешавшись с туманной взвесью. Утренняя прохлада заставила Филиппа поёжиться и поднять воротник пальто. Он сидел, нахмурившись и не глядя на сестру, и Оливия поняла, что должна извиниться.

– Прости меня, пожалуйста, – попросила она. – Но я не хотела тебя напрасно обнадеживать. И сейчас не хочу. Грейс ведь могла и

подстроить эти намёки на свою невиновность. Чего уж проще – если совсем не остаётся выхода, то все средства хороши. Если это так, то я понимаю, почему она обратилась именно к тебе, когда её увозили полицейские. Ты всегда был на её стороне, она видела в тебе защитника и легко могла вообразить, что ты будешь защищать её, несмотря ни на что.

– А ты нет? – колючий взгляд Филиппа больно ранил Оливию. – Ты сможешь спокойно жить, если Полли останется сиротой? Тебя не будет терзать мысль, что, возможно, Грейс была ни в чём не виновата?

– Если Грейс ни в чём не виновата, то мы найдём этому доказательства, – твёрдо ответила Оливия, вставая со скамьи и потуже перепоясывая старый макинтош Крэббса. – Поверь, спокойно смотреть на происходящее я не собираюсь. Поднимайся, у нас сегодня много дел.

Дел у близнецов и правда было много. Вернувшись в дом, они обнаружили, что тётушка Розмари отдыхает у себя, Матиас Крэббс ожидает приезда инспектора в гостиной, а Вивиан Джереми Эштон пригласил прогуляться по окрестностям и прислал за ней машину. Себастьяна, как обычно, было не видно, он, скорее всего, работал или в библиотеке, или в своей комнате.

Оживлённая, с сияющими глазами, американская кухня торопливо натягивала перчатки. Вид у нее был цветущий, даже и не скажешь, что в доме произошло два убийства, в которых обвиняют одного из членов семьи Крэббс. Оливия не слишком приязненно оглядела девушку с ног до головы.

– Как там погода? – обратилась Вивиан к Филиппу, машинально принимая выгодную позу и игнорируя его хмурую сестру.

– Льёт проливной дождь, а с побережья дует промозглый ветер, – опередила брата Оливия. – Рекомендую надеть плащ и резиновые сапоги.

Вивиан улыбнулась ей сладкой, многозначительной улыбкой, которую каждая женщина расценила бы как объявление начала боевых действий.

– О, британское чувство юмора всегда меня забавляло, – промурлыкала она и, кивнув Филиппу, вышла в услужливо открытые Симмонсом двери напрямик к поданному для неё экипажу.

Дворецкий, поклонившись, удалился, как всегда неспешно и с колоссальным достоинством. Близнецы остались одни.

Оливия пригладила промокшие волосы и решительно скомандовала:

– А теперь тебе, Филипп, предстоит работёнка. Нужно отвлечь миссис Уоттс. Придумай сам, зачем она тебе понадобилась. А я тем временем стяну у неё ключи от бывшей оранжереи.

– Почему не попросить открыто? – засомневался Филипп. – А если она заметит?

– Если она заметит пропажу, то спишет её на проделки мелкого народца. На нас она никак не подумает. Тут, в Гриффин-холле, прислуга все странности привыкла списывать на эльфов, хобгоблинов и прочих персонажей фольклора. Я уже предостаточно наслушалась этих историй. Суеверия в сельской местности – это способ как следует развлечься. Вспомни детство, мы же вечно водили добрую женщину за нос и никогда не попадались.

– Грейс как-то раз попалась, – вспомнил Филипп. – Мы тогда стащили целый пирог с вареньем и устроили пир на чердаке. Но одна из горничных – Элина, такая белобрысая девица с чудовищно огромными ногами, помнишь её? – увидела Грейс и подняла крик. Миссис Уоттс тогда пришлось наказать Грейс, хоть я и говорил, что мы с тобой тоже участвовали в проделке.

– Ну, теперь-то ей грозит совсем другое наказание, – проговорила Оливия, пригладив влажные волосы и обнаружив после этого ещё более сильное сходство с братом. – Не стой столбом, отправляйся вниз, а то скоро приедет инспектор Оливер со своим верным оруженосцем. Вымани Уоттс из-под лестницы и уведи подальше – мне хватит и пяти минут, я помню, как выглядит ключ.

Филипп отправился во владения экономки напрямик – через гостиную и библиотеку, встретившись по дороге с Матиасом Крэббсом, а Оливия избрала окольный путь, воспользовавшись лестницей для прислуги. После утренних событий хозяин Гриффин-холла всё ещё был не в духе, и, увидев Филиппа, недовольно заворочал бровями, но от вопросов и замечаний воздержался.

Экономка приветствовала Филиппа до того радушно, будто они встретились после долгой разлуки. Спустив пенсне на грудь и оторвавшись от пухлой тетради в коричневой коленкоровой обложке, она усадила «бедняжку» (так до сих пор она мысленно называла близнецов), напротив себя и, сломив его возражения, вызвала Дорис и приказала ей принести две чашки чая и засахаренных фиг, к которым Филипп в детстве питал необъяснимую страсть. Это заставило его испытать жесточайший стыд из-за того, что он только сейчас удосужился спуститься в кухню и навестить женщину, чья доброта много лет назад отогрела их с Оливией сердца.

Поедая фиги под умильным взглядом миссис Уоттс, Филипп чувствовал себя прескверно. От приторного лакомства сводило зубы, от духоты маленькой комнатухи лоб его покрылся испариной, и при этом становилось ясным, что выкрасть ключ от мастерской придётся именно ему.

Перебрав все возможные варианты, которые могли бы отвлечь внимание экономки, Филипп уже приготовился действовать, но тут в коридоре раздался истошный визг.

Миссис Уоттс подскочила на месте и расплескала чай. Резко встала, охнула, схватилась за поясницу и поспешила выяснить, что произошло во вверенном её попечению королевстве. Как только экономка вышла, Филипп тут же кинулся к противоположной стене, где были развешаны ключи от всех помещений Гриффин-холла. Сверху вниз шли небольшие, натёртые песком до блеска ключи от жилых помещений, а почти у самого пола, на одном гвозде один за другим висела гроздь разномастных ключей, среди которых ему предстояло отыскать один-единственный нужный.

В коридоре тем временем слышалась непонятная возня и вскрики – то возмущённые, то жалобные. Что там происходит на самом деле, понять было невозможно, но в одном Филипп не сомневался ни минуты – к происходящему приложила руку Оливия. Это было так похоже на их детские проказы, которые неизменно приводили отца в восторг, а Изабеллу в смятение, что сердце заныло от странной тоски.

Дверь, тихо скрипнув, отворилась. Филипп в замешательстве застыл на месте, но это была всего лишь Оливия.

– Ну что ты там копаешься?! – прошипела она. – Уоттс сейчас вернётся! Пусти-ка!

Пробежав пальцами по ключам, она выдернула из общей связки один – с затейливой бородкой и овальным кольцом, – и сунула его в карман. Секунду поколебавшись, она взяла ещё один, и Филипп понял, что не так уж она уверена, что всё делает правильно.

Выйти из каморки они не успели – миссис Уоттс вернулась в тот момент, когда близнецы оказались на пороге. На лице экономки застыли негодование и растерянность, аккуратно уложенные в узел волосы растрепались.

– Вот глупая девчонка! – выдохнула она и упала на заботливо придвинутый Филиппом стул. – Увидела мышь в кладовой и подняла визг до небес. Я думала, у меня голова лопнет от её криков.

Заплаканная Дорис маячила в коридоре, бормоча извинения, и когда близнецы удалились на достаточное расстояние, Филипп подозрительно, но и с некоторым уважением спросил сестру:

– И где, скажи на милость, ты раздобыла мышь?

– Нигде, – улыбнулась Оливия. – Не было никакой мыши. Просто иногда достаточно намекнуть, что она есть, и впечатлительная горничная её непременно увидит. Не спеши меня осуждать – заодно я узнала кое-что любопытное: маленький народец в Гриффин-холле не только бьёт стёкла и ворует у прислуги разные мелочи. Оказывается, продырявленные скатерти тоже пропали, и Дорис клянётся, что она здесь ни при чём.

Старая оранжерея, обращённая Матиасом Крэббсом в художественную мастерскую, всё это время простояла закрытой. Горничные наотрез отказывались заходить в помещение, где произошло убийство, и на всех предметах лежал слой пыли. Запах масляных красок и старого дерева напомнил близнецам тот трагический вечер. Разбитое стекло так и не заменили, и ветер шевелил тонкие, полупрозрачные листы раскрытого альбома с набросками.

Они вошли и аккуратно притворили за собой дверь. Двигаясь на цыпочках, обошли стену, увешанную картинами. Стол, за которым в

тот вечер сидел Матиас Крэббс с молодой невестой, был пуст, только на деревянной столешнице стояла спиртовка.

– Всего несколько дней прошло, – тихо сказала Оливия, – а Айрис и Майкл мертвы, и Грейс в полицейском участке. Не того мы с тобой ждали от этой поездки. Может, и правду говорят, что не стоит возвращаться в то место, где ты был когда-то счастлив?

– Может, и так, – покладисто согласился Филипп, задумчиво прохаживаясь возле панорамного окна. – Рамы совсем разохлись. Не удивительно, что стёкла вылетают при малейшем порыве ветра. Миссис Уоттс стоило бы пригласить стекольщика из деревни, а не обвинять мелкий народец в проказах. Чепмен явно не справляется с этой работой.

Он наклонился ниже, а потом и вовсе встал на колени, разглядывая что-то, лежавшее на полу. Оливия медленно прошла вдоль стены, где висели картины Матиаса Крэббса. Подавляющее большинство полотен изображало Айрис Белфорт – на фоне заросшей плющом стены, лежавшей на кушетке с книгой в руках, в яркой шляпе с огромными полями, с букетом садовых роз, – и на каждом девушка смотрела прямо в глаза зрителю, пытливо и без улыбки.

От обилия её изображений Оливии начало казаться, что Айрис – всюду, что дух её так и не покинул мастерскую, превратившуюся для несчастной девушки в стеклянную западню. Глубоко посаженные глаза под широкими бровями и тонкие складки у рта придавали её лицу неприятный, подозрительный вид, будто она заранее знала о своей участи и требовала отщепенца. Коротко стриженные тёмные волосы облегли маленькую голову как шлем, отчего шея выглядела чересчур длинной.

– А знаешь, художник Айрис совсем не льстил, – заметила она, сравнив все изображения. – Ну или она правда была дурнушкой. Ты помнишь её? Честно говоря, если я думаю о ней, то ничего не могу с собой поделать – перед глазами стоит только тот момент, когда она уже умирала.

Из угла мастерской донеслось неразборчивое бормотание. Заглянув туда, Оливия обнаружила Филиппа, ползающего на коленях и внимательно что-то рассматривающего.

– Ты сейчас похож на ищейку, которая вынюхивает след, – развеселилась она. – Видел бы тебя инспектор! Чем ты там

занимаешься, позволь спросить?

– Я кое-что нашёл. Только не знаю, важно ли это.

С этими словами он встал и, даже не отряхнув брюк, приблизился к Оливии и высыпал ей на ладонь несколько пружинок из тонкой проволоки.

– Вот, посмотри. Как думаешь, для чего они?

– Понятия не имею, – протянула Оливия, пожав плечами. – Наверное, Чемпен с их помощью стеклит окна. Почему тебя это так заинтересовало?

– Сам не знаю, – махнул рукой Филипп и, собрав пружинки, выкинул их в сад. – Мне начинает казаться, что инспектор прав. Мы как дети – крадём ключи у экономки, пытаемся обнаружить важные улики, которые просмотрела полиция. Матиас устроил игру в поиск сокровищ, а мы – в убийство. Если бы не арест Грейс...

Он засунул обе руки в карманы брюк, задрал голову кверху и долго так стоял, покачиваясь с пятки на носок, насвистывая грустный мотив и наблюдая, как по стеклянной крыше с тихим шелестом сползают капли дождя.

За письмом, пришедшим на имя Майкла Хоггарта, инспектор Оливер приехал лично. На этот раз с ним не было сержанта Киркби, и Оливия с трудом скрыла разочарование.

В своём расследовании она делала большую ставку на то, что, прибегая к различного рода ухищрениям, могла получить свежую информацию об обстоятельствах дела из первых рук. Разумеется, сержант Киркби не должен был делиться с ней подробностями, но Оливия, ничуть не терзаясь муками совести, так аккуратно и изящно умудрялась выпытать у него интересующие её подробности, что это даже и разглашением назвать было сложно. Скорее, доверительной беседой двух симпатизирующих друг другу людей.

Как ни странно, но Оливия и правда чувствовала к полицейскому искреннюю симпатию. Его невыразительная внешность помехой этому вовсе не была, наоборот, сдержанные и учтивые манеры сержанта заставляли девушку, обычно державшую себя насторожённо по

отношению к незнакомцам, чувствовать спокойствие и уверенность. Ещё в самую первую их встречу, когда Киркби, такой нелепый в своих попытках выглядеть солидно, допрашивал её, Оливия поймала себя на мысли, что, хотя сержанта и не назвать красавцем, он, несомненно, вполне достойный молодой человек. Признаться даже самой себе, что ей льстят и невероятно приятны его тщательно скрываемые восхищённые взгляды, она не желала.

Оливер сразу по приезде прошёл в библиотеку, где его ожидал хмурый хозяин дома. Оливия не знала, о чём они говорили, но вышел инспектор быстро и в дурном расположении духа.

– Простите, сэр, – остановила она его, – но могу ли я увидеть миссис Хоггарт? Она собиралась в такой спешке, что позабыла кое-что из вещей, которые могут ей понадобиться. Я ведь правильно понимаю, что сегодня она не вернётся в Гриффин-холл?

– Можете передать вещи через меня, мисс Адамсон, – и инспектор, которого не покинула обычная его учтивость, сдержанно поклонился ей.

– Я бы хотела передать их лично, если это возможно, – настаивала Оливия. – Думаю, миссис Хоггарт пойдёт на пользу родственная поддержка. Ведь ей пока не предъявлено официальное обвинение?

– Не предъявлено, – ответил инспектор сухо. – Однако я вынужден настаивать, чтобы ваша беседа проходила в присутствии старшего констебля Лэмба.

– Это тот полицейский, который уснул на посту? – невинно поинтересовалась Оливия.

– Или сержанта, – чуть покраснел Оливер. – Наедине вам увидаться не удастся, так что не рассчитывайте, что сможете вести расследование у меня под носом. Я уже предостерегал мистера Адамсона, как опасны заблуждения дилетантов в собственной проницательности и как они вредят следствию.

– Что вы, инспектор! У меня и в мыслях не было! – Оливия, казалось, всерьёз обиделась.

Оливер, смягчая предыдущие слова и их тон, предложил:

– Если угодно, то вы можете поехать со мной. Однако времени у меня совсем мало. Я смогу ждать вас не более четверти часа.

Оливии понадобилось только половина времени, великодушно предоставленного ей инспектором. Когда она спустилась в холл в

изыщном дорожном костюме из чесучи и с лакированной сумочкой в руках (что, в общем-то, вместе с единственным платьем и составляло весь её приличный гардероб), взгляд Оливера задержался на девушке чуть дольше положенного, до того она изменилась.

По дороге в полицейский участок инспектор развлекал на удивление похорошевшую мисс Адамсон беззубыми местными сплетнями и старался держаться дружелюбно. Оливия оценила его дипломатичность, вознаградив улыбкой, а сама лихорадочно размышляла, как в присутствии полицейского выпытать у Грейс то, ради чего она ехала к ней. Киркби – не горничная, его внимание выдуманной мышью не отвлечёшь. Инспектор же расценил молчаливость своей пассажирки как смятение перед посещением преступницы.

Застоявшийся воздух в полицейском в участке тоскливо пах воском и почему-то свежей хвоей. Оливию проводили в маленькую комнату с зарешеченным окном, где стоял узкий стол и два унылых стула, выкрашенных в охряной цвет.

Когда в помещение в сопровождении сержанта вошла кузина Грейс, Оливия поспешно встала и хотела подойти к ней, но остановилась и только беспомощно протянула ей свёрток с вещами, который та не приняла. Лицо Грейс было бесстрастным, глаза пустыми, а губы обкусаны так жестоко, что рот казался запёкшейся раной. Выглядела она, словно жертва автомобильной аварии. Тело кузины сотрясала мелкая дрожь, хотя на ней была тёплая шерстяная накидка и отчего-то даже перчатки.

Когда женщины уселись друг напротив друга, Киркби с напускным равнодушием отвернулся к двери, сцепив руки за спиной. Его немного оттопыривающиеся крупные уши, как и шея над воротничком мешковатого костюма, покраснели.

– Грейс, мне необходимо задать тебе несколько вопросов, – как можно тише произнесла Оливия, но в полупустой комнате её голос раздавался гулко, как если бы она говорила в дымоходную трубу. – Ты поговоришь со мной?

Кузина сфокусировала взгляд на Оливии, но у той всё равно было ощущение, что мыслями Грейс находится сейчас где-то значительно дальше, чем полицейский участок Грейт-Бьюли. Однако спустя полминуты она кивнула.

– Постарайся вспомнить, не заходил ли кто-нибудь к тебе в комнату той ночью? Да, ты крепко спала, но вдруг ты что-то слышала. Или то, что происходило, могло тебе присниться. Знаешь, как разговоры в поезде, когда задремлешь во время путешествия.

Грейс медленно, с видимым усилием помотала головой и пожаловалась:

– У меня так болит голова! Я ничего не понимаю. Мне сказали, что Майкл умер, а ведь я видела его сегодня утром. Он был такой ласковый. Рассказал мне пару забавных историй. С ним всегда так весело.

– Грейс, сосредоточься, пожалуйста. Это очень важно. Ты выходила позавтраком ночью из своей комнаты? Ты встречалась с Майклом у ручья? Вы могли вместе искать алмаз.

– Майкла скоро повысят. Он сам мне сказал, – доверительно призналась Грейс, наклонившись ближе к Оливии. – И тогда он купит мне бриллиантовые серьги.

Она мелко закивала, улыбаясь, и эта улыбка больше всего увиденного ужаснула Оливию. Грейс, хоть и была тщательно причёсана и одета, выглядела такой постаревшей, утомлённой, что казалась женщиной средних лет, ближе по возрасту к тётушке Розмари, чем к близнецам. Острое чувство жалости чуть не заставило Оливию бросить свою затею и перестать терзать несчастную. Однако, мельком оглянувшись на Киркби, который делал вид, что не слушает их беседу, она всё же продолжила попытки достучаться до разума Грейс.

– Грейс, соберись! – приказала она, хлопнув ладонью по столу. Хлопок заставил кухню вздрогнуть, и на мгновение взгляд ее стал чуточку осмысленнее, но тут же глаза заволкло, будто туманом. – Ты нужна своей дочери. Малышка Полли слишком мала, чтобы остаться одной. Ты что, хочешь, чтобы она выросла никому не нужной? Одинокой, никем не любимой?

Проклиная себя в душе за то, что собиралась сделать, Оливия вынула из принесённого ею свёртка тряпичную куклу, в обнимку с которой спала девочка. Пододвинула игрушку к Грейс, внимательно наблюдая за её лицом.

– Это же Мегги-Пегги, – механически произнесла та, но осталась неподвижной и куклу в руки не взяла.

Однако с ней явно начало что-то происходить. Заблестели глаза, Грейс принялась часто моргать, как если бы ей в глаза попал мелкий песок, потом её руки принялись растирать шею. Перчатки она так и не сняла. От грубых движений завязки старомодной шерстяной пелерины развязались, и накидка заскользила вниз – Грейс даже этого не заметила.

Пользуясь проблеском осознанности, сменившим вязкие грёзы, Оливия быстро, не теряя времени зря, принялась бомбардировать кухню вопросами:

– Так ты выходила из комнаты? Скажи мне, Грейс, скажи правду. Ты ходила с Майклом к ручью? Если нет, то почему ты так крепко спала? Ты что-нибудь слышала? Кто-то входил в твою комнату? Вспоминай, Грейс, ну же!

– Ручей, – сказала наконец Грейс. – Я была там. Там хорошо.

– С кем ты там была? – сердце Оливии затопило разочарование, так сильно ей хотелось верить в невиновность кухни.

Грейс нахмурилась, лицо её омрачилось.

– Такой он всё-таки неприятный, – снова наклонившись к Оливии, поделилась она. – Говорит такие неприятные вещи. Думаю, ему нравится говорить неприятные вещи.

– Кого ты имеешь в виду, Грейс?

Кухина снова погрузилась в себя. Опустив взгляд на колени, она чуть качала головой и что-то тихо бормотала себе под нос.

– Кто ещё был у ручья, Грейс, ответь мне, – потребовала Оливия. – Кто говорил тебе неприятные вещи?

– Дедушка Матиас, конечно, – со злобной обидой ответила Грейс. – И маме про гибель папы сообщил именно он, я точно знаю. Мне миссис Уоттс про это рассказала. Поэтому она и умерла. Только на самом деле это Майкл умер.

Быстрым и цепким движением Грейс схватила куклу дочери и прижала к груди. Дыхание её стало частым, прерывистым, словно она взбиралась на крутую гору. Зрачки сузились, на бледных щеках появились красные пятна. Слезы, душившие её, всё не могли прорваться, и Грейс в тишине казённой и тоскливой комнаты походила на пойманного в ловушку зверька, который в этот самый момент понял, что выхода из неё нет. Наконец она зарыдала – жалобные эти стоны были исполнены отчаянной, надрывной мольбы.

Тягостная сцена испугала и Оливию, и Киркби, и они в молчаливом единении продолжали стоять в коридоре, пока Грейс уводили. Оливия была благодарна сержанту, что он не оставил её одну, и когда тот, поддавшись порыву, попытался успокоить девушку, легонько и мимолётно сжав её руку пониже локтя, не возмутилась, а ответила благодарным взглядом.

Глава пятая, в которой сержант Киркби ради Оливии Адамсон нарушает правила, а инспектор Оливер опасается совершения ещё одного преступления

После посещения кухни Грейс Оливия собиралась вернуться в Гриффин-холл пешком. Дождь прекратился, небо расчистилось от туч, и прогулка, как она надеялась, поможет ей развеяться и прийти в себя. Однако у неё оставалось ещё одно незавершённое дело.

Пока сержант провожал девушку к выходу из полицейского участка, она мучительно искала повод, чтобы остаться с ним наедине и спокойно разузнать интересующие её подробности расследования. Киркби был немногословен, задумчив, и ей стоило больших усилий поддерживать разговор, который она тщетно пыталась повернуть в нужное русло.

Оливии не оставалось ничего другого, как изобразить дурноту. Пошатнувшись, она прислонилась к стене и часто задышала, прикрыв глаза. Лакированная сумочка и свёрток выпали из её рук, упали на серый каменный пол. Из уголка свёртка виднелась нога куклы Мегги-Пегги, обутая в вязаный башмачок.

– Что с вами, мисс Адамсон? Вам дурно?

– Голова внезапно закружилась. Сейчас пройдёт, – слабым голосом ответила девушка, не открывая глаз. – Мне бы стакан воды и посидеть пять минуточек в тихом месте.

Бережно и очень церемонно Киркби проводил такую хрупкую, такую впечатлительную мисс Адамсон в ближайший кабинет и помог ей устроиться. Через минуту он принёс ей воду и пустую картонную папку, которой можно было обмахиваться. Пока он отсутствовал, Оливия подбежала к столу на цыпочках и жадным взглядом просмотрела лежавшие там документы. Ничего по поводу убийств в Гриффин-холле там не было.

Отпивая маленькими глоточками воду и намереваясь растягивать её как можно дольше, Оливия пыталась нащупать в разговоре нить, что позволит ей перейти к делу.

– Вы должны простить мне эту слабость, сержант. Я так разволновалась, увидев миссис Хоггарт. Она показалась мне нездоровой. Вы уверены, что ей стоит находиться здесь? Даже если она подозревается в перступлениях, может быть, вы сможете допросить её в Гриффин-холле?

Киркби с сожалением покачал головой и развёл руками:

– Приказ инспектора, мисс Адамсон. Я ничего тут не могу поделывать. Думаю, как только её смогут допросить, то непременно отпустят до предъявления официального обвинения. Ну, если она не признается в преступлениях сама.

Оливия нахмурилась:

– То есть инспектор ещё не допрашивал её?

– Вы же видите, в каком состоянии миссис Хоггарт. Мы пока ничего не можем узнать от неё. Доктор после осмотра сказал, что она находится в сильной прострации и не отвечает за свои слова и поступки.

– Ох, сержант, мы всё сейчас находимся в прострации. Такое происходит, что просто не знаешь, чего же ждать дальше. Да ещё это письмо на имя Майкла...

Оливия покачала головой и принялась обмахиваться папкой. Несколько прядей выбились из причёски и взлетали в такт каждому дуновению, щёки её были бледны, у рта появились горестные складки. Киркби зачем-то подошёл к окну, заглянул в него, а потом, не поворачиваясь, тихо проговорил:

– Конверт был пуст. В нём не было письма.

– Что? – Оливия, позабыв, что страдает от головокружения и слабости, выпрямилась на стуле и бросила папку на колени.

– Мы обнаружили в конверте пустой лист, – повторил сержант, поворачиваясь, и девушка снова схватилась за папку, принимаясь обмахивать лицо.

– Но кому придёт в голову присылать мертвецу пустой лист бумаги? А я так надеялась, что письмо что-то прояснит, – разочарованно произнесла она, не глядя на Киркби. – А оно оказалось пустышкой.

– Не только письмо, – и Киркби, торопливо придвинув стул, уселся напротив девушки и наклонился вперёд. – Флакон с каплями мисс Сатклифф – тоже пустышка. В нём простая вода и ничего более.

Так что миссис Хоггарт для своей защиты никак не может сослаться на то, что мятные капли оказали на неё усыпляющее действие. Присяжные её просто поднимут на смех.

Глаза девушки округлились. Оливия с таким изумлением смотрела на сержанта, что напрочь забыла о необходимости изображать слабость.

– Как интересно, – протянула она, не сводя с Киркби рассеянного взгляда, отчего он слегка покраснел. – Это что же получается, кто-то намеренно... – И она с жаром заговорила: – Знаете, сержант, я, конечно, не настолько сведуща в полицейских расследованиях, как вы, но, мне кажется, что следственный эксперимент мог бы пролить свет на происходящее. Вы так не считаете? Пока миссис Хоггарт не пришла в себя, расследование стоит на месте. Мы могли бы устроить реконструкцию того вечера, когда погибла мисс Белфорт. Собрать всех, кто присутствовал при первом убийстве, и воспроизвести действия каждого. Я уверена, что дедушка Матиас не будет противиться. Только вот инспектор Оливер меня даже слушать не станет. Что, если вам предложить...

Договорить девушка не успела. В кабинет, спиной назад, прижимая обеими руками и подбородком к себе кипу картонных папок, вошёл констебль О'Нил. Сержант тут же отпрянул и придал лицу равнодушно-официальное выражение. Оливия мгновенно сообразила и принялась натягивать перчатки.

– О, спасибо огромное, мистер Киркби, сэр. Я так вам признательна за участие, – проговорила она извиняющимся тоном. – Вы просто спасли меня. Мне уже намного лучше, честное слово.

– Рад это слышать, – поднявшись со стула, сержант учтиво поклонился ей. – О'Нил, проводите мисс Адамсон к выходу.

Когда Оливия в сопровождении констебля покинула архивную комнату, Киркби ощутил лёгкие угрызения совести из-за того, что поделился с ней подробностями расследования. Однако мысль о следственном эксперименте пришлась ему по душе. А уж какой благодарный взгляд подарила ему мисс Адамсон! Оставалось только убедить детектива Оливера в необходимости подобных действий.

Пока Оливия добиралась до Гриффин-холла, в голове её сложился весьма хитроумный план. Она пока не собиралась делиться с братом всеми его подробностями, но некоторые моменты обсудить следовало незамедлительно.

Взглянув на часики, она торопливо поднялась по ступенькам и рассеянно кивнула Симмонсу, передавая ему тёплую накидку, промокшую чуть ли не насквозь.

Не терпящим возражений тоном дворецкий произнёс:

– Я распоряжусь, мисс Оливия, чтобы вам в комнату принесли грелку и чашку горячего чаю.

Оливия сперва хотела было запротестовать, но, почувствовав, как заledenели на промозглом ветру ее руки и ноги, с признательностью улыбнулась старому слуге.

– А где Филипп? Симмонс, вы не видели моего брата?

– Он в библиотеке, беседует с мисс Крэббс.

– Вот как? Она уже вернулась? – разочарованно спросила Оливия, недовольная тем, что кузина Вивиан опять захватила внимание Филиппа. – Симмонс, вы не могли бы передать ему, что я вернулась из участка и буду рада, если он зайдёт ко мне?

Дворецкий невозмутимо кивнул, и Оливия отправилась в свою комнату, на ходу подбирая слова, которые смогут убедить Филиппа в её правоте.

Она успела переодеться в сухую и более привычную для неё одежду, пройтись щёткой по волосам и дождаться Дорис, которая, деликатно постучавшись в дверь, внесла серебряный поднос с чайными принадлежностями и восхитительно горячую грелку в пухлом вышитом чехле.

Оливия успела уютно устроиться в кресле, завернувшись в тёплую шаль и бросив грелку под ноги, когда в дверь снова постучали и вслед за этим в комнату вошёл Филипп. Вид у него был взволнованный, глаза лихорадочно блестели.

– Послушай, что я выяснил у кузины Вивиан, – с порога начал он, понизив голос. – Она долго запералась, но в итоге я сумел добиться правды. Сработал как настоящий сыщик, честное слово!

Присев на шаткий пуфик у туалетного столика, он наклонился к Оливии и бесцеремонно схватил её чашку и отхлебнул из неё.

– Вивиан и правда не было в комнате в ночь убийства. Она выходила из Гриффин-холла и посещала в деревне одно сомнительное место. Зачем, она так и не сказала, но поклялась, что это не имеет никакого отношения к делу.

– И ты ей веришь? – с презрением перебила его Оливия. – После того, как она выставила на всеобщее посмешище тётушку Розмари, которую инспектор теперь считает выжившей из ума склочной старухой?

– Ну, кухня Вивиан в этом не так уж и виновата, – усмехнулся Филипп. – Зря ты, Олив, кухня вовсе не такая плохая, как ты о ней почему-то думаешь. На самом деле она добра и великодушна, просто немного запуталась. И не стоит всё-таки забывать, что она из Америки.

Вместо ответа Оливия закатила глаза к потолку и подумала, что все мужчины, на счастье милейшей кухни Вивиан, одинаковы, и вечно будут попадать в расставленные сети.

– Но это значит, – предпочла она не затрагивать сомнительную тему великодушия и доброты Вивиан, – что тётушка Розмари могла видеть постороннего мужчину в доме. Он и правда мог здесь находиться.

– В точку! – Филипп щёлкнул пальцами и весь просиял. – Это означает, что убийцей мог быть совершенно посторонний человек, не имеющий отношения к семье. Это возможность оправдать кухню Грейс! Если Вивиан изменит показания, то инспектор не сможет больше отмахиваться от фактов. Ему придётся отпустить Грейс и наконец-то начать работать как следует.

– погоди, Филипп, – со вздохом произнесла Оливия. – К сожалению, я узнала от Киркби кое-какие факты, которые говорят совсем не в пользу Грейс. На самом деле она не принимала никаких успокоительных капель, и, стало быть, не имела никаких причин уснуть тем беспробудным сном, который продемонстрировала всем нам. Это было притворство, Филипп. Во флаконе тётушки Розмари находилась лишь вода, более ничего. Грейс нас всех одурачила.

– Не может быть, – Филипп медленно взял чашку с подноса и сделал пару глотков остывшего чая. – Но я ведь видел ее тем утром. И ты видела. Грейс пребывала в таком странном состоянии...

– И до сих пор пребывает, – кивнула Оливия. – Ты и не представляешь, как она ужасно выглядит. Её речь невнятна, мысли

спутаны. Она ведёт себя как человек, осознавший, что собственными руками разрушил свою жизнь. Мне очень её жаль, Филипп, она вызвала у меня глубокое сочувствие, но я не поставлю и пенни на то, что присяжные поверят ей.

– Но как же посторонний мужчина? Что он тогда делал в Гриффин-холле? – Филипп упрямо цеплялся за возможность оправдать Грейс.

– А если это был Майкл? – предположила Оливия. – Если он спешил к ручью на встречу с убийцей и был вынужден спрятаться от тётушки Розмари? Ведь Грейс не стала бы убивать его в доме, ей было необходимо выманить его наружу. И ни с кем посторонним Майкл бы не пошёл на встречу ночью, только с тем, кого он близко знал.

Видя, что надежда Филиппа оправдать кузину Грейс в очередной раз тает, Оливия испытала щемящую жалость и к ней, и к брату, и к малышке Полли. Вся эта история была пропитана болью, всём её участникам судьба сулила потери и расставания. Грелка ещё не остыла, но по телу девушки пробежал озноб дурного предчувствия. Пытаясь побороть это ощущение, она встряхнула просохшими волосами и постаралась придать своему голосу бодрость и убедительность.

– Рано унывать, Филипп. – Послушай-ка лучше, что я предложила сержанту Киркби. Мы должны устроить следственный эксперимент.

Филипп поднял на сестру глаза. Во взгляде читалось недоверие.

– Ну что ты такой несообразительный? – разозлилась Оливия. – Всегда, когда ловят убийцу, устраивают следственный эксперимент, разве нет? Я удивлена, что инспектору самому не пришла в голову эта мысль. Это потому, что они тут у себя в деревне немного вялые, как мне кажется.

– Ну, тебя-то вялой явно не назвать, – произнёс Филипп непонятым тоном. – И как ты собираешься это устроить?

– Я, – Оливия многозначительно приподняла брови, – вовсе не собираюсь ничего устраивать. Дедушка Матиас с ума сойдёт, если это предложение поступит от меня или от тебя. Нужно сделать так, чтобы инспектор не оставил ему выбора. И вот тогда-то, надеюсь, всё и разъяснится. Убийца непременно себя выдаст. До сих пор он был очень хладнокровным, но уже совершил несколько промашек. Нужно только загнать его в ловушку, и дело сделано.

– Ты рассуждаешь, как неопытный охотник за кроликами, – со странным выражением на лице заметил Филипп. – И что это за промашки, которые допустил убийца?

– Ах, я же не успела тебе сказать, – хлопнула себя по лбу Оливия. – Письмо, которое пришло на имя Майкла, оказалось пустышкой. В нём обнаружен пустой лист бумаги, и я готова спорить на последний фунт, что кто-то в Гриффин-холле вскрыл конверт и выкрал настоящее письмо. А это значит, что убийца здесь, среди нас.

В чём в чём, а в вялости обвинить Оливию было сложно. Сразу после разговора с Филиппом девушку охватила такая безудержная жажда деятельности, что никакие обстоятельства остановить её уже не могли.

Спустившись, она убедилась в том, что в холле никого нет, и никто не сможет подслушать её разговор с сержантом Киркби. Однако новости из полицейского участка её не обрадовали.

– Пока сложно сказать, мисс Адамсон. Инспектор сейчас крайне занят, и я не имел ещё возможности переговорить с ним на эту тему.

– Но вы ведь обязательно с ним поговорите, не так ли? – Оливия чувствовала, что сержант что-то скрывает от неё, и это промедление сводило её с ума. – И вы ведь не скажете инспектору Оливеру, что эта идея исходит от меня, ведь правда?

Из трубки донеслось сопение, и она поняла, что её настойчивость может испортить всё дело.

– Подумайте сами, сержант, ведь это единственный шанс на то, чтобы разобраться в случившемся. Я убеждена, что инспектор оценит вашу инициативу по достоинству.

– Не уверен, мисс Адамсон. Мне думается, что вы не совсем понимаете, как ведётся официальное расследование. Могу только заверить вас, что я приложу все усилия, но ничего обещать не могу, – Киркби стоял на своём.

Попрощавшись с ним, Оливия раздражённо притопнула ногой, а сержант, дождавшись отбоя, тяжело вздохнул. Идея, предложенная ею,

ему самому казалась здоровой, но по опыту Киркби знал, что инспектор терпеть не может, если кто-то влезает в расследование.

– Следственный эксперимент? Хм... – инспектор поёрзал на стуле. – И кто же выдвинул такую светлую идею? Дайте-ка, угадаю, – и он для вида побарабанил пальцами по столу. – Неужели наши доморощенные шерлоки? Я прав?

Киркби кивнул и всё порывался что-то сказать, но инспектор легко вскочил на ноги и, обойдя стол, присел на краешек, сдвинув в сторону бумаги.

– Вы, Киркби, безусловно, знаете, что идти на поводу у родственников убийцы ни в коем случае нельзя. Такой подход несовместим с профессиональным ведением дела. Мисс Адамсон – бойкая особа, ничего не скажешь. Если раньше я был уверен, что препятствия своими действиями мне чинит её брат, то теперь я отчётливо вижу, что именно мисс Адамсон тут верховодит. Вы знали, Киркби, что в паре близнецов всегда один ведущий, а другой – ведомый? По-моему, тут что-то связанное с первородством.

Киркби сидел, наливаясь краснотой, и старался не смотреть на инспектора.

– А ещё, сержант, вам должно быть известно, что убийца зачастую принимает живейшее участие в поиске и поимке преступника. Это доставляет его извращённому разуму удовольствие, позволяет чувствовать себя неуязвимым. Давайте рискнём предположить, что миссис Хоггарт не убивала своего мужа и невесту мистера Крэббса. Тогда кто же мог это сделать? Кто-то, как мне кажется, кто очень заинтересован в том, чтобы повернуть расследование в нужное для себя русло. И вот тут-то настойчивость мисс Адамсон становится весьма любопытной.

Инспектор внимательно смотрел на сержанта, отслеживая, какой отклик находят в нём его слова. Он хотел сказать что-то ещё, но быстро передумал.

– А впрочем, Киркби, давайте попробуем. Надеюсь, результатом инсценировки не станет появление ещё одного трупа. В конце концов, что мы теряем? Пока миссис Хоггарт не в состоянии говорить с нами, у нас связаны руки. Так что можете передать мисс Адамсон, что я собираюсь посетить Гриффин-холл в самом ближайшем времени и попробую заручиться поддержкой мистера Крэббса.

Выходя из кабинета инспектора, Киркби не чувствовал удовлетворения и вполне справедливо полагал, что тот не простит ему вопиющего нарушения субординации. А ещё его терзала мысль, что, как только расследование будет окончено, мисс Адамсон покинет Грейт-Бьюли, и больше он может никогда её не увидеть.

Глава шестая, в которой Оливия сводит весьма неприятное знакомство, а потом устраивает ловушку для убийцы

Утреннее, ещё до завтрака, посещение инспектора взбудоражило всех в Гриффин-холле – и наверху, и под лестницей. Оливер был немногословен и чрезвычайно учтив, но это не отменяло того факта, что просьба этим же вечером собраться всем обитателям дома в мастерской скорее приказ, хоть и облечённый в форму вежливой просьбы.

Матиас Крэббс, крайне недовольный, что ему испортили утро и снова лишили покоя, уже не скрывал, что настойчивость и бесцеремонность инспектора вызывают в нём недобрые чувства. С ледяной вежливостью он дал своё вынужденное согласие и сразу же встал, демонстрируя, что аудиенция окончена и больше он ни единой минуты не намерен тратить на обсуждение событий, сомнительных с точки зрения приличий.

Когда миссис Уоттс получила необходимые распоряжения, то и на кухне установилась чрезвычайно напряжённая атмосфера. Горничные, только недавно пришедшие в себя, вновь разволновались. Миссис Гилмор мстительно проинформировала экономку, что в Норфолке одна приличная и зажиточная семья недавно рассчитала кухарку и предлагает соискательнице в высшей степени достойное жалованье.

– И кроме одного выходного ещё и вечер воскресенья в придачу, – ткнув пухлым пальцем в календарь, висевший над столом для разделки мяса, проговорила она и небрежно плюхнула в миску с мукой взболтанные с молоком яйца. – И сестра у меня там же живёт, и племянники. Истосковалась я по родне, что уж там, кровь не водица.

– Просто удивительно, миссис Гилмор, что вы ещё не в Норфолке, – заметила миссис Уоттс, которая терпеть не могла, когда ей выкручивали руки. – И вы забыли положить в тесто для булочек масло.

Кухарка вспыхнула от возмущения, но упрёк стерпела, только забормотала себе что-то под нос самым непочтительным образом.

Наверху новость тоже приняли в штыки. Матиас сообщил о вечере события, ничуть не скрывая своего недовольствия

действиями полиции, и тётушка Розмари, чувствуя его поддержку, в кои-то веки могла повозмущаться всласть, не опасаясь, что брат привычно её осадит.

– Неслыханно, Матиас, это просто неслыханно, – качала она головой, размазывая масло по свежее испечённой булочке с изюмом. – У меня такое чувство, что полиция совсем потеряла уважение. Что происходит с Британией? Ты теперь не хозяин в собственном доме! В Гриффин-холле распоряжаются полицейские, в газетах пишут о демонстрациях, беспорядках. Страшно представить, что будет дальше.

– И что, дедушка, мистера Эштона тоже вынудят присутствовать? Мне кажется, это не совсем удобно. Вряд ли его обрадует необходимость участвовать в таких сомнительных делах, – Вивиан, по своему обыкновению, в первую очередь подумала о том, как лично она будет выглядеть в глазах Джереми. Сначала её признание в том, что задолжала крупную сумму бандитам, потом эта история с убийствами. Вивиан уже начинала понимать, что нравы британцев имеют существенные отличия от жителей континента, и девушка, рассчитывающая на серьёзное к себе отношение, не должна быть замешана в подобном. Здесь, в Грейт-Бьюли, принадлежность к приличной семье и незапятнанная репутация ценились по-прежнему высоко, и пренебрегать этими правилами не следовало.

– К сожалению, милая, мистеру Эштону тоже необходимо присутствовать. Инспектор особо это подчёркивал. И мне так жаль, что ты оказалась впутана во всё это, так жаль... Генри бы мне этого не простил, – Матиас с сожалением покачал головой, ласково на неё глядя, и Вивиан искренне тронула неприкрытая любовь в его глазах.

От Оливии не укрылись эти нежные взгляды, но заострять на них внимание она не стала. После завтрака ей предстояла важная поездка в Лондон, о которой, как она надеялась, никто не узнает. Ускользнуть из столовой ей предстояло уже через несколько минут.

Пока тётушка Розмари злопыхательствовала о полицейском произволе, а дядя Себастьян, бывший с самого утра не в духе, спорил с ней, Оливия следила за минутной стрелкой больших напольных часов, в которых, как они с Филиппом верили в детстве, прятался Симмонс по ночам. Почему-то в далёком прошлом дворецкий представлялся близнецам скорее духом Гриффин-холла, чем настоящим человеком из плоти и крови. Было невозможно представить, как он снимает

форменную одежду и ложится в обычную постель, натянув тёплый колпак и поставив на коврик мягкие ночные туфли.

«Ток-цок, ток-цок», – маятник часов звонко отсчитывал мгновения и приближал вечер. Ну и кашу я заварила, подумала Оливия и нервно зевнула. Минутная стрелка подошла к установленному пределу, и девушка отодвинула столовые приборы.

– Прошу прощения, – сказала она слабым голосом. – У меня почему-то ужасно разболелась голова. Думаю, мне необходимо прилечь.

Филипп попытался её проводить, но она запротестовала и покинула столовую, прижимая правую руку к виску. Когда Энглби закрыл за ней двери, Матиас Крэббс не удержался от шпильки:

– Никакой стойкости у современных женщин. Сплошные недомогания. Хотел бы я знать, как это поколение собирается пережить ещё одну войну.

– О чём ты, Матиас? Никакой войны больше не будет, – тётушка Розмари нахмурила редкие брови. – Зачем ты говоришь такие неприятные вещи? Да ещё за завтраком.

– Ха! – запрокинув голову, выразил он своё отношение к словам сестры. – Конечно же, будет! Просто за сплетнями и бесконечным чаем ты не желаешь обратить внимание на очевидное.

– Вы считаете, что предыдущей недостаточно? – подал вдруг голос Себастьян, который обычно за столом молчал и в разговоры с отцом старался не вступать. – У Британии сейчас нет возможности полноценно участвовать в боевых действиях. Да и мировое сообщество не допустит повторения того, что уже было. Смею думать, мир после Великой войны сделал необходимые выводы.

– Типичные доводы слюнтяев. Они, как страусы, которые прячут голову в песок. Из-за таких недотёп империя и погружается на дно, превращается в Атлантиду.

Шумно отодвинув стул, Матиас встал и направился к выходу, а тётушка Розмари, пытаясь сгладить резкость брата, преувеличенно бодрым тоном попросила:

– Себастьян, передайте мне, пожалуйста, джем из жимолости. И вам не кажется, что булочки у миссис Гилмор сегодня не удались?

Отправившись после завтрака к себе, Филипп почти сразу обнаружил записку от Оливии. Она была хитро свёрнута в трубочку и вложена в его портсигар.

«Филипп! Я уехала в Лондон, взяла машину. Прости, что не рассказала, но мне необходимо проверить важную версию, а ты бы меня не пустил одну, а вдвоём мы можем его спугнуть и ничего не добиться, а это очень важно и от этого зависит судьба Грейс. Не сердись! Со мной всё будет хорошо. Записку сожги. Остальным говори, что я у себя в комнате. P. S. Я проделала с ключом тот фокус, что ты мне показал. И сработало!»

Чертыхнувшись, Филипп обессиленно опустился на кровать. Сумасбродный поступок! Стоило заподозрить неладное, ещё когда она вернулась из полицейского участка. С таким же блеском в глазах Изабелла сообщала близнецам, что вечером они идут слушать музыку, и маленькие Филипп и Оливия уже знали, что впереди будет отвратительная сцена, и новый приступ, и визит врача, и в самой дешёвой комнате, которую они делили на троих, будет пахнуть лекарствами. Подспудная, неосознанная боязнь потерять сестру из-за того же, из-за чего они оба потеряли мать, грызла как жучок-древоточец, не отпуская и усиливаясь в те моменты, когда неосмотрительное безрассудство вторгалось в их размеренную жизнь.

А Оливия, не подозревая о горьких мыслях брата, гнала автомобиль на предельной скорости по направлению к Лондону. «Бартон-стрит, 24, Лондон, Паддингтон-Грин» – этот адрес, чётко выписанный на конверте с письмом, присланным Майклу, запомнить было несложно.

По её расчётам, прибыть туда она должна была к полудню. Сколько времени займёт беседа и повезёт ли ей вообще застать хозяина дома, было неизвестно, а ведь уже к чаю ей обязательно следовало быть в Гриффин-холле. До того, как начнётся эксперимент, у Оливии было ещё одно крайне важное дело.

Водителем она была отличным – не паниковала, хорошо держала скорость и умела быстро ориентироваться на дороге. К дому под номером 24 на Бартон-стрит девушка подъехала даже раньше, чем намеревалась. У крыльца играли чумазные дети, из раскрытых настежь окон первого этажа доносились чьи-то то ли возмущённые, то ли, наоборот, одобрительные выкрики. Внезапно прямо возле её ног

возникла лужа, и Оливия отшатнулась, понимая, что кто-то из жителей верхних этажей просто-напросто выплеснул воду прямо в окно. Решительно вернувшись к машине, она заперла её, а потом, собравшись с духом, торопливо взошла по ступеням в вестибюль.

Тут было сумрачно и пахло нехитрой стряпнёй. Когда-то дом знавал лучшие времена – лестница сохранила резные перила, на некоторых дверях виднелись следы от шурупов, что удерживали таблички с именами. Теперь ориентиром при поиске жильцов были грубо приколоченные к филёнкам разномастные цифры.

Оливия застыла у подножия лестницы, вспомнив, что не знает номера квартиры мистера С. Дж. Бейли. Спрашивать было не у кого. Неуверенно она двинулась вверх, надеясь на удачу.

На площадке второго этажа вдруг хлопнула дверь, и на ступеньках показалась худенькая женщина с суровым лицом.

– Вы кто такая? – с ходу напустилась она на Оливию с характерным грубым выговором. – Мы тут ничего не покупаем и не продаём, мисс.

– Я ничего не предлагаю, – принялась оправдываться Оливия. – Мне нужен мистер Бейли, только я запомнила номер его квартиры.

– Запомнила, ха! – развеселилась вдруг женщина и очень внимательно и бесцеремонно осмотрела Оливию с ног до головы. Судя по всему, одежда девушки и весь её внешний вид не показались ей убедительными. – Запомнила она, посмотрите-ка! Наверху он, как и прежде.

Девушке пришлось протискиваться мимо суровой женщины, так как та и не подумала посторониться, так и осталась стоять на ступеньках и её недобрые глаза по-кошачьи сверкали в сумраке вестибюля. Чувствуя спиной её сверлящий взгляд, Оливия поднималась всё выше и вскоре добралась до верхней площадки, где была только одна квартира с тонкой фанерной дверью, исписанной непристойностями.

Она приготовилась постучать, но тут дверь распахнулась и на пороге, спиной к Оливии, возник тщедушный вертлявый человечек в таком крупном кепи, что оно полностью скрывало его голову и делало похожим на гриб. Человечек с трудом перенёс через высокий порог два чемодана и чуть не столкнул Оливию со ступенек.

– Простите, вы мистер Бейли?

Мистер Бейли вздрогнул всем телом и резко, как взбудораженная крыса, повернулся к Оливии.

– Кто вы?! И что вам надо? Я не мистер Бейли! Кто вам это сказал?

– Я ищу мистера Бейли, чтобы передать ему небольшое денежное вознаграждение, – повинувшись наитию, примирительно ответила Оливия и сделала движение, будто достаёт из сумочки кошелёк. Однако то, что, по её мнению, должно было стать отличным поводом к началу разговора, возымело совершенно противоположное действие.

– К-к-какое вознаграждение? Я ничем таким не занимаюсь! Не знаю, мисс, кто вам чего наплёл, но я никаких вознаграждений не беру. И я не мистер Бейли! Бейли уехал, уехал... на континент. Я ничего о нём не знаю! А если вы будете меня задерживать...

Человечек был напуган, напуган столь сильно, что голос его дрожал от страха, но в нём слышалась и неприкрытая угроза. С видимым усилием подхватив два чемодана, он двинулся на Оливию, и она отступила к стене, чувствуя ладонями её липкую холодную поверхность. Проходя мимо девушки, Бейли грубо выругался и сплюнул, и жёлтый пенистый плевок застыл в нескольких дюймах от её замшевой туфельки. Используя последний шанс, уже в спину ему Оливия негромко сказала:

– Майкл Хоггарт просил меня кое-что вам передать, – и сама не зная зачем, прибавила: – Мистер Бейли.

Волна страха тут же сдавила её горло, помешав продолжать. Дура, какая же ты дура, дурнее самой Изабеллы, сказал внутренний голос. Он же тебя сейчас прирежет, прямо здесь, на заплёванной лестнице, и почему-то именно в эту секунду к ней пришло и понимание, где спрятаны алмазы, предназначавшиеся ей с братом, и сожаление, что без неё он их вряд ли отыщет.

Оливии казалось, что Бейли поворачивается к ней очень медленно, даже вкрадчиво. Вот он поставил чемоданы на ступени, выпрямился – кепи всё ещё скрывало его лицо, она не могла видеть его выражения, – наконец, повернулся, сделал шаг, другой, подошёл ближе, ещё ближе, так близко, что она увидела грязно-коричневый цвет его глаз и нездоровую мутность белков, и ощутила дурной запах изо рта, в котором красовались неживые, матово-серые ряды зубов.

Не желая, чтобы последним, что она увидит, была эта мерзкая рожа и мерцающие позывные лампочки, попавшей в западню сводчатого закопчённого потолка, Оливия прикрыла глаза. Почти ласково её щеки коснулись пальцы Бейли, прижались к коже плотно, без зазора. Они были горячими, и от тепла чужого тела Оливия заоченела где-то глубоко внутри, замёрзла так сильно, что запершило в горле.

– А Хоггарту передай, красотуля, что я из игры вышел, – буднично и как-то грустно сказал Бейли. – Красивая схема, но мне жизнь ещё не надоела. Не знаю, как на меня вышли, но я и с первого раза весь расклад понял. Скажи, чтоб примолк на время, и меня не искал. Вообще-то, я ему писал об этом.

Не открывая глаз, Оливия, медленно разжимая губы, произнесла:
– Хоггарта застрелили.

Горячая рука перестала прикасаться к её щеке. Секунду-другую Бейли ещё стоял, обдавая её несвежим дыханием, а потом без слов подхватил чемоданы, и его шаги вскоре стихли где-то внизу.

Когда стало совсем тихо, Оливия открыла глаза, поражаясь яркости красок, неожиданных в таком убогом месте. Через маленькое окно под самой крышей лился свет прямо на зеленевшие патиной виноградные лозы заграждения лестницы, и где-то среди них притаился маленький грустный фавн.

Оливия вытащила платок, брезгливо протёрла лицо, руки, вытерла пот, выступивший на шее, под волосами. Быстро спустилась, уселась в машину, выдохнула, разжав все ещё стиснутые зубы, и завела мотор, понимая теперь со всей ясностью, что разгадка убийств находится в Гриффин-холле, и всегда находилась именно там.

Тётушка Розмари весь день чувствовала некий душевный зуд, справиться с которым ей всегда помогали чудодейственные капли или работа в саду. То, что инспектор изъял её утешающее средство в качестве улики, являлось для пожилой леди дополнительным источником раздражения.

Сидя в библиотеке с вязанием, она надеялась затеять склоку или с Вивиан, или с близнецами, но дом будто вымер. Вызвав Эмму, она отчитала её за ненадлежащий вид каминной решётки, но и это её не удовлетворило. Горничная с явной насмешкой смотрела на неё вместо того, чтобы напоминать, как нужно правильно работать, а в конце предложила чашку мятного чая.

Когда в холле отворились двери, и сквозь анфиладу тётушка Розмари увидела Оливию, то радости её не было предела.

Отбросив вязание, она заспешила к ней, на ходу принимаясь выкрикивать:

– Не торопись так, юная леди! Мне незамедлительно нужно поговорить с тобой. Симмонс, пусть Энглби принесёт нам чай. Именно Энглби, а не эта грубиянка Эмма.

Дворецкий учтиво кивнул и принял у Оливии короткое пальто, а тётушка Розмари, довольная, что нашла, чем себя занять до ужина, с хищной настойчивостью увлекла девушку в библиотеку.

– Знаешь, дорогая Оливия, я считаю, что это просто неприемлемо, – сразу же начала она разговор, опасаясь, что её прервут. – Ты выросла без матери, и хоть и получила неплохое образование, но чему могут научить юную девушку эти старые девы в пансионе? Да и вся система образования, между нами говоря, претерпела жесточайшие изменения. Наш викарий говорит, что...

Энглби внёс серебряный поднос и аккуратно сервировал чай на лакированном столике, который Розмари Сатклифф помнила ещё с детства. В очередной раз её сердце сжалось от мысли, что совсем скоро придётся покинуть Гриффин-холл и снова засыпать на своём тощем матрасе в продуваемом всеми ветрами ветхом коттедже.

– Так вот, – продолжила она строго, – мой долг сказать тебе об этом, дорогая Оливия. Ты должна прекратить так ужасно одеваться. Ты ведь даже перчатками пренебрегаешь. Это попросту неприлично! Что это за вещи, где ты их берёшь? Даже при самом скромном доходе женщина должна пристойно выглядеть! Можно ведь совсем недорого одеваться, если шить туалеты самой. Одна моя приятельница именно так и делает, и выглядит при этом весьма элегантно, – и тётушка Розмари покраснела.

Оливия, убедившись, что Энглби запер за собой двери, отмахнулась от предложенной чашки чая и, наклонившись к Розмари

Сатклифф, спросила самым серьёзным тоном:

– Тётушка Розмари, а вы не хотите помочь мне поймать убийцу? Или это не очень хорошо выглядит с точки зрения приличий?

Инспектор Оливер и сержант Киркби прибыли за полчаса до ужина – серьёзные, настроенные на успех предприятия. Близнецы порывались встретить их первыми, но Матиас Крэббс их опередил. Он отдал приказание Симмонсу проводить полицейских к нему в кабинет и заперся там с ними. Филипп же принялся изводить Оливию своими придирками и вопросами о том, где она провела почти весь день и почему скрыла поездку от него.

– Я всего лишь ездила побеседовать с одним невероятно вежливым молодым человеком, – внутренне содрогаясь от омерзительных воспоминаний, неизменно отвечала Оливия. – Тебе совершенно не о чем волноваться. Вот я, стою перед тобой, живая и невредимая. Ты бы лучше побеспокоился о том, как нам заставить всех действовать в соответствии с планом, – и она тряхнула внушительных размеров рулоном бумаг, испещрённых схемами расположения всех, кто присутствовал во время первого убийства.

– О, тут я умываю руки. В твоих схемах сам чёрт не разберётся.

– Отчего же? – Оливия слегка обиженно пожала плечами. – По-моему, тут всё понятно.

Из коридора донёсся лёгкий перестук каблучков, и уже через несколько секунд по ступенькам спустилась нарядная Вивиан. Струившееся вокруг её стройного тела платье напоминало водопад, волосы были уложены кокетливыми волнами. Тяжёлый, пряный аромат духов достиг обоняния близнецов раньше, чем она приблизилась к ним.

– Кузина Вивиан, вы великолепно выглядите, – с искренней приязнью сделал ей комплимент Филипп и поклонился несколько манерно.

– Как думаете, посчитает ли Симмонс возможным запустить граммофон? – поинтересовалась Оливия невинным голоском. – Мы

могли бы устроить танцы. Возможно, даже декламировать стихи или читать по ролям.

Вивиан, хмыкнув, не удостоила кухню ответом и прошествовала в библиотеку, где Энглби, бесповоротно покорённый голливудским шиком ослепительной мисс Крэббс, уже смешивал для неё коктейль.

– Ну ты и злюка, – протянул Филипп с насмешливым одобрением.

Следующей спустилась в холл тётушка Розмари. Она подчёркнуто избегала смотреть на Оливию, и девушка на миг подумала, что допустила чудовищную, непоправимую ошибку, доверившись пожилой даме, чья способность рассуждать здраво осталась далеко в прошлом. Если только... Если только она не ошиблась ещё серьезнее, чем полагала.

Прибыл Джереми Эштон, получивший от Матиаса сумбурное письмо с приглашением на ужин. Его ищущий взгляд подсказал Оливии, что планы Вивиан рано или поздно увенчаются успехом.

– Мисс Крэббс в библиотеке, мистер Эштон. Она уже справлялась о вас, – позволила Оливия себе маленькую вольность, за что получила от Филиппа вполне ощутимый щипок.

– Правда?! Вы не представляете, как я рад это слышать, мисс Адамсон, – Эштон расплылся в улыбке и поспешил в библиотеку, весь сияющий и окрылённый.

Неторопливо, с величайшим достоинством Симмонс взял в руки колотушку и лёгким, обманчиво невесомым движением ударил ею в гонг. Медная пластина, вибрируя, теряя очертания и будто плавясь на глазах, издала тревожное гудение, и тут из кабинета вышел Матиас Крэббс в сопровождении инспектора и сержанта. Близнецам ничего не оставалось, как проследовать за ним в столовую, и Оливия жалобно вздохнула, сознавая, что её и так довольно шаткий план теряет ещё одну опору.

Киркби – вот с кем ей необходимо было поговорить до того момента, как её замысел начнёт приходить в исполнение, и девушке стало по-настоящему страшно. Что у неё было для того, чтобы действовать? Пара интуитивных догадок и ворох предчувствий. Знал бы инспектор, какую кашу она заварила, так, наверное, предпочёл бы запереть её в полицейском участке вместе с несчастной кухней Грейс.

Когда все расселись за столом, инспектор вышел вперёд и откашлялся. Он был немного растерян, да и атмосферу в столовой

нельзя было назвать дружелюбной. Матиас Крэббс напоминал короля Лира, тётушка Розмари бросала на полицейских гневные взгляды. Остальные, кроме близнецов и не в меру жизнерадостного Джереми Эштона, хранили раздражённое молчание.

– Сожалею, что отвлекаю вас от ужина, леди и джентльмены, но должен признаться, что без вашей помощи дело зашло в тупик. Сегодня, благодаря безмерной доброте мистера Крэббса, – и инспектор учтиво поклонился в его сторону, что, впрочем, никак не смягчило хозяина Гриффин-холла, – мы собираемся воссоздать события вечера двадцать восьмого сентября, предшествовавшие тому трагическому моменту, когда рассталась с жизнью Айрис Белфорт. И я взываю к вашему чувству долга, леди и джентльмены, и прошу вашей помощи и содействия. Мы с сержантом будем ждать вас всех в мастерской мистера Крэббса к девяти часам. Прошу меня простить, – ещё раз поклонился инспектор и поспешно вышел из столовой, увлекая за собой сержанта Киркби.

Как только двери за полицейскими закрылись, Вивиан громко, с визгливыми нотками в голосе спросила:

– Дедушка Матиас, это что, шутка? Неужели ты и правда дал согласие этим ужасным людям, что мы будем участвовать в этом кошмаре?

– Это называется террор, – со вкусом выговорила тётушка Розмари и закивала для убедительности. – Настоящий террор, да, – повторила она полюбившееся слово. – То ли ещё будет, юная леди. Скоро полицейские начнут хватать нас одного за другим. Наш викарий говорит, что грядёт...

– Я дал своё согласие, милая, для того, чтобы эта история быстрее закончилась, – ответил Матиас Крэббс. – Не вижу другого выхода. Миссис Уоттс уведомила меня, что кухарка увольняется и уезжает в Норфолк. Садовник жалуется на спину, и я вижу, к чему он клонит. Что ни день, то в Гриффин-холл приезжает полиция и отвлекает от привычных занятий и меня, и моих гостей, и всю прислугу. В деревне слухи растут, как на дрожжах. Я уже готов на что угодно согласиться, лишь бы это всё закончилось и жизнь стала прежней.

Энглби принялся подавать первую перемену блюд, и все притихли, отметив про себя, что и в вечер смерти Айрис на ужин тоже была камбала в сухарях.

Ужинали в молчании, не глядя друг на друга, и только Джереми Эштон не мог не смотреть на Вивиан, которая такой – взволнованной, с пылающими губами и широко распахнутыми глазами, – казалась ему не земной женщиной, а богиней, спустившейся к смертным с горних высот и обратившей на него свой благосклонный взор.

Оливия ела через силу, пытаясь уловить каждую, даже самую незначительную перемену в поведении присутствующих. Ее внутреннее чутьё обострилось настолько, что от неё сейчас не ускользало ничего – вот тётушка Розмари украдкой смахнула в гобеленовую сумку слоёный пирожок с тарелки, стоявшей на самом краешке стола, и Энглби сделал вид, что ничего не заметил; Себастьян Крэббс издал тяжкий вздох и откинулся на стуле, глядя в пустоту перед собой, а Вивиан всё время нервно проводила рукой по шее, где уже начинало расцветать розовое пятно. Все были напряжены, все, кто сидел за столом, отчаянно не хотели вспоминать вечер, когда была убита глупенькая, заносчивая и недалёковидная Айрис. Айрис, которая искренне поверила в то, что вырвала, выслужила у судьбы выигрышный билет. Айрис, которая теперь покоилась на маленьком кладбище в Нортумберленде, куда её тело увезла немногословная, измученная тяжёлой работой женщина, приходившаяся ей такой дальней родней, что и название их родству подобрать было сложно.

Процессия во главе с Матиасом Крэббсом вслед за Симмонсом медленно двигалась по коридорам Гриффин-холла. Казалось, что все эти люди с непроницаемыми выражениями лиц собираются участвовать в спиритическом сеансе или являются адептами тайного ордена, готовящимися провести загадочный ритуал.

Когда двери мастерской распахнулись, Вивиан и тётушка Розмари не удержались от вздоха. Как и в вечер убийства, комната со стеклянными стенами и потолком мерцала как волшебный фонарь. Всюду, на всех поверхностях, стояли свечи, их огненные языки содрогались от ветра, вползавшего через разбитое окно, искажая тени предметов и людей.

Вся мебель стояла точно так же, как и тогда, даже пустые мольберты были завешены полотнищами ткани. На круглом столике стояла спиртовка с глиняным чайником, рядом две чашки и пепельница, в которой для реалистичности лежали окурки, испачканные тёмной помадой. «Вот так Киркби!» – восхитилась про себя Оливия. На свободных поверхностях находились принадлежности для напитков, вазы с фруктами, кисти в керамических стаканах.

Все эти мелочи на остальных возымели угнетающее действие. Вивиан инспектор протянул собственноручно смешанный коктейль в том же бокале, из которого она пила неделю назад, и девушка от неожиданности судорожно втянула воздух, а лицо её приобрело горестное выражение. Эштон предложил ей руку и, проводив к креслу, бережно усадил в него, а сам остался стоять рядом, похожий на стража.

Матиас несколько не скрывал своего недовольствия. Хмурый, с поджатыми губами, он остался стоять, не желая садиться в кресло, соседнее с тем, в котором умирала Айрис Белфорт.

Тётушка Розмари заняла оборонительную позицию – уселась на краешек мягкой скамьи, стоявшей у окна, и поставила на колени перед собой гобеленовую сумку, схватив её двумя руками, будто щит. Её голубые глазки возбуждённо блестели, пожилая леди то и дело облизывала сухие губы бледным языком и с нетерпением ожидала дальнейшего развития событий. Себастьян Крэббс выглядел как человек, исполняющий неприятную светскую обязанность, но мыслями находящийся далёко от происходящего. Лицо его хранило спокойное выражение, и ничто не выдавало волнения, кроме мелких нервных спазмов, пробегавших по правой руке.

Близнецы застыли у входа, и если Филипп был немного растерян, то его сестра была полностью сосредоточена и не скрывала оживления. Она то и дело мысленно сверяла местонахождение всех присутствующих со своей схемой, которую передала Киркби и о чём теперь жалела, так как это свидетельствовало о том, что контроль над ситуацией ускользает из её рук. Возможно, всё к лучшему, подумала она, ведь я понятия не имею, что буду делать, если убийца и правда попадётся в расставленные сети.

Инспектор, дождавшись, когда все немного успокоятся, вышел вперёд. С обычной своей самоуверенностью и напором он приступил к

делу:

– Леди и джентльмены, позвольте мне перейти сразу к сути, – и он обвёл взглядом всех, кто сейчас пристально и не слишком приязненно смотрел на него. – Я прекрасно понимаю, как всем вам неприятны воспоминания о том вечере, когда из жизни трагически ушла невеста мистера Крэббса, – Оливер с траурным выражением на лице поклонился в сторону хозяина Гриффин-холла, – но обстоятельства складываются таким образом, что я вынужден прибегнуть к помощи каждого из вас. Сегодня мы попытаемся воспроизвести...

– Я немного не понимаю, инспектор, – холодно прервала его Вивиан. – Грейс Хоггарт арестована, личность преступника установлена, правосудие вскоре восторжествует. Так чего же вы хотите от нас?

– Что касается убийства Майкла Хоггарта, мисс Крэббс, тут вы правы. Имеются неопровержимые улики, указывающие на вину миссис Хоггарт. Но в данный момент я веду расследование первого убийства, и вот тут однозначно заявить, что и его совершила миссис Хоггарт, нельзя. Поэтому...

– То есть это что получается? По Гриффин-холлу всё ещё бродит убийца? – высокий голос тётушки Розмари задрожал. – Мы всё ещё в опасности? Мне это не нравится! Я хочу уехать отсюда. Вы должны разрешить мне уехать.

– А я бы хотел закончить, мисс Сатклифф, если позволите, – с ноткой раздражения произнёс инспектор. – Так вот, сегодня мы попытаемся воспроизвести передвижения каждого, кто присутствовал в этой комнате неделю назад. Я настоятельно призываю вас всех припомнить каждую мелочь, каждое своё действие. Это может подтолкнуть расследование в нужном направлении и оказать неоценимую помощь правосудию.

– А если я почти ничего не помню о том вечере, инспектор? – раздался тихий голос Себастьяна Крэббса. – Боюсь, что я ничем не могу быть полезен расследованию.

– Признаться честно, сэр, и я не припомню ничего такого, что могло бы представить вам новые факты по этому делу, – с широкой добродушной улыбкой произнёс Джереми Эштон и с сожалением развёл руками. – Когда мы с вами беседовали первый раз, я и то помнил больше, чем сейчас.

Оливер чертыхнулся про себя, но, внешне оставаясь невозмутимым, со всей возможной учтивостью и мягкой извиняющейся улыбкой сказал:

– Не стоит переживать, джентльмены. Если кто-то что-то забыл, то мы с сержантом сумеем помочь, – и он развернул подробную схему передвижений каждого гостя, переданную ему Киркби.

К чести инспектора следует отметить, что, взглянув на чертёж Оливии, испещрённый маршрутами, точками, стрелками, замечаниями, сделанными мелким неразборчивым почерком, непонятными символами и целым ворохом восклицательных знаков напротив каждого из них, он удержался от комментариев и только многозначительно кашлянул, даже не взглянув в сторону девушки. Через несколько секунд он перевернул схему вверх ногами, а потом ещё, на этот раз вбок, и склонил голову к правому плечу. Оливия слегка покраснела.

Напряжённое молчание прервал Матиас Крэббс. Он, шумно вздохнув, выдвинул кресло и уселся в него, расположив крупные, покрытые тёмным загаром и пигментными пятнами руки на набалдашнике трости.

– Я бы предпочёл, чтобы мы, наконец, покончили с этим, – мрачно сказал он и обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом. – Хотя я и убеждён, что полиция даром тратит и своё, и наше время, – прибавил он негромко, но это услышали все, кто находился в мастерской.

Его слова прозвучали как приказ, и никто не посмел ослушаться. Тем не менее следующие два часа инспектору и сержанту пришлось нелегко. Мелкие конфликты с гостями Крэббса начались сразу же, как только полицейские попросили всех занять те же места, что и тем трагическим вечером. Роль супругов Хоггарт инспектору и сержанту пришлось взять на себя, а в кресло, где в день своей гибели сидела Айрис Белфорт, поместили диванный валик, и Матиас Крэббс поглядывал на него с нескрываемым отвращением.

Опираясь на схему Оливии и собственные записи, появившиеся в результате допросов, инспектор попытался полностью восстановить все передвижения каждого гостя. К реконструкции событий он подошёл ответственно, и в мастерской то и дело раздавались учтивые, но крайне недвусмысленные команды, от которых участники происходящего вздрагивали и мелкими шагами преодолевали

предписанное расстояние, сохраняя на лицах выражение досады и неудовольствия.

Инсценировка событий, предшествующих убийству, выходила вялой и ничего нового к расследованию не добавляла. Никто из гостей не спешил помочь инспектору, никого не озаряла спасительная догадка, которая могла бы сдвинуть следствие с мёртвой точки. Несмотря на все старания полицейских, следственный эксперимент постепенно превращался в фарс, и понять, кто был тому виной, не представлялось возможным.

Тётушка Розмари непрестанно закатывала глаза, театрально вздыхала и вскрикивала, но свою гобеленовую сумку из рук не выпускала. Куда бы ни отправлял Джереми Эштона инспектор, тот неизменно оказывался рядом с мисс Крэббс, и по-человечески сквайра можно было понять, так неотразима была девушка этим вечером. Вивиан же наслаждалась вниманием Эштона и все распоряжения инспектора выполняла до того неохотно, что это не могло не подействовать и на остальных участников эксперимента. Себастьян Крэббс, как это ни странно, доставлял полицейским хлопот больше, чем все остальные гости, вместе взятые – он принимался яростно спорить по каждому поводу, доказывая свою правоту, опровергал утверждения инспектора о том, кто где проходил тем вечером, и в целом вёл себя до того нетерпимо, что даже близнецов такое поведение привело в сильное недоумение.

По истечении двух часов инспектор и сержант совершенно выбились из сил. Следственный эксперимент полностью провалился, это признавал даже Киркби. Оливия, пристыжённая, побледневшая, посылала сержанту извиняющиеся взгляды, и тот отвечал на них еле заметными для посторонних суховатыми кивками. Инспектор был настолько зол, что кончик его длинного носа покраснел, а на скулах выступил румянец.

– Что ж, я благодарю всех за помощь и приношу свои извинения, что потратил ваше драгоценное время, – поклонившись, произнёс он, не глядя ни на кого. – Искренне прошу вашего прощения, мистер Крэббс, что доставили вам хлопоты. Мы с сержантом удаляемся. Ещё раз прошу прощения, – Оливер поклонился, сделал Киркби знак и оба полицейских покинули мастерскую.

Когда двери за ними закрылись, Матиас Крэббс в сердцах хлопнул ладонью по шаткому столику. Спиртовка, жалобно зазвенев, опрокинулась, и из неё натекла целая лужица прозрачной жидкости, но хозяин Гриффин-холла этого даже не заметил.

– Видеть больше не желаю в своём доме этих полицейских! – громогласно заявил он. – Придётся поднять старые связи и обратиться к суперинтенданту, в этом их, в Скотланд-Ярде. Устроили тут... балаган, – и он ударил тростью в пол.

Близнецы стояли рядом друг с другом, их лица были печальны. Остальные тоскливо переглядывались, не зная, что делать дальше, и только тётушка Розмари сидела неподвижно, вперив отрешённый взгляд куда-то в пустоту и безупречно выпрямив спину, как её когда-то учила гувернантка, словоохотливая мисс Ликок с острова Джерси. Пожилая леди с грустью вспомнила свою наставницу, осознав, как же много лет прошло с тех пор, и как неумолимо время, которое будто прожорливое чудовище стирает всё прошедшее, лишь иногда милостиво оставляя обрывки воспоминаний и обломки вещей, принадлежавшие тем, кого уже не встретить.

– Мне пришло на ум кое-что любопытное, – рассеянно проговорила она негромко, но в тишине мастерской, наполненной в этот момент только трепетом свечного пламени и дыханием засыпающего моря, слова пожилой дамы различили все, кто там находился. – Я кое-что вспомнила, пока мы плясали под дудку инспектора. Кое-что такое, что не сразу бросается в глаза.

– Может быть, вы поделитесь с нами своими наблюдениями, мисс Сатклифф? – вкрадчиво спросил Джереми Эштон, изображая вежливое внимание.

– Можно узнать у Симмонса, вдруг инспектор ещё здесь. Мне кажется, вам нужно... – начала было Вивиан, но тут тётушка Розмари пришла в своё обычное сварливое состояние и рявкнула:

– Что мне сейчас нужно, так это чашку чаю. Подумать только, два часа без усталости то и дело вскакивать на ноги и выполнять все приказы инспектора, будто я дрессированный щенок! Не понимаю, Матиас, как ты мог позволить такое в собственном доме. С меня довольно! Тут невероятно холодно и сыро. Я вся заледенела. Оливия, будь добра, проводи меня в библиотеку, к камину, и распорядись насчёт чая, а то я что-то совсем выбилась из сил, – и тётушка Розмари властно подозвала

её к себе, а когда девушка подошла к ней, оперлась на её руку и тяжело встала с низкой скамьи.

Проходя мимо остальных, пожилая дама продолжала бормотать себе под нос: «Мне нужно подумать, хорошенько подумать о том, что я видела тем вечером». Оливия в этот момент слегка сжала её хрупкое запястье, чтобы тётушка Розмари утомилась и перестала так безбожно переигрывать.

Филипп, хорошо знающий сестру, тем не менее прогляпил самый важный момент – Оливия, бережно поддерживающая тётушку, вышла вместе с ней из мастерской и отправилась в библиотеку, напрямик к ловушке для убийцы, и сердце её билось так громко от предвкушения разгадки, что его стук отдавался у неё в ушах.

Глава седьмая, в которой в Гриффин-холле случается ещё одна смерть

Сюда, в библиотеку, не долетал ни единый звук. Гриффин-холл был построен ещё в те времена, когда знали толк в настоящем уединении. Размеренно тикали большие напольные часы, и с каждой секундой Оливии казалось, что в их тиканье чувствуется что-то угрожающее. Высокое кресло стояло у самого огня, гобеленовая сумка тётушки Розмари покоилась рядом, на маленькой скамеечке для ног.

Убедившись, что всё сделано, как надо, и её ни в чём не заподозрить, она выскользнула из библиотеки через неприметную дверь и отправилась в гостиную, к остальным гостям.

Здесь недавно о чём-то жарко спорили, лица всех присутствующих выглядели разгорячёнными. Только Эштон и Вивиан были безмятежны, словно их укрывала незримая пелена, отделяющая молодых людей от всего остального мира.

– Тётушка Розмари устроилась в библиотеке и, кажется, задремала. Я погасила лампы, чтобы она могла отдохнуть, – сообщила Оливия негромко.

Себастьян Крэббс озабоченно взглянул на неё и покачал головой:

– Старушка начинает сдавать. Ей нужен кто-то, кто будет приглядывать за ней.

– У нас в Калифорнии для одиноких пожилых дам есть превосходные пансионы, – лучезарно улыбаясь, сообщила Вивиан, услышав, о чём они беседуют. – Они там целыми днями играют в бридж, занимаются оздоровительной гимнастикой с инструктором, делятся воспоминаниями и питаются лёгкой пищей. В общем, отлично проводят время.

– Не хотел бы я попасть в такое место, – мрачно заметил Себастьян и залпом выпил оставшееся в бокале виски. – Прошу меня извинить, – он довольно неловко поднялся на ноги, – вечер был утомительным, и я хочу подняться к себе.

Джереми Эштон потянул носом.

– Вам не кажется, что пахнет дымом? – спросил он насторожённо.

– Должно быть, прислуга плохо вычистила камин, – сварливо ответил Матиас Крэббс. – Говорю же, эти полицейские взбудоражили весь дом, и у горничных всё из рук валится. Я не премину указать суперинтенданту на непрофессионализм инспектора Оливера, который своими действиями доставил мне столько хлопот.

Все принялись принохиваться.

– И правда, пахнет дымом, – заметила Вивиан и почти неосознанно придвинулась ближе к Джереми Эштону, присутствие которого дарило ей непривычное чувство защищённости и покоя.

– Запах усиливается, – сказал Филипп и с подозрением и укоризной посмотрел на сестру.

Оливия послала ему недоуменный взгляд, а сама подумала: «Вот оно! Начинается!»

Филипп и Джереми Эштон подошли к дверям и выглянули в коридор, едва не столкнувшись головами. Запах дыма и чего-то горелого стал намного отчётливее, и Вивиан прикрыла нос ладошкой. Матиас Крэббс торопливо дёрнул за сонетку, вызывая Энглби.

– В коридоре очень дымно, – отрывисто сообщил Филипп, доставая из кармана платок и закрывая им нос. – Думаю, нам всем нужно отсюда выйти.

Он вернулся за Оливией и, взяв её за руку, потащил за собой. Все торопливо вышли из комнаты и столпились в коридоре, который быстро наполнялся удушливым смрадным дымом. Пахло горелым, откуда-то послышался низкий гул.

– Это пожар! Настоящий пожар! – истерично воскликнула Вивиан и схватила Джереми Эштона за руку.

– Дым идёт из мастерской, – сообщил Себастьян. – По-видимому, свечи не затушили, как следует.

– Там же мои картины! – в голосе Матиаса Крэббса слышалось отчаяние. – Во что бы то ни стало нужно потушить огонь!

Через дымовую завесу он направился к мастерской, не слушая ничьих увещаний. За ним устремились остальные мужчины, появились Энглби и Симмонс. Дворецкий выглядел таким растерянным, что Оливия не сразу его узнала.

Началась кутерьма, дыма становилось всё больше. Вивиан, лишившись поддержки и защиты своего воздыхателя, вцепилась в руку Оливии, и та долго не могла избавиться от неё. Наконец, она

вывела перепуганную девушку на террасу и строго приказала ей не заходить в дом.

Пробираясь назад, она молилась про себя, чтобы никто из участников западни не бросил свой пост. Уже было ясно, что пожар в мастерской начался не сам собою, а был частью хитроумного плана убийцы. Но кто это сделал? Отчасти Оливия была рада, что её расчёт на то, что у убийцы не выдержат нервы, и он постарается добраться до тётушки Розмари, оправдался. Происходящее доказывало невиновность Грейс, если, само собой, у неё не было в доме сообщника.

Оливия вошла в холл и направилась к библиотеке. Двери были настежь распахнуты, хотя она, покидая комнату, плотно их закрыла. Сюда не долетали звуки из задней части дома, и девушка поразилась тому, как же тут тихо, словно бы в Гриффин-холле ничего и не происходит.

В пугающей тишине, чутко ловя каждый звук, Оливия приблизилась к распахнутым дверям библиотеки. В эту минуту перед её внутренним взором промелькнула череда лиц, как если бы кто-то тасовал колоду карт, и истинная картина преступления стала отчётливой и резкой. В лёгких замшевых туфлях, на цыпочках, она ступила внутрь комнаты и замерла на пороге. Спина к ней стоял человек, лишивший жизни двоих и намеревающийся совершить преступление в третий раз.

Убийца, широко расставив ноги, стоял за спинкой кресла и сжимал обеими руками тонкий ремень, занеся его над головой. В слабых отсветах каминного огня его фигура отбрасывала тень, похожую на вставшее на дыбы чудовище.

Оливия откашлялась, молясь про себя, чтобы у сержанта хватило духу всё ещё сидеть здесь, несмотря на суматоху из-за пожара.

– Тётушка Розмари всё это время была наверху, дедушка. Вы ведь её искали, правда?

– Вы арестованы, мистер Крэббс. Вы обвиняетесь в совершении двух убийств и в одном покушении, – невозмутимо сказал сержант Киркби, поднимаясь из кресла, и руки Матиаса Крэббса беспомощно упали, выпустив ремень, свернувшийся у его ног словно дохлая змея.

– Я должен сообщить инспектору о случившемся, – тихо сказал Киркби. – Мистер Крэббс, вам следует оставаться здесь.

Матиас Крэббс кивнул, растирая левую сторону груди и ни на кого не глядя.

– Мне некуда бежать, сержант, если вы об этом. Гриффин-холл – мой дом. Выполняйте свой долг.

Киркби направился к выходу, отгеснив Оливию, и тут в комнату вбежал Филипп.

– Где ты была? Я везде тебя искал! – напустился он на сестру. – Пожар потушен. В мастерской загорелись холсты, поэтому было столько дыма. Сейчас уже всё позади, но, боюсь, картины спасти не удалось.

Он осекся, что-то уловив в выражениях лиц сержанта и Оливии. Мгновенная догадка заставила его замереть на месте.

– Неужели... Но почему?!

– Думаю, она шантажировала дедушку, – утвердительно произнесла Оливия. – Айрис Белфорт была хитра, но большим умом похвастаться не могла. И искренне верила в то, что схватила удачу за хвост. Мемуары были всего лишь прикрытием, чтобы проникнуть в Гриффин-холл.

– Айрис Белфорт умела работать с документами. Для женщины она была на редкость дотошна, – с неудовольствием произнёс Матиас Крэббс. – Доказательства, которые она раскопала, были весьма убедительными.

В библиотеку вошёл Себастьян Крэббс, а следом за ним Джереми Эштон и Вивиан.

– О, дедушка, это так ужасно! Большинство картин испорчены! Думаю, их уже не восстановить.

– Не страшно, милая, – лицо старого Крэббса осветилось печальной улыбкой. – Не переживай так об этом, оно того не стоит. И, если сможешь, прости меня.

– Простить за что?.. – Вивиан заморгала, оценив гнетущую атмосферу в библиотеке и присутствие сержанта.

Она растерянно переводила взгляд с деда на близнецов и силилась что-то произнести, но Джереми Эштон усадил её в кресло, стоявшее чуть поодаль, и положил ладонь ей на плечо, то ли удерживая девушку на месте, то ли успокаивая.

– На самом деле вы с самого начала собирались избавиться от неё, – осуждающе произнесла Оливия, обращаясь к деду. – Вы и свадьбу эту нелепую придумали, лишь бы Айрис замолчала. И приглашения всем разослали вовсе не затем, чтобы воссоединить семью. Вам было нужно расширить круг подозреваемых, создать каждому мотив, чтобы было кого обвинить в смерти девушки. Никто на самом деле не покушался на вашу жизнь, вы лишь заставили всех так думать, даже инспектора. Подлинной жертвой была именно Айрис. Игрушкой в чужих руках. Сначала она поверила Майклу, собиравшемуся использовать её в своих целях, а потом вы воспользовались её самонадеянностью. Она считала себя умной девушкой, вытянувшей счастливый билет, а оказалась наивной дурочкой, которую дважды обманули.

Матиас Крэббс никак не отреагировал на эти слова, лишь отвернулся к огню. Оливия вспомнила, что точно так же, скрыв от всех своё лицо, он сидел в ночь убийства Айрис, пока все ждали полицейских.

– А при чём здесь Майкл Хоггарт? – хрипло спросил Себастьян.

– Вы знали, что у Айрис есть сообщник, – продолжала девушка, по-прежнему обращаясь к старому Крэббсу. – Майкл вас не заподозрил, он был уверен, что его бывшую любовницу убила его жена. И когда он не выдержал и обратился к вам с теми же доказательствами, что и Айрис, вы не колеблясь застрелили его, сфабриковав улики против Грейс. Её вспышка ревности была вам на руку, ведь все видели, как она дала мужу пощёчину. А потом вы опоили её снадобьем тётушки Розмари – уж не знаю, в надежде на вечный сон или нет, – заперли дядю Себастьяна в подвале и встретились у ручья с Майклом. Револьвер вы выкрали заранее и спрятали в укромном месте. И мужчина, которого тётушка Розмари видела в коридоре той ночью – это были вы!

Неслышно вошедшая в библиотеку несколько минут назад тётушка Розмари всплеснула руками и по-детски всхлипнула:

– А ведь мне никто, никто тогда не поверил! Матиас выставил меня какой-то слабоумной старухой!

Она осталась стоять у дверей, сложив руки на груди и, что удивительно, нисколько не расстроенная и не испуганная тем фактом, что убийцей оказался её единоутробный брат, а она чуть не попала в

число его жертв. Пристрастный свидетель мог бы даже заподозрить её в том, что она наслаждалась происходящим.

– Мы все были слепы, – печально констатировала Оливия. – Вы манипулировали нами. Играли на слабостях каждого.

– Ха! – гортанно воскликнул старый Крэббс и бросил из-за спины: – Это было несложно. У всех вас одна слабость – вы все хотели получить от меня деньги. Готовы были вырвать зубами свой кусок. И Айрис – эта глупенькая дурнушка, и Майкл, мнящий себя виртуозным мошенником, а на деле не видящий дальше своего носа. Они вообразили, что могут взять меня в оборот. Я не мог допустить, чтобы свора попрошаек нарушала мой покой. Никогда в жизни я не позволял наглецам диктовать мне условия, чего бы мне это не стоило.

– А как же Грейс?! – Филипп вскочил на ноги, кулаки его были сжаты. – Ведь её бы повесили за убийство, которого она не совершала. И малышка Полли осталась бы сиротой.

Взгляд сержанта остановился на нём, и Филипп вернулся на место. Вивиан, неслышно всхлипывая, терзала серебристую тесьму оборок своего нарядного платья, руки её покрылись мурашками, и Джереми Эштон, презрев все условности, успокаивающе сжал её плечо.

– Вы уже связались с инспектором, сержант? – Матиас Крэббс встал, опираясь на трость, и дёрнул за сонетку, вызывая прислугу.

Киркби кивнул.

– Мне понадобится четверть часа на сборы, – объявил Крэббс, и в голосе его не было и тени сомнений.

Вошла экономка, извинившись за Энглби, который вместе с Симмонсом устранял следы пожара в мастерской.

– Я бы хотел чашку горячего шоколада, миссис Уоттс. Надеюсь, это вас не затруднит?

Не дожидаясь ответа, старый Крэббс, не удостоив никого взглядом, направился к выходу из библиотеки. Проходя мимо Эштона, он едва заметно ему кивнул, прикрыв на мгновение глаза.

Тот, повинувшись безмолвному приказу, предложил Вивиан руку и она, растерянная всем произошедшим, смиренно оперлась на нее и последовала за ним, ничего не видя из-за слёз.

Здесь, на мраморном полу террасы, лежали пятна света, образуя сложный шахматный узор, и дышалось так легко, что девушка только

сейчас осознала, в каком напряжении пребывала последние полчаса

– Вам нравится Эштон-хаус, мисс Крэббс?

– Простите? – не сразу поняла она вопрос и тут же подумала: «Англичане сущие чудовища! Даже в такой момент, когда дедушку вот-вот арестуют, Джереми готов хвалиться грудой старого кирпича и камней!»

– Бесспорно, Эштон-хаус очень красивый дом, – холодно ответила она, смахивая слёзы. – Но почему именно сейчас вам взбрело в голову интересоваться моим мнением на этот счёт?

– Потому что я хочу предложить вам стать его хозяйкой.

Предложение не являлось для Вивиан неожиданностью, хоть и последовало так быстро. Её матери, несравненной Кэролайн Крэббс, иногда требовалось куда меньше времени на то, чтобы мужчина потерял голову.

Джереми смотрел на неё спокойно, без улыбки, и она не могла найти правильных слов, в голове был полный кавардак. И тут сквозь какой-то умственный туман до неё начало доходить.

– Что происходит? Зачем вы меня увели из дома? Неужели дедушка собирается?..

Вивиан резко повернулась, но Эштон перехватил её и мягко, очень бережно взял за обе руки.

– Не мешайте ему, Вивиан, сжальтесь над ним. Дайте вашему дедушке совершить тактическое отступление.

– Но он же сейчас... в эту самую минуту...

– Он был очень привязан к вам, Вивиан. Я не берусь судить его за то, что он совершил, да и вам не следует. Вы удивитесь, но картина, которую я у вас купил, стоит значительно больше той суммы, что я заплатил.

– Как же так?!

– Её автор Жан-Батист Роби. Одна из самых ранних его работ, но её высоко оценили в лондонской галерее, где я обычно советуюсь, если собираюсь приобрести какой-либо предмет искусства. Разумеется, я верну её вам, и не вздумайте возражать. Рекомендую сохранить полотно на память о Матиасе Крэббсе, человеку, чьё сердце вмещало как жестокость, так и самую нежную привязанность.

Эпилог

Ещё в холле, увидев сторбившуюся спину враз постаревшего Симмонса, Оливер всё понял. Дворецкий проводил инспектора наверх, в комнату хозяина, но сам заходить туда не стал, оставшись в коридоре. Мир Симмонса этой ночью перевернулся, и он искренне удивлялся, что старые ноги всё ещё его держат.

Рука Матиаса Крэббса была ещё тёплой. Он сидел, свесив голову набок, трость с латунным набалдашником в виде львиной лапы лежала поперёк широко расставленных коленей. Предсмертная гримаса слабо искадила его черты, будто старик и смерти хотел доказать, что никто не смеет навязывать ему свою волю.

На столе перед ним лежала расколовшаяся надвое чашка и флакон с бесцветными гранулами. Лужица шоколада уже застыла, её поверхность подёрнулась матовой плёнкой.

На самом краю стола лежал незапечатанный конверт с надписью «Передать моей внучке Вивиан». Инспектор заглянул в него, надеясь на записку с признанием (что несказанно облегчило бы ему дальнейшую работу), но там была лишь пачка фотографий, на каждой из которых был запечатлён обаятельный молодой человек, отдалённо похожий на Матиаса Крэббса.

Когда инспектор спустился, в библиотеке оставались только близнецы, Себастьян Крэббс, Розмари Сатклифф и сержант. Вид у Киркби был пристыжённый.

Все обратили скорбные лица к инспектору. Он принёс соболезнования, не вызвавшие, впрочем, никакого отклика, и, извинившись, переставил кресло таким образом, чтобы замкнуть круг.

– Я хотел бы услышать, что здесь произошло, – с обманчивой мягкостью спросил он.

Киркби выступил вперёд, намереваясь доложить, но Оливер остановил его и обратился к Оливии.

– Думаю, мисс Адамсон в состоянии всё объяснить сама. Признаться, я поражён вашей проницательностью, – и в голосе его послышалась ревностная насмешка.

– Я и правда могу объяснить, что произошло, – не приняла Оливия его снисходительного тона. – Разумеется, у меня нет доказательств, но они, если я правильно понимаю, уже не требуются.

– Отчего же? – поднял брови инспектор. – Повторюсь, мисс Адамсон, вы слабо себе представляете, как ведётся официальное расследование. Чтобы закрыть дело, необходимо заполнить целую кипу документов, и все они должны обладать доказательной базой. Вас, насколько я понимаю, на пути к истине вела интуиция, но мы, полицейские, скованы по рукам и ногам требованиями закона.

У Оливии разболелась голова от занудства инспектора. Ущемлённое самолюбие не позволит ему признать, что она раскрыла дело. Да ей и не требовалось ничьё признание. За пять минут до визита Оливера они с Филиппом крупно поссорились, и теперь его отчуждение, хотя он и сидел совсем рядом, заставляло её страдать.

– Ну, мисс Адамсон, просветите нас, как же вы сумели застигнуть убийцу врасплох? Задержать, так сказать, на месте нового преступления.

– Мне помог сержант Киркби, – выдавила из себя Оливия.

– Вот как?! А что же сержант Киркби делал в Гриффин-холле, позвольте поинтересоваться?

– Я вернулся сюда пешком, сэр, – Киркби встал, готовый принять кару, которую инспектор не преминет обрушить на него, но тот подчёркнуто игнорировал подчинённого.

– Давайте я начну с самого начала? – Оливия надеялась отвлечь внимание инспектора от бедаги сержанта.

– Сделайте милость, – сухо кивнул он ей.

– Это всё, конечно, мои догадки. Допросить дедушку вы уже не сможете, – начала она.

– Разумеется, такой возможности мне уже не представится, – кивнул Оливер, и Киркби нервно откашлялся.

– Я не знаю точно, как Айрис Белфорт и Майкл Хоггарт познакомились. Думаю, вы сможете узнать об этом у некоего Саймона Бейли, если он не сбежал из страны. Когда я виделась с ним, то он куда-то собрался с двумя огромными чемоданами и был очень напуган.

– Саймон Бейли, это тот, кто прислал конверт с чистым листом вместо письма?

– Да, только письмо на самом деле было. Дедушка выкрал его и подменил пустышкой. Не знаю точно, что именно в нём написал Бейли, но, скорее всего, хотел сообщить Майклу, что выходит из игры, потому что опасается за свою жизнь. В Гриффин-холл письмо попало по ошибке – помощник почтальона решил принести его сюда, поскольку знал о том, что адресат мёртв. На самом деле оно пришло в ящик до востребования, который Майкл заранее абонировал, приехав сюда. Думаю, на почте его вспомнят, ведь он был приметным молодым человеком.

Оливер что-то черкнул себе в блокнот, и Оливия приободрилась, видя, что он всерьёз воспринимает её слова.

– Так вот, я не знаю обстоятельств знакомства Айрис и Майкла, но уверена, что они оба как-то связаны с Бейли. Все трое промышляли шантажом, причём объектом служили именно отставные военные. Об этом говорит и предсмертная записка полковника Блакетта, который покончил с собой из-за боязни покрыть своё имя позором. Дедушка его хорошо знал, много лет назад они вместе занимались поставками продовольствия во время англо-бурского конфликта.

– А вам и про записку известно?! – Оливер весьма неучтиво присвистнул.

Киркби покраснел и понял, что служба его под началом инспектора окончена.

Оливия не дала себя сбить.

– Скорее всего, эта троица вознамерилась неплохо заработать, угрожая отставным военным, что обнародует преступные факты их биографии. Разумеется, это было бы полным крахом. Возможно, у подобных преступлений и есть срок давности, но репутация для такого человека, как дедушка, значила буквально всё. Грехи молодости, совершённые из алчности или вседозволенности, могли лишить его уважения и запятнать фамильную честь и воинскую славу. Хуже этого не могло быть ничего. Ведь он на самом деле был отважным воином, хотя и поддался искушению.

Оливер кивнул, соглашаясь с доводами мисс Адамсон. Себастьян Крэббс встал и, подойдя к столику с напитками, плеснул себе щедрую порцию виски. От инспектора не укрылось, что он осушил бокал одним глотком, будто заливая разгорающийся внутри огонь, но вернулся он всё с той же непроницаемой маской на лице.

– Я не понимаю, – жалобно протянула тётушка Розмари, – Матиас что, и в самом деле собирался жениться на этой католичке и переписать завещание в её пользу?

– Конечно же нет. Он пытался выиграть время и выйти на её сообщника. Бедную Айрис использовали дважды – и дедушка, и Майкл Хоггарт, который хотел сохранить инкогнито.

– Да, так он обычно и действовал, – подтвердил инспектор. – Мы нашли доказательства его участия в мошеннических сделках. Он всегда оставался в тени, используя сообщниц как прикрытие. Одна из девушек уже согласилась дать показания. Возможно, через неё мы сможем выйти на Саймона Бейли.

– От Айрис дедушка задумал избавиться сразу же, как только она появилась в Гриффин-холле и раскрыла свои карты. Хитростью он смог убедить её, что замужество и новые условия завещания обеспечат её на всю жизнь, лишив необходимости прибегать к шантажу. Девушка поверила ему и решила, что судьба наконец-то ей улыбнулась. И дедушка приступил к осуществлению своего плана. Ему необходимо было наполнить дом людьми, которые крайне болезненно восприняли бы его женитьбу и изменение завещания. В качестве приманки он использовал алмазы, зная, что у всех его родственников финансовое положение оставляет желать лучшего. Воссоединение семьи Крэббс было необходимо только для одной цели – собрать всех под крышей Гриффин-холла.

– И Вивиан – единственная, кто не получил приглашения, – задумчиво сказал Филипп.

– Да, потому что её дедушка искренне любил и впутывать в свой чудовищный план не собирался, – кивнула Оливия. – Думаю, её внезапный визит ошеломил его и чуть не спутал все карты. Но колоссальная подготовка была уже проведена, отступить было поздно. Ему оставалось только дождаться всех, спровоцировать на конфликт и отравить Айрис.

– А как вы объясните, мисс Адамсон, что цианид был только в чашке самого Матиаса Крэббса? – вкрадчиво поинтересовался Оливер.

– О, вот тут от изобретательности дедушки просто мороз идёт по коже. Это был очень чётко продуманный план. И я, ослеплённая внешними событиями, долгое время не замечала очевидных фактов. Я так долго ломала голову, кто же мог подсыпать яд в чашку Матиаса.

Чертила схемы, просчитывала все варианты, – Оливия беспомощно потёрла виски, голова у неё болела всё сильнее.

– Схемы, смею думать, мисс Адамсон, больше запутывали вас, чем помогали, – мстительно заметил инспектор.

– Ничуть, – возразила Оливия упрямо. – Однако для того, чтобы понять, как яд оказался в чашке Матиаса, они были не нужны. Дедушка не полагался на случайности. Замыслив убийство, он всё продумал и предусмотрел. Как вы помните, отравлению Айрис предшествовали два события – ветром выбило стекло в мастерской, а потом, испугавшись резкого звука, девушка выронила чашку с шоколадом. Матиасу нужен был повод, чтобы передать Айрис свою чашку, в которой яд уже был. Он сам его туда бросил, ведь никто никогда не смотрит на то, что человек делает со своей чашкой. Этот момент был рассчитан просто филигранно – все были увлечены поисками тайного шифра в своих картинах, и никто ничего не заметил.

– Как же он заставил девушку расплескать шоколад? Кто-нибудь обязательно бы увидел, если бы он толкнул её или проделал бы что-нибудь в этом роде, – Оливер уже не был так скептически настроен и смотрел на мисс Адамсон с серьёзным интересом.

– Он не толкал её, тут вы правы. Ничего подобного, – кивнула Оливия. – Он использовал хитроумную систему, подготовленную заранее. Когда я беседовала с миссис Уоттс, то отмахнулась от её сетований на проделки мелкого народца. Она жаловалась, что в Гриффин-холле стали пропадать мелочи, в мастерской что ни день, то бьются стёкла, а в скатертях появляются дырочки. Одну из этих скатертей, которые после таинственным образом исчезли, я видела сама. Почти по центру в ней было проколото отверстие, в которое разве что леска могла пройти. Но и тогда я не сразу заподозрила дедушку, хотя исчезновение испорченных скатертей и показалось мне странным. В этом чувствовался умысел, и эта мелочь долго не выходила у меня из головы.

– А когда же вы заподозрили его? Что я пропустил? – инспектор наклонился к ней, отбросив всякие насмешки.

– Когда я подслушала вашу с ним беседу, – несколько не покраснев, ответила Оливия.

– Так мне не показалось, что ветка дерева за окном упала не просто так! – довольно заметил Оливер.

– Ну, знаете, там не так уж просто было удержать равновесие, – заявила Оливия слегка обиженно. – Так вот, меня удивило, что дедушка отрицал тот факт, что Айрис носила очки. Хотя горничная Дорис утверждала, что Айрис частенько их надевала во время чтения. Думаю, он отлично знал о том, что девушка плохо видит вблизи и специально выкрал их, чтобы она не заподозрила подвоха и не заметила тонкую шелковую леску, привязанную к её чашке и пропущенную через дырочку в скатерти. Стол, за которым они с ней сидели, стоял в отдалении, и всё, что ему оставалось сделать после того, как разобьётся окно, это воспользоваться общим замешательством и дёрнуть за неё, а потом успокоить Айрис и отдать ей свою чашку. За время, что девушка провела в Гриффин-холле, он хорошо её узнал и был уверен, что она не откажется от лакомства. Так и вышло. Айрис была сиротой и росла в пансионе со строгими порядками, поэтому в простых бытовых вещах она была до ужаса неприятельна и послушна. Но кража очков была совершенно напрасной, ведь даже человек с острым зрением не заметил бы тонкую шелковую леску на белоснежной скатерти. Матиас перестраховался, и этим выдал себя.

– В этой версии есть серьёзный изъян, – Себастьян Крэббс впервые вступил в разговор. – Сложно предугадать, когда разобьётся стекло и разобьётся ли оно вообще. А ему требовалось что-то, что могло бы отвлечь внимание от этого дьявольского трюка с опрокинутой чашкой.

– Да, – кивнула Оливия, – я тоже долго сомневалась в том, что размышляю в правильном направлении.

Девушка покопалась в карманах и вынула оттуда проволочную пружинку, найденную Филиппом в мастерской.

Все заинтересованно осмотрели её, а инспектор с любопытством сжал её пальцами. Пружинка вывернулась и, распрямляясь, оцарапала ему ладонь. Оливер вынул носовой платок и промокнул выступившую каплю крови. Филипп машинально потёр щеку.

– Чепмен подтвердит, что в мастерской непрестанно бились стёкла и приходилось постоянно вставлять новые. Думаю, что дедушке требовалось отработать этот трюк с разбившимся стеклом. Знаете, если пружину сжать, механическим способом зафиксировать и заморозить в кусочке льда, а потом расположить его нужным образом

в раме, где стекло вставлено, но не закреплено, то рассчитать время, когда лёд растает, а пружина распрямится, особого труда не составит. Такой приём гарантированно привлечёт несколько секунд внимания всех присутствующих. Ему оставалось только дёрнуть за леску, и чашка Айрис опрокидывалась, обжигая руки девушки горячим напитком.

– Жертвоприношение, – хрипло сказал Филипп. – Матиас в тот вечер рассказывал про жрецов, которые пили шоколад перед тем, как принести человеческую жертву.

– Да, я тоже об этом вспоминала, – согласилась Оливия. – Так что сами видите, инспектор, первое убийство было продумано до мелочей. Никто никогда не заподозрил бы его. Все поверили в то, что убийца ошибся и жертвой должен был стать сам Матиас. Дедушка отлично сознавал, что мотив убить его на самом деле есть у всех, и он знал, что полиция первым делом проверит финансовое положение всех его родственников.

– И каждый из них будет подходящим кандидатом, – подтвердил Оливер, задумчиво кивая. – Тут вы правы, мисс Адамсон, на подозрении у меня были все обитатели Гриффин-холла. До тех пор, пока мы не обнаружили блокнот и угольные карандаши в чемодане вашего брата.

– Он сделал это специально, – с нескрываемой досадой на мертвеца произнесла Оливия. – Записку он написал сам, заранее, и ему оставалось только засунуть её в рукав платья Айрис. А потом он рассказал вам о той беседе, что состоялась у него с Филиппом, и высказал свои опасения на его счёт. Этого было достаточно, чтобы направить ваши мысли в нужное русло.

– Признаю, это так, – с досадой покачал головой инспектор. – Всё казалось таким очевидным.

– Слишком очевидным, – злорадно поправила его Оливия, вспомнив, сколько неприятных минут ей пришлось пережить, волнуясь за судьбу брата.

Инспектор вновь открыл блокнот и принялся делать записи.

– Ну, с прислугой и Чепменом я побеседую, – сказал он, со вздохом капитулируя. – Ваши рассуждения, мисс Адамсон, не лишены логики. Бейли мы отыщем, доказательства того, что Айрис Белфорт была вымогательницей, тоже достать несложно. А что насчёт Майкла?

Вы думаете, что Матиас Крэббс и его собирался убить? Или это вышло случайно?

– Думаю, что это убийство ему пришлось планировать буквально на ходу. Зная дедушку, я могу только представить себе его гнев, когда Майкл раскрыл свои намерения и принялся угрожать ему разоблачением. Он успешно избавился от Айрис, а тут выясняется, что ничего не кончилось, его снова шантажируют, и кто?! Муж его внучки, вхожий в семью. Дедушка понимал, что аппетиты Майкла удовлетворить намного сложнее, чем требования Айрис.

– Да, тут вы абсолютно правы, мисс Адамсон, – подтвердил инспектор. – Покойная мисс Белфорт отличалась благоразумием, суммы, которые она требовала, были приемлемы для человека среднего достатка. Она старалась не разозлить свою жертву, а позволить ей откупиться от прошлого. Она была бережлива и долго могла кормиться подобным образом. Хоггарт же действовал напролом, сразу же давая понять, что избавиться от него будет чрезвычайно нелегко. Это его и погубило.

– Не думаю, что именно это, – мягко возразила Оливия. – Матиас всё равно бы его убил. У дедушки был пунктик – он не терпел, чтобы у него что-то выпрашивали или диктовали ему свои условия. Майкл думал, что его противник – старик, трясущийся от страха и готовый платить за молчание, но он не знал дедушку, не принимал во внимание масштаб его личности. Матиас никогда и никому не позволил бы указывать, что ему делать. Он сумел воспользоваться ситуацией, хитроумно играя на чувствах Грейс. Поведение Вивиан тоже было ему на руку.

– Должна заметить, крайне распущенное поведение, – не преминула сказать тётушка Розмари. – Кэролайн явно не смогла дать дочери подобающее воспитание.

– Неужели дедушка допустил бы, чтобы Грейс посчитали виновной и заставили отвечать за его преступления? Даже зная обо всём, мне трудно в это поверить. Айрис, Майкл – но Грейс?! – Филипп вскочил на ноги и, неловко выбравшись из тесного круга, отошёл к окну.

Небо на горизонте уже посветлело, близился рассвет. Лампы в библиотеке светили тускло, дрова в камине давно прогорели, но никто из прислуги не приходил, чтобы выгрести золу и навести порядок.

– К сожалению, Грейс тоже чуть не стала его жертвой, – печально сказала Оливия. – Именно её Матиас прочил в убийцы. Казалось очевидным, что у неё единственной из всех были мотивы совершить оба преступления. Она знала, что Айрис Белфорт – бывшая любовница её мужа, и могла выйти из себя, когда дедушка объявил о своей женитьбе на ней и изменении условий завещания. А потом она могла обезуметь от ревности, наблюдая ухаживания Майкла за Вивиан. Её замужество не выглядело счастливым, Грейс была издёргана безденежьем и постоянным уходом за малышкой Полли. В таком состоянии люди часто совершают необдуманные поступки.

– Особенно женщины, – закивал Оливер, но Оливия сделала вид, что не обратила внимания на его слова.

– Матиас усыпил бдительность Майкла, а сам, после того случая, когда в окно столовой влетел камень, показал всем револьвер, ничуть не скрывая, где он хранится. Думаю, что картина преступления сложилась у него сразу. Дедушка начал интересоваться малышкой Полли, понимая, что девочка в самом ближайшем времени лишится обоих родителей. Он стал довольно груб с Грейс, провоцируя её и неосознанно потакая Вивиан в её стремлении нравиться всем мужчинам без исключения. В тот день, когда мы все отправились в гости к Джереми Эштону, он разговаривал с Грейс. Она сама сказала мне об этом. Скорее всего, он подготавливал почву и раздумывал, как всё обставить. Грейс, сама того не зная, предоставила ему все козыри. Дальше Матиасу оставалось только добавить ей в чай капли тётушки Розмари, добиваясь, чтобы она впала в бессознательное состояние, и запереть её дверь изнутри тем хитроумным способом, который сумел разгадать Филипп.

– Дедушка Матиас учился в той же школе, куда отправил и меня. Наверняка умение запираеть дверь дортуара снаружи передаётся там как тайное знание посвящённых, – пояснил Филипп.

– Постойте-ка! – встрепенулась тётушка Розмари испуганно. – Но ведь я, я сама, собственными руками добавила в чашку Грейс всего пять капель! Клянусь, я не могла ничего перепутать!

– Конечно же нет, тётушка. Никто вас ни в чём не обвиняет, – успокоила её Оливия, похлопав по руке. – Ваши капли Матиас давно перелил в другой флакон, заменив их обычной водой. Он заранее добавил в чашку с мятным чаем для Грейс весьма приличную дозу.

Аромат чая с мятой заглушил запах капель, и кухня выпила содержимое чашки без всяких сомнений. И констебля Лэмба дедушка тоже угостил этим снадобьем. Ему было необходимо расчистить себе путь. По этой же причине он запер в подвале дядю Себастьяна, который так не вовремя попался ему на пути.

– Кстати, мисс Сатклифф, вы так и не нашли рецепт ваших капель? Полицейский врач был бы очень признателен, если бы мог узнать их состав.

– Мне не выписывали на них рецепт, – покраснев, ответила тётушка Розмари запальчиво. – Мне их дала подруга, которой они очень помогают от бессонницы.

– Хм, – неопределённо хмыкнул инспектор и снова обратил взгляд на Оливию: – Так значит, это Матиас Крэббс подкинул в комнату миссис Хоггарт и револьвер, и алмаз, который она якобы забрала у мужа после того, как застрелила его?

– Да, именно так, – печально согласилась Оливия. – Он снова продумал каждую мелочь. На поверхности находились лишь очевидные факты, не вызывающие сомнений, поэтому так трудно было его заподозрить, и поэтому мне понадобилась помощь тётушки Розмари и сержанта Киркби. Иначе я не могла помочь Грейс, ведь вы были убеждены в её виновности.

– К несчастью, все улики указывали именно на неё, – инспектор умудрился так пожать плечами, чтобы выразить своё сожаление и при этом не начать оправдываться. – А пожар в мастерской? Это случайность или...

– Дедушка сам, уходя, опрокинул несколько свечей, что стояли рядом с подготовленными холстами. Как только тётушка Розмари намекнула, что вспомнила некоторые события того вечера, когда умерла Айрис, он принял решение заставить её замолчать. Матиас знал, что не может рассчитывать на любовь сестры и видел только один способ избежать возмездия – отвлечь внимание остальных и проникнуть в библиотеку, где, как он думал, находится тётушка Розмари. Ему бы понадобилось совсем немного времени, а выйти он мог через вторую дверь. В суматохе никто бы ничего не заметил. На роль сообщника Грейс он, думаю, прочил Филиппа, который так рьяно её защищал.

Тётушка Розмари внезапно всхлипнула. Викторианская сдержанность покинула её, лицо пожилой леди сморщилось.

– Будьте добры, передайте мне, пожалуйста, мою сумку, – попросила она чуть слышно.

Сержант Киркби услужливо поднёс ей гобеленовую сумку, и та принялась по привычке искать чудодейственные капли. Вспомнив, что они конфискованы полицией, она тяжело вздохнула и прикрыла глаза.

– Знаете, а ведь мы с Матиасом никогда не ладили, – призналась она. – Он никогда не упускал возможности поддеть меня, указать мне на мои слабости. Из-за него мне пришлось покинуть Гриффин-холл, место, чудеснее которого нет, мой истинный дом. Из-за него я потеряла человека, который был мне очень дорог. Много лет я была вынуждена влачить довольно жалкое существование, и вот, когда от него пришло письмо с приглашением, я так обрадовалась этому. Ведь что бы ни было, мы когда-то были семьёй. А теперь выходит, что Матиасу до последнего дня никто из нас не был нужен. Он так и остался одиноким себялюбцем, не замечающим своего одиночества и не тяготящимся им. И всё равно я его оплакиваю, ведь теперь не осталось никого, совсем никого... Некому теперь сказать: «А ты помнишь?..» – лицо тётушки Розмари снова сморщилось от сдерживаемых слёз, маленькие ручки стиснули потрёпанную сумку.

Глаза остальных оставались сухими, лица – бесстрастными. У Оливии мелькнула мысль, как это страшно, если после смерти тебя оплакивают лишь двое – глупенькая тётушка Розмари и Вивиан.

Рассвет окрасил небо в янтарный цвет. Лучи солнца, уже не согревающие и не пытающиеся бороться с утренней прохладой, тем не менее с прежним летним пылом освещали подъездную аллею и весь Гриффин-холл, будто застывший в ожидании, что же с ним будет дальше.

Грейс Хоггарт наблюдала эту картину с безучастным видом, сидя в машине рядом с инспектором Оливером. Состояние её ещё оставляло желать лучшего, но спутанность сознания уже прошла, и слабость почти отступила.

Известия о виновности Матиаса Крэббса в совершенных преступлениях и причастность Майкла к мошенничеству и шантажу почти не удивили её. Грейс пыталась найти в своём сердце хоть какие-то сожаления о случившемся, но не могла. Сейчас её занимало только одно событие – она возвращается к малышке Полли, она возвращается к дочери и больше никогда не позволит разлучить их.

Инспектор пытался загладить свою вину, принеся искренние извинения миссис Хоггарт, но та не удостоила его и взглядом. Оливер прекратил попытки и оставил молодую женщину в покое.

Как только автомобиль остановился на подъездной дорожке, Грейс самостоятельно, не дожидаясь помощи инспектора, выбралась наружу и без всякой оглядки на приличия, подхватив подол длинной юбки, взлетела по ступеням и вбежала в холл. Её встречали близнецы, тётушка Розмари и дядя Себастьян, но она лишь мельком кивнула им и отрывисто спросила:

– Где Полли? Где моя дочь?

Филипп вышел вперёд, уверенно взял Грейс за руку и повёл за собой. Тётушка Розмари немедленно растрогалась и промокнула глаза уголком кружевного платочка. Вообще, без регулярного употребления мятных капель Розмари Сатклифф сделалась чрезвычайно сентиментальной. Слезы умиления или печали то и дело выступали на её глазах, и тогда она вскидывала маленькую ручку с зажатым в ней платочком и произносила какую-нибудь слащавую сентенцию или весьма отдалённо подходящие к случаю поэтические строки. Также она, следуя непонятной логике, выбрала Оливию в качестве наперсницы, и то и дело делилась с ней сокровенными мыслями, советами по рукоделию и воспоминаниями об Изабелле и других членах семьи Крэббс. Такое пристальное внимание тётушки невероятно раздражало Оливию, а рукоделие она всей душой возненавидела ещё в пансионе. Порой ей приходила в голову мысль, что, когда тётушка Розмари принимала свои капли, выносить её было гораздо легче.

С Вивиан у неё отношения тоже окончательно разладились. Кузина искренне оплакивала Матиаса Крэббса, упрямо, по-детски не веря в его виновность и считая Оливию источником всех неприятностей. За завтраком, который наспех сервировали заплаканные слуги, она сверлила её таким тяжёлым взглядом, что

Оливии захотелось спрятаться за штору. У Филиппа она сочувствия найти не могла – брат всё ещё сильно злился на неё из-за того, что она скрыла от него и поездку в Лондон, и западню для убийцы, которую устроила в библиотеке.

Дядя Себастьян был единственным, кто с большим пониманием отнёсся к Оливии. Всё утро, пока в Гриффин-холле ждали прибытия Грейс, а в комнате Матиаса Крэббса работали криминалисты, дядя с племянницей провели в закутке библиотеки, где Себастьян устроился со своими книгами, заметками и прочими материалами для подготовки рукописи. Отца он не оплакивал, и даже притворяться ради приличий нужным не счёл, и Оливия поймала себя на мысли, что Себастьян стал выглядеть лучше, будто избавился от некоего груза. Он рассказал ей о новом замысле, который пришёл ему в голову совсем недавно, с воодушевлением прочёл наброски первых глав, а потом неожиданно переменял тему.

– Не вини себя, Оливия, в том, что произошло. Ты защищала тех, кто тебе дорог. Если бы не ты, старый Крэббс остался бы безнаказанным.

– Если бы не я... – Оливия не стала увиливать, благодарная, что Себастьян без слов понял, что её терзает. – Сначала это казалось чем-то вроде игры, но потом превратилось в нечто более серьёзное. Признаться, я до последнего не желала верить.

– Ещё раз говорю, твоей вины тут нет, – твёрдо произнёс Себастьян. – Благодаря тебе восторжествовала истина. Отец был готов к смерти, он принял решение за секунду. Он никогда не колебался, сомнения были ему чужды.

– Тётушка Розмари бы сейчас сказала что-нибудь вроде: «Господень мир, его мы всюду зрим, И смерть придёт, копи или расходууй...»⁹

Себастьян не смог сдержать улыбки, и Оливия, ощутив, как ей стало легче дышать, грустно рассмеялась.

Слова Себастьяна о готовности Матиаса Крэббса к близкому концу подтвердились после обеда. Прибыл жёлчный маленький человечек с огромным пухлым портфелем. Неприязненно на всех посмотрев, он буркнул, что ему понадобится четверть часа для подготовки всех документов. Казалось, что причастность старинного и

уважаемого клиента к убийствам и его непристойную смерть мистер Трейси воспринимает как личное оскорбление.

Энглби, замещающий Симмонса, проводил поверенного в библиотеку.

После зачитывания длинного подробного завещания мистер Трейси обвёл всех присутствующих внимательным взглядом и поинтересовался, всё ли им понятно.

– Да, вполне, благодарю вас, – с достоинством ответила Грейс, поправляя на малышке Полли чепчик.

После возвращения в Гриффин-холл она не выпускала дочь из рук.

Новость о том, что Матиас Крэббс завещал поместье и бóльшую часть капитала малышке Полли, произвела на всех сильное впечатление. Управление капиталом до совершеннолетия дочери передавалось Грейс с возможностью использования двух четвертей годового дохода. Вивиан получала всю коллекцию драгоценных камней, хранившуюся в сейфе конторы мистера Трейси. Тётушке Розмари причиталась солидная рента, несколько памятных предметов обстановки из гарнитура её матери и право пожизненного проживания в Гриффин-холле. Себастьян Крэббс и близнецы не получали ничего.

– Что ж, думаю, пришло время собирать вещи, – Себастьян поднялся и, поклонившись, повернулся с намерением покинуть библиотеку.

– Я бы очень хотела, чтобы вы все остались, – Грейс тоже встала, бережно прижимая к себе малышку Полли, которая, сдвинув тёмные бровки, с изрядным удовольствием хищно грызла погремушку. – Гриффин-холл такой огромный, боюсь, нам с тётушкой Розмари будет тут одиноко вдвоём.

– И, в конце концов, не можем же мы жить в поместье совсем одни, без мужчины, – с викторианским кокетством в голосе заметила счастливая тётушка Розмари, уже соображавшая, как она всё переставит в гостиной и в какой цвет прикажет перекрасить большую спальню, окна которой выходят напрямиком в сад.

Вивиан, не сказав никому ни слова, вышла из комнаты. Удивительно, но на её лице не было удовлетворения, только печаль. Близнецы выскользнули через вторую дверь, и Оливия окликнула брата.

– Ты расстроен? – мягко спросила она.

Филипп пожал плечами.

– Грейс вернулась к малышке Полли. И у тётушки Розмари, и у Себастьяна теперь есть дом. К чему расстраиваться? Всё закончилось как нельзя лучше.

– Как считаешь, они смогут все забыть? Их не будут терзать души умерших здесь?

– Вот уж не думаю! Держу пари, что духи, если они и существуют, не вытерпят всех этих вышитых подушечек, кукол в пыльных кринолинах, засушенных роз под стеклянными колпаками и прочей чепухи, которой тётушка Розмари заполнит Гриффин-холл до самого чердака.

Филипп рассмеялся, и Оливия поняла, что он больше не сердится на неё.

– Мне нужно кое-что тебе показать, – загадочно сказала она, делая большие глаза.

На лице Филиппа появилось то же выражение, что и в детстве. Оливия ощутила азарт, всегда заставлявший её выдумывать и воплощать самые невероятные идеи, лишь бы увидеть изумление брата её находчивостью.

– Я буду ждать тебя в саду и готовиться прорицать скрытое. А ты пока принеси листья священного лавра и воскури благовония, – специальным «таинственным» голосом произнесла она и театральным жестом завернулась в накидку с головой, прищурив глаза, будто пифия, вглядывающаяся в будущее. – И картины не забудь, – прибавила она, спохватившись. Пора было проверить её догадки о местоположении алмазов.

Не выходя из образа, Оливия медленно, скользящими шагами, направилась к дверям, ведущим в сад. Отсюда, из розария, Гриффин-холл выглядел таким уютным и безопасным, что сложно было вообразить, сколько зла произошло в его стенах.

Когда Филипп принёс картины, Оливии уже надоело изображать пифию. От земли шёл осенний промозглый холод, и она с благодарностью приняла от брата пальто, застёгиваясь на все пуговицы.

– В общем, я знаю, где алмазы, – будничным тоном сообщила она ему. – Задача простая, даже совестно, что я раньше не поняла, где

тайник.

– Я, разумеется, поражён твоей проницательностью. После всего случившегося я всерьёз намерен тебе предложить открыть своё детективное агентство. Если ты ещё и алмазы найдёшь, то я начну звать тебя «Мисс Шерлок».

– Не уподобляйся инспектору. Он ненавидит женщин и не даёт себе труда это скрывать, – осадила брата Оливия. – Лучше скажи мне, какие ассоциации у тебя возникают с яйцом?

– Ну... Завтрак. Пасха. Птица. Шалтай-Болтай.

– Ни единого попадания, – покачала головой Оливия.

Филипп взял свою картину в руки и ещё раз внимательно её осмотрел.

– Ну и мерзкий у неё вид, – не удержался он.

– Просто он хотел тебя помучить, – пожалала она плечами. – А яйцо на самом деле означает первооснову мироздания. Ab ovo – от начала времён, или с самого начала. Неужели латынь не была твоим любимым предметом? – ехидно поинтересовалась она. – Вспомни, дедушка говорил, что все тайники спрятаны на территории поместья.

– Старая голубятня! – догадался Филипп.

– Верно, – кивнула Оливия. – И к тому же на моей картине скелет держит в руках охапку водосбора, а он, как ты помнишь, символизирует Святой дух, изображающийся в виде голубя.

– Не может быть так просто! – помотал головой Филипп.

– Что мешает проверить?

Близнецы торопливо отправились по дорожке, ведущей к заброшенной голубятне. Их нетерпение было так велико, что они почти не разговаривали друг с другом.

Когда они вышли к башне, где была устроена голубятня, сумерки поглотили почти всю долину. Башня была высокой, не ниже пяти ярдов, и Филипп досадливо поморщился, шаря в карманах в поисках спичек.

– Не представляю, как мы туда заберёмся. Перекрытия наверняка прогнили. Даже когда мы были маленькими, нам запрещали подниматься на самый верх. Разве что попросить у Чепмена лестницу...

Оливия, задрав голову, осмотрела башню.

– Думаю, что нам вовсе ни к чему лестница. Ab ovo, – напомнила она брату. – От основания. И кстати, ты позабыл про наш тайник, где мы прятали сэндвичи, чтобы не возвращаться к чаю.

Оливия обошла башню по периметру, приблизилась к одной из колонн, служивших опорой для всей конструкции, и опустилась на колени. Жестом попросив брата осветить ей, она дождалась, когда огонёк пламени высветил кирпичную кладку и, отсчитав нужное количество кирпичей, вынула один.

– Точно! – глаза Филиппа загорелись, но он тут же нахмурился: – А он-то откуда про него знал?

– О, дедушка много чего о нас всех знал. В проницательности ему точно не откажешь, – хрипло ответила Оливия, запуская руку в тайник.

Погасла первая спичка, за ней ещё несколько, но сокровище так и не было обнаружено. Оливия поднялась с колен и с досадой отряхнула промокшие брюки.

– Ничего не понимаю, – заявила она. – Я не могла ошибиться!

– Успех вскружил тебе голову, – с ехидной грустью сказал Филипп. – Ничего удивительного, это случается с теми, кто считает...

– Погоди-ка! – Оливия отошла от башни на несколько шагов и раскинула руки. – До пансиона я была левшой, там меня долго переучивали пользоваться правой рукой вместо левой. И вся эта путаница, чтобы найти нужную сторону, долго отравляла мне жизнь. Лево-право, у меня в какой-то момент всё смешалось.

Оливия решительно двинулась в противоположную сторону и снова опустилась на колени перед кирпичной опорой.

– Ну-ка, дай мне спички.

Вспыхнул огонёк, и Оливия ликующе вскрикнула:

– Смотри!

Филипп наклонился. На поверхности отчётливо виднелся рисунок, сделанный углем – маленький голубь распостёр крылья, его клюв указывал на кирпич, наполовину вынутый из кладки. Меньше чем через минуту Оливия вынула из тайника два камня: один с ноготь на большом пальце, похожий на осколок мутного льда, а второй чуть мельче, тёмно-зелёный, матовый, словно бархат.

День прощания с Матиасом Крэббсом выдался ветреным и пасмурным. Низкое небо нависало над Грейт-Бьюли, и лица всех присутствующих выражали вежливое нетерпение, будто во время чаепития с невыносимо докучным собеседником. Только тётушка Розмари искренне горевала по брату – из её глаз лились прозрачные слёзы, которые она утирала чёрным батистовым платком. Губы её всё время шевелились, как если бы она вела непрекращающуюся беседу с кем-то невидимым.

Вивиан стояла в отдалении от всех, рядом с ней застыл Джереми Эштон. Когда все принялись расходиться, они отошли за кусты раkitника. Долго никто из них не осмеливался нарушить затянувшуюся паузу.

Наконец, Эштон утвердительно произнёс:

– Вы решили мне отказать, Вивиан. Не отвечайте, я и сам отлично всё понимаю.

– Нет, не понимаете, – с мольбой возразила девушка. – Вы думаете, что я играла с вами, хотела заслужить вашу симпатию, чтобы получить помощь, но это не так. Меня покорила ваша готовность защитить меня, Джереми. Я всегда буду это помнить, – Вивиан хотела прикоснуться к рукаву его пальто, чтобы сгладить резкость своих слов, но Эштон отступил на шаг назад, и рука её повисла в воздухе.

– Всё изменило наследство, которое вы в скором времени получите, так ведь? – мягко спросил он, не глядя на неё.

Вивиан помолчала, тряхнула головой и призналась:

– Да. Не желаю вам лгать. Но всё не так, как вы думаете, Джереми. Понимаете, я всегда мечтала о сцене. Чувствовала, что рождена для неё. Дедушка Матиас... Он был категорически против этого. Жизнь, которую вы мне предлагаете – прекрасна. Жить в таком чудесном месте, как Эштон-хаус, растить маленьких сквайров, приглашать на чаепития благовоспитанных соседей, выращивать сортовые розы. Это надёжная, прекрасная жизнь, результатом которой станет мой портрет для семейной галереи. Но я не смогу так жить, поймите! Пройдёт новизна впечатлений, и я буду каждый день ощущать, что занимаю не своё место, живу не свою жизнь, – Вивиан повернулась к собеседнику и с мольбой посмотрела на него. – Джереми, постарайтесь меня понять. По завещанию дедушки я получу внушительное состояние. Это позволит мне ни от кого не зависеть и

выбрать свой жизненный путь самой, без оглядки на других. Я смогу отыскать ту дорогу, что мне предназначена. Ничего важнее этого для меня не существует.

Вивиан внимательно смотрела на Эштона, стараясь, чтобы он понял, как непросто ей говорить ему всё это. Тот молчал, неподвижно застыв, ветер трепал полы его чёрного пальто.

– Я причиняю вам боль своими словами, Джереми, знаю, но всё так и есть. Я хочу быть честной с вами, и спустя какое-то время вы будете мне благодарны за это.

– Я уже благодарен, – после небольшой паузы ответил Эштон. – Я высоко ценю вашу прямоту, Вивиан, и искренне желаю вам удачи на избранном пути. И помните, здесь, в Англии, у вас остаётся друг, которому небезразличны и ваши успехи, и ваши поражения. А пока вы ещё здесь, могу я предложить вам руку, мисс Крэббс? Надеюсь, в гостиной Гриффин-холла уже разожгли камин. У вас нос стал совсем красный, а будущей великой актрисе это не пристало.

Близнецы выбрали кружной путь и не слишком спешили, поэтому в холл вошли одновременно с Вивиан и Эштоном. Оливия пристально посмотрела на обоих, но кухня ожгла её таким неприязненным взглядом, что ей пришлось ускорить шаг.

Им навстречу вышли миссис Уоттс и Грейс. На лицах обоих сияли заговорщические улыбки. Грейс спустила малышку Полли с рук, и все с изумлением увидели, как девочка, хотя и не слишком уверенно и немного шатко, но держится на ногах. Ухватившись за руку матери, она сделала несколько шагов, а потом уселась на мраморный пол и издала ликующий вопль. На лице Грейс читалась гордость за дочь, она схватила её на руки и прижала к себе так крепко, что малышка недовольно завозилась, пытаясь освободиться.

После чаепития, во время которого тётушка Розмари как коршун следила за старшей горничной Эммой и указывала той на каждый её промах, близнецы принялись укладывать вещи. Утром им предстояло попрощаться с Гриффин-холлом и отправиться в Лондон. Так решили оба, хотя Грейс настойчиво уговаривала их остаться до Рождества.

– Мы и правда приедем на Рождество, как ты пообещал кухне? – спросила Оливия.

– Почему бы и нет? К этому времени всё уже забудется, дом украсят остролистом, а Полли научится бойко бегать по Гриффин-

холлу и лопотать всякую чепуху, как это обычно делают дети. Я бы хотел на это посмотреть.

– Да, – тряхнула головой Оливия, прогоняя печальные мысли. – Правда, почему бы и нет?

Утром, сразу после завтрака, близнецы прощались с Гриффинхоллом. Проводить их вышли все, кроме Вивиан. Тётушка Розмари снова без конца подносила платочек к глазам и сыпала выражениями на латыни, смысла которых явно не понимала. Оливия сердечно её обняла, отмечая про себя, что тётушка прибавила в весе и уже не выглядит так потерянно. Себастьян казался окрылённым, он уверенно стоял рядом с Грейс, перебрасываясь с ней замечаниями на хозяйственные темы, выражение неприкаянности покинуло его лицо.

Проводить их вышел и Энглби, который теперь стал дворецким. Симмонса, по его просьбе, тётушка Розмари освободила от занимаемой должности и попрощалась с ним, как со старым другом. Он в скором времени намеревался переехать к сестре в Девоншир, а пока набирался сил, следуя указаниям доктора.

Оливия уже уселась на водительское место, когда Грейс передала малышку Полли миссис Уоттс и порывисто сбежала по ступенькам. Обняв Филиппа, она что-то прошептала ему на ухо, а потом сжала его ладони. Он покачал головой и указал на сестру. Через несколько секунд Оливия оказалась в объятиях кухни, таких крепких, что с трудом могла дышать. «Ты и не представляешь, как я вам благодарна, – прошептала ей на ухо Грейс. – Никогда, никогда я этого не забуду! Хоть пройдёт миллиард миллиардов лет, а земля расколется на двенадцать частей!» – и Оливия улыбнулась от того, что кухня припомнила слова их детской клятвы.

Наконец, машина тронулась. Филипп устроился поудобнее и мечтательно произнёс:

– Как думаешь, что сегодня на ужин в пансионе миссис Флорид? Кэрри или жареная пикша? Любопытно, сможем ли мы это есть после стряпни миссис Гилмор?

Оливия не ответила, следя за дорогой. Ей предстояло завершить ещё одно дело. Когда она остановила автомобиль у здания почты, задремавший Филипп растеряно заморгал.

– Я постараюсь недолго, – улыбнулась она брату и поправила растрепавшиеся от встречного ветра волосы. – Можешь пока купить

себе шоколада и поболтать с женой почтальона – этой сплетни ей хватит как раз до Рождества.

Войдя в полицейский участок, Оливия учтиво спросила инспектора Оливера. Молодой констебль, которого она раньше не видела, проводил её по коридору и, постучав в дверь, старательно доложил о ней.

– Кого я вижу! Мисс Адамсон! – Оливер вышел из-за стола и с нарочитой задушевностью пригласил её сесть. – Чему обязан нашей встрече? Надеюсь, в Гриффин-холле всё спокойно?

– О, всё в полном порядке, инспектор, – в том же приподнятом тоне ответила ему девушка. – Мы с братом покидаем Грейт-Бьюли и возвращаемся в Лондон. Вот, заехала попрощаться с вами.

– Так скоро уезжаете? – приподнял брови Оливер. – Я думал, что вы погостите в наших местах до Рождества. Увидите, как поля покрываются инеем, посетите службу в церкви. Местный викарий всегда подготавливает к Рождеству особенную проповедь.

– Звучит заманчиво, – улыбнулась Оливия, оценив саркастический настрой инспектора. – На самом деле, я зашла не только попрощаться. Как вы и сами можете догадаться, меня волнует дальнейшая судьба сержанта Киркби. Это ведь я, некоторым образом, виновна в его отступлении от должностных обязанностей.

– Речь-то не об отступлении, мисс Адамсон, а об игнорировании приказов вышестоящего начальства и разглашении тайны следствия, – с готовностью поправил её инспектор. – Как вы можете догадаться, подобное поведение служителя закона влечёт за собой определённые последствия.

– Вы уволите сержанта Киркби? – Оливия неприязненно посмотрела на инспектора, прекратив вежливо улыбаться. – Уволите за то, что он посмел поймать убийцу, а не вы?

Оливер испустил долгий вздох и отошёл к окну.

– Вы ко мне беспощадны, мисс Адамсон. Я ведь вовсе не так тщеславен, как вы думаете, и в состоянии верно оценить собственные промахи.

– Так почему же вы хотите уволить сержанта Киркби?

– Да кто вам сказал, что я собираюсь его уволить? – учтивость покинула инспектора. – Вы, мисс Адамсон, неплохо справились, это надо признать. Конечно, вы, как и всякая женщина, полагались

исключительно на свою интуицию, но в итоге это позволило отыскать истинного убийцу и оправдать невиновного. Саймон Бейли, кстати, во всём признался. Его отец был связан с теми, кто мошенничал с поставками продовольствия, и у него был список их фамилий, так что троица вымогателей действовала не наобум. Неприятный тип. За ним водится и торговля краденым, и сводничество.

– Так что всё-таки с сержантом Киркби, сэр?

– Получит дисциплинарное взыскание, – буркнул Оливер. – И хорошую взбучку. И продолжит работать под моим началом. Не констебля же Лэмба мне брать в помощники, тот пирог с почками от убийцы не отличит, даже если душегуб кинется на него с топором.

– Вы так великодушны, сэр, – Оливия улыбнулась, пытаясь растопить лёд в глазах инспектора. – Что ж, мне пора. Мы с братом хотим успеть в Лондон до чая.

Оливер встал, выражение его лица смягчилось.

– Был рад знакомству, мисс Адамсон, и счастливого пути. Мне передать что-нибудь сержанту Киркби?

– Передайте ему мои наилучшие пожелания.

Инспектор старомодно поклонился, после чего Оливия покинула его кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь. С Филиппом они встретились у почты, откуда тот вышел с пачкой открыток в руках и кульком леденцов.

– Поехали скорее отсюда, – сделал тот большие глаза. – Ты не представляешь, до чего эта женщина прилипчива. Мне пришлось скупить все открытки, чтобы вырваться из её цепких рук. Я думал, что она затащит меня за прилавок и будет пытаться, лишь бы узнать подробности убийств в Гриффин-холле.

– Чего же ты хотел? В Грейт-Бьюли происходит не так уж много интересного. Кузина Вивиан, бедняга, зачахнет от тоски, если всё-таки примет предложение Джереми Эштона, – улыбнулась Оливия, усаживаясь на место водителя и натягивая перчатки.

Когда деревня с её ухабистыми дорогами осталась позади, и автомобиль заскользил по ровному покрытию, близнецов охватила эйфория. Всё, что случилось за последнюю неделю, отступило, рассеялось как дымный фантом, не имеющий над ними больше никакой власти. Оливия увеличила скорость, пытаясь дать выход охватившей её радости, и ветер загудел в ушах, настойчиво стараясь

сорвать с её головы кожаное кепи, покалывая иголочками разгорячённые щёки. Скошенные поля и заросли верещатника превратились в пёстрые декорации, мелькавшие так быстро, что дорога казалась широкой лентой, опоясывающей весь мир с его радостями, горестями и отчаянной, жадной надеждой на лучшее, без которой непредставима каждая жизнь.

notes

Примечания

1

Чиппи – небольшая закусочная, где подают традиционную жареную рыбу и картошку.

Великая война – так в Великобритании и Франции принято называть Первую мировую войну.

Корнуэльский пастис – крепкий алкогольный напиток на основе фенхеля, аниса и лакрицы.

Верблюды, файтеры – самолёты-истребители времён Первой мировой войны.

5

Фартинг – мелкая английская монета, равная одной четверти пенни.

6

Бобби – прозвище британских полицейских, данное им в честь Роберта Пиля, основателя службы столичной полиции.

Твидлдум и Твидлди – персонажи книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

Порошок Китинга – персидский порошок, используемый для борьбы с насекомыми.

Начальные строки стихотворения английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта.